

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)

На правах рукописи

Даровских Ольга Игоревна

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ
ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

12.00.09 – Уголовный процесс

Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Гриненко Александр Викторович

Челябинск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
 ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»	
§ 1. Генезис категорий «эффективность» и «правовые средства» в уголовно-процессуальной деятельности.....	28
§ 2. Понятие, сущность и значение эффективной уголовно- процессуальной деятельности.....	37
§ 3. Критерии эффективности уголовно-процессуальной деятельности.....	70
§ 4. Категория «эффективность уголовно-процессуальной деятельности» и средства, ее обеспечивающие, в международных нормативных правовых актах и решениях Европейского Суда по правам человека.....	104
§ 5. Отражение категории «эффективность уголовно- процессуальной деятельности» и средств, ее обеспечивающих, в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.....	121
 ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
§ 1. Концепция обеспечения эффективности уголовно- процессуальной деятельности.....	134

§ 2. Методология оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности.....	156
§ 3. Принципы и условия, обеспечивающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности.....	178
§ 4. Средства и способы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности: понятие, сущность.....	204
§ 5. Виды и классификация средств, обеспечивающих достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности.....	214

ГЛАВА 3. НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДОСТИЖЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, И МЕРЫ ПО ИХ ПРЕОДОЛЕНИЮ

§ 1. Ошибки участников уголовно-процессуальной деятельности, снижающие ее эффективность, и меры по их минимизации.....	231
§ 2. Уголовно-процессуальные правонарушения, снижающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности, и меры по их устранению.....	250
§ 3. Злоупотребления правом, снижающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности, и меры по их ликвидации.....	268
§ 4. Несовершенство законодательства, препятствующее эффективной уголовно-процессуальной деятельности, и меры по его оптимизации.....	284

ГЛАВА 4. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, И ИХ ОПТИМИЗАЦИЯ

§ 1. Расширение уголовно-процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц как средство, обеспечивающее эффективность уголовно-процессуальной деятельности.....	310
§ 2. Меры стимулирования участников уголовного судопроизводства как средства обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности.....	326
§ 3. Информационные технологии как средства, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность в России и зарубежных странах.....	336
§ 4. Процессуальная ответственность участников уголовного судопроизводства как средство обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности.....	355
§ 5. Организационные средства, обеспечивающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности, и меры по их оптимизации.....	368

ГЛАВА 5. СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. Способы обеспечения эффективности деятельности суда в уголовном процессе.....	375
§ 2. Способы обеспечения эффективности деятельности следователя в досудебном производстве по уголовному делу...	388
§ 3. Способы обеспечения эффективности деятельности прокурора в уголовном процессе.....	399

§ 4. Способы обеспечения эффективности деятельности адвоката в уголовном процессе.....	411
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	424
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	443
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Анкета для опроса судей.....	520
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. Анкета для опроса прокуроров.....	523
ПРИЛОЖЕНИЕ № 3. Анкета для опроса следователей.....	526
ПРИЛОЖЕНИЕ № 4. Анкета для опроса адвокатов.....	529
ПРИЛОЖЕНИЕ № 5. Справка о результатах анкетирования.....	532

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На современном этапе в рамках общих глобальных преобразований в российском государстве происходит формирование новых общественных отношений, обеспечивается создание единого правового пространства, принимаются меры по укреплению законности и правопорядка, искоренению правового нигилизма. Политические, социальные и экономические преобразования, произошедшие в стране за несколько десятилетий, потребовали нового правопонимания и иного подхода к фундаментальным проблемам практически всех отраслей права. Изменились и требования, предъявляемые к деятельности государственных органов. Общество заинтересовано не просто в законной и качественной деятельности, но и в том, чтобы она была эффективной.

Термин «эффективность» прочно вошел в понятийный аппарат юридической науки и практики. Его использовал законодатель при формулировке ст. 6¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, Конституционный Суд Российской Федерации² достаточно часто обращается к понятию «эффективность», используя его в своих постановлениях и определениях, касающихся проверки положений УПК РФ на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации³. Данный термин применяет Верховный Суд Российской Федерации⁴ в постановлениях Пленума по вопросам регламентации уголовно-процессуальной деятельности, к вопросам, касающимся эффективности уголовного судопроизводства, обращаются ученые.

Тем не менее следует констатировать, что существующего правового регулирования уголовно-процессуальных отношений для обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности явно недостаточно. Об этом свидетельствуют перманентно вносимые законодателем изменения в текст

¹ Далее – УПК РФ.

² Далее – Конституционный Суд РФ.

³ Далее – Конституция РФ.

⁴ Далее – Верховный Суд РФ.

действующего УПК РФ, а также позиции ученых в опубликованных ими научных работах и мнения практических работников, выявленные при анкетировании.

Как свидетельствует статистика, за 11 месяцев 2021 г. осталось нераскрытыми более 800 тыс. зарегистрированных преступлений, а, учитывая высокую латентность преступности, нераскрытых преступлений значительно больше¹. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации² при надзоре за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства за этот же период было выявлено 4 689 908 нарушений законов, в том числе при производстве предварительного расследования количество нарушений по сравнению с 2020 г. увеличилось более чем на 7 % и достигло 1 541 553. Только постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела прокуратура отменила 1 464 457³.

Судебный департамент при Верховном Суде РФ⁴ в Отчете о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 6 месяцев 2021 г. указал, что из 661 частного определения, вынесенного судами в связи с выявленными нарушениями закона, 170 постановлены в связи с нарушениями, допущенными при производстве предварительного расследования, и 249 – при рассмотрении уголовным дел судами.

Приведенные статистические данные позволяют представить масштаб недоработок следственных и судебных органов, объем нарушений и неправомерных ограничений прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. В такой ситуации обращение к вопросам обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности вполне закономерно.

Этим вопросам посвящено достаточно много научных работ. Ученые писали об эффективности судебных процедур, правосудия, судебной деятельности,

¹ Портал правовой статистики // [Электронный ресурс] URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 11.01.2022).

² Далее – Генеральная прокуратура РФ.

³ Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // [Электронный ресурс] URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=69162022> (дата обращения: 11.01.2022).

⁴ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ // [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.01.2022).

эффективности уголовно-процессуальных норм и эффективности деятельности различных участников уголовного процесса. Данные работы, несомненно, внесли свой вклад в развитие теоретических представлений об эффективной уголовно-процессуальной деятельности, однако они не носят системного характера, и многие вопросы остались за пределами внимания ученых, в том числе вопросы, касающиеся обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Не выработано понятие «эффективность», не раскрыта его сущность и правовая природа, не разработаны механизмы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, не выявлены факторы, негативно и позитивно влияющие на эффективность уголовно-процессуальной деятельности, нет единообразного понимания критериев, определяющих эффективность уголовно-процессуальной деятельности, не разработаны и многие другие важные в научном и практическом плане вопросы.

Комплексное исследование проблем, связанных с обеспечением эффективности уголовно-процессуальной деятельности, важно как с теоретической, так и с практической точек зрения, поскольку благодаря эффективным действиям и решениям обеспечивается правильное понимание и применение норм уголовно-процессуального права, основанных на положениях Конституции РФ.

Таким образом, выбор темы диссертационного исследования обусловлен, с одной стороны, недостаточной разработанностью теоретических представлений об эффективности уголовно-процессуальной деятельности и средствах, её обеспечивающих, а, с другой, необходимостью оптимизации такой деятельности.

Степень научной разработанности темы. Категория «эффективность» была предметом пристального внимания ученых.

Различным аспектам правовой категории «эффективность» посвящены диссертационные исследования, подготовленные в рамках различных научных специальностей: 12.00.01 – Л.А. Алексеевой, И.В. Губенок, С.А. Жинкиным, И.Н. Мариной, Ю.В. Оносовым, С.И. Пунченко, С.В. Радаевой, Е.П. Рысиной, Д.Ю. Тарасовым; 12.00.02 – Ю.Е. Аврутиным, Аль-Мухамед Гани Зкаер Атия,

М.М. Ардавовым, Д.А. Кулагиным; 12.00.03 – А.В. Цихоцким; 12.00.08 – С.В. Березиковым, В.Н. Сизовой, А.Ф. Сизым; 12.00.11 – С.А. Виноградовой, А.К. Гагиевым, Г.Д. Харебавой, Д.Н. Чушенко; 12.00.14 – Ю.Н. Сибилевым; 12.00.15 – Е.Т. Барбакадзе, А.А. Богомоловым, К.С. Морковской, О.А. Сухоруковой и др.

Теоретические и прикладные вопросы, связанные с эффективностью, исследовались в работах Г.А. Злобина, В.И. Никитинского, Л.Л. Попова, А.С. Пашкова, И.С. Самощенко, О.В. Смирнова, М.Я. Саввина, А.В. Цихоцкого, Д.М. Чечот, М.Д. Шаргородского, А.П. Шергина, В.А. Юсупова, Л.С. Явич и др.

Значительная роль в построении системы научных знаний о категории эффективности и средствах, обеспечивающих эффективность уголовно-процессуальной деятельности, принадлежит работам следующих авторов: В.А. Азарова, С.С. Алексеева, Л.Б. Алексеевой, А.Д. Бойкова, И.Л. Беднякова, А.Г. Волеводза, Б.Я. Гаврилова, А.В. Гриненко, В.Н. Григорьева, В.Л. Григорян, В.Г. Даева, В.И. Зажицкого, О.А. Зайцева, Л.Л. Зайцевой, В.К. Зникина, Л.Д. Кокорева, А.В. Кудрявцевой, А.М. Ларина, Ю.Д. Лившица, Н.С. Мановой, И.Б. Михайловской, Н.Г. Муратовой, В.В. Николука, М.Ю. Осипова, П.Ф. Пашкевича, И.Л. Петрухина, М.П. Полякова, А.П. Попова, М.Е. Пучковской, Н.А. Развейкиной, В.В. Рудича, Г.И. Седовой, Д.Д. Скворцова, А.Б. Соловьева, М.С. Строговича, А.А. Тарасова, О.Н. Тисен, В.Т. Томина, Ф.Н. Фаткуллина, Г.П. Химичевой, О.В. Химичевой, А.Ю. Чуриковой.

Исследованию различных проблем, связанных с эффективностью уголовно-процессуальной деятельности, посвящены кандидатские диссертации В.Н. Авдеева, А.Ю. Астафьева, Е.В. Богатовой, Д.В. Богатского.

Тема, выбранная для своего исследования В.Н. Авдеевым – «Эффективность правового регулирования сроков содержания под стражей при производстве предварительного расследования», фактически с эффективностью не связана, несмотря на свое наименование. Исследование посвящено исключительно проблемам регулирования сроков содержания под стражей. Предложенное автором понятие эффективности правового регулирования сроков содержания под стражей

как степени достижения конкретной цели не коррелирует с пониманием эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Тема диссертации А.Ю. Астафьева, защищенной в 2013 г., определена как «Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции». Её содержание адекватно названию, в данной работе рассматривались гарантии правосудия: независимость судьи, формы контроля и самоконтроля за деятельностью судьи, но не эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Вклад автора в становление учения об эффективности ограничивается обращением к таким вопросам, как понятие эффективности правосудия, критерии и способы оценки. Е.В. Богатова посвятила свою диссертационную работу вопросам контрольно-надзорной деятельности за исполнением законов и ее эффективности в стадии возбуждения уголовного дела. Ею были сформулированы общие критерии оценки и показатели эффективности указанной контрольно-надзорной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела, определены условия (факторы), влияющие на степень их достижения, но поскольку автор была ограничена предметом своего исследования, выводы ученого распространяются только на первую стадию уголовного процесса. Д.В. Богатским была подготовлена диссертация на тему «Оптимизация норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации как средство повышения эффективности деятельности правоохранительных органов», в которой основной упор сделан на совершенствование положений уголовно-процессуального закона, хотя надо отметить разработанное им авторское понятие критериев эффективности.

Бесспорно, что все указанные работы внесли существенный вклад в науку уголовно-процессуального права и способствовали более глубокому изучению такой правовой категории, как эффективность. Без проведенных ранее исследований было бы невозможно сформулировать новые предложения по решению теоретических и практических проблем. Вместе с тем следует отметить, что вопросы обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности в указанных работах либо не исследовались вообще, либо исследовались неполно.

Авторы обращали внимание в первую очередь на понятие, содержание и критерии эффективности, а также на проблемы эффективной деятельности отдельных участников уголовного процесса, эффективности правовых норм и эффективности права в целом. Комплексный подход к исследованию именно вопросов обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности в названных работах отсутствует. Полагаем, что в настоящее время назрела необходимость глубокого исследования теоретических, практических и организационных проблем обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, разработки научно обоснованного механизма ее осуществления, позволяющего соблюдать права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Объектом исследования является как система используемых в уголовном судопроизводстве правовых средств, обеспечивающих эффективное уголовное судопроизводство, так и уголовно-процессуальная деятельность, в рамках которой данные правовые средства применяются.

Предметом исследования являются совокупность положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок применения правовых средств, которые обеспечивают эффективную уголовно-процессуальную деятельность, следственная и судебная практика, отраженная в материалах уголовных дел, постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, содержащая информацию об объекте исследования, а также теоретические научные положения по исследуемой проблематике.

Цель исследования состоит в разработке теоретической модели обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, выработке основных направлений повышения эффективности до такого уровня, который позволит оптимизировать действующее законодательство в направлении достижения назначения уголовного судопроизводства по конкретным уголовным делам.

Для достижения указанной цели были поставлены и решались следующие **задачи:**

- обобщить научные взгляды на правовую категорию «эффективность в уголовном судопроизводстве» как сложное комплексное многоуровневое понятие, раскрыть его содержание как особого правового феномена, преодолев традиционную недооценку его самостоятельного научного и практического статуса;

- выработать системное единство показателей эффективности, применимых к уголовно-процессуальной деятельности;

- исследовать существующие механизмы обеспечения эффективного уголовного судопроизводства и их элементы, выбрать оптимальный вариант механизма;

- обосновать сущность механизма обеспечения эффективного уголовного судопроизводства как комплексного понятия, образуемого различными элементами, составляющими единую систему;

- разработать научно обоснованную концепцию обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности, сформулировать конкретные предложения научного и законопроектного плана;

- выявить и исследовать негативные факторы, препятствующие осуществлению эффективной уголовно-процессуальной деятельности;

- выявить и исследовать средства и условия, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, разработать предложения по их оптимизации;

- разработать классификацию средств, препятствующих достижению эффективного уголовного судопроизводства, и средств, обеспечивающих его эффективность;

- выявить и исследовать соотношение иных публично-правовых категорий с категорией «эффективность в уголовно-процессуальном праве», обосновать их взаимосвязи и взаимозависимость;

- внести предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, регулирующего отношения в рассматриваемой сфере деятельности.

Методология и методы исследования. Основу методологии составляют положения теории познания материалистической диалектики, позволяющей изучать предмет исследования во взаимосвязи с другими правовыми явлениями. Также использовались общенаучные и частные методы. Анализ позволил рассмотреть детали механизма обеспечения эффективного уголовного судопроизводства, выявить наиболее существенные аспекты в их взаимосвязи и высказать предложения по разрешению ряда теоретических и практических проблем. Синтез как метод научного познания позволил сформировать представление о такой категории, как обеспечение эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Системный подход позволил объяснить диалектическую взаимосвязь назначения и принципов уголовного судопроизводства в контексте достижения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Использование конкретно-социологических методов (анкетирования, наблюдения) позволило выявить отношение конкретных участников процесса к критериям эффективности, а также к средствам, обеспечивающим эффективность уголовно-процессуальной деятельности, и негативным факторам, препятствующим осуществлению эффективной деятельности. Методом системно-структурного анализа получены новые знания о формах и условиях обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Метод моделирования позволил разработать новые процедуры и усовершенствовать уже имеющиеся, обеспечивающие эффективность уголовного судопроизводства. Метод опроса позволил получить информацию от сотрудников правоохранительных органов относительно их понимания эффективности уголовно-процессуальной деятельности и возможности осуществления этой деятельности эффективно. Методом сравнения были выявлены сходства и различия между эффективной деятельностью и деятельностью, осуществляемой в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Нормативную основу диссертационного исследования составили Конституция Российской Федерации, международные нормативные правовые акты в сфере уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальное законодательство

России, других стран-участников СНГ и других государств, иные федеральные законы в части, регламентирующей деятельность участников уголовного судопроизводства, а также подзаконные нормативные правовые акты (например, Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета Российской Федерации¹).

В качестве информационной основы исследования использовались правовые позиции Европейского Суда по правам человека², Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, иные официальные документы.

Теоретическая основа исследования представлена широким спектром научных работ по уголовному процессу, общей теории права, конституционному праву, иным отраслям права, а также исследованиями российских и зарубежных ученых, посвященных как проблемам эффективности, так и вопросам обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили результаты изучения 1274 уголовных дел и иных судебных решений, рассмотренных и вынесенных на территории Российской Федерации за период с 2016 г. по 2022 г.; результаты анкетирования 48 судей, 51 сотрудника прокуратуры, 118 адвокатов, 156 следователей.

Использовались статистические данные о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, опубликованные на официальных сайтах Верховного Суда РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а также статистические отчеты Генеральной прокуратуры РФ, Министерства внутренних дел Российской Федерации³.

Сбор эмпирического материала осуществлялся в Челябинской, Оренбургской, Свердловской, Пензенской, Курганской областях, Ямало-Ненецком автономном округе, городах Челябинск, Екатеринбург, Оренбург, Омск, Новосибирск, Пенза, Нижневартовск.

¹ Далее также – Следственный комитет РФ, СК России, СК РФ.

² Далее также – ЕПСЧ, Европейский Суд.

³ Далее также – МВД России.

Автором также анализировались постановления ЕСПЧ, постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащие правовые позиции, касающиеся обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Научная новизна исследования заключается в том, что диссертация представляет собой первое комплексное теоретическое исследование проблем обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Новизна полученных результатов обуславливается примененными автором методами исследования.

Избранный подход к научно-практическому анализу, предмет, методология и методы исследования позволили:

- разработать и обосновать теоретическую концепцию эффективной уголовно-процессуальной деятельности и средств, ее обеспечивающих;
- сформулировать и обосновать критерии, определяющие эффективность уголовно-процессуальной деятельности;
- дать характеристику эффективной уголовно-процессуальной деятельности;
- разработать и обосновать систему принципов, реализация которых позволяет обеспечить именно эффективную уголовно-процессуальную деятельность;
- предложить авторскую дефиницию понятий «правовые средства», «процессуальные ошибки», «уголовно-процессуальные правонарушения» с позиций их влияния на эффективность процессуальной деятельности;
- разработать уровневую систему правовых средств, обеспечивающих эффективность уголовно-процессуальной деятельности;
- обосновать вывод об отрицательном влиянии уголовно-процессуальных правонарушений на эффективность уголовно-процессуальной деятельности вне зависимости от их уровня и классификации на существенные либо несущественные нарушения;

– выявить основные факторы, влияющие на обеспечение эффективного уголовного судопроизводства, их взаимозависимость и взаимообусловленность с результатами уголовно-процессуальной деятельности;

– осуществить комплексное исследование проблем, связанных с обеспечением эффективного уголовного судопроизводства, состояние которого обусловлено как неясностью и противоречивостью отдельных правовых предписаний, так и наличием правовой неопределенности, пробелов и отсутствием эффективных механизмов реализации полномочий должностных лиц, обеспечивающих достижение назначения уголовного судопроизводства;

– провести комплексное изучение элементов механизма обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности, что позволило сформировать основы целостной концепции обеспечения эффективности исследуемой области общественных отношений.

Научная новизна результатов диссертационного исследования нашла свое отражение в **положениях, вынесенных на защиту:**

I. Комплекс научных положений о теоретических основах эффективности уголовно-процессуальной деятельности

1. Авторская концепция теоретических, правовых и организационных основ обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. В данной концепции определен категориальный аппарат эффективной уголовно-процессуальной деятельности; обозначены объект, структура и содержание концепции; выявлено место концепции в системе научных знаний, ее значимость для науки и практики; обозначены задачи для дальнейших научных исследований; сформулированы проблемы осуществления уголовно-процессуальной деятельности эффективно; обоснованы направления правового и организационного обеспечения реализации данной разработанной концепции в современный период.

2. Эффективной уголовно-процессуальной деятельностью будет деятельность должностных лиц в уголовном судопроизводстве, осуществляемая строго в рамках закона и в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями

(критериями), охватываемыми данным понятием: справедливостью, качеством, доступностью, экономичностью, своевременностью, достаточностью, объективностью, результативностью. Указанная система требований не является случайной, она охватывает наиболее важные аспекты уголовно-процессуальной деятельности: правовой, технологический, экономический и социальный.

3. Правовой аспект выражается в соответствии указанной деятельности нормам уголовно-процессуального права, принципам (как основным, так и специальным, обеспечивающим именно эффективную деятельность), и проявляется в таком критерии эффективной уголовно-процессуальной деятельности, как законность. Под технологическим аспектом подразумевается процедура реализации правовых норм, разработанных и успешно применяемых на практике приемов, средств и способов осуществления не просто уголовно-процессуальной деятельности, а деятельности эффективной. Его обеспечивают такие критерии, как своевременность, качество, достаточность, доступность. Суть экономического аспекта проявляется в выборе, если он возможен, наиболее экономичных средств осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Социальный аспект выражается в принятии и одобрении обществом эффективной уголовно-процессуальной деятельности, благодаря которой деятельность должна меняться в лучшую сторону и который проявляется в таких критериях, как справедливость, объективность и результативность.

4. Эффективность в уголовном судопроизводстве можно охарактеризовать следующим образом:

а) эффективность всегда конкретна, и при ее выявлении следует в каждом конкретном случае учитывать, о каком ее виде идет речь (нет эффективности «вообще»);

б) она универсальна, представляет собой не только результат любой деятельности, но и содержание данной деятельности;

в) это – синтетическая категория, охватывающая понятия экономические, правовые, технические и многие другие;

г) показатель эффективности может характеризовать как систему в целом, так и какую-то ее отдельную часть. При этом следует учитывать, что при взаимозависимости указанных частей системы, отсутствие эффективности какой-то части влияет или может влиять на эффективность системы в целом. Например, неэффективно проведенное предварительное расследование может повлечь неэффективное рассмотрение и разрешение уголовного дела судом;

д) в уголовном судопроизводстве следует говорить о распределительной эффективности, т. е. о такой, которая складывается в результате достижения эффективности каждого отдельного элемента системы;

е) эффективность уголовно-процессуальной деятельности следует понимать в широком и узком смыслах применительно как к расследованию конкретного уголовного дела либо деятельности конкретного должностного лица, так и к решению общегосударственных социальных задач;

ж) это – оценочное понятие, суть которого проявляется в том, что оно способно особым способом характеризовать наиболее общие свойства разнообразных действий или процессов, осуществляющихся в рамках уголовно-процессуальной деятельности, совершаемых субъектами правоприменения в связи с конкретной правоприменительной ситуацией, но в пределах, допускаемых уголовно-процессуальным законом, и с учетом особенностей конкретного уголовного дела;

з) эффективность связана с изменением характеристики обычного, устоявшегося порядка процесса, осуществляемого в рамках закона, на иной, более совершенный.

5. Из всех предложенных учеными методов оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности наиболее приемлемыми остаются используемые в настоящее время социологические методы (социологический опрос, фокус-группа, статистический анализ данных, анкетирование, биографический метод), в своей совокупности позволяющие достаточно эффективно использовать так называемый «традиционный кабинетный метод», смысл которого в изучении приговоров, иных

процессуальных документов и адаптации их содержания к исследовательской задаче.

II. Комплекс научных положений о средствах, обеспечивающих эффективность уголовно-процессуальной деятельности

6. Механизм, обеспечивающий эффективность уголовно-процессуальной деятельности, представляет собой единую систему процессуальных средств и способов, которые в совокупности обеспечивают эффективную деятельность участников уголовного судопроизводства либо устраняют препятствия. Цель каждого элемента механизма обеспечения эффективной деятельности состоит в том, чтобы самостоятельно либо в совокупности с другими элементами воздействовать на поведение участника процесса и достичь назначения уголовного судопроизводства.

7. Разработана и обоснована дополнительная система специфических принципов, соблюдение которых позволяет обеспечить именно эффективную уголовно-процессуальную деятельность. К их числу предложено отнести принципы: объективности; процессуальной экономии; справедливости; добросовестности (недопустимости злоупотребления правом).

8. Под правовыми средствами и способами, используемыми для достижения назначения уголовного судопроизводства, следует понимать соответствующую требованиям закона, нормам морали и нравственности, научным достижениям, используемым в уголовном судопроизводстве, совокупность правовых инструментов и действий, применяемых и осуществляемых в установленной уголовно-процессуальной форме, обеспечивающих эффективность соответствующей деятельности.

9. Выбор правовых средств детерминирован объективными и субъективными условиями, складывающимися при предварительном расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела, а также последовательностью применения правовых средств, поскольку применение одних правовых средств зависит от других, ранее примененных, и предопределяет использование последующих.

10. В зависимости от того, каким образом решаются задачи, поставленные перед участниками уголовного судопроизводства для обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности, можно выделить следующие уровни правовых средств, обеспечивающих эффективность деятельности: научный, законодательный, правоприменительный и личностный.

III. Комплекс научных положений о средствах, позитивным или негативным образом влияющих на обеспечение эффективности уголовно-процессуальной деятельности

11. Наиболее сдерживающее влияние на осуществление эффективной уголовно-процессуальной деятельности оказывают ошибки, правонарушения и злоупотребления субъективными правами, допускаемые участниками уголовного судопроизводства, а также несовершенство законодательства и практики его применения.

12. Ошибки, допускаемые участниками уголовного судопроизводства и препятствующие эффективной уголовно-процессуальной деятельности, – это неправильные, необоснованные или непреднамеренно совершаемые действия либо бездействие осуществляющего уголовное судопроизводство лица, зафиксированные в соответствующем процессуальном акте, не позволяющие признать уголовно-процессуальную деятельность эффективной, отрицательно влияющие на требования, ее обеспечивающие.

13. В результате характеристики уголовно-процессуального правонарушения, препятствующего осуществлению уголовно-процессуальной деятельности эффективно, были выделены его признаки и с их учетом сформулировано следующее определение: это действия или бездействие любого участника уголовного судопроизводства, осуществляемые умышленно, сознательно в сфере уголовно-процессуальной деятельности, причиняющие вред и нарушающие как нормы уголовно-процессуального права, так и требования, содержащиеся в иных нормативных правовых актах, зафиксированные в процессуальном акте и требующие применения восстановительных мер и (или) привлечения к уголовно-

процессуальной ответственности виновного лица и не позволяющие признать указанную деятельность эффективной.

14. Исследование действующего уголовно-процессуального законодательства позволило структурировать недоработки законодателя в систему, охватывающую несколько направлений, требующих совершенствования законодательной деятельности и способных обеспечить эффективную уголовно-процессуальную деятельность, это:

- отсутствие разработанной долговременной программы реформирования уголовного судопроизводства, отсюда бессистемные, несогласованные изменения и дополнения в текст УПК РФ;

- несвоевременные изменения и дополнения в текст закона, что порождает наличие пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве;

- присутствие избыточного количества оценочных понятий в тексте уголовно-процессуального закона;

- отсутствие полноты регламентированности проблемных вопросов, когда решение одного вопроса порождает необходимость обращения к поиску решения взаимосвязанных проблем;

- наличие противоречий в положениях уголовно-процессуального закона.

15. Повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности обеспечивается путем: устранения факторов, препятствующих эффективной деятельности; стимулирования применения правовых средств, обеспечивающих эффективность уголовно-процессуальной деятельности; расширения уголовно-процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц; применения мер поощрения к участникам уголовного судопроизводства; использования информационных технологий и применения позитивной процессуальной ответственности к участникам уголовного судопроизводства.

16. Все информационные технологии, применяемые в уголовно-процессуальной деятельности, которые позитивно влияют на ее эффективность, можно разделить на несколько групп. Первая группа – это технологии, алгоритм которых разработан и отражен в тексте уголовно-процессуального закона и

применение которых обеспечивает эффективную деятельность. Вторую группу составляют технологии, которые могут обеспечивать эффективную процессуальную деятельность, но порядок применения которых законодателем не разработан. И третья группа – это технологии, прямо с процессуальной деятельностью не связанные, но применение которых влияет на организацию уголовно-процессуальной деятельности и которые создают условия для упрощенного решения процессуальных вопросов.

IV. Положения технико-юридического характера, связанные с внесением изменений и дополнений в УПК РФ

17. В целях оптимизации и повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности в УПК РФ целесообразно внести следующие изменения и дополнения:

а) закрепить в статье 5 УПК РФ понятие «злоупотребление правом» как «поведение участника уголовного правоотношения, обладающего процессуальными правами, осуществляемое в процессе правомерной реализации этих прав, но в противоречии с их смыслом и назначением, причиняющее либо способное причинить вред, либо иные негативные последствия другим участникам процесса, обществу, государству»;

б) закрепить в статье 5 УПК РФ понятие «эффективная уголовно-процессуальная деятельность» как «деятельность, направленная на достижение поставленной цели и решения промежуточных задач, осуществляемая строго в рамках закона и в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями, охватываемыми данным понятием: справедливости, качества, доступности, экономичности, своевременности, достаточности и результативности»;

в) добавить в главу 2 статью 7¹ «Добросовестность в уголовном судопроизводстве» следующего содержания: «1. Участники уголовного судопроизводства обязаны добросовестно использовать предоставленные им права. 2. Злоупотребление правами не допускается»;

г) дополнить пункт 5¹ части 2 статьи 37 УПК РФ словами: «...Принятое решение прокурора подлежит исполнению, но может быть обжаловано в порядке, установленном настоящим Кодексом»;

д) дополнить часть 2¹ ст. 37 УПК РФ словами: «истребовать и знакомиться с материалами уголовных дел, находящихся в производстве органов дознания и органов предварительного следствия»;

е) дополнить часть 2¹ ст. 37 УПК РФ словами: «по письменному запросу прокурора следователь должен представить материалы уголовного дела в течение 24 часов с момента получения запроса»;

ж) дополнить статью 38 УПК РФ частью 1¹: «Следователь, осуществляя свои полномочия в соответствии с требованиями настоящего Кодекса, является самостоятельным в своей процессуальной деятельности, вмешательство в которую лиц, не имеющих на то законных полномочий, запрещается»;

з) дополнить статью 38 УПК РФ частью 2¹: «Следователь вправе разрешать свидания близким родственникам и членам семьи с лицом, содержащимся под стражей, домашним арестом»;

и) дополнить пункт 12 части 2 статьи 42 УПК РФ после слов «в том числе в случае прекращения уголовного дела» словами «либо его приостановления»;

к) дополнить текст части 7 ст. 49 УПК РФ, после слов «обвиняемого» словами «кроме случаев, предусмотренных действующим законодательством»;

л) внести изменение в часть 1 статьи 50 УПК РФ, после слов «подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить...» добавить «не более 3 защитников»;

м) дополнить статью 132 УПК РФ частью 4¹: «В случае отсутствия доходов у подозреваемого, обвиняемого указанное лицо может быть освобождено от возмещения судебных издержек, связанных с участием защитника по назначению»;

н) дополнить статью 209 УПК РФ частью 4: «Потерпевший по его ходатайству вправе знакомиться с материалами приостановленного уголовного дела. По заявленному им ходатайству следователь предоставляет материалы приостановленного уголовного дела, затрагивающие интересы потерпевшего»;

о) дополнить часть 1 статьи 221 УПК РФ пунктом 1¹: «Прокурор вправе своим постановлением исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения, а также применить закон о менее тяжком преступлении. При этом в случае необходимости прокурор вправе дать указание о составлении нового обвинительного заключения либо составить новое обвинительное заключение самостоятельно»;

п) дополнить часть 2 статьи 229 УПК РФ пунктом 1¹: «при наличии ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке».

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что разработанные положения образуют единую теоретическую модель обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Результаты исследования позволили обосновать теоретическую значимость исследования, объяснить и прогнозировать закономерности развития и становления такой правовой категории, как эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Комплексный подход, примененный автором, позволил раскрыть существующую систему взаимосвязей и взаимозависимостей между элементами, обеспечивающими эффективную деятельность в рамках уголовного судопроизводства.

Сформированная и обоснованная автором система теоретических выводов и положений может стать основой для дальнейших исследований как категории «эффективность», так и средств, способов, обеспечивающих её достижение в уголовном судопроизводстве.

Практическое значение исследования заключается в том, что разработанные в нем теоретические положения, практические рекомендации и предложения могут быть использованы: при подготовке учебной и научно-практической литературы; в учебном процессе при преподавании курса «Уголовно-процессуальное право», а также дисциплин специализации; на курсах повышения квалификации судей, адвокатов, прокуроров, следователей и дознавателей; в правоприменительной деятельности.

Достоверность результатов исследования обусловлена избранными диссертантом для решения целей и задач исследования методами научного познания, масштабной нормативной, научной и эмпирической базой.

Апробация результатов исследования осуществлялась по различным направлениям, что позволило автору получить объективные результаты, свидетельствующие о значимости настоящей работы как для уголовно-процессуальной науки, так и для правоприменительной деятельности.

Основные теоретические положения, итоговые выводы, рекомендации и предложения, изложенные в диссертации, отражены в 5 монографиях, в 51 научной статье, в том числе в 26 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Итоговые положения и рекомендации автора докладывались и обсуждались на международных, всероссийских и межвузовских конференциях: «Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2014, 2015, 2016, 2017, 2018» (Международные научно-практические конференции в г. Челябинск, проводимые соответственно в 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 гг.); «Университетские правовые диалоги – 2019, 2020, 2021» (Международные научно-практические конференции в Южно-Уральском государственном университете г. Челябинск, проводимые соответственно в 2019, 2020, 2021 гг.); «Актуальные проблемы правосудия в современном мире» (Всероссийская заочная научно-практическая конференция, г. Челябинск, 2018 г.); «Взаимодействие гражданского общества и государства: современные проблемы российского и зарубежного законодательства» (IX Международная научно-практическая конференция, г. Оренбург, 2018 г.); «Оптимизация правовой основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции РФ» (Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, 12-13 декабря 2018 г.); «Деятельность прокуратуры Российской

Федерации по защите прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства (Сухаревские чтения)» (Всероссийская научно-практическая конференция, Академия Генеральной прокуратуры РФ, г. Москва, 11 октября 2019 г.); «Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича» (Всероссийская научно-практическая конференция, Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, 24-25 октября 2019 г.); «Защита здоровья нации и надзорная деятельность: актуальные вопросы и современные решения» (в рамках VIII Московского международного юридического форума в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, 9 апреля 2021 г.); «Электронное правосудие и цифровая криминалистика: современные тренды юридической науки и практики» (в рамках научно-практической конференции в Южно-Уральском государственном университете, г. Челябинск, 10 декабря 2021 г.).

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялось в течение нескольких лет в различных формах:

в ходе проведения автором лекционных и практических занятий в ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ), в Уральском филиале ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Челябинск);

в процессе обсуждения на заседаниях кафедры «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза» Южно-Уральского государственного университета (НИУ); на «круглых столах» с участием судей, представителей прокуратуры Челябинской области, сотрудников экспертно-криминалистического центра МВД России по Челябинской области, следователей, адвокатов.

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет», ФГБОУ ВО Челябинский государственный университет», ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации

имени В.Я. Кикотя», ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

а также используются в правоприменительной деятельности Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Челябинской области, Челябинском областном суде.

Структура диссертационной работы обусловлена внутренней логикой изложения обозначенной проблемы. Диссертация состоит из введения, 5 глав, включающих в себя 23 параграфа, заключения, списка использованной литературы и источников, 5 приложений.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

§ 1. Генезис категорий «эффективность» и «правовые средства» в уголовно-процессуальной деятельности

Категории «эффективность» и «правовые средства» являются достаточно сложными для восприятия, поскольку они нашли свою реализацию в самых разных областях человеческой деятельности: экономике, философии, технике, праве и др.

К сожалению, в научной литературе нет единого подхода к вопросу о происхождении категории «эффективность», а также в понимании ее содержания. Например, отмечается, что первой сферой разработки и понятия использования «эффективность» была именно экономика, где под эффективностью понимали достижение высоких результатов при наименьших затратах¹. Что касается иных источников, то, например, А.А. Иванов, ссылаясь на Оксфордский словарь английского языка, отмечает, что «понятие эффективности впервые было использовано в конце XVI века в значении факта существования действенной причины, одной из четырех действенных аристотелевских причин»² – «то, ради чего». Предпосылки характеристики данного понятия были заложены основателями классической политэкономии В. Петти и Ф. Кенэ³. Термин «эффективность» использовал Давид Рикардо в своей работе «Теория сравнительных преимуществ» в 1817 г., он же определил и сущность данного понятия в значении отношения результата к определенному виду затрат. Некоторые ученые утверждали, что данный термин в первой половине XX в.

¹ *Рогачева О.С.* Эффективность норм административно-деликтного права: монография. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2011. С. 193.

² *Иванов А.А.* Генезис понятия эффективности в свете общественно-экономических трансформаций // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 4. С. 29-37.

³ *Евдокимова Т.В.* Анализ генезиса теоретических подходов к понятию и оценке эффективности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 3 (23). С. 22.

заимствован из английского или французского лексикона в значении «действенный», «приводящий к нужным результатам». Такое значение определялось спектром смыслов французского «effectif», немецкого «effectiv», латинского «effectivus» – производительный¹. Также высказывалась мысль, что впервые латинский регистр «effectus» – семантическая основа слова «эффективность», был введен в оборот еще схоластами в средневековом Западе в XI-XII вв., а впоследствии данное семантическое ядро стало не просто основой понимания эффективности любых процессов, но платформой особого способа отношения к миру, способа, который явился способом исчисления, расчета, обладания реальностью².

Е.Н. Троянова в своей работе «Исторический аспект развития понятия эффективности» писала, что у истоков становления данного понятия стояло понятие прибыли, различные попытки расчета и особенно ограничений размера ее получения, а первые упоминания об этом можно встретить в «Кодексе царя Хаммурапи» (XVIII в. до н.э.), в древнеиндийском трактате «Артхашастра» (конец IV в. до н.э.), в трудах древнекитайского мыслителя Конфуция (551-479 г.г. до н.э.). В дальнейшем упоминание об идее соотношения доходов и расходов мы находим в трудах Платона и Аристотеля. Взгляды на получение доходов и прибыли изменились в конце XVII в., и одним из первых русских экономистов, который рассматривал прибыль как положительное явление, к которому необходимо стремиться, был И.Т. Посошков (1652-1726 г.г.). В его научном труде «Книга о скудности и богатстве» предлагались меры по умножению народного богатства путем повышения производительности труда, устранения праздности и излишеств³.

¹ Фокин Н.И. Экономика: В начале было слово. Эффективный // [Электронный ресурс] URL: <https://ecanet.ru/art-9> (дата обращения: 12.07.2018).

² Павлов В.И. Концепция эффективности права между теологией и антропологией: к истории формирования // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». 2014. № 5. С. 269.

³ Троянова Е.Н. Исторические аспекты развития понятия эффективности // Социальные науки. 2014. № 1. С. 20-29.

В конце XIX в. благодаря французскому ученому Луису Бардо появился термин «праксиология» (от греческого *praktikos* – практика, деятельный), означающий учение о человеческой деятельности с точки зрения установления ее эффективности. Данный термин в своих работах использовали Л. Бурдые в 1882 г., А. Эспинас в 1923 г., Е. Слуцкий в 1926 г. Большой вклад в развитие теории эффективной организации деятельности сделал польский ученый Тадеуш Котарбинский, который идеи праксиологии институционализировал в качестве направлений теоретических и прикладных исследований в своих работах «Принципы хорошей работы» в 1946 г. и «Трактат о хорошей работе» в 1955 г.¹

Таким образом, с XIX в. термин «эффективность» начинает утрачивать чисто экономическое значение². Один из первых представителей теоретиков менеджмента Г. Эмерсон считал эффективность основной задачей управления³.

Большой словарь иностранных слов определяет эффективность как действенность, результативность, принесение результата, а эффективный – дающий определенный эффект (действие, результат)⁴. Аналогичное понимание данного термина изложено и у С.И. Ожегова в Словаре русского языка⁵.

Полагаем, что нецелесообразно оспаривать изначальное отнесение данного термина именно к экономическим категориям (терминам, определяющим экономические понятия). В то же время следует учитывать, что эффективность – это понятие, которое активно используется не только в экономической, но и в других сферах человеческой деятельности: социальной, экологической, правовой, технической и др. Именно применение данного понятия в разных сферах человеческой деятельности и в различных областях наук вызвало потребность

¹ Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия» // [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH011d9ed4764e9ab09fa95b1d> (дата обращения: 07.07.2019).

² Евдокимова Т.В. Анализ генезиса теоретических подходов к понятию и оценке эффективности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 3 (23). С. 23.

³ Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности. М.: Экономика, 1992. С. 136.

⁴ Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 810.

⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 910.

особого подхода к пониманию данной категории. Ученые стремились не только разработать обобщенное понятие эффективности применительно к различным ее видам, но и выявить особенности данного явления, присущие только определенному виду деятельности, и сформулировать понятие, включающее те особенные элементы, которые позволят выделить эффективность отдельного вида деятельности.

Обращаясь к генезису понятия «эффективность», ученые отмечали изменение содержания данной категории. Н.В. Родионова указывала, что «...сущность эффективности как центральной экономической категории неоднократно менялась: от личной выгоды производителей товаров и услуг к удовлетворению общественных потребностей и к построению динамической модели эффективности на основе развития инноваций у поздних неоклассиков. На современном этапе развития экономической теории содержание категории «эффективность» помимо чисто экономической направленности приобретает социальную и этико-правовую ориентацию. Этико-правовой аспект эффективности рассматривается представителями неоинституциональной школы, которые подчеркивают необходимость рационального использования ресурсов»¹. Т.С. Хачатуров обращал внимание на то, что «...социальный аспект эффективности активно изучался и советскими учеными XX в. в эпоху социализма и строительства коммунизма (1917-1991 гг.), когда в основе развития производства лежали интересы народного хозяйства и общества в целом»², а А.В. Бачурин объяснял это тем, что «...главной целью социалистического общества признавалось все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей людей, всемерное повышение благосостояния и уровня жизни народа, его всестороннее развитие»³.

В юридической науке России осуществлять исследования эффективности правовых институтов начали с 50-х гг. прошлого века. В работе «Советское право – регулятор общественных отношений в СССР», которая появилась в 1957 г.,

¹ Родионова Н.В. Методы исследования в менеджменте: учебник для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению подгот. 080200 «Менеджмент». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 215.

² Хачатуров Т.С. Эффективность капитальных вложений. М.: Экономика, 1979. С. 135.

³ Бачурин А.В. Интенсификация и эффективность. М.: Экономика, 1985. С. 167.

Л.С. Явич обосновал мысль, что эффективность является неотъемлемым свойством социалистического права¹. Д.А. Керимов, рассматривая вопросы правоприменения, фактически впервые сформулировал критерии эффективности, утверждая, что эффективность связана со своевременностью принятия норм права, их обоснованностью и правильностью². И в дальнейшем ученые уделяли проблемам эффективности правовых норм, правового регулирования, правоприменения пристальное внимание³. В.П. Тимохов отмечает, что в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, (ранее – ВНИИ советского законодательства при Министерстве юстиции СССР) была создана и успешно действовала до конца 80-х гг. прошлого века лаборатория по изучению эффективности действия законодательства, в которой разрабатывались теоретические вопросы и проводились эмпирические исследования эффективности конкретных правовых норм⁴. Значимым явлением в исследовании указанных проблем была коллективная монография «Эффективность действия правовых норм», изданная в 1977 г. в Ленинграде под редакцией А.С. Пашкова, Л.С. Явича, Э.А. Фомина и вышедшая в 1980 г. в Москве монография «Эффективность правовых норм», подготовленная коллективом авторов во главе с В.Н. Кудрявцевым⁵. В последующем многие ученые обращались к вопросам обеспечения эффективности в уголовном судопроизводстве: П.Ф. Пашкевич,

¹ Явич Л.С. Советское право-регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957. С. 35, 152.

² Керимов Д.А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М.: Госюриздат, 1960. С. 143.

³ Пашков А.С., Чечот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3-11; Смирнов О.В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М.: Юридическая литература, 1968. С. 98; Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юридическая литература, 1971. С. 45, 75; Кузнецов Н.Ф., Михайловская И.Б. Эффективность применения уголовного закона. М.: Юридическая литература, 1973. С. 111; Попков В.Д. Эффективность правового регулирования. М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. С. 159; Пашков А.С., Явич Л.С., Фомин Э.А. Эффективность действия правовых норм. Л., Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. С. 94.

⁴ Тимохов В.П. Историко-правовой генезис понятия «Эффективность» // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2003. Т. 6. № 2. С. 344-352.

⁵ Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1980. С. 183.

Т.Г. Морщакова, И.Л. Петрухин, Н.А. Колоколов, Д.Д. Скворцов, Ф.Н. Фаткуллин и др.

Что касается правовых средств обеспечения эффективности правоприменительной деятельности, то вполне можно согласиться с таким определением данного понятия: это – «система юридических инструментов и деяний, которые, соединяясь определенным образом в праве и юридической практике, призваны достигать социально полезных целей и гарантировать удовлетворение интересов субъектов права»¹.

Исследуя генезис правовых средств в России, надо подчеркнуть, что ученые отмечают появление специфических правовых средств уже в древнерусском праве, например «показания явленных» и присяга сторон. В Договоре с Византией 911 г. содержался уже целый набор процессуальных средств. Там было сказано, что «...если случится злодеяние, договоримся так: пусть обвинение, содержащееся в публично представленных вещественных доказательствах, будет признано доказанным; если же какому-либо доказательству не станут верить, то пусть присягнет та сторона, которая домогается, чтобы доказательству не доверяли; и когда присягнет согласно своей вере, пусть наказание будет соответствовать характеру преступления»². Позднее в Русской Правде содержались такие процессуальные средства, как присяга, ордалии, показания свидетелей, свод, гонение следа. Например, в ст. 32 говорится, что «...в случае покупки краденого на торгу следует поставить свидетелями покупки двух свободных людей или мытника (сборщика пошлин)»³. В Судебнике 1497 г. появляются такие правовые средства, как розыск, при котором единственным средством установления истины служила пытка и судебный поединок, а если ответчик не являлся в суд, то его явка обеспечивалась поручителями, в качестве которых могли выступать и холопы.

¹ Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 29.

² Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 29; Хачатуров Р.Л. Византия и Русь: государственно-правовые отношения. Тольятти, 1995. С. 33.

³ Пространная Русская правда // [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/RP/prp.htm> (дата обращения: 13.08.2018).

Судебник 1550 г. и отчасти Судебное Уложение 1649 г. сохраняли некоторые положения Судебника 1497 г. Например, ст. 12 определяя порядок решения полем (поединок) наиболее опасных дел (поджог, убийство, разбой, воровство), сохраняет положение ст. 7 Судебника 1497 г. о том, что побеждённый, кроме удовлетворения иска, подвергался наказанию по усмотрению судьи¹.

В Соборном Уложении 1649 г. в главе 14 упоминается о таком средстве, обеспечивающем достоверный результат, как крестное целование, то есть присяга, клятва, подтверждение своего мнения. Оно производилось, когда не хватало доказательств.

В данной главе также оговаривались случаи, когда можно было использовать некоторые иные формы доказательства и описывалось, как это делать. Например, «...использовалось такое средство, как повальный обыск, который представлял из себя опрос всех лиц, которые не являлись свидетелями по делу. Их опрашивали о личности подозреваемого или обвиняемого, и они давали оценку личности – хороший или плохой человек, преступник или нет. Данные повального обыска имели конкретные юридические последствия. Если большинство опрошенных признавало человека «лихим», то дополнительных доказательств не требовалось. К нему применялось пожизненное заключение. Если при тех же условиях высказывалось две трети опрошенных, то применялась смертная казнь»². Еще следует обратить внимание, что уже тогда в указанном нормативном правовом акте присутствовали средства, обеспечивающие законность судебного решения: один и тот же суд не мог рассматривать дело дважды, по жалобе дело передавалось в высшую инстанцию и допускался апелляционный порядок рассмотрения дела, оно пересматривалось заново³. Наиболее полно правовые средства, обеспечивающие деятельность по расследованию и рассмотрению уголовных дел, были закреплены

¹ Судебник 1550 г. // [Электронный ресурс] URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 13.08.2018).

² Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты земских соборов / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. С. 83-257.

³ Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты земских соборов / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. С. 83-257.

в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и в последующих законодательных актах, например, в Уголовном уложении 1903 г.¹

Уголовно-процессуальные средства, обеспечивающие деятельность правоохранительных органов, направленную на раскрытие и расследование преступлений, сохранились и в законодательных актах, действовавших в период создания Советского государства. С.К. Струнков указывает, что «...решения и приговоры суда, по которым денежное взыскание превышало сто рублей или лишение свободы свыше семи дней, – могли быть обжалованы. Прежнее апелляционное обжалование отменялось и было заменено на новое процессуально-правовое средство – институт кассационного обжалования. Суд кассационной инстанции имел право отменить решение или приговор не только вследствие нарушения норм процессуального права, но и если считал, что обжалуемый судебный акт явно несправедлив. Использование заинтересованным лицом процессуального средства – кассационной жалобы не останавливало исполнения, оно могло быть приостановлено только по специальному постановлению суда первой или кассационной инстанции»².

В последующем на объем и качество средств уголовно-процессуальной деятельности большое влияние оказывала уголовная политика государства. Так, в период с 1930 по 1953 г.г. принимались усиленные меры борьбы с государственными преступлениями, что повлекло отказ от возможности использования многих процессуальных средств. Например, уголовные дела в суде могли слушаться без участия адвоката и прокурора, обвинительное заключение вручалось обвиняемому за сутки до начала судебного разбирательства и т.д. Об этом красноречиво говорят материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., где выступил А.Я. Вышинский, который в речи указал, что «следователи очень мало заботятся об объективных доказательствах, о

¹ Даровских О.И. О злоупотреблении правом суда при реализации им своих дискреционных полномочий в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ: Серия «Право». 2013. № 1 (13). С. 30-35.

² Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 58.

вещественных доказательствах, не говоря уже об экспертизе. Между тем тяжесть расследования должна лежать именно в этих объективных доказательствах. Ведь только при этом условии можно рассчитывать на успешность судебного процесса, на то, что следствие установило истину», а далее А.Я. Вышинский говорил о том, что «основной недостаток следователей – это стремление сделать основой следствия признание обвиняемого»¹. В период Великой отечественной войны правовые средства отражали реалии военного времени, действовали военные трибуналы, которые рассматривали дела в течении 24 часов после вручения обвинительного заключения, приговоры о расстреле не обжаловались в кассационном порядке, их приводили в исполнение в течение 72 часов, если исполнение не приостанавливалось решением в порядке надзора. По отдельным категориям уголовных дел, например о самовольном уходе с предприятий, предварительное расследование вообще не производилось.

В 1956 г. все законы, упрощавшие порядок уголовного судопроизводства по государственным преступлениям, были отменены.

Более серьезные изменения относительно введения в текст закона уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих права и законные интересы граждан, наступили с появлением сначала Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.², а затем с принятием в 1960 г. УПК РСФСР³. Процессуальных средств, обеспечивающих уголовно-процессуальную деятельность и защиту прав граждан, становилось все больше, а с разработкой и началом судебной реформы они стали применяться, как правило, более системно и эффективно.

¹ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) // [Электронный ресурс] URL: http://old.memo.ru/history/1937/feb_mart_1937/vi9502.htm; <http://lawbook.org.ua/aa/12.00.01/2016/01/16/031050004.doc.html#2> (дата обращения: 13.02.2018).

² Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (утверждены Законом СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик») // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. (с изм. и доп. от 18.12.2001 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

§ 2. Понятие, сущность и значение эффективной уголовно-процессуальной деятельности

Эффективности посвящено множество научных трудов¹, были даны многочисленные общие и частные трактовки данного понятия, рассматривались основы ее формирования и взаимосвязи с иными категориями, например, результативностью, предлагались различные методы измерения. Указанная категория понималась и понимается с точки зрения выделения и исследования различных относительно самостоятельных ее аспектов: технических, экономических, социальных², экологических³.

По словам А.В. Гриненко, «...применительно к правовой науке методологию можно определить как систему приемов и методов, при помощи которых происходит познание права, исследование правовых явлений и формирование соответствующего научного знания»⁴.

На современном этапе одной из важнейших задач государства является повышение эффективности правового регулирования общественных отношений, в том числе уголовно-процессуальных. Появление в статье 6¹ УПК РФ данного термина позволило рассматривать указанную категорию в качестве правовой, распространяющейся как на досудебные, так и на судебные стадии уголовного процесса. В этой связи все чаще ученые и практические работники оценивают деятельность, осуществляемую в рамках уголовного процесса, с точки зрения ее

¹ *Абрамова А.А.* Эффективность механизма правового регулирования / науч. ред. В.В. Сорокин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. С. 98; *Казакова Н.Д.* Основы методологии социологического анализа эффективности социальных систем в категориях порядков. М.: Изд-во «Московская государственная академия приборостроения и информатики», 2000. С. 125; *Прангишвили И.В.* Системный подход и повышение эффективности управления. М.: Наука, 2005. С. 256; Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы международного семинара 16-17 декабря 2002 г. / отв. ред. Я.В. Ильина. М.: Гос. Дума, 2003. С. 75 и др.

² Эффективность и высшая цель социалистического производства / под общ. ред. В.Н. Черковца. М., 1986. С. 7.

³ *Евдокимова Т.В.* Анализ генезиса теоретических подходов к понятию и оценке эффективности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 3 (23). С. 27.

⁴ *Гриненко А.В.* Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2003. № 9. С. 54.

эффективности. Однако следует отметить также и то, что, несмотря на возрастающий интерес ученых к понятию «эффективность», в праве дефиниция данного понятия не выработана, что создает определенные трудности как для ученых, так и для практических работников. Этому способствует то, что ученые вполне логично выделяют ряд зависимых друг от друга, но тем не менее самостоятельных аспектов эффективной уголовно-процессуальной деятельности и принимаемых решений. Б.И. Пугинский еще в 1984 г. совершенно правильно писал, что «эффективность правовой деятельности как системы взаимосвязанных операций является суммарным показателем, итоговой характеристикой. Она образуется как производное эффективности действий отдельных элементов, относящихся к разным слоям системы»¹. Ученые выделяют эффективность норм права², эффективность законодательства³, эффективность уголовно-процессуального права и даже уголовно-процессуальных функций⁴, эффективность уголовного судопроизводства⁵, эффективность деятельности отдельных должностных лиц и органов⁶, эффективность движения в праве⁷,

¹ Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 204.

² Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 22; Бадашшин И.Д., Черепашкин А.С. К вопросу о понятии и условиях эффективности уголовно-правовых норм // Законодательная экспертиза. 2012. Вып. 3. С. 101-105; Жинкин А.В. Некоторые проблемы видов эффективности норм права // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 30-34.

³ Горбань В.С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М.: Изд. дом «Юриспруденция», 2009. С. 49-63; Шундигов К.В. Средства российского законодательства: проблемы эффективности // Вопросы теории государства и права. Новые идеи и подходы. 2000. Вып. 2. С. 96.

⁴ Лукашин И.В. Общая характеристика субъектов стадии возбуждения уголовного дела // Правовые технологии. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lawtech.ru/pub/bposob/gl1par1.htm> (дата обращения: 17.05.2018).

⁵ Скворцов Д.Д. Эффективность уголовного судопроизводства и средства защиты уголовно-процессуальных норм // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 1. С. 200-208.

⁶ Астафьев А.Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2012. № 1 (12). С. 123-133; Зинкин В.К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 1 (11). С. 25-32; Харебава Г.Д. Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2012. С. 9.

⁷ Медяков Т.С. Эффективность движения в праве // Власть Закона. 2016. № 3 (27). С. 176-198.

эффективность правосудия¹, а в некоторых случаях рассматривают эффективность во взаимосвязи с иной правовой категорией – качеством².

Именно поэтому сложно согласиться с утверждением, которое можно встретить в научной литературе, что в теории уголовного процесса принято выделять только эффективность уголовно-процессуального закона, эффективность уголовно-процессуальной деятельности, а также эффективность деятельности по исполнению и использованию уголовно-процессуального права³. Многоаспектность эффективности повлекла за собой вопрос о целесообразности и возможности самостоятельного исследования отдельных элементов эффективности процессуального права и деятельности по его применению. В.Д. Арсеньев и Б.А. Матийченко высказывали идею, что «вряд ли будет оправданным рассматривать с позиции эффективности закон, ибо сам по себе закон не динамическая система»⁴. Данной позиции придерживался и Ф.Н. Фаткуллин, говоря об эффективности правовой нормы⁵. Согласиться с изложенным мнением нельзя, так как нормы уголовно-процессуального права уже своим содержанием диктуют участникам процесса определенное поведение, отступить от которого невозможно, поскольку этим обеспечивается достижение назначения уголовного судопроизводства, выполняются определенные функции, обеспечиваются гарантии защиты прав участников, предоставляется возможность оценки качества законотворческой деятельности.

Нельзя согласиться и с тем, что ученые, изначально определяя для себя в качестве предмета исследования эффективность судебных процедур, в ходе работы переходят к эффективности правосудия, затем – к эффективности судебной

¹ *Зайцева Л.Л.* О повышении эффективности правосудия путем оптимизации уголовно-процессуальных процедур // *Право и демократия: сб. науч. тр. / ред. кол.: В.Н. Бибило и др.* Минск: БГУ, 2014. Вып. 25. С. 258–286.

² *Морцакова Т.Г.* Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам (процессуальные, статистические и социологические аспекты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1988. С. 4.

³ *Курс советского уголовного процесса. Общая часть.* М., 1989. С. 249-283.

⁴ *Арсеньев В.Д., Матийченко Б.А.* Спорные вопросы теории эффективности советского уголовного процесса // *Советское государство и право.* 1982. № 5. С. 145.

⁵ *Фаткуллин Ф.Н.* Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса // *Вопросы эффективности советского уголовного процесса.* Казань, 1976. С. 15-16.

деятельности, в том числе упоминают уголовное судопроизводство и эффективность определенного вида судебной деятельности¹. Такой подход нельзя признать правильным, так как речь идет об эффективности разных понятий, поскольку термины «правосудие», «судебная деятельность» и тем более «уголовное судопроизводство» не могут рассматриваться в качестве синонимов². Это – различные виды деятельности, не совпадающие ни по объему, ни по задачам, ни по внутреннему содержанию. Судебная деятельность – более широкое понятие, нежели правосудие или судебные процедуры, поскольку она включает в себя и судебный контроль в досудебных стадиях процесса.

В литературе можно встретить различные понятия эффективности. Например, «под эффективностью деятельности судов и судебных систем, в силу специфики судебной деятельности, понимается такое использование ресурсов, которое влечет принятие качественных (законных и обоснованных) решений в разумные сроки после справедливого рассмотрения дел»³. Схожее понимание эффективности деятельности судов содержится в п. 31 Рекомендации № Rec (2010) 12 Комитета министров Совета Европы «О судьях: независимость, эффективность и ответственность» (принята 17.11.2010 г. на 1098-м заседании Комитета министров)⁴, где указано, что «...эффективностью является принятие качественных решений в разумный срок после справедливого рассмотрения дел. Судьи обязаны обеспечивать эффективное ведение дел, за которые они несут ответственность, включая принудительное исполнение решений, входящих в их юрисдикцию».

¹ Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Изд-во Юрайт, 2011. С. 756-761.

² Даровских О.И. Признаки правовой категории «ошибка» в уголовном процессе, оказывающей влияние на эффективность уголовно-процессуальной деятельности // Проблемы права. 2021. № 1 (80). С. 88-93.

³ Бурдина Е.В., Петухов Н.А. Эффективность использования судебных ресурсов и проблемы организации судов // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 2. С. 126-147.

⁴ Резолюция № (2002) 12 Учреждение Европейской комиссии по эффективности правосудия (принята Комитетом Министров 18 сентября 2002 г. на 808-м заседании Представителей Министров) // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/90199644> (дата обращения: 13.01.2019).

Анализируя взгляды ученых на понятие «эффективность» в правовой сфере, можно выделить несколько направлений или методологических подходов к выработке данного понятия и пониманию его сущности.

Во-первых, ученые связывают эффективность с достижением результата либо достижением цели и решением поставленных задач. В литературе такое направление обозначено как теория целевой эффективности¹. Так, профессор Л.А. Морозова эффективность правового регулирования рассматривает как «соотношение между результатом правового регулирования и стоящей перед ним целью»². Практически аналогичное определение дают А.С. Пиголкин, С.Б. Швецов, Л.Я. Драпкин³. По мнению А.В. Ленского, «в определении эффективности досудебного производства важным является не только достижение целей, но и своевременное и надлежащее решение задач, сформированных УПК РФ»⁴, данное мнение поддерживает и Д.Д. Скворцов⁵. Можно согласиться с тем, что при оценке эффективности уголовно-процессуальной деятельности следует учитывать не только результат, достижение поставленной цели, но и различные другие элементы, составляющие это понятие, в том числе промежуточные итоги, которые и можно определить как конкретные задачи. В ходе предварительного расследования и судебного разбирательства должностные лица совершают множество различных действий, составляют процессуальные документы, принимают решения, придавая им процессуальную форму. Конкретной задачей будет, например, подготовка и проведение следственного действия, в результате

¹ Сумской Д.В. К вопросу о понятии эффективности прокурорского надзора // Криминалист. 2018. № 1 (22). С. 64-68.

² Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2005. С. 319.

³ Теория государства и права: учебник / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М.: Высшее образование, 2008. С. 321; Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности: дис. ...канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 67; Драпкин Л.Я. Об эффективности следственных действий // Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1969 г. Свердловск, 1970. С. 147-151.

⁴ Ленский А.В. Досудебное (предварительное) производство в современном уголовном процессе России: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2003. С. 125.

⁵ Скворцов Д.Д. Эффективность уголовного судопроизводства и средства защиты уголовно-процессуальных норм // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Право. 2007. Вып. 1. С. 201-208.

которого планируется получить определенные доказательства, и если проведенное в рамках закона следственное действие позволит выполнить поставленную задачу, то это действие, при определенных условиях, можно характеризовать как эффективное. Вся деятельность складывается в единую систему действий, целями которой являются установление факта совершения преступления, выявление лица, его совершившего, и получение доказательств виновности этого лица для определения справедливого наказания. Именно поэтому в уголовном судопроизводстве следует говорить о распределительной эффективности, т. е. такой, которая складывается в результате достижения эффективности каждого отдельного элемента системы, а также об эффективности уголовно-процессуальной деятельности в узком и широком смыслах. В узком смысле эта деятельность выражается в успешном решении конкретного вопроса, элемента уголовно-процессуальной деятельности, а в широком смысле – это достижение назначения уголовного судопроизводства, решение обозначенных более высоких, уже государственных задач с позиций выполнения им своих функций, например, таких как обеспечение правопорядка на всей территории России.

В то же время не можем согласиться с предложением об указании в определении понятия «эффективность» на своевременное и надлежащее решение задач, сформулированных в УПК РФ, поскольку как таковые задачи в тексте УПК РФ законодателем не обозначены, а ориентировать правоприменителя на решение тех задач, которые предлагаются учеными в их теоретических разработках, вряд ли целесообразно.

Через достижение социально полезного результата определяют эффективность В.Н. Сизова и И.Н. Сорокотягин, которые отмечали, что результативность и эффективность – это не одно и то же, они часто не совпадают¹. Высказывалась точка зрения, что эффективность – это степень достижения

¹ Сизова В.Н. Эффективность российского уголовного законодательства (теоретико-прикладной анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 9; Сорокотягин И.Н. Использование специальных познаний – важнейшая задача эффективности следственных действий // Проблемы эффективности раскрытия и расследования преступлений. Свердловск, 1978. С. 5-50.

запланированного результата при установлении критериев результативности определенного действия¹. Продолжая данную мысль, одни ученые указывали, что эффективность процессуальной деятельности – это ее способность достигать поставленных законодателем целей и в конечном счете обеспечивать решение социальных задач, другие возражали против достижения социальных задач, считая их слишком широкими и всеобъемлющими². Существует мнение, что в праве эффективность представляет собой соотношение цели (намеченного и желаемого результата) и результата, фактически достигнутого³. Но неправильно и невозможно формулирование определения эффективности только через достижение результата или каких-либо целей. Данный подход чреват тем, что, будучи неправильно понятым, он может провоцировать стремление к получению нужного результата любой ценой, что для уголовно-процессуальной деятельности невозможно и даже опасно.

Сторонники второго подхода эффективность определяют через получение необходимого результата, учитывая при этом материальные затраты. С.С. Алексеев определял эффективность как отношение достигнутого результата к цели деятельности с учетом производственных расходов⁴. Л.Ш. Берекашвили писал, что «под эффективностью надо понимать выраженную количественно-качественными характеристиками конечных результатов труда и мерой их соответствия произведенным для этого затратам степень достижения целей функционирования системы»⁵. Д.В. Богатский в своем диссертационном исследовании сформулировал

¹ Гагиев А.К. Критерии эффективности деятельности судов в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 20.

² Пацация М.Ш. Эффективность процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 149; Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 57.

³ Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / отв. ред. В.М. Савицкий. М.: Наука, 1979. С. 177; Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 3-9; Мурсалимов К.Р. Влияние качества нормативной правовой базы на эффективность правоприменения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2008. № 4. С. 67-70; Авдеев В.Н. Эффективность правового регулирования сроков содержания под стражей при производстве предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 13-14.

⁴ Алексеев С.С. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 3-75.

⁵ Берекашвили Л.Ш. Проблемы оценки деятельности органов внутренних дел. М., 1981. С. 17-18.

определение эффективности как «...достижение максимально полезного результата в сфере уголовного судопроизводства при минимуме временных, материальных, физических и иных затрат»¹. Г.Д. Харебава под эффективностью прокурорского надзора понимает «реально достигнутый уровень состояния законности, обеспеченный деятельностью прокуратуры, осуществляемой посредством минимальной затраты времени и с использованием надзорных полномочий (средств), содержание которых обуславливается спецификой режима правового регулирования сферы реализации надзора»².

Представляется, что данные попытки выработки определения эффективности применительно к уголовно-процессуальной деятельности не совсем правильны. В уголовно-процессуальной деятельности важен не только результат (да и о каком конкретно результате может идти речь в уголовном процессе?), но важно также, какими средствами и способами этот результат будет достигнут. Поэтому применение в уголовном судопроизводстве экономических понятий, подходов и критериев нецелесообразно, более того, вредно³. В доктрине отмечали, и с этим сложно не согласиться, что «в сфере применения права реализация правовых установлений может быть эффективной, но неэкономичной или экономичной, но недостаточно эффективной»⁴. Хотя полностью отказываться от учета экономичности при уголовно-процессуальной деятельности также нельзя, и в этой связи следует согласиться с утверждением В.Т. Томина, что «реализация принимаемых процессуальных решений должна осуществляться в соответствии со

¹ Богатский Д.В. Оптимизация норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации как средство повышения эффективности деятельности правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 7.

² Харебава Г.Д. Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2012. С. 6.

³ Кондрат И.Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2013. С. 267-271.

⁴ Смирнова И.Г. Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И.В. Смольковой // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2 (6). С. 158-168.

здравым смыслом, без лишних не необходимых затрат»¹. В разное время аналогичную мысль высказывали М.С. Строгович и К.Ф. Гуценко².

В.П. Тимохов указывает, что «эффективность правоприменительной деятельности можно определить как фактический результат конкретного правоприменителя по достижению социальных целей правоприменения, обусловленных целями применяемых им правовых норм, соотнесенный (сопоставленный) с затратами на достижение этого результата, расходуемыми за определенное время правоприменительной деятельности соответствующим компетентным органом или должностным лицом»³. Данное определение вряд ли можно применять при характеристике уголовно-процессуальной деятельности, поскольку нельзя рассчитать по каждому уголовному делу размер или иные параметры произведенных затрат. Очевидно, что при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности любые затраты по возможности следует минимизировать путем тщательной подготовки к проведению следственных и судебных действий, а также выбором необходимых и оправданных действий и решений.

Иное мнение высказывали И.Л. Петрухин и Т.Г. Морщакова, которые полагали, что цели и задачи уголовного судопроизводства заключаются только в правильном разрешении дела, а критерии эффективности выражаются только в количественных показателях. Они не считали возможным рассматривать в качестве критериев эффективности процессуальные сроки, расходы и трудозатраты на уголовное судопроизводство. В целом такой подход ученых следует признать правильным, однако полностью с указанным мнением согласиться сложно, поскольку невозможно определить в количественных показателях затраты

¹ *Томин В.Т.* Стратегия уголовного судопроизводства и некоторые ее составляющие: понятийный и терминологический инструментарий исследования // [Электронный ресурс] URL: http://www.rusjel.ru/storage/archive_articles/9717.pdf (дата обращения: 26.12.2019).

² *Строгович М.С.* Избранные труды. В 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1992. С. 154; *Гуценко К.Ф.* Судебная реформа: истоки, некоторые итоги и тенденции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1995. № 5. С. 3-15.

³ *Тимохов В.П.* Историко-правовой генезис понятия «эффективность» // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2003. Т. 6. № 2. С. 344-352.

следователя при осуществлении расследования уголовного дела и нельзя не учитывать при определении эффективности сроки осуществления данной деятельности в целом, либо в ее рамках сроки совершения конкретных следственных действий.

Дефиниция понятия «эффективность», предлагаемая другими учеными, в рамках третьего методологического подхода, отличается широтой охвата характерных признаков данной правовой категории. Ю.Е. Аврутин сформулировал понятие «эффективность» следующим образом: это «специфическое системное состояние деятельности органов внутренних дел, характеризующее цели, общие принципы, содержание, организацию, формы, методы, средства, личностный стиль и результаты ее осуществления, его – состояния – соответствие потребностям общества в обеспечении правопорядка и законности, закрепленным посредством конкретных критериев, содержащихся в социальных (правовых, нравственных, моральных, этических, экономических, организационных) нормах»¹. В данном определении не вполне ясны некоторые позиции, по мнению автора, характеризующие эффективную деятельность, например, формы, методы, организация, средства, личностный стиль. Если согласиться с таким подходом, то данный перечень обстоятельств, влияющих на любую деятельность любых органов, можно успешно продолжить, поскольку на результаты деятельности могут и влияют и характер исполнителя, и его настроение в день совершения каких-то действий, и используемые им методы и подходы к выполнению конкретных действий, а также используемые им средства и т. д. Такая детализация не украшает дефиницию понятия, хотя подход можно признать правильным, в той части, что понятие эффективности обязательно должно охватывать содержание деятельности.

По мнению Л.А. Алексеевой, «эффективность правоприменительной деятельности выражается в способности обеспечить своевременную и согласованную с требованиями закона реализацию юридических норм, которая при

¹ *Аврутин Ю.Е.* Эффективность деятельности органов внутренних дел: государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1998. С. 9.

наименьших социальных издержках оптимально положительно влияла бы на регулируемые общественные отношения, формируя желаемое поведение их участников»¹.

В данном определении смущает упор, который автор делает на уменьшение социальных издержек. Социальные издержки и процессуальная экономия в дефиниции данного понятия должны стать определяющими. Очевидно, что к ним следует стремиться, но не более того. При расследовании преступления, как правило, разрабатываются несколько версий, затрачиваются силы и средства, но верной оказывается одна, и не всегда первоначально она выглядит самой перспективной. Однако при анализе данной деятельности нельзя сказать, что она была неэффективна, если несколько первоначально разработанных рабочих версий не дали результат. Результаты были, но они были отрицательными.

М.И. Гильмутдинова пишет, что «эффективность правоприменения представляет собой критерий качества исполнения работы, который оценивается через сопоставление материальных и поддающихся измерению результатов путем достижения целей правового регулирования посредством вынесения правоприменительного решения на основе соблюдения принципов правоприменения и обеспечения их реального исполнения»². В данном определении вызывают сомнения два момента. Во-первых, что эффективность – это критерий качества работы. Если под качеством деятельности понимать совокупность предъявляемых к ней требований, которые позволяют определять ее способность удовлетворять определенным потребностям в соответствии с назначением, то эффективная деятельность – это не просто качественная деятельность, т. е. соответствующая определенным разработанным требованиям; это деятельность, которая осуществляется не просто с затратами, а с минимальными затратами, и такая, которую можно охарактеризовать как

¹ *Алексеева Л.А.* Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности (на примере органов внутренних дел): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 7.

² *Гильмутдинова М.И.* Теоретические основы эффективного правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 9.

доступную для граждан, справедливую, законную, достаточную, осуществляемую своевременно и, конечно, качественно. Качественной деятельностью будет и тогда, когда затраты на нее будут превышать запланированные. Качественная деятельность – это всегда законная деятельность, но при этом она может быть не всегда достаточной для получения ожидаемого результата, не всегда может быть справедливой и, кроме того, не всегда может укладываться в отведенный законодателем отрезок времени. Именно поэтому эффективная деятельность – более широкое понятие, чем деятельность качественная. Она охватывает такие требования, как законность, справедливость, качественность, доступность, экономичность, своевременность и пр. Поэтому утверждение, что эффективность – это критерий качества работы, неверно, наоборот, качество является критерием эффективной деятельности.

Во-вторых, уважаемая автор утверждает, что «эффективность правоприменения оценивается через сопоставление материальных и поддающихся измерению результатов, путем достижения целей правового регулирования посредством вынесения правоприменительного решения...»¹. Возникает вопрос: а если в результате правоприменительной деятельности материальных результатов или, таких которые могут быть измерены, не получим, деятельность не будет считаться эффективной? Например, в результате обыска не были обнаружены доказательства, которые следователь намеревался получить, но это не означает, что данное конкретное следственное действие было проведено неэффективно. Возможно, такой результат повлияет на выбор иной рабочей версии, и следствие пойдет по правильному пути. Учитывая это, полагаем, что вывод автора неверен, он идет вразрез и со здравым смыслом, и с позицией ЕСПЧ, который в решении по делу «Михеев против России» (Mikheyev v. Russia), по жалобе № 77617/01 от 26 января 2006 г.², указал, что «отсутствие результатов проведенного расследования само по себе не свидетельствует о его неэффективности:

¹ Гильмутдинова М.И. Теоретические основы эффективного правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 9.

² Постановление ЕСПЧ по делу «Михеев против России (Mikheyev v. Russia)» по жалобе № 77617/01 от 26 января 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 6.

обязательство провести расследование это не обязательство получить результат, а обязательство принять меры».

К.И. Амирбеков считает, что для полной объективности оценки эффективности деятельности прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства, помимо оценки качества и результативности требуется оценка и другой, непроцессуальной деятельности, но связанной с ней. Это – оценка своевременности и полноты рассмотрения требований прокурора и устранения нарушений по его требованиям, адекватности и полноты мер, принимаемых по укреплению законности и устранению причин и условий нарушения законов.¹ В целом, если абстрагироваться от чисто прокурорских задач, то такой подход можно считать методологически правильным, поскольку процессуальную деятельность в уголовном судопроизводстве достаточно сложно отделить от непроцессуальной, которая без сомнения на нее влияет.

Более правильное определение эффективности сформулировано В.К. Зникиным. Под эффективностью предварительного расследования он предложил понимать «уровень достижения цели и задач стадии предварительного расследования в результате законных, надежных, экономичных, оптимальных и рациональных организационных и процессуальных действий дознавателя, следователя, прокурора, начальника следственного отдела и начальника органа дознания»². Соглашаясь с тем, что при определении эффективности необходимо учитывать, кроме цели и задач, еще и ряд иных моментов, детерминирующих данную правовую категорию, необходимо внести некоторые уточнения. Достижение цели и получение определенных результатов не могут служить обязательным показателем эффективной уголовно-процессуальной деятельности, аргументы по данному вопросу нами были уже изложены, и в этой части согласиться с мнением В.К. Зникина нельзя. Кроме того, используемая в

¹ Амирбеков К.И. Критерии эффективности деятельности прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства (концептуальный подход) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2012. № 2 (28). С. 20-26.

² Зникин В.К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». 2014. № 2 (34). С. 473-475.

определении терминология должна быть для правоприменителей понятной, но что имел в виду автор, характеризуя действия должностных лиц надежными, оптимальными и рациональными, остается неясным и требует дополнительных пояснений либо уточнений.

При формировании дефиниции понятия «эффективность» в первую очередь следует учитывать, что эффективность уголовно-процессуальной деятельности – это характеристика не только результата, но и процесса¹. В этой связи возможно присоединиться к мнению М.Д. Шаргородского, который разделял понятия «эффект» и «эффективный», полагая, что эффект – это результат, следствие чего-нибудь, а эффективный – это дающий эффект, способный привести к нужному результату, способный этот результат создать².

Эффективная деятельность – это не только деятельность, которая создает нужный, требуемый результат. Полагаем, что применительно к уголовно-процессуальной деятельности процедура ее осуществления не менее важна, чем достижение результата. Если речь идет об уголовно-процессуальной деятельности, то эффект – это ожидаемый результат этой деятельности, т. е. фактически достигнутая цель. Однако цель может быть достигнута различными способами, в том числе и неэффективными, либо эффективная деятельность по определенным причинам может не дать положительного результата. Мы уже ссылались на решение ЕСПЧ³ по данному вопросу.

В целом говоря об эффективной деятельности, мы имеем в виду деятельность, которая соответствует определенным требованиям, а не только такую уголовно-процессуальную деятельность, которая способна обеспечить

¹ Колобкова Л.Э. Эффективность норм уголовно-процессуального законодательства // Законность. 2007. № 6. С. 38-39; Смирнова И.Г. Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И.В. Смольковой // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. С. 164; Турский В.В. К понятию эффективности правовых норм (о смысловом содержании понятия «эффективность») // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск: Изд-во Томск. государственн. университета, 1984. С. 15-23.

² Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 58.

³ Постановление ЕСПЧ по делу «Михеев против России (Mikheyev v. Russia)» по жалобе № 77617/01 от 26 января 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 6.

необходимый результат (эффект). Результативность и эффективность не являются тождественными явлениями, хотя они взаимосвязаны между собой и взаимодополняемы. П.Ф. Друкер – экономист, публицист, ученый, один из самых влиятельных теоретиков менеджмента XX в., называет следующие отличительные признаки исследуемых терминов: «результативность» (effectiveness) означает «делать правильные вещи» (doing the right things), а «эффективность» (efficiency) – «делать вещи правильно» (doing things right). И то, и другое одинаково важны¹. Поддерживая данный тезис, мы не можем согласиться с утверждением, что поскольку «эффективный – значит дающий эффект, приводящий к нужным результатам, отсюда эффективность – это результативность»².

Минимальные затраты – это не единственный показатель эффективной деятельности, и в этой части мы можем согласиться с мнением Ю.Е. Аврутина, который считал, что «эффективность – это не только количественная, но и качественная характеристика закона, правовой нормы, правоприменительной деятельности»³. Однако указанная характеристика данной правовой категории была бы неполной, если бы не учитывались и другие составляющие ее содержания и позволяющие превратить её «из абстрактной категории в понятие, способное выполнять определенные функции, продуктивные с точки зрения теории и практики»⁴, можно добавить – уголовно-процессуальной деятельности, т. е. речь должна идти о реальных параметрах, позволяющих оценить деятельность по критерию ее полезности.

Как представляется, уголовно-процессуальную деятельность можно считать эффективной, если она будет отвечать таким требованиям, как законность,

¹ Друкер П.Ф. Управление, нацеленное на результаты: пер. с англ. М.: Технологическая школа бизнеса, 1994. С. 125.

² Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок: монография / рук. авт. колл. И.Л. Петрухин; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. Ч. 1. М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1975. С. 32.

³ Аврутин Ю.Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел (государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования): дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1998. С. 38.

⁴ Аврутин Ю.Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел (государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования): дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1998. С. 39.

справедливость, качественность, доступность, объективность, экономичность, своевременность, достаточность, результативность.

Не все указанные критерии влияют на эффективность деятельности одинаково, что подтверждается как нашими собственными наблюдениями, так и мнением многих ученых¹. Значимость предложенных критериев может меняться в зависимости от различных обстоятельств, влияющих на уголовно-процессуальную деятельность (как внешних, так и внутренних). В отдельном ряду указанных критериев, как мы полагаем, находятся экономичность, доступность деятельности и достижение ожидаемого результата (результативность). К ним следует стремиться, а в определенных ситуациях они могут выступать решающим показателем эффективности уголовно-процессуальной деятельности (например, экономичность сыграла значимую роль при решении вопроса о введении особого порядка судебного разбирательства, доступность к уголовно-процессуальной деятельности в большинстве случаев важна при решении вопроса о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела). Когда отсутствует доступ к информации, связанной с ходом расследования уголовного дела, это влияет на эффективность деятельности, вернее свидетельствует об её отсутствии. Примером может служить решение ЕСПЧ от 18 декабря 2012 г. «Аслаханов и другие против России»², где в п. 236 указывается на необходимость в целях обеспечения эффективности судопроизводства закрепления в национальном законодательстве права потерпевших на доступ к материалам уголовного дела в случаях приостановления расследования, обеспечив при этом защиту конфиденциальной и секретной информации. Надо также отметить, что достижения результата не всегда

¹ *Жубрин Р.* Оценка эффективности деятельности органов прокуратуры // *Законность*. 2014. № 12 (962). С. 46-47; *Сизова В.Н.* Эффективность российского уголовного законодательства: теоретико-прикладной анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 9; *Осинов М.Ю.* Понятие эффективности правовых процессов и проблем ее определения // *Ленинградский юридический журнал*. 2009. № 3. С. 35-37; *Черненко А.К.* Конституционное правосудие и правовая система: теоретико-методологический аспект // *Журнал конституционного правосудия*. 2008. № 1. С. 13-18.

² Решение ЕСПЧ по делу «Аслаханова и другие (Aslakhanova and Others) против Российской Федерации» по жалобам № 2944/06, 8300/07, 50184/07, 332/08, 42509/10 от 18.12.2012 г. // *Бюллетень Европейского Суда по правам человека*. 2015. № 4.

свидетельствует о эффективной деятельности, так же, как и его не достижение, особенно это относится к деятельности, осуществляемой в рамках предварительного расследования.

Выводы о неравномерном влиянии критериев на эффективность уголовно-процессуальной деятельности подтверждаются расчетами применения принципа Парето или так называемого принципа 20/80, суть которого состоит в том, что «на получение результата оказывают влияние не все, а только несколько значимых факторов»¹. Мы не оспариваем в целом возможность использования в юриспруденции принципа Парето, поскольку согласны с мнением, что данный принцип распространяется на все сферы человеческой деятельности, в том числе и на юриспруденцию, однако применение данного принципа в уголовно-процессуальной деятельности имеет свои особенности, и это следует учитывать.

Эффективность – это такое свойство уголовно-процессуальной деятельности, которое позволяет признать её правильной, оправданной объективными обстоятельствами конкретного уголовного дела. Мы не можем согласиться с утверждением, что эффективность может быть отрицательной, а деятельность – антиэффективной, а также с тем, что эффективность имеет различные степени – большую или меньшую². Полагаем, что деятельность либо будет эффективной, либо нет, и тогда следует говорить об отсутствии эффективности вообще.

Данное свойство обобщает несколько показателей, и в результате деятельность приобретает свое собственное особое качество – «эффективность», позволяющее характеризовать ее именно таким образом. Указание на данное свойство свидетельствует о весьма высоком уровне уголовно-процессуальной деятельности по делу в целом, либо на отдельных этапах движения дела, либо деятельности конкретного должностного лица.

¹ Капинус О.С., Андреев Б.В., Казарина А.Х. К вопросу о методологии и методике оценки эффективности прокурорского надзора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 1 (27). С. 27.

² Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 54; Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок: монография / рук. авт. кол. И.Л. Петрухин; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. Ч. 1. М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1975. С. 32.

Анализируя категорию «эффективность», можно сформулировать ряд позиций, позволяющих характеризовать данное явление как в общем плане, так и применительно к конкретной сфере деятельности – уголовно-процессуальной:

а) эффективность всегда конкретна, и при ее выявлении следует в каждом конкретном случае учитывать, о каком ее виде идет речь (нет эффективности «вообще»);

б) она универсальна, представляя собой не только результат любой деятельности, но и содержание данной деятельности;

в) это – синтетическая категория, охватывающая понятия экономические, правовые, технические и многие другие;

г) показатель эффективности может характеризовать как систему в целом, так и какую-то ее отдельную часть. При этом следует учитывать, что при взаимозависимости указанных частей системы, отсутствие эффективности какой-то части влияет или может влиять на эффективность системы в целом. Например, неэффективно проведенное предварительное расследование может повлечь неэффективное рассмотрение и разрешение уголовного дела судом;

д) в уголовном судопроизводстве следует говорить о распределительной эффективности, т. е. о такой, которая складывается в результате достижения эффективности каждого отдельного элемента системы;

е) эффективность уголовно-процессуальной деятельности следует понимать в широком и узком смыслах применительно как к расследованию конкретного уголовного дела либо деятельности конкретного должностного лица, так и к решению общегосударственных социальных задач;

ж) это – оценочное понятие, суть которого проявляется в том, что оно способно особым способом характеризовать наиболее общие свойства разнообразных действий или процессов, осуществляющихся в рамках уголовно-процессуальной деятельности, совершаемых субъектами правоприменения в связи с конкретной правоприменительной ситуацией, но в пределах, допускаемых уголовно-процессуальным законом, и с учетом особенностей конкретного уголовного дела;

з) эффективность связана с изменением характеристики обычного, устоявшегося порядка процесса, осуществляемого в рамках закона, на иной, более совершенный.

Определяя сущность данного явления, следует обратить внимание на то, что эффективность не рассматривается в качестве какого-то определенного правила и не являет собой правовую норму. Она представляет собой некую идеальную категорию, лежащую в основе уголовно-процессуальной деятельности, причем основанную как на объективных закономерностях, так и на субъективных подходах, недаром многие исследователи указывали на необходимость повышения профессионализма должностных лиц – участников уголовного судопроизводства.

Отсутствие в науке устоявшихся взглядов на эту правовую категорию не мешает воспринимать ее как некую положительную характеристику уголовного судопроизводства в целом и составляющих её элементов (отдельных стадий, отдельных следственных действий, отдельных решений должностных лиц и т. д.).

Эффективность как принцип не закреплен УПК РФ, однако законодатель упоминает о ней в ст. 6¹ данного акта, касаясь вопросов о достаточности и эффективности действий суда, прокурора и других участвующих в процессе должностных лиц, тем самым подчеркивая, что именно эффективная деятельность обеспечивает достижение разумного срока уголовного судопроизводства.

Данное правовое положение зафиксировано в ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод как право человека именно на эффективное средство правовой защиты. Оно постоянно упоминается в решениях ЕСПЧ как требование к предварительному расследованию, к проведению судебного заседания, а также к деятельности должностных лиц различных правоохранительных органов.

В своих выступлениях Председатель Верховного Суда РФ, Генеральный прокурор РФ, Министр внутренних дел РФ постоянно обращают внимание на необходимость повышения эффективности деятельности должностных лиц правоохранительных органов.

Конституционный Суд РФ в своих постановлениях и определениях указывает на данную правовую категорию как на конституционное положение и

рассматривает ее в качестве основы всего уголовного судопроизводства, а в ряде постановлений прямо называет эффективность принципом¹. Верховный Суд РФ в своих рекомендациях также обращает внимание судов на необходимость принятия не просто достаточных, а именно эффективных мер². В постановлении Пленума от 29 марта 2016 г. № 11 Верховный Суд РФ указал, что действия органа дознания, начальника органа дознания, следователя, дознавателя могут быть признаны достаточными и эффективными, если ими приняты необходимые меры, направленные на своевременную защиту прав и законных интересов лиц, а действия суда должны признаваться достаточными и эффективными, если они осуществляются в целях своевременного рассмотрения дела, в частности, судом эффективно проводилась подготовка дела к судебному разбирательству, осуществлялось руководство ходом судебного заседания в целях создания условий для всестороннего и полного исследования доказательств и выяснения обстоятельств дела, а также из судебного разбирательства устранялось то, что не имело отношения к делу³.

Системный анализ решений данных судебных органов позволяет прийти к выводу о том, что стремление к эффективной уголовно-процессуальной деятельности – это не просто реакция высших судов на конкретные ситуации, а принципиальные судебные правовые позиции. Игнорирование их чревато в лучшем случае изменениями судебного решения, а в худшем – его отменой.

¹ Постановления Конституционного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 25. Ст. 3315; от 18 марта 2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части 2.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1526.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 7 декабря

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2016. 6 апреля.

Эффективность представляет собой требование наиболее общего содержания, которое отражает важнейшие направления и способы правовой регуляции человеческой деятельности. Требование эффективной деятельности, в частности деятельности уголовно-процессуальной, подтверждает «...заинтересованность людей наделить право такими свойствами, которые в наибольшей степени могли бы удовлетворить их потребности»¹.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, касающиеся требований эффективной уголовно-процессуальной деятельности, влияют (или должны влиять) на ее механизм, обеспечивая преодоление выявленных недостатков этой деятельности, совершенствование системы законодательства и получение ожидаемого результата по каждому конкретному уголовному делу.

Эффективность выступает общим требованием, предъявляемым к деятельности любого должностного лица на любой стадии уголовного судопроизводства. Это правовое положение взаимодействует с другими принципами уголовного процесса, не находится в положении подчиненности. Оно не выводится из других понятий, более того, оно охватывает ряд необходимых и важных составляющих. Деятельность эффективна в том случае, если она будет осуществляться своевременно, с соблюдением сроков, установленных в законе. Эффективная деятельность предполагает осуществление ее с высоким качеством, такая деятельность должна быть доступна всем участникам процесса и лицам, в ней задействованным. Она должна быть справедливой, экономичной в той мере, в какой это возможно без ущерба для качества и законности ее осуществления, и достаточна для принятия определенного решения.

Поскольку правовая категория «эффективность» в настоящее время выполняет функцию регулятора общественных отношений, как это выполняют и принципы уголовного судопроизводства, «эффективность» как обязательное требование к уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивающее получение

¹ Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 150.

законного, обоснованного и справедливого приговора, вправе претендовать на статус принципа уголовного процесса.

Эффективность тесно взаимосвязана с принципами уголовного судопроизводства, ведь нарушение реализации принципов в ходе уголовно-процессуальной деятельности исключает возможность признания данной деятельности эффективной, а некоторые принципы, например, законность, выступают критериями эффективной деятельности¹. Об этом более подробно будет изложено в следующей главе нашей работы.

Эффективность сама по себе представляет созданную обществом культурную ценность, взаимосвязанную с вопросами общей и правовой культуры государства и общества, которая определяется и политическими, и социальными условиями. Чем выше материальный уровень жизни людей, тем выше и правовая культура. Она проявляется, в частности, как в установлении режима законности, так и в правильном понимании и реализации основных начал уголовно-процессуальной деятельности. При этом на первое место выдвигается потребность соблюдения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в соответствующие правоотношения.

В данной работе, как и в науке уголовно-процессуального права в целом, термины «уголовное судопроизводство», «уголовный процесс», «уголовно-процессуальная деятельность» рассматриваются как равнозначные понятия, т. е. это – система действий и решений, осуществляемых в установленном законом порядке, в связи с чем ее участники наделены определенными правами.

В науке не выработано единого понятия уголовно-процессуальной деятельности². М.С. Строгович определял уголовно-процессуальную деятельность как «совокупность совершаемых в установленном процессуальным законом порядке действий участников процесса: суда, прокуратуры, органов следствия и

¹ *Гриненко А.В.* Принципы уголовного судопроизводства в законодательстве Российской Федерации и иных государств – членов СНГ // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. С. 302-306.

² *Малахова Л.И.* Уголовно-процессуальная деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 132.

дознания, обвиняемого и его защитника, потерпевшего и его представителя по уголовному делу»¹. Такая формулировка не была единодушно принята учеными. Дискуссии возникли относительно круга субъектов, осуществляющих данную деятельность: это – только должностные лица, в чьи обязанности входила указанная деятельность по возбуждению, расследованию и рассмотрению уголовных дел, либо и лица, преследующие свой собственный интерес, например, потерпевший, обвиняемый, гражданский истец, или в этот круг могут быть включены и иные участники процесса, такие как свидетели, понятые и т. д.² З.Ф. Коврига писала, что это – «сложное, внутренне дифференцированное единство многих составляющих ее компонентов (субъектов и участников, целей и результатов, действий и операций, средств и способов их осуществления), которые не только функционально взаимодействуют, но и органически соединены между собой с помощью процедурно-временных (стадий процесса) и структурных, управленческих, координационных и субординационных связей и отношений»³. Однако, описав многие компоненты уголовно-процессуальной деятельности, профессор не указала, в чем конкретно проявляется этот феномен.

И.И. Полякова рассматривает понятие юридической деятельности как разновидности социальной, под которой, по ее мнению, понимается «совокупность специфических действий и операций, осуществляемых уполномоченными субъектами на основе правовых средств, в рамках юридической технологии и в процессуальной форме, направленных на достижение социально значимых результатов для удовлетворения потребностей и интересов личности, общества и государства»⁴. Представляется, что данное определение чрезмерно широко и поэтому весьма удачно отражает общее понятие юридической деятельности, но не

¹ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. М., 1968. С. 182.

² Уголовный процесс / под ред. М.А. Чельцова. М., 1969. С. 10-11; *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. М., 1968. С. 205; *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 46-47.

³ *Коврига З.Ф.* Судебная деятельность и судебная практика: понятие, структура, соотношение // Юридические записки. Вып. 8. Российское уголовное законодательство: Проблемы теории и практики / под ред. К.А. Панько. Воронеж, 1999. С. 126.

⁴ *Полякова И.И.* Процессуальное производство в юридической деятельности: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2018. С. 12.

совсем подходит для дефиниции эффективной уголовно-процессуальной деятельности, которая требует конкретизации и выделения специфических черт.

По мнению В.А. Сапуна «деятельность – это активное воздействие субъекта на объект (предмет) правового регулирования, осуществляемое с помощью правовых средств, ради достижения стоящих перед субъектом целей и решения конкретных задач»¹.

В несколько ином плане представляет себе дефиницию понятия уголовно-процессуальная деятельность Е.В. Алексеев, который, делая попытку разработать концепцию организационных основ уголовно-процессуальной деятельности, во главу угла данного понятия поставил культурно-историческое и духовно-нравственное наследие российского народа в уголовно-процессуальной сфере. Его формулировка понятия уголовно-процессуальной деятельности звучит так: «Уголовно-процессуальная деятельность представляет собой совокупность процессуальных действий и решений должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с присущим им правосознанием, обусловленным культурно-историческим и духовно-нравственным наследием российского народа»². Бесспорно, отрицать целесообразность учета при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности менталитета российского народа, его духовно-нравственное наследие было бы неправильным, но отказываться от упоминания в понятии о необходимости осуществления деятельности в соответствии с требованиями закона нельзя. Кстати, следует отметить, что закон, ориентированный на Запад, в настоящее время не всегда учитывает и отражает указанные культурно-исторические и нравственные ценности российского народа.

Л.И. Малахова считает, что уголовно-процессуальную деятельность следует понимать в широком и узком значении. «Уголовно-процессуальная деятельность – это система целенаправленных действий отдельных участников уголовного

¹ Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 168, 171.

² Алексеев Е.В. Организационные основы уголовно-процессуальной деятельности: понятие и структура: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.

судопроизводства, осуществляемая в пределах предоставленных им уголовно-процессуальным законом прав и возложенных обязанностей; в узком значении – деятельность отдельных участников судопроизводства, состоящая из процессуальных действий»¹. В данном определении возражение вызывает отсутствие каких-либо требований, предъявляемых к совершению следственных действий в узком значении уголовно-процессуальной деятельности.

Поскольку настоящее исследование посвящено не просто уголовно-процессуальной деятельности, а деятельности именно эффективной, следует обратить внимание на некоторые моменты.

Формирование понятия предполагает исследование его структурных элементов. Классическая праксеологическая модель деятельности, определяя наиболее устойчивые ее элементы (субъект – средство – объект), не исключает при этом возникновения непредвиденных и (или) побочных результатов, на что совершенно правильно указывали ученые². Полагаем, что предлагаемая модель не вполне возможна для осуществления деятельности, претендующей на статус эффективной, поскольку эта деятельность обладает своими специфическими особенностями, что и предопределяет наличие несколько иных структурных элементов. Представляется возможным выделить: цели и задачи эффективной уголовно-процессуальной деятельности; субъектов данной деятельности; правовые средства, способные обеспечить эффективную деятельность; собственно деятельность с применением правовых средств; результат деятельности.

Что касается целей и задач, то М.Н. Андрющенко, исследуя философский аспект указанных понятий, обратил внимание на то, что «эффективность выступает мерой возможности, но не любой, а той, которая выражает цель человека, реализует его идею, то есть эффективность есть мера возможности с точки зрения ее близости

¹ Малахова Л.И. Уголовно-процессуальная деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 48-49, 56.

² Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 168, 171.

к наиболее целесообразному, необходимому (нужному) человеку результату. Более точно речь идет о близости к цели в ее оптимальном выражении»¹.

Любая деятельность преследует достижение какой-либо цели. Вполне логично, что перед началом деятельности определяются ее желательный результат, конечная цель, ради которой, собственно, указанная деятельность и осуществляется, с учетом объективно сложившихся обстоятельств. В ходе деятельности могут быть также поставлены промежуточные задачи, поэтапное достижение которых позволит в конечном счете достигнуть желаемой цели. Именно цель определяет целесообразность выбора тех либо иных средств ее достижения, а промежуточный результат позволяет убедиться в правильности применения этих средств. Если деятельность осуществлялась правильно, а поставленная цель достигнута, можно говорить об эффективности данной деятельности. Однако применительно к уголовно-процессуальной деятельности особенность состоит в том, что отсутствие необходимого результата не всегда свидетельствует о её неэффективности, но важна сама процедура осуществления деятельности.

Действующий уголовно-процессуальный закон не содержит упоминаний о цели и задачах уголовно-процессуальной деятельности. Указав в статье 6 УПК РФ на назначение уголовного судопроизводства, законодатель не встретил единодушного одобрения со стороны многих ученых. А.Д. Бойков, например подчеркивал, что «новый УПК РФ вообще не содержит задачи (цели) уголовного процесса, которые должны раскрывать его содержание. Вместо них в ст. 6 УПК РФ появилось «назначение» УПК РФ, которое расходится с реальностью»². На отсутствие цели и задач в тексте нового закона указывали также В.П. Божьев, С.В. Бородин, А.А. Давлетов, В.Н. Кудрявцев, Э.Ф. Куцова, В.В. Лунеев,

¹ Андриященко М.Н. Понятие эффективности и его философский смысл // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Вып. 12. Л., 1971. С. 45-46.

² Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9. С. 89-120.

И.Л. Петрухин и другие ученые¹. Пытаясь заполнить образовавшийся вакуум, они высказывали свои предложения, что следует считать целью, а что задачами. А.А. Давлетов, указывал, что «назначение» – это внешняя оценка уголовно-процессуальной деятельности, а цель и задачи служат внутренним указателем, организующим и мотивирующим правоприменителя на конечный результат. При этом он поддерживал авторов, определяющих цель как защиту общества и человека от преступных посягательств, а задачи, по его мнению, вытекают из содержания действующего уголовно-процессуального права².

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, оправдывая такой подход законодателя, пишут, что, поскольку термины «назначение» и «цель» синонимы³, вполне допустимо и применение термина «назначение» вместо ранее использованного термина «цель». Они также считают, что вполне возможно расширительно толковать содержание ст. 6 УПК РФ применительно к публичным интересам. По их мнению, «цель – это предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить, а задача уголовного производства – «разрешение конкретных уголовных дел», а точнее – «выяснение и разрешение в процессуальных формах вопроса о необходимости и возможности применения норм уголовного права к конкретному жизненному случаю»⁴.

В предмет нашего исследования не входит рассмотрение проблем, связанных с отказом законодателя от формулирования в качестве цели уголовно-процессуальной деятельности борьбы с преступностью и конкретных задач,

¹ *Бородин С., Клебанов Л.* Защита личности в России (криминологический и уголовно-правовой аспекты) // Уголовное право. 2002. № 2. С. 105-111; *Давлетов А.А.* Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть. Курс лекций. Екатеринбург, 2010. С. 12; *Кудрявцев В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юристъ, 2003. С. 80-95, 117-122; *Бойков А.Д.* Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. 2002. № 3. С. 63-69; *Куцова Э.Ф.* Уголовный процесс России: истина и состязательность // Законодательство. 2002. № 9. С. 71-79; *Петрухин И.Л.* Теоретические основы уголовного процесса в России. Ч. 1. М.: Велби, 2004. С. 45.

² *Давлетов А.А.* Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть. Курс лекций. Екатеринбург, 2010. С. 12.

³ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 380.

⁴ *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2004. С. 30-31.

решение которых сможет обеспечить достижение указанной цели, например быстрое и полное раскрытие преступлений, своевременное реагирование на каждое сообщение о преступлении, всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств дела¹ и т. д. Поэтому мы затронем только тот аспект указанного вопроса, который, на наш взгляд, непосредственно связан с обеспечением эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Понятие «цель» по-разному воспринимается учеными. Некоторые соглашались с выводом, что «цель это – предмет стремления, то, что желательно осуществить»², однако О.И. Джиоев, не соглашаясь с такой трактовкой, писал, что «...в повседневной жизни мы говорим о стремлении к цели, подразумевая под целью некое будущее состояние. По логике выходит, цель находится в будущем, в настоящем ее нет, а имеется лишь стремление к ней. В действительности то, что настоящее устремлено к чему-то будущему, – это и есть целевое отношение, целевое состояние»³. Такой подход к определению указанного понятия вполне оправдан, поскольку вся деятельность в уголовном судопроизводстве осуществляется лишь для того, чтобы получить ожидаемый результат. Цель формируется еще до начала деятельности, определяется реальность ее достижения, выбираются средства, соответствующие цели, и продумывается механизм их применения.

О каком именно результате может идти речь при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности? В науке уголовного судопроизводства в отношении данного вопроса существует несколько концепций, которые появились в конце XIX – начале XX в. Это и концепция разрешения правового спора, о которой писал еще Н.Н. Розин и которая совершенно справедливо не была принята большинством

¹ Григорян В.Л. О всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела в контексте единого принципа уголовного судопроизводства // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 1. С. 51-57.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 810.

³ Джиоев О.И. Природа исторической необходимости. Тбилиси, 1967. С. 14.

ученых¹, это и концепции достижения объективной истины по уголовному делу, правильного применения уголовного закона, искоренения преступности, справедливого наказания виновного.

Правоохранительные органы как органы государства своей деятельностью обеспечивают достижение государственных целей достаточно значимого уровня: решение политических, социальных, экономических, правовых и других задач государства. Правовые цели государства определяются в глобальном масштабе (например, укрепление законности и правопорядка в стране, предупреждение и искоренение преступности, охрана прав и законных интересов личности). Эти цели – вечные, недостижимые и невыполнимые. Очевидно, что к ним надо стремиться, строить планы по их достижению, но при этом реально достичь их нельзя, поскольку пока будет существовать человеческое общество, всегда будут находиться отдельные его члены, склонные нарушать законность и правопорядок, совершать проступки и преступления. Недостижимо, на наш взгляд, и назначение уголовно-процессуальной деятельности, указанное законодателем в ст. 6 УПК РФ, которое позиционируется многими учеными как цель уголовного судопроизводства. Анализ статистических данных показывает, что ежегодно остаются нераскрытыми достаточно большое количество преступлений, и данные цифры имеют тенденцию к росту. Например, по данным, опубликованным на сайте Генеральной прокуратуры РФ за 2018 г., остались нераскрытыми 860 408 преступлений, а за 2019 г. – уже 915 204, а в 2020 г. – не раскрыто 963 752 преступления. В 2018 г. прокурорами было отменено 2 225 641 постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в 2019 г. – 2 035 927, а в 2020 г. – 1 809 511 постановлений².

Вот поэтому утверждать о том, что система действий и решений органов государства, предпринимаемых для достижения указанных целей, эффективна, вряд ли уместно.

¹ Розин Н.Н. К вопросу о новой теории уголовного процесса // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 2. С. 312.

² Портал правовой статистики // [Электронный ресурс] URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения 19.04.2020).

Полагаем, что говорить об эффективности уголовно-процессуальной деятельности возможно только применительно к деятельности должностных лиц правоохранительных органов и суда при расследовании и рассмотрении конкретных уголовных дел. Цель данной деятельности конкретна, понятна и достигаема. Это выяснение того, имело ли место преступное деяние, кто его совершил, виновен ли он. Не по всем уголовным делам, находящимся в производстве, цель достигается или достигается сразу. Причины могут быть разными.

Так, приговором Тракторозаводского районного суда г. Челябинска от 27 октября 2016 г. К.В.В. осужден по ч. 1 ст. 228.1 (два преступления), ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 231 УК РФ на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ к лишению свободы на срок 10 лет 2 месяца с отбыванием в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 150 000 рублей.

Апелляционным определением Челябинского областного суда от 23 июня 2017 г. приговор отменен с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство в связи с тем, что подсудимому не было обеспечено право давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний.

Определяя порядок исследования доказательств, сторона защиты заявила, что подсудимый будет давать показания после допроса свидетелей защиты, исследования материалов уголовного дела и вещественных доказательств. В последующем судебные заседания неоднократно откладывались в связи с неявкой свидетелей стороны защиты, при этом судом принималось решение об их повторном вызове. Между тем явка свидетелей в суд обеспечена не была. Каких-либо сведений, подтверждающих, что судом были приняты все достаточные меры для их извещения, в материалах уголовного дела не имеется. Несмотря на это, вопреки ранее установленному порядку исследования доказательств стороны защиты председательствующий предложил подсудимому дать показания. Последний заявил о невозможности давать показания, мотивируя это тем, что готовился к допросу свидетелей. Более того, он указал, что от дачи показаний не

отказывается, но необходимые для этого документы у него отсутствуют, в связи с чем ходатайствовал об объявлении перерыва. В удовлетворении данного ходатайства суд отказал, необоснованно расценив изложенную позицию К.В.В. как отказ от дачи показаний. После чего суд постановил судебное следствие окончить, перейти к прениям сторон, чем лишил возможности К.В.В. выступить по существу предъявленного обвинения в ходе судебного следствия, т. е. права защищаться от предъявленного ему обвинения, чем были нарушены требования ст. 274-275 УПК РФ. Мнение подсудимого к предъявленному обвинению осталось невыясненным.

В нарушение положений ст. 15 УПК РФ суд не создал необходимых условий для осуществления стороной защиты и иных предоставленных прав.

Так, из материалов уголовного дела видно, что, откладывая судебные заседания для вызова свидетелей стороны защиты, указанных в списке обвинительного заключения, суд не принимал надлежащих мер к их извещению.

Кроме того, исходя из требований УПК РФ, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. В приговоре должны быть всесторонне проанализированы все исследованные в судебном заседании доказательства – как подтверждающие выводы суда о виновности подсудимого в совершении преступления, так и противоречащие им. Если суд отвергает какие-либо доказательства, то он должен привести соответствующие мотивы своего решения. Данные требования судом также не были соблюдены.

В частности, в судебном заседании была допрошена в качестве свидетеля Ч.Ю.В., на показания которой адвокаты ссылались как на алиби К.В.В. Согласно ее показаниям, 20 октября 2015 г. в вечернее время он находился дома и никуда не отлучался. В подтверждение того, что в указанный день, а также 26 октября 2015 г. он не мог совершить вменяемые ему преступления, адвокатом были представлены объяснения Б.Р.М. и П.А.А. Между тем никаких мер по проверке заявленного алиби суд не предпринял, оставив доводы адвокатов в защиту К.В.В. нерассмотренными. При этом показания свидетеля Ч.Ю.В. в протоколе судебного заседания приведены не полностью, в приговоре не изложены и не оценены.

В силу положений ст. 240 УПК РФ суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания. Вопреки этим требованиям закона в подтверждение выводов о виновности осужденного суд сослался в приговоре на ряд доказательств, которые, согласно протоколу судебного заседания, сторонами не предоставлялись и в судебном заседании не исследовались.

В соответствии с ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ изложенные нарушения уголовно-процессуального закона являлись существенными, поскольку несоблюдение процедуры судопроизводства, нарушение права на защиту, принципа состязательности и презумпции невиновности, постановление обвинительного приговора на доказательствах, не исследованных в судебном заседании, составление протокола с нарушением ст. 259 УПК РФ лишили участников уголовного судопроизводства гарантированных УПК РФ прав. При таких обстоятельствах приговор был отменен, поскольку допущенные нарушения неустранимы в суде апелляционной инстанции¹.

Данный пример подтверждает, что неправильно проведенное расследование может повлечь совершение ошибок и в судебном разбирательстве, а это увеличивает временные и фактические затраты и в целом исключает признание деятельности по данному конкретному делу эффективной.

Под задачей принято понимать то, что требует исполнения, разрешения на пути к достижению цели. Например, при разработке версии по конкретному уголовному делу продумывается перечень следственных действий, совершение которых возможно и целесообразно именно при данных конкретных обстоятельствах. На выбор конкретных задач влияет множество обстоятельств, например, установлена личность преступника или нет, признает ли он свою вину, какие преступления совершил, их количество и тяжесть и т. д. Задачи определяются индивидуально по каждому уголовному делу и в отношении деятельности каждого

¹ Уголовное дело № 10-2814/2018 // Архив Челябинского областного суда за 2018 г.

участвующего в ней лица, и поэтому точный их перечень установить достаточно сложно, хотя некоторые задачи, которые решаются при расследовании и рассмотрении уголовных дел, указать можно (например, возмещение потерпевшему причиненного ущерба, полное и объективное установление всех обстоятельств совершенного преступления, обеспечение прав обвиняемого, выявление причин и условий совершения преступления). Что касается участвующих лиц, то задачи поняты состоят в удостоверении обстоятельств проводимого с их участием процессуального действия и правильная фиксация его результатов, а задача надзирающего за предварительным следствием прокурора – в обеспечении законности деятельности органов предварительного следствия.

Поставленные правильно и решенные в ходе уголовно-процессуальной деятельности задачи обеспечивают ее эффективность.

Для любой деятельности, и прежде всего эффективной, важен субъектный состав, т. е. те лица, которые в данной деятельности задействованы. Полагаем, что на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности оказывает непосредственное влияние не только деятельность должностных лиц, наделенных полномочиями по расследованию и рассмотрению уголовного дела, но и участие в этой деятельности иных лиц: обвиняемого, защитника, свидетелей, специалистов и др. От реализации ими своих конкретных задач во многом зависит не только ход уголовно-процессуальной деятельности, но и её результат. Например, ошибки эксперта при определении времени наступления смерти потерпевшего могут повлечь ошибки следственных органов в отношении установления причастности лица к преступлению. Поэтому нельзя согласиться и признать правильным мнение тех ученых, которые полагают, что эффективность уголовно-процессуальной деятельности зависит только от должностных лиц.

Следующие элементы уголовно-процессуальной деятельности будут более подробно исследованы в следующих параграфах работы.

Таким образом, эффективная уголовно-процессуальная деятельность – это деятельность, направленная на достижение поставленной цели и решения промежуточных задач, осуществляемая строго в рамках закона и в соответствии с

предъявляемыми к ней требованиями, охватываемыми данным понятием (справедливости, объективности, качественности, доступности, экономичности, своевременности, достаточности и результативности).

§ 3. Критерии эффективности уголовно-процессуальной деятельности

М.С. Строгович, Л.Б. Алексеева, А.М. Ларин, утверждая, что критерии – это лишь некоторые признаки достижения цели, но не сама цель¹, не ответили на вопрос, какие критерии могут быть положены в основу эффективной уголовно-процессуальной деятельности, при каких условиях эффективность уголовного судопроизводства может быть достигнута. Эффективна или нет уголовно-процессуальная деятельность, позволяют определить критерии, под которыми принято понимать признаки либо совокупность признаков, позволяющих оценить какое-либо понятие, категорию². Обращаясь к данной проблеме, ученые высказывали различные мнения. Например, Л.Б. Алексеева, И.Б. Михайловская указывали на то, что показателями эффективности являются конкретные действия суда, включая вынесение законных и обоснованных решений³. Если определять, эффективна либо нет конкретная деятельность какого-то определенного суда, то такой подход, возможно, был бы оправдан, но если в целом характеризовать судопроизводство по уголовному делу, то следует учитывать и досудебное производство. А.Ю. Астафьев в качестве основного критерия эффективной судебной деятельности выделял законность, которая, по его мнению, имеет количественные показатели, позволяющие применить развернутую систему оценок данного явления⁴. Как представляется, законность в уголовном судопроизводстве

¹ *Строгович М.С., Алексеева Л.Б., Ларин А.М.* Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 231-232.

² Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 329.

³ *Алексеева Л.Б., Михайловская И.Б.* Показатели эффективности уголовного судопроизводства и некоторые вопросы оценки работы судебных органов // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 24. С. 48.

⁴ *Астафьев А.Ю.* Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2013. С. 98.

не может быть дозированной, она не может иметь различные уровни: высокий уровень законности либо низкий, ведь законность либо есть, либо ее нет, а нарушение закона полностью исключает возможность вести речь об эффективности. Т.Г. Морщакова считала, и с этим нельзя не согласиться, что необходимо четкое разграничение понятий эффективности и качества правосудия¹. И.Л. Петрухин выделял несколько критериев эффективности правосудия: правильное разрешение судами уголовных дел; состояние законности при осуществлении правосудия; охрана прав и законных интересов граждан, участвующих в судопроизводстве; воспитательное воздействие правосудия на лиц; возмещение ущерба, причиненного преступлением; принятие судами мер для устранения обстоятельств, способствующих совершению преступления².

Рассматривая вопросы эффективности прокурорского надзора, А.Л. Гусева и В.А. Данилова в качестве критериев эффективности выделяли законность, доступность, востребованность и компетентность прокурорского надзора³. Не возражая против таких позиций из числа указанных, как законность и доступность, следует все же заметить, что востребованность и компетентность не в состоянии обусловить правильность осуществления деятельности (в данном случае – прокурора). Востребованность оправдывает существование данного института, а компетентность сотрудников прокуратуры позволяет предположить возможность правильного разрешения поставленных вопросов, но не гарантирует осуществления правильной деятельности. В.К. Зникин в понятие эффективности предварительного расследования включал такие критерии, как законность, надежность, экономичность, оптимальность и рациональность организационных и

¹ *Морщакова Т.Г.* Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам (процессуальные, статистические и социологические аспекты): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1988. С. 7.

² *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г.* Теоретические основы эффективности правосудия (по уголовным делам). М., 1979. С. 201.

³ *Гусева А.Л., Данилова В.А.* Об эффективности прокурорского надзора в обеспечении защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика.* 2017. № 9 (153). С. 80-83.

процессуальных действий дознавателя и следователя, прокурора, руководителя следственного отдела и начальника органа дознания¹.

Если законность и экономичность представляются весьма понятными категориями, то определение надежности, оптимальности и рациональности в уголовно-процессуальной деятельности вызывают недоумение и совершенно адекватные вопросы, что следует понимать под этими терминами. Представляется, что критерии эффективности уголовно-процессуальной деятельности должны быть конкретными и проверяемыми. Если определить степень оказания воспитательного воздействия правосудия как на лиц по конкретному уголовному делу, так и на деятельность судов в целом, невозможно, то и указывать данное положение в качестве критерия эффективности уголовно-процессуальной деятельности нецелесообразно.

В.Т. Томин и его соавторы М.П. Поляков и А.П. Попов полагали, что «в самом общем плане эффективность можно определить как достижение поставленной цели (совокупности задач) при наименьших затратах сил и средств. В таком же общем плане эффективность уголовного судопроизводства надо определить как достижение цели по каждому конкретному уголовному делу при минимуме ущемления законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Что касается материальных затрат на уголовное судопроизводство, то ... при рассмотрении проблемы эффективности уголовно-процессуальной деятельности они должны рассматриваться как константа (постоянная величина)»².

На наш взгляд, предложенное определение некоторые особенности исследуемой правовой категории «эффективность уголовного судопроизводства» раскрывает односторонне. Во-первых, как уже обращалось внимание, в уголовно-

¹ Зинкин В.К. Некоторые проблемы эффективности и качества досудебного производства // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 20-24.

² Томин В.Т., Поляков М.П., Попов А.П. Очерки теории эффективного уголовного процесса: монография. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 12; Томин В.Т. Стратегия уголовного судопроизводства и некоторые ее составляющие: понятийный и терминологический инструментарий исследования // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 4. С. 152-158.

процессуальной деятельности важна не только цель, но и процедура, в соответствии с которой деятельность осуществляется и цель достигается. Во-вторых, непонятно, как можно определить тот минимум ущемления прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, о котором писали авторы. Уголовно-процессуальная деятельность осуществляется с применением мер принуждения, и в этом отличие от иной деятельности, осуществляемой в рамках, например, гражданского судопроизводства. Уголовно-процессуальный закон гарантирует законность применения любых принудительных мер, вызов на допрос в качестве свидетеля, уголовно-процессуальное задержание, проведение обыска и т. д., которая обеспечивается ведомственным, судебным контролем, прокурорским надзором. Исходя из этого, думается, что любые решения о совершении действий, затрагивающих права и законные интересы граждан, представляют собой тот минимум ущемлений их прав, который возможен и целесообразен по конкретному уголовному делу. Но этот минимум нельзя определить в цифрах, поскольку речь не идет об экономических показателях, а исследуются иные категории, в данном случае – правовые.

Полагаем, что деятельность в уголовном судопроизводстве достигнет своей цели, указанной в УПК РФ, и при этом будет эффективной, если она будет отвечать следующим критериям (требованиям): будет осуществляться своевременно, качественно, отвечать требованиям справедливости, достаточности, объективности, будет законна и доступна, экономична и результативна.

Указанный перечень ценностей не является случайным, он позволяет оценивать эту деятельность и охватывает все важные ее направления (аспекты).

Правовой аспект выражается в соответствии указанной деятельности нормам уголовно-процессуального права, принципам как основным, так и специальным, обеспечивающим именно эффективную деятельность, и проявляется в таком критерии эффективной уголовно-процессуальной деятельности, как законность. Под технологическим аспектом подразумевается процедура реализации правовых норм, разработанных и успешно применяемых на практике приемов, средств и способов осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Его

обеспечивают критерии – своевременность, качественность, достаточность, доступность уголовно-процессуальной деятельности. Суть экономического аспекта в уголовно-процессуальной деятельности проявляется в выборе, если это возможно, наиболее экономичных средств ее осуществления. Социальный аспект выражается в принятии и одобряемости обществом рассматриваемой нами уголовно-процессуальной деятельности, благодаря чему деятельность должна развиваться и меняться в лучшую сторону. Он проявляется в таких критериях, как справедливость, объективность и результативность.

Рассмотрим указанные критерии более подробно.

Уголовно-процессуальная деятельность участников уголовного судопроизводства, как и любая деятельность человека, всегда протекает в определенный отрезок времени, в течение которого на данную деятельность оказывается соответствующее воздействие. Во-первых, это социальный контроль, который проявляется через оценку уголовно-процессуальной деятельности обществом на предмет того, насколько быстро она осуществляется. Во-вторых, это воздействие, выраженное в обеспечении охраны прав и законных интересов граждан, втянутых в орбиту уголовного судопроизводства, и проявляющееся в мерах, принимаемых к лицам, умышленно затягивающим сроки расследования и рассмотрения уголовных дел. И, в-третьих, это воздействие, регулирующее уголовно-процессуальные отношения путем установления сроков совершения определенных действий или принятия определенных решений.

Можно согласиться с мнением, что время, в течение которого осуществляется уголовно-процессуальная деятельность, т. е. «правовое время», представляет собой особую функциональную категорию, выражающую юридически обоснованные параметры возникновения, продолжительности и завершения правовых состояний и отношений¹. Движение, время представляют особый интерес именно в процессуальной деятельности, поскольку уголовное судопроизводство должно осуществляться в определенные законом сроки, которые

¹ Кондрашов Ю.А. Фактор времени в юридической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 8.

не всегда соблюдаются. Например, достаточно часто нарушения встречаются при решении вопроса о возбуждении уголовных дел.

Изучение 1 274 уголовных дел и материалов об отказе в их возбуждении позволило установить, что в срок до 3 суток решения принимались лишь по 24 % сообщениям; 32 % сообщений разрешается в срок от 3 до 10 суток; свыше 10 суток – 27 %, а остальные 17 % – с превышением месячного срока. Причем в 30 % случаев для того, чтобы уложиться в отведенные законодателем 10 суток, выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые в дальнейшем отменяются. Заявителю вместе с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела направляется уведомление, в котором указывается дословно следующее: «данное решение принято из-за истечения сроков проведения следственной проверки»¹.

Исследуя способы проявления времени в уголовно-процессуальной деятельности, ученые единодушно выделяют среди них длительность, рассматривая ее как продолжительность существования правовых отношений, событий, явлений, состояний во времени². Это, бесспорно, еще раз подтверждает существование уголовно-процессуальной деятельности во времени, однако сама по себе длительность осуществления уголовно-процессуальной деятельности не свидетельствует о том, что она будет эффективной. Можно расследовать обстоятельства совершенного преступления несколько лет, но так и не обеспечить привлечение виновного лица к уголовной ответственности. Поэтому в качестве конкретных форм проявления времени в праве (и в уголовно-процессуальной деятельности, в частности) выделяют такие формы, как скорость осуществления уголовно-процессуальной деятельности³ или ее интенсивность (темп), которую

¹ Даровских О.И., Даровских С.М. Своевременность как критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 11-18.

² Петров Г.И. Фактор времени в советском праве // Правоведение. 1982. № 6. С. 46-52; Кондрашов Ю.А. Фактор времени в юридической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 8.

³ Кондрашов Ю.А. Фактор времени в юридической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 9.

определяют как скорость деятельности, выполняемой за единицу времени, быстроту ее развития при достижении какого-либо правового результата¹. Применительно к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности используются также термины «своевременность», «быстрота», «оперативность», «разумный срок» или «процессуальный срок»². Указанные термины, хоть и близки по значению и взаимосвязаны, но по своему содержанию не тождественны.

Процессуальный срок – это срок совершения определенного действия либо принятия определенного решения, предусмотренный уголовно-процессуальным законом. Данное понятие применяется в уголовном судопроизводстве в значениях «определенный период или отрезок времени» и «определенный момент во времени». Например, в ч. 8 ст. 109 УПК РФ указано, что «судья не позднее чем через 5 суток со дня получения ходатайства принимает решение по поступившему ходатайству о продлении срока содержания под стражей», либо свидетеля вызывают повесткой для дачи показаний в определенное время.

В своих работах многие ученые поддерживали позицию, согласно которой одним из критериев эффективности является соблюдение процессуальных сроков. Об этом в своих работах упоминали А.В. Цихоцкий³, Ю.А. Кондрашов⁴, Т.Л. Тенилова⁵. Профессор М.С. Строгович писал о том, что процессуальные сроки и их соблюдение представляют собой необходимое условие, чтобы определенное процессуальное действие имело юридический эффект⁶.

¹ Тенилова Т.Л. *Время в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* Н. Новгород, 1999. С. 12.

² Бедняков И.Л., Развейкина Н.А. Категория «эффективность» в уголовном процессе // *Вестник Самарского государственного университета.* 2014. № 11/2 (122). С. 193-196; Гагиев А.К. Критерии эффективности деятельности судов в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 13-15; Каменков В.С. Важнейшие критерии оценки результативности деятельности судебной системы // *Евразийская адвокатура.* 2012. № 1. С. 84-88; Чучунова Н.С. Эффективность судебного разбирательства в арбитражном суде // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2007. № 5. С. 20-22.

³ Цихоцкий А.В. *Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам.* Новосибирск, 1998. С. 152-156.

⁴ Кондрашов Ю.А. *Фактор времени в юридической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* Саратов, 2012. С. 10.

⁵ Тенилова Т.Л. *Время в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* Н. Новгород, 1999. С. 11-12.

⁶ Строгович М.С. *Курс советского уголовного процесса.* В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 207.

Значимость установления процессуальных сроков в законе бесспорна. Она в том, что сроки стабилизируют уголовно-процессуальные правоотношения, придают им определенность и обеспечивают защиту прав и законных интересов участников. Тем не менее полагаем, что простое соблюдение процессуальных сроков еще не обеспечивает эффективную уголовно-процессуальную деятельность, ведь в некоторых случаях решения хоть и принимаются в установленные законом сроки, но необходимого результата не обеспечивают¹.

Так, по уголовному делу по обвинению гражданина О. следователь назначил проведение судебно-психиатрической экспертизы за 7 дней до истечения 2-месячного срока предварительного расследования, несмотря на наличие документов, подтверждающих пребывание обвиняемого О. в период учебы на стационарном лечении в психиатрической больнице, тем самым обеспечив продление срока предварительного расследования².

Понятие «разумный срок», введенное в УПК РФ Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ³, ученые охарактеризовали как оценочное понятие и особый вид процессуального срока, а также как период времени, необходимый и достаточный для быстрого и эффективного раскрытия преступления и судебного разбирательства⁴.

Как указал профессор В.В. Николюк, «...в первоначальном виде ст. 6¹ УПК РФ, была неспособна изменить ситуацию с чрезмерно длительным расследованием и разрешением уголовных дел, требовались серьезные изменения

¹ Даровских О.И., Даровских С.М. Своевременность как критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 11-18.

² Уголовное дело № 1-67/2018 // Архив Ленинского районного суда г. Челябинска за 2018 г.

³ Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

⁴ Аширбекова М.Т., Кудин Ф.М. Разумный срок как оценочное понятие в уголовно-процессуальном праве // Уголовное судопроизводство. 2011. № 2. С. 21; Азаров В.А., Рожков Д.Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции. Омск, 2013. С. 50.

во всей системе уголовного судопроизводства. Подчеркивая, что при закреплении в ст. 6¹ УПК РФ принципа разумного срока уголовного судопроизводства законодатель не изменил ни одной нормы, регламентирующей сроки производства по уголовным делам, С.С. Безруков резонно заключил: «Статья 6¹ УПК априори не способна стать надежной гарантией от затягивания сроков предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Механизма, способного эффективно противодействовать волоките или неоправданному затягиванию сроков производства по уголовным делам, в уголовно-процессуальном законодательстве так и не появилось. Вместо этого гл. 2 УПК РФ пополнилась очередными декларациями, неспособными хоть сколько-нибудь повлиять на весьма значимую проблему российского уголовного судопроизводства». В 2014-2016 гг. ст. 6¹ УПК РФ была дополнена новыми нормами (чч. 3¹–3³), «приземлившими» общие требования закона о разумном сроке уголовного судопроизводства путем установления конкретных правил определения разумных сроков досудебного производства (ч. 3¹ и ч. 3³), применения мер процессуального принуждения (ч. 3²). Благодаря этим точечным изменениям в ст. 6¹ УПК РФ ее положения стали эпизодически применяться на практике»¹.

Понятие «разумный срок» используется и Конституционным Судом РФ, и Верховным Судом РФ в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности, исходя из положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.² и практики ЕСПЧ. Суды в тексте вынесенных решений упоминают о разумном сроке как средстве, обеспечивающем эффективную уголовно-процессуальную деятельность. Однако применение данного термина к

¹ *Николюк В.В.* Феномен «мертвых» норм в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 2 (77). С. 19-25; *Малофеев И.В.* Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 4; *Вольнец К.В.* Гарантии реализации принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. С. 11-12; *Азаров В.А., Рожков Д.Г.* Обеспечение разумного срока уголовного судопроизводства в суде первой инстанции: монография. Омск, 2013. С. 5; *Безруков С.С.* Глава 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации пополнилась очередной декларацией // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 4 (10). С. 193.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

оценке уголовно-процессуальной деятельности не всегда возможно, например, в отношении процедуры возбуждения уголовного дела, ведь оно возбуждается не в «разумные сроки», а своевременно или нет.

Термин «быстрота» ранее применялся в УПК РСФСР 1960 г., где в ст. 2 говорилось, что задачей советского уголовного судопроизводства является быстрое и полное раскрытие преступлений. Поскольку этимология слова «быстрый» означает совершающийся, осуществляющийся либо происходящий в короткий промежуток времени¹, то оно применяется при характеристике любых стадий уголовного судопроизводства, в том числе и при исследовании вопросов, относящихся к стадии возбуждения уголовного дела, например, быстро или нет принято решение о возбуждении уголовного дела. Рассматривать данную категорию в качестве критерия эффективности уголовно-процессуальной деятельности достаточно сложно, поскольку она не нацелена на достижение эффекта, а быстрота рассмотрения дела при определенных обстоятельствах может противоречить требованиям надлежащего обращения со сторонами и правильности итогового решения. С точки зрения русского языка «быстрый» означает максимально короткий по времени, что не корреспондирует с процедурными положениями УПК РФ.

Полагаем, что в уголовно-процессуальной деятельности как критерий ее эффективности более приемлемо понятие «своевременность». Сложно оспорить вывод, что своевременность – одно из основных, имманентных свойств правовой деятельности, чаще всего тогда, когда устанавливается и реализуется нормативное регулирование деятельности государственных органов и должностных лиц². К вопросам своевременности и быстроты проведения расследования и

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 70, 723.

² Рабинович П.М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Правоведение. 1990. № 3. С. 19-27.

разбирательства уголовного дела обращались Т.Г. Морщакова, Н.Г. Муратова, Г.Д. Харебава¹.

Процессуальная деятельность происходит с формально-определенной скоростью. Вся процедура упорядочена, все элементы структуры процесса следуют друг за другом. Данная взаимосвязь позволяет определять время осуществляемой деятельности, скорость, необходимый момент проведения процедур.

Своевременность уголовно-процессуальной деятельности представляет собой разумное соотношение временных параметров уголовно-процессуальной деятельности и реальной действительности. Своевременность заключается в оценке начала процессуальной деятельности при наличии соответствующих оснований для ее возникновения, периода и порядка ее осуществления с соблюдением процессуальной формы проведения следственных, иных процессуальных действий в досудебном производстве, а также судебных действий и принятия решений.

Термин «своевременный» означает «осуществляемый в нужный момент, в свое время»², поэтому своевременность следует оценивать как более широкое понятие по отношению к понятиям «процессуальный срок» и «разумный срок». Процессуальный срок позволяет определить конкретные сроки и периоды процессуальной деятельности, например, момент возбуждения уголовного дела, срок проведения процессуального действия, срок принесения апелляционной жалобы. Разумный срок уголовного судопроизводства в соответствии с требованиями УПК РФ призван обеспечивать возможность определения периода

¹ *Морщакова Т.Г.* Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам (процессуальные, статистические и социологические аспекты): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1988. С. 192-246; *Муратова Н.Г.* Эффективность предварительного следствия – Европейский стандарт справедливости уголовного судопроизводства // [Электронный ресурс] URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/34362/Effektivnost_predvaritelnogo_sledstviya_evropejskij_standart_spravedlivosti_ugolovno_sudoproizvodstva.pdf?sequence=1 (дата обращения: 11.03.2019); *Харебава Г.Д.* Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2012. С. 150-160.

² *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 703.

процессуальной деятельности с момента начала уголовного преследования до момента его прекращения либо вынесения обвинительного приговора.

Своевременность позволяет нам оценивать период деятельности, предшествующей моменту обращения в органы, призванные принимать процессуально значимые решения, например, своевременно ли лицо, которому в результате преступных действий причинен вред, обратилось в правоохранительные органы. Если данный период от момента совершения преступления и до момента обращения с заявлением незначителен, это может обеспечить проведение предварительного расследования в разумные сроки.

Способность определить своевременность проведения процессуальной деятельности позволяет избежать в ходе уголовного судопроизводства неоправданных задержек при совершении следственных действий, принятия значимых процессуальных решений, составлении процессуальных документов. В приведенном ранее примере своевременность назначения судебно-психиатрической экспертизы определяется моментом появления в материалах уголовного дела документа, подтверждающего постановку обвиняемого на учет в психиатрической больнице. Своевременность уголовно-процессуальной деятельности также обеспечивается отсутствием необоснованного приостановления хода предварительного расследования и отложения судебного заседания.

Понятие «своевременность» поглощает собой понятие «процессуальный срок», поскольку именно процессуальные сроки в уголовно-процессуальном законе определяют момент или период, который требуется для обеспечения нормального осуществления данной деятельности. Взаимосвязь своевременности уголовного судопроизводства и разумного срока осуществления уголовно-процессуальной деятельности прослеживается в том, что своевременное проведение предварительного расследования или судебного разбирательства исключает возможность нарушать процессуальные сроки и обеспечивает осуществление уголовного процесса в разумный срок.

Понятие «своевременность» активно используется в уголовно-процессуальной деятельности как на досудебных, так и на судебных стадиях процесса. Например, в ч. 3³ ст. 6¹ УПК РФ, где говорится о таком обстоятельстве, как «своевременность обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред...», или в ч. 3 ст. 389¹² УПК РФ, где упоминается, что «неявка лиц, своевременно извещенных о месте, дате и времени заседания суда апелляционной инстанции, за исключением лиц, участие которых в судебном заседании обязательно, не препятствует рассмотрению уголовного дела».

При анкетировании на вопрос «Может ли правовая категория «своевременность» выступать в качестве критерия эффективности уголовно-процессуальной деятельности?» 60,4 % опрошенных судей ответили положительно, 3,45 % – отрицательно, 2,0 % – затруднились с ответом. На этот же вопрос следователи ответили: положительно – 37,8 %, 49,3 % – предпочли быстроту или разумный срок, 5,0 % затруднились ответить на этот вопрос. Из числа адвокатов 51,6 % высказались положительно, 35,5 % указали быстроту или разумный срок как критерий эффективности, затруднились с ответом 1,6 %.

К вопросам, касающимся обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности, своевременно и неоднократно обращался в своих решениях и Конституционный Суд Российской Федерации, который не только развивал положения, выработанные ЕСПЧ относительно эффективного уголовного судопроизводства, но и формулировал свои правовые позиции.

В своем постановлении от 23 марта 1999 г. № 5-П¹ Конституционный Суд РФ сформировал правовую позицию, обосновывающую необходимость своевременного обращения в суд с жалобами на действия и решения органов

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 133, ч. 1 ст. 218 и ст. 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырского, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1749.

предварительного расследования.¹ Он указал, что предназначение досудебных стадий процесса состоит в том, чтобы обеспечить условия эффективного осуществления правосудия. Суды, разрешая уголовное дело на основе исследования в судебном заседании всех требуемых обстоятельств, осуществляют проверку процессуальных актов и других материалов досудебного производства, но если действия и решения органов предварительного расследования не только затрагивают уголовно-процессуальные правоотношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, ограничивают права и свободы личности, то контроль суда в этом случае, имеющий место на последующей стадии процесса, не может рассматриваться в качестве эффективного средства защиты. В силу чего следует признать правомерным обращение в суд участников уголовного судопроизводства с жалобами на действия и решения органов предварительного расследования в рамках досудебного процесса.

Развивая указанную правовую позицию, Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 11 ноября 2014 г. № 28-П² указал, что одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность их защиты; это означает, что рассмотрение и разрешение уголовного дела судом должно всегда осуществляться в разумный срок. При определении разумного срока досудебного производства следует включать в него период со дня подачи сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. По мнению Суда должны учитываться такие обстоятельства, как: правовая и фактическая сложность уголовного дела; поведение потерпевшего и иных участников досудебного

¹ *Николюк В.В., Диваев А.Б.* Обеспечение права на обжалование процессуальных действия и решений по уголовному делу в свете позиций Конституционного и Верховного судов РФ // Уголовное право. 2020. № 3. С. 125-133.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2014 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части третьей статьи 6¹ УПК Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Курочкина, А.Б. Михайлова и А.С. Русинова» // Российская газета. 2014. 21 ноября.

производства по уголовному делу; достаточность и эффективность действий прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления; общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу. Данные правовые позиции Конституционный Суд РФ развил и в ряде других своих постановлений¹.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»² прямо указал, что эффективное судопроизводство предопределяется разумным сроком его осуществления.

По мнению Верховного Суда РФ понятие «разумный срок» охватывает, во-первых, своевременность совершения действий, направленных на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в том числе своевременность назначения дела к слушанию. Во-вторых, отказ от таких действий, которые хоть и предусмотрены УПК РФ, например, отложение судебного разбирательства, назначение и проведение экспертизы, возвращение уголовного дела прокурору с целью устранения допущенных нарушений уголовно-

¹ Постановления Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй 1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области»; от 19 июля 2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 2446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева»; от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Судебная практика».

² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2016. 6 апреля.

процессуального законодательства при производстве дознания и предварительного следствия¹, однако совершаемые судом без оснований могут привести к увеличению длительности судопроизводства. Действия суда признаются достаточными и эффективными, если они осуществляются в целях своевременного рассмотрения уголовного дела. В частности, судом эффективно проводилась подготовка дела к судебному разбирательству, осуществлялось руководство ходом судебного заседания в целях создания условий для всестороннего и полного исследования доказательств и выяснения обстоятельств дела, а также из судебного разбирательства устранялось то, что не имело отношения к делу (ст. 243 УПК РФ).

Таким образом, можно утверждать, что одним из критериев эффективности уголовно-процессуальной деятельности, бесспорно, является своевременность проведения действий и принятия решений.

Следующим критерием, определяющим эффективность уголовно-процессуальной деятельности, является такое ее свойство как качественность.

Если мы обратимся к этимологии данного слова, то термин «качественный» означает «очень хороший, высокий по качеству», а «качество» – «то или иное свойство, признак, определяющий достоинство чего-нибудь, чего-либо»².

Качество процесса – совокупность свойств и показателей, определяющих пригодность процесса для удовлетворения определенных потребностей в соответствии с назначением³.

Е.В. Сырых, рассматривая понятие «качество закона», считает, что «качество» – это совокупность существенных свойств, которые определяют способность закона удовлетворять общественным и частным интересам в соответствии с целями развития общества и государства⁴. Полагаем, что данный

¹ Гаврилов Б.Я. О полномочиях суда по изменению обвинения: российский и зарубежный опыт // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов 2-й международной конференции. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2021. С. 50-56.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 271, 272.

³ Понятие качества продукции, процессов и услуг // [Электронный ресурс] URL: <https://metrologiya.ru/index.php?action=full&id=658> (дата обращения: 04.11.2018).

⁴ Сырых Е.В. Общие критерии качества закона: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 36.

подход к исследуемой правовой категории вполне приемлем. Рассуждая об уголовно-процессуальной деятельности, можно отметить, что качество такой деятельности – это совокупность ряда объективно присущих ей свойств, которые обеспечивают достижение назначения уголовного судопроизводства. Поэтому качество уголовно-процессуальной деятельности – понятие многоаспектное, ввиду чего оно может быть раскрыто благодаря комплексному подходу. Допустимо выделить два аспекта: это качество нормативных правовых актов, регулирующих данную деятельность, и качество реализации положений закона правоприменителями.

С.В. Поленина в своей работе «Качество закона и эффективность законодательства» под качеством закона подразумевает его эффективность, которая способна «влиять в нужном направлении на развитие соответствующих общественных отношений»¹, аналогичного мнения придерживается О.Н. Тисен, которая на основании данных анкетирования присяжных заседателей, проведенного сотрудниками НИИ при Генеральной прокуратуре РФ, утверждает, что понятия «качество правосудия» и «эффективность правосудия» синонимичны². С данным мнением согласиться сложно. Качество и эффективность взаимосвязаны и сходны по своим значениям, но представляют собой различные правовые категории. Хотя достаточно часто их применяют вместе. Например, в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2007-2011 годы» указывалось на необходимость повышения эффективности и качества рассмотрения дел. В своей диссертационной работе «Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам (процессуальные, статистические и социологические аспекты)» Т.Г. Морщакова относительно критериев оценки правоохранительной деятельности писала, что нет четкого

¹ Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства / под ред. Я.А. Куник. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. С. 21.

² Тисен О.Н. К проблеме повышения качества подготовки материалов уголовных дел, подлежащих рассмотрению судом с участием присяжных заседателей // Мировой судья. 2008. № 4. С. 29-32.

разграничения понятий эффективности и качества правовых и правоприменительных решений¹.

Ученые по-разному определяют взаимосвязь указанных категорий, Например В.К. Зникин высказал мысль, что «качество и эффективность связаны через положительный результат, достигнутый путем законного, быстрого, всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела»². Полагаем, что такой подход не вполне оправдан, поскольку эффективная деятельность охватывает не только получение результата, но и порядок, в соответствии с которым она, эта деятельность, осуществляется. Поэтому взаимосвязь указанных правовых категорий проявляется в том, что, как правильно отмечает А.Ю. Астафьев, «...возможность изменения эффективности зависит от изменения качества элементов или структуры системы»³. Нельзя признать эффективной деятельность, если она некачественно проводится либо проведена. В то же время качество должно быть неотъемлемым атрибутом результата уголовно-процессуальной деятельности, того процессуального решения, которое выносится в ходе ее производства либо по ее окончании. Иным термином данное решение не определяется, нельзя говорить «эффективное процессуальное решение», нужно – «качественное решение». Любое эффективное решение – это всегда качественное решение, но не всегда качественное решение позволяет говорить об эффективной деятельности, в результате которой оно было достигнуто. Например, качественная деятельность может быть осуществлена несвоевременно.

«Эффективность» – более широкое понятие, чем «качество», так как кроме качественных показателей оно включает и иные, не менее важные, без которых характеризовать указанную уголовно-процессуальную деятельность как

¹ *Морщакова Т.Г.* Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам (процессуальные, статистические и социологические аспекты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1988. С. 7.

² *Зникин В.К.* Понятие эффективности и качества предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». 2014. № 1 (11). С. 25- 32.

³ *Астафьев А.Ю.* Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2013. С. 15.

эффективную нельзя. Это и экономичность, и своевременность деятельности, ее законность и т. д.

А.Ю. Астафьев, исследуя различия данных понятий, обращает внимание на то, что качество отражает сущностные характеристики судопроизводства, а эффективность – его динамику, изменение качества¹.

Характеризуя категорию «качество», следует выделять различные его уровни – высокий, средний, низкий. Высокое качество уголовно-процессуальной деятельности следует констатировать при полном соответствии данной деятельности закону, обеспечении в ее ходе прав и законных интересов участников процесса, вынесении по результатам деятельности судебных решений, которые впоследствии не будут изменены либо отменены в проверочных стадиях уголовного процесса, вступят в законную силу и будут исполнены. В целом высокое качество предварительного расследования обеспечивает достижение назначения уголовного судопроизводства. Некачественность уголовно-процессуальной деятельности можно констатировать, если произошли такие нарушения уголовно-процессуального закона, в результате которых достижение назначения уголовного судопроизводства становится невозможным, а принимаемые решения отменяются как в ходе предварительного расследования, так и в судебном разбирательстве судами различных инстанций. Средняя степень качества будет признана в том случае, если уголовно-процессуальная деятельность обеспечивает достижение назначения уголовного судопроизводства, однако не отвечает полностью всем предъявляемым к ней требованиям. Например, в ходе процессуальной деятельности было установлено лицо, совершившее преступление, однако при оформлении процессуальных документов допущены формальные ошибки, вызвавшие необходимость возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом (ст. 237 УПК РФ).

¹ *Астафьев А.Ю.* Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2013. С. 14-16.

Эффективной уголовно-процессуальная деятельность может быть признана лишь в том случае, если она осуществлялась с высоким качеством. С таким мнением соглашаются и ученые, исследовавшие указанную тему¹.

При проведении анкетирования абсолютное большинство респондентов (89,5 % опрошенных судей, 84,6 % следователей, 90,1 % сотрудников прокуратуры и 98,3 % адвокатов) указали на качество как на обязательный критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Процессуальная деятельность по каждому уголовному делу индивидуальна, в силу чего она обладает только ей присущими свойствами, отличающими ее от другой аналогичной деятельности. В то же время она имеет множество черт, совпадающих с деятельностью по другим уголовным делам, например, системностью, согласованностью и непротиворечивостью.

Например, следователи совершают только те следственные действия, которые указаны в уголовно-процессуальном законе, однако по одному уголовному делу следователь может считать целесообразным проведение обыска, а по-другому – нет. Подобные решения принимаются в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела.

По мнению А.Г. Бенер, с которым можно согласиться, оценка качества уголовного судопроизводства – это изменчивое мнение субъекта оценки о ценности, уровне или значении объекта оценки в уголовном судопроизводстве, то есть суждения и умозаключения о совершаемых следственных и иных процессуальных действиях и принимаемых решениях².

При оценке качества уголовно-процессуальной деятельности следует учитывать, что данную оценку осуществляют различные профессионально подготовленные лица (следователи, руководители следственных органов, прокуроры, судьи), их подготовка и позволяет данную оценку осуществлять.

¹ Эсендиоров М.В. Обеспечение прав лица при наделении его статусом обвиняемого: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 150.

² Бенер А.Г. Оценка качества уголовного судопроизводства: выявление и предупреждение нарушений уголовно-процессуального закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2007. С. 9, 12.

Качество уголовно-процессуальной деятельности оценивают и другие участники процесса, например, участвующие в качестве защитников либо представителей адвокаты, обладающие профессиональными знаниями, или иные участники процесса, такими знаниями не обладающие. Их оценка, несмотря на то что она не является официально значимой, тем не менее столь же важна для окончательного результата. Мнение может быть изложено в жалобе участника процесса, которая будет основанием для проверки данной деятельности официальными лицами, что поспособствует выявлению ошибок либо нарушений закона, допущенных при ее осуществлении.

Оценка качества уголовно-процессуальной деятельности складывается из проверок: соблюдения принципов уголовного судопроизводства; объективности установленных фактов; наличия неустранимых противоречий в полученных доказательствах или иных нарушений уголовно-процессуального законодательства; уровня обеспечения прав и законных интересов любых участников процесса и иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. А.Г. Бенер пишет, что «объектами оценки качества уголовно-процессуальной деятельности могут быть деяния субъектов уголовно-процессуальных правовых отношений, как выраженные, так и не выраженные в процессуальных материалах»¹. Полностью с данным мнением согласиться сложно, поскольку возникает ряд вопросов. Как можно выявить нарушения в действиях должностных лиц, которые не нашли своего отражения в материалах уголовного дела? Были ли эти действия произведены на самом деле, каков их результат и в чем выразилось нарушение?

Результаты оценки находят свое отражение либо в действиях, совершаемых участниками уголовно-процессуальной деятельности, либо в процессуальных решениях, принимаемых данными лицами на любых стадиях процесса. При этом следует учитывать требования, предъявляемые, например, к приговору суда:

¹ Бенер А.Г. Оценка качества уголовного судопроизводства: выявление и предупреждение нарушений уголовно-процессуального закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2007. С. 9.

законность, обоснованность и справедливость (ст. 297 УПК РФ). Только если данные требования были соблюдены, уголовно-процессуальную деятельность, обеспечившую получение такого судебного решения, можно признать эффективной.

Таким образом, можно прийти к следующему однозначному выводу: взаимосвязь между качеством и эффективностью уголовно-процессуальной деятельности очевидна, и проявляется она в том, что качество представляет собой элемент эффективности, а высокое качество уголовно-процессуальной деятельности обеспечивает ее эффективность.

Следующий критерий, определяющий эффективность уголовно-процессуальной деятельности, это справедливость.

Слово «справедливость» этимологически означает «действующий беспристрастно, соответствующий истине, осуществляющийся на законных и честных основаниях, истинный, правильный»¹. В уголовном процессе справедливость проявляется во многих аспектах. Это и возможность пересмотра судебных решений, защита не только потерпевших, но и обвиняемых от незаслуженного обвинения, запрет на ограничение прав лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. Это – предпринятые законодателем попытки предоставить дополнительные права некоторым категориям лиц (несовершеннолетним, страдающих психическими расстройствами) и т. д. Применительно к уголовно-процессуальной деятельности это также проявляется в беспристрастном совершении следственных действий, которые закреплены в законе и которые целесообразны в сложившихся обстоятельствах конкретного уголовного дела, в неуклонном соблюдении всех процедур, разработанных и закрепленных в уголовно-процессуальном законе вне зависимости от конкретных обстоятельств дела, объективной фиксации результатов процессуальных действий в соответствующих процессуальных документах. Это – требование равенства прав и свобод личности, обязательность восстановления нарушенных прав и свобод,

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 271, 272.

требование соответствия между деянием и воздаянием, необходимость установления действительных обстоятельств при разрешении конкретных юридических дел. Это – необходимость создания условий для изменения меры пресечения в виде заключения под стражу в период выдачи на более мягкую по состоянию здоровья обвиняемого, на что указывают ученые¹.

Любое нарушение указанного в законе порядка, например, проведение обыска с нарушением правил, определенных в УПК РФ, не может обеспечить как эффективной деятельности, так и справедливого результата.

Именно поэтому следует поддержать мнение В.В. Рудича, который указывает, что «справедливость уголовного судопроизводства есть интегративный показатель его «эффективности», а равно – «нужности», «позитивности» – как в том, что касается его отдельных элементов (процедур), так и в целом. Только справедливое уголовное судопроизводство может считаться эффективным»². При проведении анкетирования 52,0 % судей, 54,4 % следователей, 62,7 % сотрудников прокуратуры и 77,1 % адвокатов на вопрос о целесообразности включения в число критериев, обеспечивающих эффективность, такую категорию, как «справедливость», ответили положительно.

Справедливость представляет собой достаточно сложное понятие, являясь как нравственной, так и правовой категорией. Например, понятие справедливого судебного разбирательства не поддается формальному определению, поскольку каждый раз оценивается применительно только к обстоятельствам уголовного дела и условиям производства по конкретному делу.

Законодатель не посчитал возможным признать правовую категорию «справедливость» принципом уголовно-процессуального права, ограничившись тем, что ввел данный принцип в УК РФ (ст. 6). Большинство ученых не считают данный подход правильным, указывая, что справедливость представляет собой

¹ Григорьев В.Н. Актуальные вопросы применения меры пресечения на этапе экстрадиции // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2018. № 2 (46). С. 8-18.

² Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9.

общеправовой принцип, а следовательно, и принцип уголовного процесса¹. Можно признать данное мнение вполне обоснованным, наука и судебная практика должны воспринимать справедливость не только как материально-правовое, но и как важное процессуальное требование, гарантирующее защиту прав и законных интересов лиц в судопроизводстве. Данный вывод напрашивается в результате анализа решений Конституционного Суда РФ, в которых Суд неоднократно обращался к данной правовой категории, определяя ее как «основополагающую идею»² и как общеправовой принцип³. О.Л. Васильев считает, что Конституционный Суд РФ в своих сформулированных позициях ставит идею «справедливости» даже выше всех прочих принципов уголовного судопроизводства⁴.

¹ Макарова З.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 7. С. 54; Нажимов В.П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам: межвузов. тематич. сб. научных трудов. Калининград, 1989. С. 10; Мельников В.Ю. Справедливость как необходимый принцип уголовного процесса // Грамота. 2011. № 6. Ч. 2. С. 125-127; Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 129; Кудрявцев В.Н., Лукашева Е.А. Социалистическое правовое государство // Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения. М., 1989. С. 6; Васильев О.Л. Справедливость как принцип уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 38-49; Рудич В.В., Зайцев О.А. Международно-правовые принципы и стандарты справедливого уголовного судопроизводства // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 4. С. 3- 5.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части 2 статьи 371, части 3 статьи 374 и пункта 4 части 2 статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами гр-н К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебрянникова» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности ст. 405 УПК РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. № 22. Ст. 2194; определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2013 г. № 2-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционного положений статей 50, 80 УК РФ и статей 396, 397 УПК РФ» // [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17012013-n-2-o-po/> (дата обращения: 11.01.2019).

⁴ Васильев О.Л. Справедливость как принцип уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 42.

В то же время сложно согласиться с высказанным Конституционным Судом РФ мнением, изложенным в п. 3.2 его постановления от 18 марта 2014 г. № 5-П о том, что эффективность уголовного судопроизводства – это необходимое условие справедливого правосудия¹. Эффективность уголовно-процессуальной деятельности обеспечивает предъявляемый к ней, комплекс обязательных определенных требований, без которых указанная деятельность таковой признана не будет. Например, своевременность и экономичность. Однако даже если судом не будут соблюдаться указанные требования, этот факт не повлияет на справедливость его решения. В качестве примера можно привести конкретное уголовное дело по обвинению гр-на П.

Слушание уголовного дела неоднократно откладывалось по причинам, связанным с состоянием здоровья обвиняемого, который в период предварительного расследования выпрыгнул из кабинета следователя, расположенного на 5 этаже здания управления Следственного комитета РФ, и получил открытый перелом ноги. Следствие и впоследствии суд вынуждены были по ходатайствам, заявляемым как самим обвиняемым, так и его защитником, связанным с плохим самочувствием обвиняемого (ему проводили интенсивную терапию, делали две операции), приостанавливать производство по уголовному делу. В силу этого обстоятельства уголовное дело находилось в досудебном производстве более 18 месяцев и затем в суде более полугода².

Как представляется, об эффективности процессуальной деятельности речь здесь идти не может, даже несмотря на то, что от следователя и суда объективно ничего не зависело. Однако в результате суд принял справедливое решение, с ним согласился потерпевший, решение было оставлено в силе при рассмотрении его судом второй инстанции и в итоге исполнено. Таким образом, не эффективность является составляющим элементом категории справедливости, а, наоборот, все-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части 2.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1526.

² Уголовное дело № 1-423/17 // Архив Оренбургского областного суда за 2017 г.

таки справедливость представляет собой требование, обеспечивающее эффективную деятельность.

Еще одним из условий, обеспечивающих эффективную уголовно-процессуальную деятельность, является доступность к этой деятельности граждан, а также доступность им средств правовой защиты, которые они могут выбрать и использовать. Возможность применения в ходе уголовного процесса жестких средств принуждения требует обеспечения реальной возможности защиты со стороны лиц, к которым указанные принудительные средства применяются либо могут быть применены.

При этом доступность уголовно-процессуальной деятельности находится в плоскости практической реализации правовых норм и обеспечивается поведением должностных лиц уполномоченных правоохранительных органов, которое в полной мере соответствует закону.

Доступный, по мнению С.И. Ожегова, «это такой, который подходит для всех (по возможности пользоваться, по умеренности цены)»¹. Ученые-процессуалисты связывают доступность с различными аспектами. Например, М.С. Шакарян указывает на: наличие права на обращение в суд, не допускающего субъективизма при применении закона; близость суда к населению; необходимость представления лицам, которые сами не могут себя защищать, юридической помощи; разумность судебных расходов и наличие права в определенных случаях быть освобожденным от них; разумность сроков рассмотрения дел; наличие научно обоснованных нормативов нагрузки на судей; ясность процедуры рассмотрения дела². Е.Б. Абросимова позиционирует доступность как принцип свободного доступа к правосудию и выделяет такие элементы этого принципа: состязательность судебной процедуры, а также правило должного суда, включая запрет на

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 180.

² Шакарян М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С. 61.

чрезвычайные суды¹. И.Б. Михайловская рассматривает доступность судебной защиты, справедливость судебных процедур и беспристрастность судей как основные критерии оценки состояния судебной власти². Д. Козак определяет доступность правосудия как «наличие институциональных и процессуальных гарантий, обеспечивающих права потенциальных участников процесса получить справедливое правосудие»³. Т.Н. Нешатаева согласна с мнением Е.Б. Абросимовой, но указала на такой элемент принципа, относящийся как к гражданскому, так и к уголовному судопроизводству, как право быть выслушанным на основе равноправия сторон судом, созданным на основе закона, действующим беспристрастно, справедливо, независимо и в определенной процедуре⁴.

Анализируя такую категорию, как доступность уголовно-процессуальной деятельности, следует учитывать, что право на доступ к правосудию закреплено в ст. 52 Конституции РФ, где указано: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба», а также в ст. 46 Конституции РФ, где это обозначено как «право каждого на судебную защиту прав и свобод». Указанную в тексте Конституции РФ формулировку не следует толковать чрезмерно узко. Безусловно, в защите нуждаются не только потерпевшие, но и иные лица, участвующие в уголовном процессе, и закон создает для этого условия.

Пункт 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая озаглавлена «Право на справедливое судебное разбирательство» гласит, что «...каждый, в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при

¹ *Абросимова Е.Б.* Свободный доступ к правосудию // Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 242.

² *Михайловская И.Б.* Судебная власть и гражданское общество // Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 47-48.

³ *Козак Д.* Суд в современном мире: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 5.

⁴ *Нешатаева Т.Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 136.

предъявлении ему любого уголовного обвинения, имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона... Пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке».

По мнению ЕСПЧ, впервые столкнувшегося с необходимостью толкования права на доступ к правосудию в 1975 г. по делу «Голдер против Соединенного Королевства», это право является одним из неотъемлемых составляющих права, гарантированного в п. 1 ст. 6 Конвенции¹.

Тем самым ЕСПЧ создал важнейший прецедент, который впоследствии неоднократно использовался².

Полагаем, что доступность уголовно-процессуальной деятельности обеспечивается полноценной реализацией уголовно-процессуальных принципов, например, принципа состязательности сторон, принципа обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту и т. д. Имея доступ к материалам уголовного дела, реализуя свои права как активного участника процесса, высказывая свое мнение о ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, заявляя ходатайства, принося жалобы, инициируя повторное рассмотрение дела, возвращение его в предыдущие стадии с целью устранения допущенных ошибок и нарушений, участники процесса тем самым обеспечивают эффективность уголовно-процессуальной деятельности по конкретному делу³.

Доступность уголовно-процессуальной деятельности проявляется и в отсутствии запретов и ограничений в доступе к указанным органам, и в праве граждан выбирать из всех средств правовой защиты самые, по их мнению,

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» по жалобе № 4451/70 от 21.02.1975 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 39-80.

² Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе. Основные проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 34.

³ Григорян В.Л. Возвращение судом уголовного дела прокурору для изменения обвинения как необходимый атрибут вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора // Государство и право. 2019. № 8. С. 53-61.

результативные. Доступность проявляется в приемлемых для населения судебных расходах, прозрачности уголовно-процессуальной деятельности, которая охватывает и гласность судопроизводства, отсутствие препятствий к возбуждению и развитию уголовного процесса, открытости причин устранения (отводов) участвующих в процессе должностных лиц, возможности обращаться в вышестоящие инстанции для обжалования судебного решения, состоявшегося в суде первой инстанции, и в оптимизации сроков рассмотрения жалоб.

Любые ограничения, запреты доступа к уголовно-процессуальной деятельности лиц, права которых данная деятельность затрагивает, свидетельствуют о её неэффективности. Например, необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел, которые профессор В.Т. Томин образно называл «отбором заявок на обслуживание» или «игрой в пятнашки»¹, а также отказы в удовлетворении заявленных ходатайств² и другое.

В качестве средства обеспечивающего доступность В.В. Рудич предлагает сформировать правовой стандарт участия потерпевшего, который будет распространяться на все стадии уголовного процесса³.

Следующий критерий эффективности – это достаточность, т. е. совокупность данных, полученных в ходе уголовно-процессуальной деятельности, позволяющих должностным лицам, её осуществляющим, принять единственно правильное решение, определяющее результаты данной деятельности. Важность определения данного критерия эффективной деятельности заключается в том, что именно он обеспечивает и законность решений, принимаемых по уголовному делу, и их обоснованность. По своей сути достаточность как критерий эффективной уголовно-процессуальной деятельности представляет собой тот предельный

¹ Томин В.Т., Поляков М.П., Попов А.П. Очерки теории эффективного уголовного процесса / под ред. проф. В.Т. Томина. Пятигорск, 2000. С. 11.

² Гриненко А.В. Псевдомотивированный отказ в удовлетворении ходатайств на предварительном следствии // Уголовное право. 2000. № 4. С. 44-46.

³ Рудич В.В. Участие потерпевшего в судебной процедуре об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления суда // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 96-100; Рудич В.В. Участие потерпевшего в процедуре принятия судом решения об избрании меры пресечения // Уголовное право. 2016. № 5. С. 84-87.

уровень знаний, достигнутый в ходе уголовного судопроизводства, который позволяет принять законное, обоснованное и мотивированное (а для приговора суда – и справедливое) решение.

Достаточность определяет выбор действий и принятие решений для достижения цели, определенной должностным лицом по конкретному уголовному делу, а также при оценке доказательств, позволяющих принять решение по уголовному делу как на стадии предварительного расследования, так и в судебном разбирательстве. Нельзя признать эффективной деятельность, если следователь, разрабатывая план расследования по конкретному делу, не включил в него все необходимые действия: не допросил всех требуемых лиц, которые были установлены за время расследования; не совершил все необходимые следственные действия, в том числе и те, о которых заявляли в своих ходатайствах участники процесса; не проверил алиби обвиняемого, о котором тот заявлял. Недополученная информация может влиять на ход предварительного расследования и кардинально изменить статус участников процесса. Что касается достаточной совокупности доказательств, то это – оценочный показатель, позволяющий определить количественно-объемные параметры доказательств и то, когда можно будет принять процессуальное решение, соответствующее предъявляемым требованиям (ч. 4 ст. 7, ст. 297 УПК РФ).

Достаточность может быть интерпретирована участниками процесса в сторону как необоснованного расширения уголовно-процессуальной деятельности, так и необоснованного её сужения. Поэтому достаточность некоторым образом связана с количественными показателями уголовно-процессуальной деятельности. Признание деятельности эффективной может обеспечить лишь то количество следственных и иных процессуальных действий, которое позволит получить желаемый результат, но в уголовном судопроизводстве количество не является определяющим показателем, оно обязательно должно корреспондировать с показателями качественными.

Объективность – следующий критерий, он предопределяет эффективную уголовно-процессуальную деятельность в том случае, если все действия и

принимаемые должностными лицами решения будут соответствовать фактическим обстоятельствам дела, должностные лица будут непредвзято, т. е. без предубеждения, выполнять свои обязанности и у них будет отсутствовать личный интерес в получении определенного результата.

Гарантией реализации данного требования, предъявляемого к эффективной уголовно-процессуальной деятельности, в первую очередь будет право участников процесса заявлять отводы должностным лицам, которые осуществляют предварительное расследование и (или) рассмотрение и разрешение уголовного дела, при наличии к тому оснований, указанных в законе. Несмотря на очевидность данного условия эффективного процесса, правоприменители указывают, что на практике повсеместно возникают сложности с его реализацией, а предусмотренные законом гарантии нуждаются в совершенствовании. Проведенный опрос представителей суда, прокуратуры, адвокатуры и следственных органов показал, что 98 % респондентов считают предъявление требования объективности к уголовно-процессуальной деятельности обязательным условием ее осуществления, но при этом 69 % судей, 79 % прокуроров, 76 % следователей и почти 90 % адвокатов считают целесообразным повысить уровень объективности действий и решений должностных лиц.

Нам представляется, что разработка средств, обеспечивающих объективность уголовного судопроизводства, в настоящее время весьма востребована. Это может касаться вопросов: замены следователя при возвращении уголовного дела для устранения препятствий его рассмотрения судом; невозможности рассмотрения дела по существу тем судьей, который ранее в рамках судебного контроля решал вопрос об избрании мер пресечения, производстве следственных действий, затрагивающих конституционные права граждан, либо разрешал жалобы участников данного процесса.

Законность – следующее важное требование, предъявляемое к уголовно-процессуальной деятельности и используемое при оценке ее эффективности. Данный критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности обязателен, поскольку УПК РФ содержит тщательно расписанные процедуры

совершения всех процессуальных действий и принятия возможных решений. Нельзя согласиться с утверждением А.Г. Бенер, который полагает, что законность является измеримой оценкой качества уголовно-процессуальных отношений, и поэтому можно говорить о высокой степени законности, средней либо низкой, обусловленной частотой и существенностью нарушений при производстве по уголовному делу¹. Если должностные лица будут нарушать закон, это всегда будет нарушение законности, и неважно, какими действиями или решениями закон будет нарушаться, а вот последствия этих нарушений могут быть различными. В определенных случаях они могут повлечь признание полученных в результате следственных действий доказательств недопустимыми, а в других случаях – только служебное расследование и дисциплинарное взыскание в отношении должностного лица, допустившего данные нарушения. Эффективной уголовно-процессуальной деятельностью признается в том случае, если процессуальные действия будут осуществляться, а процессуальные решения приниматься строго в рамках закона. Соблюдение законности – обязательное условие признания деятельности эффективной, и даже если при расследовании должностное лицо все версии будет проверять своевременно, все следственные действия совершать качественно, принимать объективные решения, но при этом допускать нарушения закона, то эффективной данную деятельность признать невозможно.

Рассматривая сущность понятия эффективности уголовно-процессуальной деятельности, нельзя не учитывать категорию экономичности (или экономии, или процессуальной экономии). Еще И.Я. Фойницкий обращал внимание на то, что «...особые правовые пути отыскания истины в процессе уместны и необходимы настолько лишь, насколько они вытекают из особенностей процессуальных отношений; они призваны не заменять, а лишь дополнять общие логические начала. Между тем под влиянием исторических наслоений сумма условных правил

¹ Бенер А.Г. Оценка качества уголовного судопроизводства: выявление и предупреждение нарушений уголовно-процессуального закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2007. С. 14.

и обрядов, существующих в процессе, иногда превышает действительную в них потребность»¹.

Вполне можно согласиться и с современными трактовками эффективного уголовного процесса. Например, М.А. Авдеев и Л.И. Малахова полагают, что «эффективное правосудие представляет собой область деятельности государства, которая не только отвечает букве и духу закона, но и соответствует требованиям экономического равновесия. Экономическое равновесие представляет собой определённый финансовый баланс между расходами и качественным результатом. Такая идея используется во всех направлениях государственного финансирования в социальной, политической, экологической и информационной сфере»².

Экономичное построение уголовного судопроизводства предполагает отказ от всего лишнего, без чего можно в данном конкретном случае обойтись. Экономичность при осуществлении процесса может проявляться во многих аспектах: в экономии времени, в сокращении проведения обязательных процедур либо их упрощении, в прекращении уголовных дел, например, в связи с примирением сторон³, а также в выборе из всех возможных действий самых оптимальных⁴. Хотя условием эффективной деятельности следует считать её своевременность, но если ход расследования ускорится благодаря своевременному принятию правильных решений, соблюдению уголовно-процессуальной формы, выбору правильных направлений подготовки и осуществлению только необходимых и оправданных обстоятельствами дела следственных действий и прочих действий и решений, то будет обеспечена возможность осуществления уголовно-процессуальной деятельности эффективно. Экономии обеспечивают

¹ *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 8.

² *Авдеев М.А., Малахова Л.И.* Экономические аспекты уголовно-процессуальной деятельности // Современная экономика: проблемы и решения. 2019. № 5 (113). С. 28-33.

³ *Волеводз А.Г., Гриненко А.В., Потапов В.Д., Цветкова Е.В.* Российский закон и международные стандарты досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 407-416.

⁴ *Поляков М.П., Смолин А.Ю.* Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. С. 74.

ускоренные производства, например, дознание в сокращенной форме¹, особый порядок судебного разбирательства². Данный подход, бесспорно, обеспечивает и эффективную составляющую уголовно-процессуальной деятельности. Это позволило ученым обосновать мнение относительно внедрения в уголовный процесс правила экономии как принципа уголовного процесса³. Вместе с тем, не принижая значения требования экономичности, все же критериям принципов уголовного судопроизводства оно не отвечает. Например, экономичность не может выступать универсальным регулятором уголовно-процессуальных отношений.

Несмотря на всю свою важность, экономичность в уголовном судопроизводстве не должна выступать самоцелью. Поэтому обязательным требованием, предъявляемым к данной правовой категории, является неременное соблюдение прав и законных интересов вовлеченных в процесс лиц. Если действия, обеспечивающие экономичность процесса, затрагивают либо нарушают права и законные интересы участников процессуальной деятельности, то от таких действий следует отказаться. В этой связи вполне объяснима озабоченность многих ученых и практических деятелей относительно чрезмерного распространения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Ранее на данный факт неоднократно обращал внимание бывший в то время Генеральным прокурором РФ Ю.Я. Чайка. И в настоящее время на это указывает Генеральный прокурор РФ И.В. Краснов, который, выступая на расширенном заседании Коллегии Генеральной прокуратуры РФ 17 марта 2020 г., заявил, что «в результате комплекса мер удалось добиться более взвешенного подхода прокуроров к даче согласия на рассмотрение уголовных дел в особом порядке. Их число существенно снизилось (с 68 % до 55 %)»⁴.

¹ Химичева О.В., Химичева Г.П. Некоторые замечания о направлениях совершенствования как важнейшего вида правоохранительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 121-124.

² Виницкий Л.В., Мельник С.Л. Совершенствование особого порядка судебного разбирательства // Законность. 2015. № 7. С. 39-43.

³ Поляков М.П., Смолин А.Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. С. 75.

⁴ Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ (старая версия) // [Электронный ресурс] URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1809484/> (дата обращения: 07.08.2020).

На наш взгляд, экономичность – это не обязательное условие эффективной уголовно-процессуальной деятельности, хотя и весьма желательное, поэтому полностью исключать ее из требований, предъявляемых к эффективной деятельности, нецелесообразно.

§ 4. Категория «эффективность уголовно-процессуальной деятельности» и средства, ее обеспечивающие, в международных нормативных правовых актах и решениях Европейского Суда по правам человека

По мнению А.А. Тарасова «международные стандарты прав человека и правосудия, зафиксированные в международно-правовых документах и реализуемые в практике Европейского суда по правам человека, оказывают, бесспорно, позитивное влияние на всю систему российской уголовной юстиции и на всю практическую юридическую деятельность, осуществляемую в этой сфере. Позитивное влияние международных стандартов прав человека и правосудия не ограничивается сферой уголовной юстиции и судопроизводства в целом, а распространяется на всю систему взаимоотношений Российского государства с личностью и обществом»¹.

Европейский Суд по правам человека, учрежденный Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Федеральным законом № 54-ФЗ от 30 марта 1998 г.², является единственным и особенным в своем роде органом правосудия, рассматривающим уголовные дела в ситуации, когда внутригосударственные возможности защиты прав и свобод, гарантированных Конвенцией, исчерпаны³.

¹ Тарасов А.А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное правосудие // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 6 (4). С. 61-66.

² Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

³ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практика ее применения / под общей ред. докт. юрид. наук., проф. В.А. Туманова и докт. юрид. наук. проф. Л.М. Энтина. М.: Изд-во НОРМА, 2002. С. 206.

Особенность Конвенции для российской правовой системы проявляется в том, что оценка российского уголовно-процессуального закона может осуществляться только на основе содержания нескольких сотен решений ЕСПЧ. На эту особенность совершенно правильно указывал В.С. Шадрин ещё в 1998 г. когда проект УПК РФ направлялся на международную экспертизу с привлечением экспертов Совета Европы. И как бы ни резонны были аргументы сторонников неприемлемости использования в сфере российского права, относящегося к системе позитивного права, правовых прецедентов, но поскольку Россия подписала и ратифицировала упомянутую Конвенцию, она тем самым поставила себя под юрисдикцию ЕСПЧ, которая распространяется в равной степени на все государства, и поэтому в российском правотворчестве и правоприменении необходимо считаться с принятым в Европе общим отношением к решениям Европейского Суда, выражающим соответствующие правовые позиции, как к источникам права¹.

В Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ст. 13, которая обозначена как «Право на эффективное средство правовой защиты», говорится, что каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве². Неслучайность появления указанной статьи в тексте Конвенции подтверждается и последующим обращением Совета Европы к вопросам, связанным с данной правовой категорией. В 2002 г. была создана Европейская комиссия по эффективности правосудия (согласно Резолюции № (2002) 12, утверждена на 808-м заседании Комитета Министров Стран Европы), которая продемонстрировала желание Совета Европы по продвижению в Европе принципов верховенства права и основных прав человека, закрепленных в

¹ Шадрин В.С. Значение решений Конституционного Суда РФ и их роль в уголовно-процессуальном регулировании // [Электронный ресурс] URL: <https://www.iuaj.net/node/261> (дата обращения: 12.03.2020).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.). // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163. С. 2-8.

Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в частности статьями 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), 6 (право на справедливое судебное разбирательство), 13 (право на эффективное средство правовой защиты) и 14 (запрещение дискриминации). Учитывая значительное число дел, рассматриваемых ЕСПЧ, которые связаны с чрезмерно длительными судебными разбирательствами в судах европейских государств, Совет Европы инициировал принятие рекомендаций в отношении эффективности правосудия, которые содержат способы обеспечения как справедливого, так и эффективного судебного разбирательства¹.

Задачами Европейской комиссии по эффективности правосудия является упрощение имплементации существующих стандартов Совета Европы в различных сферах отправления правосудия. В Резолюции указывается на необходимость эффективного функционирования деятельности судов (как эффективное слушание дел, так и выполнение судебных решений), на необходимость эффективной деятельности представителей различных юридических профессий, на целесообразность расширения использования информации и технологий связи. Например, что касается эффективности судебных слушаний, то в тексте Резолюции указывается, что должны быть приняты все необходимые меры для соблюдения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающей разбирательство дела в разумный срок, а также других гарантий справедливого слушания дел. Должны быть сделаны определенные шаги для избегания недопустимых задержек во время судебных слушаний и для снижения судебных расходов. Должна гарантироваться эффективность правосудия в соответствии с положениями, содержащимися в международных правовых документах Совета Европы. Должны быть доступны любые меры для обеспечения временных решений, которые не являются окончательными, для гарантии эффективной защиты прав сторон или третьих лиц, а также для эффективности судебных разбирательств. Что касается эффективности выполнения судебных решений, то в

¹ Жан Ж.-П., Гурбанов Р. А.о. Европейская комиссия по эффективности правосудия. Организация. Деятельность. Развитие: научное издание. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 5.

Резолюции обращается внимание, что они должны исполняться эффективно и своевременно¹.

Появление статьи 13 в тексте Конвенции породило много вопросов у российских ученых и правоприменителей. Как указывают авторы «Комментария к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики ее применения», главными были вопросы – что понимать под эффективными средствами правовой защиты и каковы критерии определения этой эффективности². ЕСПЧ прямо на данные вопросы не отвечает. К определенным выводам можно прийти путем толкования содержания как статьи 13, так и ряда других взаимосвязанных с ней статей Конвенции, собственно решений Европейского Суда по конкретным делам, а также посредством толкования иных международных правовых актов. Например, Конвенция ООН против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращений и наказания, принятая резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 г.³, предписывает эффективные средства борьбы с данными явлениями и, в частности, «незамедлительное и беспристрастное» расследование там, где имеются обоснованные причины полагать, что была применена пытка и, по мнению ЕСПЧ, такое требование следует воспринимать как «эффективное средство».

Длительное время Европейский Суд не рассматривал жалобы, поданные только в рамках ст. 13, полагая, что «требования статьи 13 Конвенции менее строги, чем требования п. 1 ст. 6 и поглощаются ими, либо чем требования п. 4 ст. 5»⁴.

¹ Резолюция № (2002) 12 «Учреждение Европейской комиссии по эффективности правосудия», принята Комитетом Министров 18.09.2002 г. на 808 заседании Представителей Министров // [Электронный ресурс] URL: https://www.coe.int/t/dghl/cooperation/cepej/textes/CEPEJ_Study22_RUS.pdf (дата обращения: 13.04.2018).

² Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики ее применения / под общ. ред. докт. юрид. наук., проф. В.А. Туманова и докт. юрид. наук. проф. Л.М. Энтина. М.: Изд-во НОРМА, 2002. С. 205.

³ Конвенция ООН против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращений и наказания, принятая резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10.12.1984 г. // Ведомости ВС СССР. 1987. № 45. Ст. 747.

⁴ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики ее применения / под общ. ред. докт. юрид. наук., проф. В.А. Туманова и докт. юрид. наук. проф. Л.М. Энтина. М.: Изд-во НОРМА, 2002. С. 205.

Вопрос о применении ст. 13 Конвенции отдельно от других статей был впервые рассмотрен в сентябре 1978 г. по делу «Класс и другие против Федеративной Республики Германия», т. е. спустя 25 лет с момента начала ее действия.

Из текста ст. 13 следуют выводы о том, что нарушения прав могут допускаться в том числе и со стороны органов государственной власти, а также о том, что государства – участники Конвенции должны разработать систему средств защиты от нарушения прав, а выбор определенных средств защиты – это прерогатива пострадавшего. Следует также обратить внимание, что ЕСПЧ не обязывает принятия каких-либо определенных решений участниками Конвенции в каждом конкретном случае. Каждое государство само определяет для себя и внедряет тот приемлемый перечень средств правовой защиты, который считает нужным¹.

Анализ решений ЕСПЧ позволяет прийти к однозначному заключению, что само по себе рассмотрение уголовного дела в суде или инкорпорация Конвенции в национальное право не может квалифицироваться как эффективное средство правовой защиты, необходимы иные «эффективные средства правовой защиты», позволяющие обеспечить реализацию статьи 13. Такие средства Суд упоминает в ряде своих решений.

Так, в решении по делу «Сильвер и другие против Соединенного Королевства»², принятом в марте 1983 г., ЕСПЧ указывает на то, что эффективную защиту обеспечивает в первую очередь существование органа, который наделен правом рассмотрения жалоб и принятия решений, обязательных для исполнения. К таким органам бесспорно следует отнести суды. В ряде своих решений ЕСПЧ

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Байсаков и другие (Baysakov and Others) против Украины» по жалобе № 54131/08 от 18 февраля 2010 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.refworld.org/docid/4cbeb81c2.html> (дата обращения: 09.11.2018).

² Постановление ЕСПЧ по делу «Сильвер и другие (Silver and Others) против Соединенного Королевства» по жалобам № 5947/72, 6205/73, 7052/75, 7061/75, 7107/75, 7113/75, 7136/75 от 25 марта 1983 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-sudana-russkom-yazyke/silver-i-drugie-protiv-soedinennogo-korolevstva-silver-and-others-v-the-united-kingdom-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 09.11.2018).

указывает на то, что процедура судебного контроля представляет собой эффективное средство правовой защиты по смыслу статьи 13 Конвенции.¹

Однако Европейский Суд также обращает внимание, что при определенных обстоятельствах обращение в суды нельзя рассматривать как эффективное средство защиты. Например, когда на стадии предварительного расследования уголовное дело неоднократно приостанавливалось и по нему не совершались следственные действия, то при таких обстоятельствах обращение в суд с жалобой на неэффективность хода расследования было бы изначально безнадежным и неэффективным («Аслаханов и другие против России»)². Кабинет Министров в своем Меморандуме, подготовленном Департаментом исполнения решений Европейского Суда по правам человека в 2010 г., отметил, что суды не могут указать органам предварительного расследования поступать надлежащим образом, они вправе только, выявив незаконное либо необоснованное решение, его отменить, но предписывать следователям совершать конкретные следственные действия, например допросить свидетеля, назначить экспертизу, национальные суды не могут. В решениях ЕСПЧ приводятся конкретные примеры, когда по приостановленному уголовному делу после решений суда, конкретных указаний

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Каримов и другие (Karimov and Others) против России» по жалобе № 29851/05 от 16 июля 2009 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/130/> (дата обращения: 09.11.2018); постановление ЕСПЧ по делу «Абдулажон Исаков (Abdulazhon Isakov) против России» по жалобе № 14049/08 от 08 июля 2010 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/abdulazhon-isakov-protiv-rossii-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 09.11.2018).

² Постановление ЕСПЧ по делу «Аслаханова и другие (Aslakhanova and Others) против России» по жалобам № 2944/06, 8300/07, 50184/07, 332/08, 42509/10 от 18 декабря 2012 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/184/> (дата обращения: 09.11.2018); постановление ЕСПЧ по делу «Эсмухамбетов и другие (Esmukhambetov and Others) против России» по жалобе № 23445/03 от 29 марта 2011 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://sledcom.ru/upload/site1/iblock/963/963bca7e1478376dff0e1704ceda716b.pdf> (дата обращения: 09.11.2018); постановление ЕСПЧ по делу «Исламова (Islamova) против России» по жалобе № 5713/11 от 30 апреля 2015 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/islamova-protiv-rossii-perevod-postanovleniya/> (дата обращения: 09.11.2018); постановление ЕСПЧ по делу «Ибрагим Тсечоев (Ibragim Tsechoyev) против России» по жалобе № 18011/12 от 21 июня 2016 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/ibragim-tsechoev-protiv-rossii/> (дата обращения: 10.11.2018).

прокурора о необходимости продолжения расследования уголовные дела вновь приостанавливались.

К сожалению, надо констатировать, что в России в настоящее время нет органов, способных действительно влиять на ход и результаты предварительного расследования. Имеющиеся возможности прокуроров, осуществляющих надзорную деятельность, носят скорее формальный характер и не позволяют им эффективно ее осуществлять. Законодатель не разработал действенный механизм, обеспечивающий неукоснительное выполнение органами, осуществляющими предварительное расследование, указаний надзирающих прокуроров.

Полагаем, что эффективность деятельности обеспечивает наличие как соответствующих полномочий и процессуальных гарантий у органа, который наделен полномочиями рассмотрения жалоб и принятия решений, обязательных для исполнения, так и совокупности средств у лиц для осуществления своей защиты, поскольку одного средства для получения желаемого результата может быть недостаточно. Нам представляется, что в правовом государстве, а Россия позиционирует себя именно таковым, должна функционировать многоканальная система защиты прав граждан, поэтому в случаях, когда обращение в суд будет по определенным причинам малоэффективным либо не эффективным вообще, обращение в прокуратуру может позволить получить ожидаемый результат. По мнению А.А. Тарасова, и с автором следует согласиться, «российское государство, как никто другой, заинтересовано в повышении качества работы своих правоохранительных ведомств и судов»¹.

В решении по делу «Костелло Робертс против Соединенного Королевства» Европейский Суд указывает на обеспечение возможности возбуждения дела в национальном суде для проверки оспариваемых решений и на наличие у органа, рассматривающего жалобу по существу, возможности обеспечить получение компенсации пострадавшим, если его жалоба будет удовлетворена, как на

¹ Тарасов А.А. К вопросу о судьбе международных стандартов справедливой судебной процедуре в российском уголовном правосудии // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 184.

средство, обеспечивающее эффективную деятельность, тем самым указывая на результативность деятельности соответствующих органов как обязательное условие уголовно-процессуальной деятельности в целом¹. Очевидно, Европейский Суд понимает под этим наличие в государстве нормативно-правовой базы, обеспечивающей возможность обращения в суд с жалобами на действия либо бездействия должностных лиц и возможность суда поступать определенным образом. Считаю совершенно правильным утверждение Е.М. Гордеевой о том, эффективность нормативно-правовой базы определяется соответствием нормативных правовых актов двум условиям: быть грамотно разработанными и правильно применяемыми на практике².

В отношении возможности получения компенсации за причиненный моральный вред Европейский Суд изложил свое мнение в пилотном решении по делу «Рибич против Австрии»³. Надо отметить, что указанная правовая позиция ЕСПЧ реализуется и в решениях судов Российской Федерации. В качестве примера можно привести решение Ново-Савиновского районного суда Республики Татарстан, который в 2005 г. признал необходимой выплату гражданке Афанасьевой компенсации за причиненный ей сотрудниками ГАИ моральный вред в сумме 62 122 рубля. Данная сумма соответствует сумме, присужденной ЕСПЧ гражданину Рибичу за причиненный ему моральный вред, полученный им при обстоятельствах аналогичных обстоятельствам в деле гражданки Афанасьевой. Решение по делу Афанасьевой было признано Верховным судом Татарстана законным, обоснованным и справедливым⁴.

Рассматривая содержание статьи 13, Микеле де Сальвиа в своей работе более широко исследует позиции Европейского Суда, раскрывающие понятие

¹ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики ее применения / под общ. ред. докт. юрид. наук., проф. В.А. Туманова и докт. юрид. наук. проф. Л.М. Энтина. М.: Изд-во НОРМА, 2002. С. 205.

² Гордеева Е.М. Третья конференция Европейского форума экологического права «эффективность экологического права» // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4. С. 213.

³ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 274, 322.

⁴ Федосенко В. Милиционеры бьют и платят. В Казани судят как в Страсбурге: потерпевшей дали компенсацию по европейским стандартам // Российская газета. 2006. 7 февраля.

эффективного правосудия. Если обратиться к зарубежной практике, то следует отметить, что категория «эффективность» применительно именно к уголовно-процессуальной деятельности активно используется мировым юридическим сообществом. Например, в США с 1995 г. действуют Стандарты деятельности и Система контроля деятельности судов первой инстанции (The Trial Court Performance Standards and Measurement System), разработанные Национальным центром судов штатов (NCSC, США) совместно с Бюро поддержки правосудия Департамента юстиции (США). Данные стандарты включают критерии судопроизводства, предназначенные для повышения уровня эффективности деятельности судов, среди которых на первом месте стоит доступ к правосудию, а второе занимает быстрота и своевременность (Expedition and Timeliness), которая, в свою очередь, подразделяется на (а) ведение дела, (b) соответствие расписанию и (с) быстрое применение материальных и процессуальных норм.

В Швеции качественные аспекты деятельности судов также связаны со своевременностью судебных процедур и сроками рассмотрения уголовных дел. В 1997 г. Центральная судебная администрация Швеции (Domstolsverket) организовала проведение семинаров, в результате работы которых были подготовлены и опубликованы протоколы, в которых основные аспекты качества судебной деятельности были разделены на 4 категории, одной из которых были сроки рассмотрения уголовных дел. Временной фактор рассматривается в протоколе как существенный элемент качества, дела должны рассматриваться и разрешаться настолько быстро, насколько это возможно. Чтобы достичь качества в вопросе сроков рассмотрения уголовного дела, судья должен использовать эффективные методы управления делом. Судебный процесс должен быть распланирован детально и последовательно. Уголовное дело должно быть разрешено сразу, как только оно подготовлено к судебному разбирательству. Затягивание рассмотрения находящихся в производстве дел должно контролироваться; должен осуществляться надзор за сроками рассмотрения каждого дела. Серьезное внимание должно быть уделено установлению очередности рассмотрения находящихся в производстве уголовных дел. У судов

должны быть надлежащие рабочие планы. Несмотря на то, что быстрота рассмотрения уголовного дела является элементом качества судебного разбирательства, в отчете отмечено, что требование быстроты рассмотрения дела при определенных обстоятельствах может противоречить требованиям надлежащего обращения со сторонами и правильности итогового решения. Сторонам, к примеру, должно быть предоставлено достаточное время для подготовки их аргументации. В той же мере у судьи должно быть достаточно времени для составления решения¹.

В Финляндии при разработке Критериев качества в 1999 г. одним из аспектов эффективной деятельности судов признали скорость рассмотрения уголовных дел. В данное понятие разработчики Критериев вкладывали понимание того, что быстрота рассмотрения дела означает, что дела рассматриваются и разрешаются в суде настолько быстро, насколько это возможно, без неоправданных задержек. Завершение судебного разбирательства в разумное время является целью и внутреннего законодательства, и международных соглашений. В то же время быстрота не может быть единственным определяющим критерием, ее нужно рассматривать, сопоставляя с требованиями к качеству. Скорость рассмотрения уголовного дела не может увеличиваться бесконечно без того, чтобы не подвергнуть риску правильность решения и не подорвать впечатление, которое формируется у сторон относительно надлежащего судебного разбирательства. Характер уголовного дела также оказывает прямое влияние на скорость его рассмотрения: простые дела с небольшим количеством материалов могут быть рассмотрены более быстро, чем сложные дела с большим массивом документов и доказательств².

На необходимость обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности указывал и ЕСПЧ, руководствуясь статьей 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая определяет право на эффективное

¹ Оценка качества разрешения дел в судах. Принципы и предлагаемые критерии качества. Проект судов округа Апелляционного суда Рованиеми, Финляндия. Март, 2006. С. 24-25, 29.

² Там же. С. 41.

средство правовой защиты. Раскрывая в своих решениях предполагаемую эффективность предварительного расследования, Европейский Суд напоминает о тех общих принципах, которые при анализе жалоб заявителей на конкретные обстоятельства дела позволяют выявить имеющиеся нарушения положений Конвенции. Среди прочих критериев эффективного предварительного расследования Европейский Суд упоминает о том, что расследование должно быть быстрым. Оценка дается времени начала расследования, задержкам в проведении допросов и продолжительности времени, которое заняло предварительное расследование¹.

Обращается внимание и на доступность средств реализации прав, на то, что они могут быть закреплены государством в любой форме, но чтобы это были такие внутренние средства, которые позволили бы государству рассматривать жалобы по существу и предоставлять соответствующую защиту. Причем Европейский Суд не обязывает государства вырабатывать либо применять определенные формы средств защиты, поскольку они пользуются свободой усмотрения при выполнении обязательств, которые на них возлагаются. Однако средства защиты должны быть «эффективными» и на практике, и по закону, т. е. и практически, и юридически, в том, в частности, плане, что их использованию не должны препятствовать действия или, наоборот, бездействие властей государства-ответчика². В любом случае механизм установления ответственности государственных служащих или органов за действия или бездействие, повлекшие нарушение Конвенции, должен быть доступен жертвам или родственникам жертв. Кроме того, Европейский Суд указывает, что правовые средства должны быть эффективными и в том смысле, что возможность использовать их не может быть неоправданно затруднена действиями

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Михеев против России (Mikheyev v. Russia)» по жалобе № 77617/01 от 26 января 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 6.

² Постановления ЕСПЧ: по делу «Куштова и другие (Kushtova and Others) против России» по жалобе № 21885/07 от 16 января 2014 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/kushtova-and-others-v-russia/> (дата обращения: 19.12.2019); по делу «Архестов и другие (Arkhestov and Others) против России» по жалобе № 22089/07 от 16 января 2014 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/arkhestov-i-drugie-protiv-rossii-arkhestov-and-others-v-russia/> (дата обращения: 20.12.2019).

или же бездействием органов власти государства-ответчика. Во многих своих решениях по конкретным делам Европейский Суд высказывает мысль, что если уголовное расследование было неэффективным, то это делает неэффективными на практике и все другие средства защиты¹.

Не может служить оправданием ссылки государств-ответчиков и на перегруженность государственных органов. Европейский Суд считает, что государства должны организовывать деятельность своих судов таким образом, чтобы их деятельность отвечала требованиям ст. 13 Конвенции².

ЕСПЧ в своих решениях, касающихся России, также неоднократно обращается к вопросам эффективного уголовного судопроизводства, в которых подтвердил уже высказанные и сформулировал дополнительные правовые позиции, определяющие эффективность процессуальной деятельности.

¹ Постановления ЕСПЧ по делу «Назырова и другие (Nazyrova and Other) против России» по жалобам № 21126/09, 64811/09, 32965/10, 64270/11 от 09 февраля 2016 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/nazyrova-i-drugie-protiv-rossii-vyderzhki/> (дата обращения: 19.12.2019); по делу «Хачукаевы (Khachukayevy) против России» по жалобе № 34576/08 от 09 февраля 2016 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/khachukayevy-protiv-rossii/> (дата обращения: 19.12.2019); по делу «Сагаева и другие (Sagayeva and Others) против России» по жалобам № 22689/09, 31189/11 от 08 декабря 2015 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/sagayeva-i-drugie-protiv-rossii/> (дата обращения: 20.12.2019); постановление ЕСПЧ по делу «Орцуева и другие (Ortsuyeva and Other) против России» по жалобам № 3340/08, 24689/10 от 22 ноября 2016 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://26.мвд.рф/document/11206544> (дата обращения: 21.12.2019); по делу «Аслаханова и другие (Aslakhanova and Others) против России» по жалобам № 2944/06, 8300/07, 50184/07, 332/08, 42509/10 от 18 декабря 2012 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/184/> (дата обращения: 09.11.2018); по делу «Ахматов и другие (Akhmatov and Others) против России» по жалобам № 38828/10, 2543/11, 2650/11, 2685/11, 7409/11, 14321/11, 26277/11 от 16 января 2014 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/akhmatov-i-drugie-protiv-rossii/> (дата обращения: 11.12.2019); по делу «Джабраилов и другие (Dzhabrailov and Others) против России» по жалобам № 8620/09, 1167/09, 16488/09, 21133/09, 36345/09, 47770/09, 54728/09, 25511/10, 32791/10 от 27 февраля 2014 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/dzhabrailov-i-drugie-protiv-rossii/> (дата обращения: 19.12.2019).

² Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. С. 356, 376.

Весьма важным в этом отношении оказалось решение по делу «Михеева против России» от 26 января 2006 г. по жалобе № 77617/01¹, в котором ЕСПЧ указал на следующие общие принципы, касающиеся обеспечения эффективного расследования.

Во-первых, в решении сформулировано понимание того, что «отсутствие результатов проведенного расследования само по себе не свидетельствует о его неэффективности: обязательство провести расследование это не обязательство получить результат, а обязательство принять меры». По мнению Суда не каждое расследование может быть удачным или привести к результату, признающему изложение фактов заявителем истинными; однако оно должно в принципе быть способно к установлению обстоятельств дела и в случае, если жалобы оказались обоснованными, к идентификации и наказанию виновных.

Во-вторых, расследование серьезных заявлений о жестоком обращении должно быть тщательным. В понимании Европейского Суда должны предприниматься серьезные попытки установить, что на самом деле произошло, и недопустимо полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования либо для принятия каких-либо иных решений. Государственные органы должны предпринимать все доступные и уместные шаги для того, чтобы зафиксировать доказательства по уголовному делу, включая свидетельства очевидцев, медицинские документы и т. д.

Нам представляется, что поскольку решение принимается по конкретному уголовному делу, Европейский Суд вправе позволить себе допускать формулировки конкретного, а не обобщающего характера, поэтому и появление таких выражений, как «серьезные заявления», вполне оправдано. Однако полагаем, что поскольку формулирование понимания эффективных средств правовой защиты важно не для одного уголовного дела, а в целом, в связи с чем считаем возможным распространить рассматриваемый подход не только на «серьезные», а вообще на любые заявления.

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Михеев против России (Mikheyev v. Russia)» по жалобе № 77617/01 от 26 января 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 6.

В-третьих, по мнению Суда расследование должно быть быстрым. Быстрота расследования определяется своевременностью реакции государственных органов на поступившую жалобу, т. е. началом расследования, задержками в проведении следственных действий и в конечном счете продолжительностью времени, которое заняло досудебное производство.

В-четвертых, чтобы расследование было эффективным, оно должно быть, по мнению Европейского Суда, независимым. Независимость утрачивается, если расследование производят сотрудники того же подразделения либо органа, к которому принадлежат подозреваемые в совершении преступных действий. В ряде своих решений Суд указал, что лица, ответственные за расследование, должны быть независимы от лиц, причастных к событиям. Это означает не только отсутствие иерархической или институциональной связи, но также и практическую независимость¹.

Также можно вполне согласиться с мнением С.Н. Кузнецовой, которая, рассматривая критерии эффективности средств правовой защиты на основании практики ЕСПЧ, выделила их доступность, целесообразность и действенность².

В значимом для России решении по делу «Аслаханов и другие против России» от 18 декабря 2012 г. по жалобам № 2944/06 и № 8300/07, 50184/07, 332/08, 42509/10 Европейский Суд указал на ряд выявленных им недостатков расследования, связав их с эффективностью деятельности органов, производящих предварительное расследование. В частности, он указал на задержки при возбуждении уголовных дел, которые составили от 7 дней и до 5 и более месяцев; на промедление производства расследования, причем обратил внимание, что было допущено значительное промедление с допросом очевидцев (7 и 9 месяцев), а

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Трубников (Trubnikov) против России» по жалобе № 49790/99 от 05 июля 2005 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/29/> (дата обращения: 21.12.2019); постановление ЕСПЧ по делу «Каимова и другие (Kaimova and Others) против России» по жалобе № 24132/12 от 01 февраля 2018 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/kaimova-i-drugie-protiv-rossii-perevod-postanovleniya/> (дата обращения: 21.12.2019).

² Кузнецова С.Н. Эффективность внутригосударственных средств правовой защиты: понятие и критерии в практике Европейского Суда по правам человека // Государство и право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3. С. 127-130.

также на то, что по каждому расследуемому уголовному делу выносилось постановление о его приостановлении, что увеличивало периоды бездействия и снижало перспективы расследования преступлений. Кроме того, не выявлялись свидетели происшествия, а указания надзирающих прокуроров и решения судов, в которых было указано на недостатки расследования, не выполнены и положительных результатов не принесли (§ 124, 125)¹.

Рассматривая вопрос доступа потерпевших к материалам уголовного дела, Европейский Суд отмечает, что ограничительное толкование ст. 42 и 161 УПК РФ и отсутствие окончательных результатов по расследуемым делам приводит к тому, что широко распространены отказы в доступе к материалам уголовного дела, а если такой доступ и предоставлялся, например, как указано в § 319 решения по делу «Султыгов и другие против России», то эффективности расследования это тем не менее не повышало (§ 173, 174)². Полагаем, что мнение Суда в данном случае не совсем обосновано. Законодатель вполне продуманно определил право потерпевших как участников процесса знакомиться с материалами уголовного дела только после завершения предварительного расследования (ст. 216 УПК РФ). Это связано, безусловно, в первую очередь с сохранением тайны следствия и обеспечением возможности достижения правоохранительными органами определенного результата. Поскольку по жалобам, которые рассматривал Европейский Суд, предварительное расследование было не закончено, а только приостановлено, это не позволяло следственному аппарату разглашать информацию, находящуюся в материалах уголовного дела. Следует также учитывать, что согласно правовым позициям Европейского Суда государства вправе вырабатывать самостоятельные формы средств защиты, поскольку

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Аслаханова и другие (Aslakhanova and Others) против России» по жалобам № 2944/06, 8300/07, 50184/07, 332/08, 42509/10 от 18 декабря 2012 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/184/> (дата обращения: 09.11.2018).

² Постановление ЕСПЧ по делу «Султыгов и другие (Sultygov and Others) против России» по жалобам № 42575/07, 53679/07, 311/08, 424/08, 3375/08, 4560/08, 35569/08, 62220/10, 3222/11, 22257/11, 24744/11 и 36897/11 от 09 октября 2014 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/perevod-postanovleniya-sultygov-i-11-dr-protiv-rossii-rus-yaz-/> (дата обращения: 11.11.2018).

пользуются свободой усмотрения при выполнении обязательств, которые на них возлагаются. Поэтому, если согласно внутреннему законодательству доступ к материалам уголовного дела не связан с принятием решения о приостановлении расследования, то, очевидно, связывать данное положение с отсутствием эффективности расследования нельзя. Нам представляется, что ограничение доступа потерпевших к материалам уголовного дела, по которому предварительное расследование не закончено, нельзя рассматривать как неэффективное средство защиты еще и потому, что у всех участвующих в уголовном судопроизводстве лиц есть право обжалования действий или бездействия, а также решений официальных лиц, осуществляющих предварительное расследование (дознатель, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор) и суда. Данное право, порядок обжалования и порядок рассмотрения жалоб закреплен в ст. 123-125 УПК РФ. Законодательно определенный порядок рассмотрения жалоб, в том числе и на неудовлетворительный ход расследования, обеспечивает суду, прокурору, руководителю следственного органа возможность выявить все нарушения, допущенные на стадии предварительного расследования, и ответить на все вопросы, возникшие у лиц, обратившихся с жалобой, в том числе и о ходе предварительного следствия, о чем, кстати, указано в меморандуме, подготовленном Департаментом исполнения решений Европейского Суда по правам человека¹.

В то же время, выполняя свои обязательства по выполнению решений Европейского Суда по правам человека, а также учитывая специфику расследования уголовных дел о преступлениях в период «чеченского конфликта», председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин еще в 2010 г. обращал внимание на меры, предпринимаемые для решения проблемы, на которую неоднократно указывал ЕСПЧ. В частности, он подтвердил, что «по результатам

¹ Информационный документ СМ/Inf/DH(2010)26. Меморандум, подготовленный Департаментом по контролю за исполнением постановлений Европейского Суда, и первые комментарии российских властей (Статья 46 ЕСПЧ) // [Электронный ресурс] URL: http://sutyajnik.ru/rus/echr/res_com_of_min/memo_06_2006.htm (дата обращения: 18.11.2018).

анализа соблюдения следователями управления прав потерпевших по уголовным делам, находящимся в их производстве, в целях реализации мероприятий, вытекающих из международных обязательств Российской Федерации, а также из решений ЕСПЧ в части соблюдения предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством прав участников уголовного судопроизводства, признанных в установленном порядке потерпевшими по уголовным делам, в следственном управлении республики в июне прошедшего года издан приказ «О принятии дополнительных мер по соблюдению прав потерпевших и их представителей следователями следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Чеченской Республике по находящимся в производстве уголовным делам», утверждающий одноименную инструкцию. В инструкции регламентирован порядок ознакомления потерпевших с материалами уголовного дела до окончания предварительного следствия, согласно которому объем возможных для ознакомления документов по сравнению с предусмотренным ст. 42 (потерпевший) УПК РФ может быть расширен мотивированным решением руководителя следственного подразделения»¹. Такой подход к решению данного вопроса представляется нам совершенно обоснованным и в целом совпадает с мнением ученых, которые считают целесообразным оптимизацию процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве².

¹ Бастрыкин правит Постановление Пленума Верховного суда РФ // [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.ru/news/view/27930/> (дата обращения: 17.12.2018).

² Шминке А.Д. Оптимизация процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2 (115). С. 201-205.

§ 5. Отражение категории «эффективность уголовно-процессуальной деятельности» и средств, ее обеспечивающих, в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации

К вопросам обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности неоднократно обращался в своих постановлениях и определениях Конституционный Суд РФ, который не только развивает положения, выработанные ЕСПЧ относительно эффективного уголовного судопроизводства, но и формулирует свои правовые позиции.

Так, в постановлении № 16-П от 14 июля 2011 г. Конституционный Суд РФ изложил позицию, касающуюся эффективной системы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Данная система охватывает ряд элементов, позволяющих обеспечить эффективную реализацию конституционного права на судебную защиту.

В первую очередь это обеспечение права на обращение в суд. Указанную возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод, по мнению Конституционного Суда РФ, обеспечивают законодательно закрепленные критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное уголовное дело, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в этом вопросе.

Во-вторых, Конституционный Суд РФ определил круг лиц, которые в уголовном судопроизводстве вправе претендовать на судебную защиту своих прав и свобод, указывая, что это могут быть все заинтересованные лица, в том числе и те, которые не привлечены к участию в деле, если в отношении них вынесено судебное решение, нарушающее их права и свободы либо возлагающее на них дополнительные обременения.

В-третьих, Конституционный Суд РФ не устанавливает обязательность каких-либо определенных видов процедур осуществления судебной проверки

решений органов государственной власти, включая суды, по жалобам этих лиц. Решение об использовании конкретных средств, позволяющих выявить допущенные нарушения, суд принимает с учетом обстоятельств каждого дела¹.

В своем постановлении от 23 марта 1999 г. № 5-П Конституционный Суд РФ сформировал правовую позицию, обосновывающую необходимость своевременного обращения в суд с жалобами на действия и решения органов предварительного расследования. Он указал, что предназначение досудебных стадий уголовного процесса состоит в том, чтобы обеспечить условия эффективного осуществления правосудия. Суды, разрешая уголовное дело на основе исследования в судебном заседании всех обстоятельств, осуществляют проверку процессуальных актов и других материалов досудебного производства, однако если действия и решения органов предварительного расследования не только затрагивают уголовно-процессуальные правоотношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, ограничивают права и свободы личности, то контроль суда в этом случае, имеющий место на следующей стадии процесса, не может рассматриваться эффективным средством защиты. В силу чего нельзя не признать правомерным обращение в суд участников уголовного судопроизводства с жалобами на действия и решения органов предварительного расследования в рамках досудебного уголовного процесса².

Развивая указанную правовую позицию, Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 11 ноября 2014 г. № 28-П указал, что одним из важных факторов, определяющих эффективное восстановление нарушенных прав, является своевременность их защиты; это означает, что рассмотрение и разрешение уголовного дела судом должно всегда осуществляться в разумный срок.

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко // Российская газета. 2011. 29 июля.

² Постановление Конституционного суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части 1 ст. 218 и ст.220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырского, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1749.

При определении разумного срока досудебного производства, который включает в себя период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, по мнению Конституционного Суда РФ, должны учитываться такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение потерпевшего и иных участников досудебного производства по уголовному делу, достаточность и эффективность действий прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, а также общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу¹.

Данные правовые позиции Конституционный Суд РФ развил и в ряде других своих постановлений².

Сформированная Конституционным Судом РФ правовая позиция по вопросу обеспечения прав потерпевших свидетельствует не о формальном подходе Конституционного Суда РФ к вопросам имплементации рекомендации ЕСПЧ в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2014 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части третьей статьи 6¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Курочкина, А.Б. Михайлова и А.С. Русинова» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 47. Ст. 6632.

² Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2007. 14 февраля; от 19 июля 2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 2446 ГПК РФ в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» // Российская газета. 2011. 27 июля; от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Российская газета. 2005. 20 мая.

правовое пространство России, а о разрешении вопросов с учетом особенностей реализации норм уголовно-процессуального права и критериев разумности. В своем определении № 300-О от 11 июля 2006 г. Конституционный Суд РФ указал, что «статья 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации обязывает органы государственной власти обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Положения уголовно-процессуального законодательства о праве потерпевшего знакомиться с материалами уголовного дела с момента окончания предварительного расследования и о его реализации с учетом специфики уголовного процесса не могут рассматриваться как ограничивающие право потерпевшего на получение информации. Исследование данного вопроса во взаимосвязи с другими правовыми позициями по вопросу обеспечения эффективности средств защиты, в частности относительно необходимости своевременного обращения в суд с жалобами на действия и решения органов предварительного расследования, позволил Конституционному Суду РФ прийти к выводу о том, что потерпевшему должен быть предоставлен доступ к соответствующей информации для незамедлительного обращения с жалобой в суд»¹. Толкование правовой позиции Конституционного Суда РФ позволяет правоприменителям понимать указанную ситуацию как возможность предоставления потерпевшему не всех материалов уголовного дела, а лишь той информации, материалов, документов, которые затрагивают права и свободы указанного участника процесса.

Что касается эффективных средств, обеспечивающих исполнение судебного решения в отношении реабилитированных лиц и возмещения им имущественного, морального вреда, то в ряде постановлений и определений Конституционный Суд РФ сформулировал позицию о том, что федеральный законодатель обязан создавать такие процедурные условия, которые, не подвергая сомнению принцип

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 300-О «По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав п.п. 1, 5, 11, 12 и 20 ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст. 163, ч. 8 ст. 172 и ч. 2 ст. 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 47. Ст. 4940.

исполнимости принятых решений о выплатах компенсации вреда реабилитированным лицам, способствовали бы скорейшему определению его размера и возмещению.

Эффективное разрешение вопросов, связанных с реабилитацией, обеспечивает и процедурная безукоризненность рассмотрения уголовных дел. К такому выводу Конституционный Суд РФ пришел, исследуя вопрос о возможности повторного участия судьи при решении вопроса о рассмотрении требования реабилитированного в случае возвращения вышестоящим судом этого требования на новое судебное рассмотрение. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что гражданин в случаях, свидетельствующих о неоднократном претерпевании им неблагоприятных последствий деятельности государственных органов (сначала при неправомерном уголовном преследовании, а затем при вынесении неправосудного решения по вопросу о возмещении вреда), нуждается в дополнительных гарантиях его прав, включая право на судебную защиту, которое должно быть обеспечено в условиях, исключающих любые – даже не имеющие веских оснований – сомнения в беспристрастности суда с учетом наличия спора о праве и об обстоятельствах дела. При обусловленном отменой решения суда вышестоящим судом новом (повторном) рассмотрении требования реабилитированного лица факт предыдущего участия судьи в рассмотрении данного требования и принятия им решений в отношении этого лица создает дополнительные риски для оценки правосудия как справедливого». Свое мнение Суд обосновал следующими вполне логичными доводами: «Если судья ранее высказал позицию о виновности обвиняемого, о законности и обоснованности уголовного преследования, а значит, позицию о наличии обстоятельств, не предполагающих реабилитацию, то возникает почва для переоценки доказательств, конфликта интересов и оправданных сомнений в способности такого судьи объективно и непредвзято разрешить требования реабилитированного. В частности, высказанная судьей в приговоре позиция относительно наличия события преступления, обоснованности вывода о виновности обвиняемого, достаточности собранных доказательств определенным образом ограничивает

свободу судьи и его независимость при дальнейшем производстве по делу¹. Соответственно, рассматривая в этих случаях материалы о возмещении реабилитированному вреда, судья вынужден – по меньшей мере в косвенной форме – подвергать критике принятые им же самим решения, что не только ставит под угрозу ограничения закрепленный в ст. 17 УПК РФ принцип свободы оценки доказательств, в котором воплощается в том числе независимость суда², гарантированная ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, но и идет вразрез с вытекающими из ч. 1 и 2 ст. 46, ст. 53 требованиями эффективности и справедливости судебной защиты прав реабилитированного³.

Рассматривая проблемы, связанные с доступом потерпевших к материалам уголовного дела и решениям должностных лиц, ведущих предварительное расследование, Конституционный Суд РФ указал, что право обжаловать отказ в возбуждении уголовного дела в суд (ч. 1 ст. 125, ч. 2 ст. 145 и ч. 5 ст. 148 УПК РФ) предполагает обязанность государства обеспечить возможность его реализации, которая прямо зависит от доступа к обжалуемому решению и материалам соответствующей проверки, поскольку мотивированно оспорить законность и обоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела можно,

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2021 г. № 426-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габбасова Марселя Римовича на нарушение его конституционных прав статьей 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128331/ (дата обращения: 14.12.2021).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Сборник законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений уголовно-процессуального закона РФ в связи с жалобой М.И. Бондаренко» // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282711/ (дата обращения: 14.03.2018); постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Сборник законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398; определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2021 г. № 426-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габбасова Марселя Римовича на нарушение его конституционных прав статьей 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128331/ (дата обращения: 14.12.2021).

только ознакомившись как с его содержанием, так и с положенными в его основу материалами. В противном случае сообщившее о преступлении лицо, хотя и не признанное в официальном порядке потерпевшим, но полагающее себя пострадавшим от преступления, будет ущемлено в праве на судебную защиту, которое предполагает предоставление заинтересованным лицам реальной возможности отстаивать перед судом свою позицию, оспаривать доводы других участников процесса, а также обжаловать принятые в отношении них решения, в том числе судебные, поскольку правосудие по самой своей сути признается таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах¹.

Один из важных принципов защиты прав и свобод человека заключается в обязанности государства для достижения указанной цели осуществлять активные действия, т. е. исполнять обязательства по защите прав и свобод человека. Для государства недостаточно только воздерживаться от действий, которые могут привести к нарушению Конвенции или Протоколов к ней. Указанный принцип необходимо учитывать особенно в случаях, когда предметом обжалования становится бездействие органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц. На данное требование обращает внимание и Верховный Суд РФ. Например, в постановлении Пленума «О судебном приговоре» Верховный Суд РФ указал, что «если подсудимый объясняет изменение либо отказ от полученных в присутствии защитника показаний тем, что они были даны под принуждением в связи с применением к нему недозволённых методов ведения расследования, то судом должны быть приняты достаточные и эффективные меры по проверке такого заявления подсудимого»², а в постановлении от 29 марта 2016 г. № 11 разъяснил, что «действия органа дознания, начальника органа дознания, следователя, дознавателя могут быть признаны

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2017 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горовенко» // Российская газета. 2017. 7 декабря.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 7 декабря.

достаточными и эффективными, если ими приняты необходимые меры, направленные на своевременную защиту прав и законных интересов лиц, а действия суда должны признаваться достаточными и эффективными, если они осуществляются в целях своевременного рассмотрения дела, в частности, судом эффективно проводилась подготовка дела к судебному разбирательству, осуществлялось руководство ходом судебного заседания в целях создания условий для всестороннего и полного исследования доказательств и выяснения обстоятельств дела, а также из судебного разбирательства устранялось то, что не имело отношения к делу»¹.

Анализируя постановления Пленума Верховного Суда РФ, можно прийти к выводу о том, что данный орган судебной власти в текстах своих постановлений до 2013 г. термин «эффективность» не использовал.

Определенное внимание Верховный Суд РФ стал уделять данной правовой категории, развивая положения ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, касающейся права на эффективное средство правовой защиты. Например, Верховный Суд РФ поддержал решение ЕСПЧ по делу «Хисматуллин против России». Заявителю было отказано в возбуждении уголовного дела после проведения доследственной проверки по его заявлению о причинении вреда его здоровью сотрудниками правоохранительных органов. Европейский Суд в своем постановлении от 11 декабря 2014 г. признал нарушение ст. 3 Конвенции в связи с тем, что не было проведено эффективного расследования по заявлению о жестоком обращении с заявителем со стороны сотрудников милиции, которое, с его слов, привело к перелому грудины, поскольку в возбуждении уголовного дела было отказано, а проверка по заявлению о совершении преступления сама по себе не

¹ Постановление Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2016. 6 апреля.

является достаточно эффективной, так как не позволяет установить обстоятельства дела и не может привести к наказанию виновных¹.

В целях обеспечения единообразного применения судами общей юрисдикции Конвенции и ратифицированных Россией Протоколов к ней Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 своего постановления от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней»² дал судам разъяснения, согласно которым «целью Конвенции и Протоколов к ней являются эффективное признание и защита нарушенных прав и свобод человека, поэтому положения этих международных договоров Российской Федерации не могут служить основанием для их ограничения». В ч. 2 п. 13 Верховный Суд РФ указал, что согласно положениям подп. «с» п. 3 ст. 6 Конвенции в толковании Европейского Суда обвиняемый имеет право эффективно защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника. Судам первой, апелляционной, кассационной или надзорной инстанции необходимо исчерпывающим образом разъяснять содержание этого права, а также в соответствии с законодательством Российской Федерации обеспечивать его реализацию.

Таким образом, Верховный Суд РФ определил необходимое для обеспечения эффективной защиты условие, к которому отнес обязанность судей исчерпывающим образом разъяснять содержание прав обвиняемому и обеспечивать их реализацию. Термин «исчерпывающим образом», очевидно, следует понимать только в одном значении: судьи должны доходчиво разъяснять каждое право, предоставленное обвиняемому, его суть и механизм реализации в судебных стадиях процесса.

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Хисматуллин (Khismatullin) против Российской Федерации» по жалобе № 33469/06 от 11 декабря 2014 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание / учредитель ООО «Развитие правовых систем». 2015, июнь. № 6 (18). С. 28-41.

² О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // Российская газета. 2013. 7 июля.

Применительно к вопросу своевременного, эффективного восстановления нарушенных конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 29 июня 2019 г. № 19¹ сформулировал правовую позицию, касающуюся возможности обжалования и пересмотра в кассационном порядке постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или о продлении срока их действия, либо о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы и после поступления уголовного дела в суд первой инстанции. Данная правовая позиция была сформулирована как исключение из правила, определенного самим же Верховным Судом РФ, которое звучит следующим образом: «Какое бы то ни было вмешательство в деятельность судов при отправлении правосудия, в том числе и со стороны вышестоящих судебных инстанций, является недопустимым, вступившие в законную силу судебные решения, вынесенные в ходе досудебного производства, могут быть по общему правилу пересмотрены в кассационном порядке лишь до передачи уголовного дела в суд первой инстанции для рассмотрения по существу»². Однако вопросы избрания меры пресечения либо решение о помещении в медицинский психиатрический стационар настолько затрагивают конституционные права граждан, что Верховный Суд РФ делает в отношении данных решений исключение.

В своих постановлениях Пленум Верховного Суда РФ также указывает на причины, в силу которых признать эффективной деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование, невозможно. Так в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2019. 3 июля.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2019. 3 июля.

заклучения под стражу, домашнего ареста и залога»¹ отмечено, что неэффективная организация расследования может явиться основанием к отказу в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, особенно если ходатайство возбуждается перед судом неоднократно и по мотивам выполнения следственных действий, указанных в предыдущих ходатайствах. Что касается продления срока содержания под стражей до окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, то Верховный Суд РФ нацеливает нижестоящие суды обращать внимание на обоснованность доводов органов предварительного расследования о невозможности своевременного ознакомления указанных лиц по объективным причинам, выяснять данные причины, устанавливать, не является ли данное обстоятельство результатом неэффективной организации процесса ознакомления и не связано ли это с явным затягиванием времени обвиняемым и его защитником и соблюдена ли предусмотренная ч. 3 ст. 217 УПК РФ процедура ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.

Указанные решения послужили основанием для принятия Пленумом Верховного Суда РФ постановления от 3 октября 2017 г. № 34 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»². Применительно к интересующему нас вопросу предлагались внести в ст. 109 УПК РФ изменения следующего содержания: часть восьмую изложить в следующей редакции: «Ходатайство о продлении срока содержания под стражей должно быть представлено в суд по месту производства предварительного расследования либо

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Российская газета. 2013. 27 декабря; 2016. 1 июня.

² Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 3 октября 2017 г. № 34 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального Закона «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.supcourt.ru/files/24038/> (дата обращения: 06.11.2018).

месту содержания обвиняемого под стражей не позднее чем за 7 суток до его истечения».

В постановлении о возбуждении ходатайства излагаются основания и мотивы продления срока содержания под стражей. Если в качестве одного из мотивов в ходатайстве указывается на необходимость производства следственных и иных действий, предусмотренных УПК РФ, то в постановлении должны быть указаны перечень этих действий и причины, по которым они не были произведены в установленные ранее сроки содержания обвиняемого под стражей, а также сведения о произведенных следственных и иных процессуальных действиях в период после избрания меры пресечения или последнего продления срока содержания его под стражей.

В пояснительной записке к проекту говорится, что установление в законе дополнительных требований к ходатайствам о продлении срока содержания обвиняемых под стражей будет способствовать повышению качества предварительного расследования, эффективности его организации, соблюдению разумных сроков досудебного производства по уголовному делу. Реализация законодательных новелл позволит суду усилить контроль за обеспечением конституционных гарантий прав на свободу и личную неприкосновенность лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, в том числе по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности¹.

Полагаем, что принятие указанного законодательного акта и внесение соответствующих дополнений в текст уголовно-процессуального закона только положительным образом скажется на многих показателях эффективной процессуальной деятельности: обеспечит реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства, повысит ответственность должностных лиц,

¹ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 3 октября 2017 г. № 34 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального Закона «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.supcourt.ru/files/24038/> (дата обращения: 06.11.2018).

осуществляющих предварительное расследование, за принятые на себя обязательства (произвести следственные действия, указанные в ходатайстве, своевременно), повысит гарантии обеспечения прав и законных интересов лиц, оказавшихся в орбите уголовного судопроизводства.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Концепция обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности

В научной литературе можно встретить различные определения термина «концепция». Концепция – это ведущий замысел, определенный способ понимания, трактовки какого-либо явления, внезапное рождение идеи, основной мысли, художественного или иного мотива¹. В Большом словаре иностранных слов говорится, что это – «система взглядов, определенный угол зрения на те или иные явления, способ их понимания или трактовки. Общий замысел творческого произведения, научного труда»².

Для создания концепции теоретических, правовых и организационных основ обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, которая соответствовала бы современным требованиям теории и практики, необходимо представить систему научных взглядов и проанализировать состояние научной разработанности исследуемой проблемы. Таким образом, теоретическая концепция применительно к теме настоящей работы – это система научных взглядов на формирование и реализацию теоретических, правовых и организационных основ обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности остаются недостаточно изученными. До настоящего времени нет фундаментальных исследований, рассматривающих понятие, сущность, критерии эффективной уголовно-процессуальной деятельности, порядок и особенности применения средств, обеспечивающих данную уголовно-процессуальную деятельность, или, наоборот, негативно влияющих на ее достижение. В первую очередь следует учитывать, что

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 2005. С. 222.

² Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М., 2006. С. 314.

поскольку категория «эффективность» – это изначально понятие экономическое, то достаточно большой блок исследований данного понятия был осуществлен учеными-экономистами Г. Эмерсоном, Н.И. Фокиным, В.И. Павловым, Е.Н. Трояновой и др. Изучение работ этих и других ученых позволило выделить те моменты, проблемы и методологические подходы, которые в общем характеризуют данную категорию, без выделения конкретной области применения.

В диссертационных исследованиях, посвященных эффективности, которые были проведены учеными, представляющими различные отрасли права, не затрагивались вопросы, связанные со спецификой именно уголовно-процессуальной деятельности, а если и затрагивались, то лишь поверхностно. Можно назвать исследования, посвященные вопросам эффективности права, эффективности норм, эффективности правоприменительной деятельности и вопросам применения правовых средств, обеспечивающих эффективность деятельности, осуществленные учеными-теоретиками, например, диссертацию С.А. Жинкина на соискание ученой степени доктора юридических наук «Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение», защищенную в 2009 г., в которой автор упор делает на вопросы эффективности права и норм законодательства; работу столь же высокого уровня В.А. Сапуна «Теория правовых средств и механизм реализации права», защищенную в 2002 г. в Нижнем Новгороде, которая была посвящена теории правовых средств, но в которой не упоминалось об их применении в целях обеспечения эффективной деятельности; работу С.Б. Швецова «Эффективность правоприменительной деятельности», защищенную в Санкт-Петербурге в 2004 г., в которой автор определил предметом своего исследования только понятие «применение права» и ограничился исследованием цели нормы права, условий достижения цели и отчасти методики определения эффективности правоприменительной деятельности; работу И.Н. Мариной «Средства повышения эффективности применения норм права», защищенную в Москве в 2009 г., содержание которой адекватно названию и в которой не затрагивались вопросы эффективности правоприменительной деятельности. В 2013 г. в Москве А.К. Гагиевым была

защищена диссертация «Критерии эффективности деятельности судов в гражданском и арбитражном процессе». В данной работе автор выделил основные признаки понятия эффективности, предложил достаточно спорную дефиницию понятия «процессуальная деятельность» и выделил такие критерии эффективности, как справедливость, своевременность и доступность, но применительно к гражданскому и арбитражному процессуальному праву.

В ряде трудов, посвященных вопросам эффективности деятельности, например органов внутренних дел, не раскрываются проблемы, возникающие в уголовно-процессуальной деятельности. К таким работам можно отнести диссертацию Ю.Е. Аврутина «Эффективность деятельности органов внутренних дел», защищенную в 1998 г. в Санкт-Петербурге, в которой исследовались государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки и проектирования правоохранительной деятельности; диссертацию А.В. Голубева «Стимулирование как фактор повышения эффективности правоохранительной деятельности органов внутренних дел», защищенную в 2019 г. в Москве, и диссертацию Е.Г. Бунова «Социальная эффективность деятельности органов внутренних дел в условиях реформирования системы управления МВД России», защищенную в Москве в 2014 г., но по специальности 22.00.08 – социология управления. Диссертационное исследование Л.А. Алексеевой посвящено «Соотношению социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности (на примере органов внутренних дел)», и в нем основное внимание уделяется вопросам правоприменения и взаимосвязи социальной и юридической эффективности.

Содержательная работа, посвященная теоретическим проблемам эффективности правосудия по гражданским делам, была подготовлена А.В. Цихоцким и защищена в Новосибирске в 1998 г., но она посвящена только эффективности деятельности судов при рассмотрении гражданско-правовых споров.

В диссертационном исследовании «Правовые и организационные аспекты обеспечения эффективности дифференциации условий отбывания наказания в виде

лишения свободы в исправительных колониях» его автор, С.В. Березиков, рассмотрел только проблемы исполнения и отбывания наказания осужденными, а в работе В.Н. Сизовой «Эффективность российского уголовного законодательства: теоретико-прикладной аспект» освящались вопросы эффективности уголовного законодательства и не рассматривались проблемы эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

В диссертационных работах, подготовленных по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, вопросы, посвященные эффективности уголовно-процессуальной деятельности и средствам, обеспечивающим данную деятельность, комплексно не освящались, как правило, речь шла об отдельных вопросах, связанных с эффективностью. Например, диссертация «Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам (процессуальные статистические и социологические аспекты)», защищенная в 1988 г. в Москве Т.Г. Морщаковой, в целом была посвящена только теоретическим и практическим проблемам обеспечения качества правосудия и его оценки и только отчасти касалась вопросов эффективности уголовно-процессуальной деятельности и средств, обеспечивающих эффективность данной деятельности¹.

В весьма интересной диссертации А.Ю. Астафьева «Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции», защищенной в 2013 г., только один параграф посвящен понятию, критериям, способам оценки эффективности правосудия. В целом же диссертация направлена на раскрытие процессуальных гарантий правосудия и конкретно независимости судей в системе гарантий эффективного правосудия².

Взгляды ученых, посвященные организации эффективной уголовно-процессуальной деятельности, изложенные в иных монографических работах, научных публикациях, лишь отчасти затрагивают отдельные вопросы сущности и

¹ Морщакова Т.Г. Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам (процессуальные, статистические и социологические аспекты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1988. 42 с.

² Астафьев А.Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2013. 237 с.

обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности. В данных работах рассматривались такие проблемы, как понятие эффективности и качества предварительного расследования¹, взаимосвязь эффективности защиты с адвокатской тайной², эффективность судебных процедур³, влияние качества нормативной правовой базы на эффективность правоприменения,⁴ эффективность контрольно-надзорной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела⁵, методология и методика оценки эффективности прокурорского надзора, эффективность правосудия и сопутствующие проблемы его качества⁶ и т. д.

Следует отметить, что чаще всего ученые, озаглавливая свои работы через понятие «эффективность», фактически не затрагивали в них понятие и сущность данной правовой категории, ограничиваясь только проблемами уголовного судопроизводства⁷.

Поскольку тема, выбранная нами для диссертационного исследования, охватывает вопросы не только понятия, сущности, содержания эффективной уголовно-процессуальной деятельности, но и основ ее обеспечения, то определенный раздел диссертации был посвящен средствам обеспечения

¹ *Зникин В.К.* Понятие эффективности и качества предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 1 (11). С. 25-31.

² *Гриненко А.В.* Адвокатская тайна и эффективность защиты по уголовным делам // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 15-18.

³ *Колоколов Н.А.* О сущности эффективности судебных процедур // [Электронный ресурс] URL: https://studme.org/1083030913249/pravo/ugolovnoe_sudoproizvodstvo (дата обращения: 04.04.2019).

⁴ *Мурсалимов К.Р.* Влияние качества нормативной правовой базы на эффективность правоприменения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2008. № 4. С. 67-70.

⁵ *Богатова Е.В.* Контрольно-надзорная деятельность за исполнением законов и ее эффективность в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 246 с.

⁶ Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок: монография / Рук. автор. кол. И.Л. Петрухин / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1975. Ч. 1. 298 с.

⁷ *Погодин С.Б.* Природа соотношения конституционных принципов состязательности, равноправия сторон и независимости судей и их влияние на эффективность уголовного судопроизводства // [Электронный ресурс] URL: <https://www.iuaj.net/node/242> (дата обращения: 04.04.2019); *Зажуцкий В.И.* Проблемы повышения эффективности правосудия по уголовным делам // Государство и право. 2009. № 7. С. 38-46; *Насонова И.А.* Уголовно-процессуальные гарантии предварительного расследования как средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 24-28.

эффективной уголовно-процессуальной деятельности. В доктрине данному вопросу также было уделено только поверхностное внимание. Можно назвать ряд диссертационных исследований, в которых в разных аспектах рассматривались средства уголовно-процессуальной деятельности, например «Средства уголовно-процессуальной деятельности: понятие и система», автор Д.И. Селезнев, диссертация защищена в Москве в 2012 г., в которой рассмотрены понятие средств и их система. В диссертации К.Ю. Хатмуллина «Право-временные средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства», защищенной в 2014 г. в Челябинске, речь идет только об уголовно-процессуальных нормах, устанавливающих процессуальные сроки, и их эффективности, принципе процессуальной экономии и взаимосвязи данного принципа с право-временными средствами. Однако в данной работе автор не затрагивает понятие эффективного уголовного судопроизводства, критерии, принципы, а также иные средства его обеспечения. В ряде работ только косвенно затрагиваются определенные вопросы эффективной деятельности некоторых участников уголовного судопроизводства, как, например, в работе И.А. Насоновой «Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты», защищенной в 2011 г.

Все изложенное позволяет прийти к выводу, что до настоящего времени в науке уголовно-процессуального права не разработана концепция теоретических, правовых и организационных основ обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Однако существует настоятельная необходимость в ее разработке, поскольку это позволит разрешить ряд фундаментальных теоретических и практических проблем, связанных с обеспечением эффективной деятельности участников уголовного судопроизводства.

Как нам представляется, данная концепция будет актуальна и востребована не только в настоящее время, но и в последующем, на фоне развития демократического правового государства.

В содержание концепции входят теоретические положения об объекте концепции, о ее системе и структуре, сущности её отдельных элементов, определении её места в системе научного знания, значении для теории и практики,

задачах для дальнейших научных исследований, а также правовое и организационное обеспечение¹.

Объект теоретической концепции. Объектом концепции теоретических, правовых и организационных основ обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности, безусловно, является эффективная правоприменительная деятельность участников уголовно-процессуальных правоотношений, а также тенденции и закономерности данной деятельности, ее особенности, условия и критерии, отличающие её от обычной деятельности, проблемные как теоретические так и практические вопросы, встречающиеся при определении эффективности уголовно-процессуальной деятельности, а также средства, обеспечивающие данную деятельность, и средства, негативно влияющие на её эффективность. В результате исследования, осуществленного автором в данном направлении, был сформулирован ряд положений, характеризующих эффективность в уголовно-процессуальной деятельности. В первую очередь разработана дефиниция данного понятия: эффективной уголовно-процессуальной деятельностью будет деятельность должностных лиц уголовного судопроизводства, осуществляемая строго в рамках закона и в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями, которые охватываются данным понятием: справедливости, качественности, доступности, экономичности, своевременности, достаточности, объективности и результативности.

Что касается правовых средств, то под ними, по нашему мнению, следует понимать соответствующую требованиям закона, нормам морали и нравственности, а также научным достижениям, применяемым в уголовном судопроизводстве, совокупность правовых инструментов и действий, осуществляемых в установленной уголовно-процессуальной форме и обеспечивающих эффективную уголовно-процессуальную деятельность.

¹ *Зайцев О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2002. С. 76, 83; *Григорьев В.Н.* О концепции как форме представления результатов диссертационного исследования (на примере расследования преступлений в чрезвычайных условиях) // Криминологический журнал. 2006. № 2 (10). С. 12-15.

Данное определение позволило сформулировать общие признаки правовых средств, применяемых при осуществлении именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности:

а) они должны быть закреплены в законе, направлены на достижение назначения уголовного судопроизводства;

б) они проявляются как в статичной форме, например в нормах права, так и в динамичной, т. е. в действиях;

в) они могут применяться только в установленном законом порядке;

г) их применение обеспечивается или может обеспечиваться принудительной силой государства.

Система и структура теоретической концепции. Её содержание. Система – это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство¹, а под структурой понимается строение системы, т. е. ранжирование, выстраивание тех элементов, из которых система и состоит. Содержание концепции – это понятия, объединяющие содержание отдельных её элементов.

Основополагающим элементом концепции эффективной уголовно-процессуальной деятельности являются теоретические основы понятия, критериев, условий эффективной деятельности, а также средств, обеспечивающих данную деятельность.

В концепции обосновывается целесообразность изменения методологических подходов к выработке понятия «эффективность уголовно-процессуальной деятельности». Предлагается отказаться от чисто экономических понятий, критериев, подходов, характеризующих эффективность, где во главу угла ставится получение результата, достижение цели или решение задач при минимальных материальных затратах. Применительно к уголовно-процессуальной деятельности процедура ее осуществления не менее важна, чем достижение

¹ Философский словарь. М., 1986. С. 427.

результата. Результативность и эффективность – это хотя и взаимосвязанные, но не тождественные категории.

В концепции обосновывается введение таких критериев, определяющих эффективность уголовно-процессуальной деятельности, как законность, справедливость, качественность, доступность, объективность, экономичность, своевременность, достаточность и результативность. Некоторые из них выступают одновременно и принципами уголовно-процессуальной деятельности, а некоторые просто характеризуют деятельность как эффективную. Однако, оценивая данные критерии эффективной процессуальной деятельности, следует отметить, что не все они влияют на эффективность деятельности одинаково. Их значимость может меняться в зависимости от различных обстоятельств. Например, следователь не откажется от проведения обыска в жилище, следственного действия, весьма затратного по времени, по совершению организационных действий и по привлекаемым человеческим ресурсам, если посчитает необходимым его проведение, и показатель экономичности здесь не будет определяющим. Выводы о неравномерном влиянии указанных критериев на эффективность уголовно-процессуальной деятельности подтверждаются расчетами применения принципа Парето или так называемого принципа 20/80, суть которого состоит в том, что на получение результата оказывают влияние не все, а только несколько значимых факторов.

Характеризуя эффективную уголовно-процессуальную деятельность, представляется необходимым выделить: цели и задачи данной деятельности; субъектов данной деятельности; правовые средства, способные обеспечить эффективную деятельность; собственно деятельность с применением правовых средств и результат деятельности.

Раскрытие указанных структурных элементов эффективной деятельности позволило сформулировать дефиницию понятия: **эффективная уголовно-процессуальная деятельность** – это деятельность, направленная на достижение поставленной цели и решения промежуточных задач, осуществляемая строго в рамках закона и в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями:

справедливости, качественности, доступности, объективности, экономичности, своевременности, достаточности и результативности.

Концепция теоретических, правовых и организационных основ обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности была бы неполной, если бы она не охватывала средства, с помощью которых данная эффективная уголовно-процессуальная деятельность оказалась возможной.

Под такими правовыми средствами следует понимать соответствующую требованиям закона, нормам морали и нравственности, а также научным достижениям, применяемым в уголовном судопроизводстве, совокупность правовых инструментов и действий, осуществляемых в установленной уголовно-процессуальной форме и обеспечивающих эффективную уголовно-процессуальную деятельность. Кроме указанных в данном определении признаков правовых средств (соответствие закону, нормам морали и нравственности, научным достижениям), обеспечивающих эффективную уголовно-процессуальную деятельность, можно выделить еще и такие признаки, как то, что они должны быть закреплены в законе; направлены на достижение назначения уголовного судопроизводства; проявляются и в статичной, и в динамичной форме; могут применяться только в установленном законом порядке; их применение обеспечивается или может обеспечиваться принудительной силой государства.

На достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности оказывает влияние много различных факторов, что вызывает необходимость научного осмысления и выработки предложений по оптимизации данной деятельности и создания условий для соблюдения определенных требований. Наиболее важные требования, предъявляемые к порядку проведения данной эффективной деятельности, выражаются в принципах, обеспечивающих именно такую деятельность.

Специальные принципы, обеспечивающие эффективное уголовное судопроизводство, априори должны:

– выражать сущность, природу, характерные черты, содержание именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности;

– носить не просто ориентирующий, а руководящий характер. Ими надо руководствоваться при применении иных норм для их понимания, при коллизии и при решении вопросов, не урегулированных законом;

– они должны обеспечивать достижение цели и решение задач, которые ставит перед собой конкретное должностное лицо при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, и эти цели и задачи изначально должны быть ориентированы на достижение эффективной деятельности;

– принципы, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, должны быть сформулированы в законе;

– носить объективный характер, взаимодействовать с иными принципами.

К числу таких принципов, обеспечивающих эффективную процессуальную деятельность, по нашему мнению, следует отнести: принцип объективности; принцип процессуальной экономии; принцип справедливости, принцип добросовестности (недопустимости злоупотребления правом).

Выявление и формулирование данных принципов эффективной уголовно-процессуальной деятельности представляется весьма важным именно с теоретической, научной точки зрения. Рассматривая принцип как основное исходное положение, основополагающее начало, мы полагаем, что следует согласиться с тем, что предложенная система принципов¹ эффективной деятельности отражает закономерности данной деятельности, выполняет регулятивную и охранительную функции.

Кроме специфических принципов целесообразно выделить и условия, обеспечивающие осуществление эффективной уголовно-процессуальной деятельности, т. е. правила, обеспечивающие реализацию принципов именно такой деятельности. К условиям осуществления эффективной уголовно-процессуальной деятельности мы относим: применение поощрений и ограничений (наказаний); полноту совершения следственных, иных процессуальных, в том числе судебных, действий и информированность участников процесса.

¹ Химичева О.В., Химичева Г.П. О совершенствовании принципов уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4 (41). С. 625-630.

Значение для правопонимания любого явления имеет систематизация научных знаний. Нами разработана классификация средств, влияющих на достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности. В зависимости от того, каким образом проявляются правовые средства, направленные на обеспечение эффективной уголовно-процессуальной деятельности, полагаем, что можно выделить следующие уровни: научный, законодательный, правоприменительный и личностный. Предложенная дифференциация осуществляется исключительно в исследовательских рамках и только в целях выявления влияния этих уровней на уголовно-процессуальную деятельность. Все указанные уровни взаимосвязаны и взаимозависимы. Предлагаемая нами схема позволяет проследить логическую последовательность появления и реализации правовых средств, влияющих на эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

Средства, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, находятся под влиянием множества факторов – как внешних, так и внутренних. И в зависимости от этого сами такие средства могут подразделяться на внешние и внутренние; по значимости решения поставленных задач средства можно подразделить на основные и вспомогательные; по способу реализации средства подразделяются на статичные и динамичные; по сфере распространения можно выделить межотраслевые и отраслевые средства; в зависимости от своей направленности правовые средства – обеспечивающие реализацию прав и защиту участников процесса, собирание и проверку доказательств; в зависимости от стадий – обеспечивающие ход предварительного расследования, судебного разбирательства, контрольные функции в проверочных стадиях процесса и т. д. Предложенные классификации предоставляют возможность выявления всех юридически значимых характеристик средств, обеспечивающих эффективность процессуальной деятельности, облегчают понимание этого феномена и имеют значение для наиболее полного исследования механизма их применения в уголовном процессе.

Наполнение концепции теоретических, правовых и организационных основ обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности также осуществляется за счет обращения к методологии оценки эффективности такой деятельности. Предлагаемые учеными методы оценки эффективности в своем большинстве опираются на показатели, характеризующие эффективность с точки зрения её рентабельности, т. е. путем соотношения полученных результатов с произведенными затратами и получением прибыли, или соотношения поставленных целей и реальных результатов, которые выражаются в достигнутом уровне законности, либо соотношения между фактически достигнутым результатом и той социальной целью, ради которой норма была принята¹. Также высказывались предложения, что эффективность должна определяться как результат надзорной деятельности, достигнутый посредством минимальной затраты времени и процессуальных средств, выраженный в конкретном уровне состояния законности², или по соотношению времени выполнения определенной деятельности, объема работы, ее качества и достигнутых результатов³. При этом в одних случаях ученые не считали возможным предложить математические расчеты реальных затрат, минимального времени и не конкретизировали задачи, которые следовало выполнить, в других – предпринимались попытки распространить математические выкладки и на правовые отношения⁴ и определить эффективность в количественных показателях, хотя иногда высказывались опасения, что это сделать достаточно трудно⁵.

¹ *Гимаев И.З.* Анализ подходов к понятию «эффективность» в социологии, экономике и технических науках // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 1. С. 145-147; *Винокуров А.Ю., Винокуров Ю.Е.* Теоретические основы эффективности прокурорского надзора за исполнением законов. М., 2008. С. 34; *Иконичкая И.А.* Проблемы эффективности норм советского земельного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1979. С. 4-5, 11.

² *Харевава Г.Д.* Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2012. С. 15.

³ *Жубрин Р.* Оценка эффективности деятельности органов прокуратуры // Законность. 2014. № 12 (962). С. 46-47.

⁴ *Ольков С.Г.* Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции): учебник. М.: Юрлитинформ, 2013. Ч. 2. С. 257-258.

⁵ *Драпкин Л.Я.* Целенаправленность деятельности следователя и эффективность раскрытия преступлений. Проблемы криминалистики и доказывания при расследовании преступлений: межвузовский тематический сборник. Барнаул: АГУ, 1990. С. 61-72; *Гимаев И.З.* Анализ

В концепции содержится обоснованная критика указанных способов оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности и предложен иной методологический подход, связанный с выявлением определенных нами критериев и их проявлением при производстве по уголовному делу. Полагаем, что показатели определения эффективности уголовно-процессуальной деятельности должны быть простыми, понятными и проверяемыми для любых лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. При этом считаем важным учитывать следующие моменты.

Во-первых, предложенные нами критерии по-разному проявляются при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, в одних случаях тот либо иной критерий может относиться к числу малозначимых элементов, в других – к определяющим, поэтому следует учитывать их все и не отказываться ни от одного из них.

Во-вторых, полагаем, что оценить, эффективно ли была осуществлена уголовно-процессуальная деятельность конкретного следователя, либо деятельность определенного отдела правоохранительного органа за какой-то определенный период можно только по завершению указанной деятельности, после вступления приговоров в законную силу и после тщательного изучения уголовного дела, т. е. речь чаще всего может идти лишь о ретроспективной эффективности. Это нельзя рассматривать лишь как отрицательный момент, ведь результаты могут быть успешно использованы для улучшения показателей в будущей деятельности.

В-третьих, полагаем, что выводы о степени эффективности деятельности по материалам отдельного конкретного уголовного дела сделать вполне возможно, но результаты нельзя будет распространить на всю деятельность следователя, по ним нельзя будет судить о закономерностях процесса и с уверенностью утверждать, какие слабые места в процессуальной деятельности этого должностного лица следует усиливать. Для правильных выводов необходимо исследовать достаточное

количество уголовных дел, ориентируясь либо на результаты деятельности одного следователя, либо на итоги работы отдела за единицу времени (месяц, полугодие, год). Допускаем, что возможно использовать результаты изучения не абсолютно всего массива уголовных дел, а применять метод случайной выборки.

В-четвертых, эффективность уголовно-процессуальной деятельности можно определять как для всей в целом системы определенного государственного органа, например Прокуратуры РФ или Следственного комитета РФ, так и отдельного структурного подразделения определенного правоохранительного органа либо отдельного должностного лица.

Наполнение теоретической концепции формирования, реализации и влияния судебных правовых позиций в уголовном судопроизводстве осуществляется также за счет исследования факторов, негативно влияющих на достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, а также средств, которые обеспечивают возможность осуществления уголовно-процессуальной деятельности эффективно.

К негативным факторам мы относим, во-первых, ошибки, т. е. неправильные либо необоснованно совершаемые действия либо бездействие участвующего в уголовном судопроизводстве лица, непреднамеренно им совершаемые, зафиксированные в соответствующем процессуальном акте, не позволяющие признать уголовно-процессуальную деятельность эффективной, а также влияющее на законность, обоснованность и справедливость принимаемых решений. Во-вторых, правонарушения как действия или бездействие любого участника уголовного судопроизводства, осуществляемые умышленно, сознательно в сфере уголовно-процессуальной деятельности, причиняющие вред и нарушающие нормы уголовно-процессуального права и требования, содержащиеся в иных нормативных правовых актах, зафиксированные в процессуальном акте и требующие применения восстановительных мер и (или) привлечения к уголовно-процессуальной ответственности виновного лица и не позволяющие признать указанную деятельность эффективной. В-третьих, это злоупотребления правом, допускаемые всеми участниками уголовно-процессуальной деятельности, также

исключающие в данном случае признание указанной деятельности эффективной. И последнее, что мы выделяем в качестве негативного фактора, исключаящего признание уголовно-процессуальной деятельности эффективной, это несовершенство законодательства и практики его применения.

Разработанные в концепции предложения по оптимизации сложившейся ситуации позволят, на наш взгляд, минимизировать вред, который приносят в процессуальную деятельность указанные факторы, а возможно и исключить их полностью.

К положительным факторам, создающим возможность достижения эффективности в уголовно-процессуальной деятельности, мы относим уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов граждан, меры поощрения и стимулирования участников уголовного судопроизводства, принимающих правильные решения и совершающие правильные действия, применение информационных технологий, которые способны обеспечить эффективную уголовно-процессуальную деятельность, а также позитивную уголовно-процессуальную ответственность, способствующую эффективной деятельности.

Таким образом, научные положения о теоретических, правовых и организационных основах обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности в совокупности позволили создать целостную самостоятельную теоретическую концепцию.

Место концепции в системе научного знания. Научное знание – это знание, получаемое и фиксируемое специфическими научными методами и средствами¹.

Разрабатываемая концепция носит комплексный характер, поскольку она, помимо уголовно-процессуального права, тесно связана с другими отраслями знаний. При ее разработке, например, использовались знания, полученные в рамках философии, экономики, теории государства и права, гражданского права и других отраслей знаний.

¹ Философия науки в вопросах и ответах: учебное пособие для аспирантов / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. С. 207.

В диссертационном исследовании нельзя было не затронуть философские аспекты темы, поскольку в работе речь фактически идет о человеческой деятельности, труде, практике и факторах их эффективности, т. е. о таком философском учении, как праксиология. Кроме того, понятие «эффективность», как отмечается в Оксфордском словаре английского языка, впервые было использовано в конце XVI в. в значении факта существования действенной причины, одной из четырех действенных аристотелевских причин «то, ради чего»¹.

В научной литературе отмечается, и с этим нельзя не согласиться, что первой сферой использования и разработки понятия «эффективность» была именно экономика, где под эффективностью понимали достижение высоких результатов при наименьших затратах. Именно поэтому многие исследователи данной категории опирались в своих изысканиях именно на работы ученых-экономистов, используя разработанные ими дефиниции и перенося их в иные отрасли, в том числе и в отрасли права, например, связывая эффективность в праве с результатом, с целью и задачами, с произведенными затратами и т. д. Реализуя задачу выявления общих черт и различий эффективной уголовно-процессуальной деятельности по сравнению с экономическими категориями, нельзя было не проанализировать все общие и специфические особенности и тех, и других понятий, и поэтому исследование работ ученых-экономистов, посвященных данной теме, было весьма целесообразным.

Достаточно большое количество работ, посвященных эффективности в праве, принадлежит ученым-теоретикам. В силу чего, разрабатывая научную концепцию, невозможно было проигнорировать такие работы, в которых разрабатывались и исследовались общие понятия эффективности и средств ее обеспечивающих, эффективность правового регулирования, критерии эффективности, методология и методика оценки эффективной деятельности, вопросы оптимизации правовых норм, теоретические основы эффективного правоприменения, взаимосвязь и взаимозависимость эффективного результата с

¹ Оксфордский толковый словарь английского языка // [Электронный ресурс] URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/oxford> (дата обращения: 21.05.2019).

правонарушениями и ошибками, допускаемыми в ходе правоприменительной деятельности, и т. д.

Значительный вклад в разработку учения об эффективной процессуальной деятельности вложили ученые-цивилисты: Б.И. Пугинский, А.В. Цихоцкий, А.К. Гагиев, Н.С. Чучунова и другие, которые разрабатывали такие вопросы, как критерии эффективности, обеспечение эффективного правосудия, эффективность судебного разбирательства и другие важные аспекты обеспечения эффективной деятельности в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Нельзя отрицать, что весомый вклад в развитие науки об эффективной уголовно-процессуальной деятельности внесли и постановления (определения) Конституционного Суда РФ, и постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также решения ЕСПЧ, в которых последовательно рассматривались определенные понятия, связанные с такой правовой категорией, как эффективность, в том числе и применительно к уголовно-процессуальной деятельности.

И конечно были изучены и проанализированы работы ученых-процессуалистов, в которых так или иначе затрагивались вопросы обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности, а также иные вопросы, касающиеся эффективности. Такой подход позволил максимально выявить все проблемные моменты теоретических, правовых и организационных основ эффективной уголовно-процессуальной деятельности, высказать свое аргументированное мнение по спорным вопросам, разработать обоснованные предложения по созданию благоприятных условий для их оптимизации.

Теоретическая концепция позволяет развить тот комплекс знаний, присутствующий в настоящее время в науке уголовно-процессуального права и касающийся теоретических проблем, связанных с обеспечением эффективной уголовно-процессуальной деятельности, а также иными взаимосвязанными с ней вопросами.

Значимость концепции для теории и практики. Выводы по проблемам, касающимся теоретических, правовых и организационных основ эффективной уголовно-процессуальной деятельности, изложенные в диссертационном

исследовании, составляют единую научную теоретико-прикладную основу, касающуюся обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Разрозненные научные положения и выводы объединены соискателем в общую систему. Результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, могут быть использованы в дальнейших теоретических разработках, поскольку охватить все вопросы и все связи исследуемых уголовно-процессуальных явлений в одной работе невозможно. Поэтому концепция обеспечивает перспективу для дальнейших научных исследований.

Сформулированные соискателем предложения и рекомендации по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства в целях обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности будут полезны при разработке дополнений и изменений УПК РФ, смогут обеспечить эффективное предварительное расследование и судебное рассмотрение уголовных дел в целях защиты прав и законных интересов лиц.

Задачи для дальнейших научных исследований. Результаты любого теоретического исследования могут быть востребованы и наукой, и практикой лишь какое-то определенное время. Общество развивается, происходят политические, социальные изменения, которые влекут появление новых общественных отношений, требующих иных способов и видов регулирования. Кроме того, исходя из объема работы и предмета настоящего исследования, нельзя охватить абсолютно все связи исследуемого явления, и поэтому за пределами работы остается большой пласт неисследованных вопросов.

Разработанная концепция теоретических, правовых и организационных основ обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности, безусловно, выступит основой для продолжения научных исследований в данном направлении. Это касается совершенствования методологии оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности, обоснования оптимального количества критериев, позволяющих оценить деятельность как эффективную, оптимизации средств и создания условий, ее обеспечивающих, а

также минимизации обстоятельств, негативно влияющих на эффективность данной деятельности.

К задачам дальнейшего научного исследования концепции теоретических, правовых и организационных основ обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности следует отнести: развитие отдельных элементов данной концепции; дальнейшее исследование выявленных закономерностей, составивших основу данной теоретической концепции; дальнейшую разработку и совершенствование как законодательных, так и организационных мер, направленных на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Правовое и организационное обеспечение реализации разработанной концепции. Правовое обеспечение реализации разработанной концепции в первую очередь предполагает усовершенствование законодательной базы как уголовно-процессуального закона, так и иных федеральных конституционных и федеральных законов, а также ведомственных нормативных правовых актов, так или иначе затрагивающих уголовно-процессуальную деятельность. В тексте Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и в ряде других законов встречаются несогласованные с уголовно-процессуальным законом правовые положения, устранение которых безусловно будет способствовать единообразному правопониманию, что благоприятно скажется на эффективности уголовно-процессуальной деятельности. В качестве примера можно привести формулировки законодателя, определяющие предмет надзорной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве. В ст. 37 УПК РФ закреплено, что прокурор осуществляет «надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия», тогда как в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021 г.) в ст. 1 говорится, что прокуратура осуществляет «...надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие», а в

ст. 29 применительно к рассматриваемому вопросу указано иначе, что предметом надзора является «...соблюдение установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие»¹.

Усовершенствование закона предполагает и внесение дополнений в некоторые уже устоявшиеся положения, а также разработку новых норм. Например, в концепции теоретически обосновано предложение о закреплении в ст. 5 УПК РФ понятия «эффективность уголовного судопроизводства», что позволит правоприменителям осознанно использовать его при оценке уголовно-процессуальной деятельности в процессуальных документах и в судебных решениях.

Организационное обеспечение реализации разработанной концепции предполагает постановку и решение задач, а также проведение ряда мероприятий, направленных на обеспечение эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

Во-первых, на государственном уровне целесообразно разработать программу, обеспеченную достойным финансированием и охватывающую комплекс мероприятий, позволяющих в дальнейшем обеспечить реализацию именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Программа должна включать обоснование целесообразности перехода к новым, более высоким требованиям, о которых говорится в концепции, предъявляемым к деятельности должностных лиц в рамках уголовного судопроизводства, и сами мероприятия, которые позволят создать условия для эффективной деятельности. К ним следует отнести, например, мероприятия, направленные на повышение престижа профессий, связанных с эффективной деятельностью по предварительному расследованию, судебному рассмотрению и разрешению уголовных дел

¹ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 01.07.2021 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

(сотрудник прокуратуры, судья, следователь, дознаватель, сотрудник оперативного подразделения и пр.). Это может быть не только финансовая защищенность, хотя и она не исключается, но прежде всего достижение государством статуса «правовое», где на первое место выводятся законность и правопорядок. Это – утверждение престижа права в обществе в целом и всеми возможными средствами и способами: правовыми, художественными, т. е. преодоление правового нигилизма, присутствующего в обществе в настоящее время. Эти мероприятия, проведенные в комплексе, позволят обеспечить приход в профессию лиц, заинтересованных не только в эффективном результате этой деятельности, но и в эффективности самой деятельности.

Во-вторых, необходимо усовершенствовать порядок отбора лиц для замещения должностей, в обязанность которых входит непосредственное осуществление уголовно-процессуальной деятельности. Указанные лица должны допускаться до самостоятельной работы после прохождения определенного испытательного срока или выполнения обязанностей на менее ответственных должностях, прохождения аттестации и положительно себя зарекомендовавшие, что подтверждали бы объективно составленные характеристики. Должна быть повышена ответственность лиц, рекомендующих указанных людей на эти должности. В том числе и психологов, которых привлекают в некоторых структурах для определения возможности исполнения вновь поступающим на службу сотрудником поручаемых ему обязанностей, хотя признать эффективной данную деятельность пока нельзя.

Считаем нелишним и разработку новых подходов к определению оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности, а равно мер поощрения за эффективно выполненную работу или мер взыскания за допущенные нарушения и ошибки, не позволившие осуществить процессуальную деятельность эффективно. Существующий в настоящее время порядок определения показателей для поощрения не оправдывает себя и обоснованно подвергается критике со стороны как ученых, так и правоприменителей. Опросы следователей, дознавателей и сотрудников прокуратуры показывают, что поощрения за раскрытие уголовного

дела, а не за эффективное проведение следственных действий способствуют нарушениям прав и законных интересов личности со стороны должностных лиц.

Подготовка кадров для осуществления эффективной уголовно-процессуальной деятельности охватывает, с нашей точки зрения, и качественную подготовку специалистов в высших учебных заведениях, для чего целесообразно пересмотреть учебные планы подготовки юристов для работы в указанной сфере деятельности и внести в них обоснованные изменения, дополнения. Считаем, что в приоритете должны быть не только получение практикоориентированных знаний, но и воспитание у студентов необходимых морально-нравственных качеств, позволяющих впоследствии эффективно выполнять свои служебные обязанности. Для чего следует более тщательно подходить к подбору преподавательского состава высших учебных заведений, подготавливающих юристов для работы в правоохранительных органах.

Гарантиями выполнения предложенных в концепции организационных мер будут, во-первых, их конкретность и обоснованность; во-вторых, реальность выполнения; в-третьих, возможность их корректировки с учетом обстановки и ситуации, сложившейся при их реализации на практике.

Таким образом, объединенные одним объектом научные положения и выводы о теоретических, правовых и организационных основах обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности образуют в своей совокупности целостную теоретическую систему, которая представляет собой самостоятельную концепцию.

§ 2. Методология оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности

Несмотря на достаточно частое обращение Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ в своих постановлениях и определениях к понятию «эффективность», тем не менее ни указанные высшие суды России, ни законодатель не считают необходимым разъяснить правоприменителям, каким

образом следует определять эффективную уголовно-процессуальную деятельность, как ее оценивать (рассчитывать).

Наукой также не выработана единая методика расчета эффективности уголовно-процессуальной деятельности, хотя можно встретить попытки разрабатывать в рамках различных научных специальностей методы определения эффективности деятельности отдельных участников процесса¹, эффективности правовых норм или отдельных видов деятельности, например, эффективности прокурорского надзора², эффективности правосудия в целом³, эффективности деятельности органов внутренних дел⁴, эффективность правоприменительной деятельности⁵.

Анализируя встречающиеся в научной литературе подходы ученых к определению эффективности в социологии, экономике, в технических науках, обращаешь внимание на то, что ученые исходят из показателей, характеризующих эффективность с точки зрения её рентабельности (от нем. *rentable* – доходный, прибыльный), т. е. путем соотношения результатов с произведенными затратами и получением прибыли⁶. Желание использовать такие чисто экономические показатели можно встретить и среди ученых-правоведов, делающих попытки предложить свой метод определения уровня эффективности юридической деятельности. В работе «Проблемы эффективности норм советского земельного

¹ *Мыцыков А.* Как оценивать деятельность прокуратуры? // [Электронный ресурс] URL: <https://center-bereg.ru/j2210.html> (дата обращения: 22.04.2019).

² *Тарасов Д.Ю.* Математизация юридического знания и проблема измерения экономической эффективности правовых норм // *Юридический мир.* 2014. № 7. С. 48-52; *Шувалов И.И.* Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // *Журнал российского права.* 2005. № 4. С. 87-91; *Амирбеков К.И.* Критерии эффективности деятельности прокурора в сфере уголовного судопроизводства (концептуальный подход) // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.* 2012. № 2 (28). С. 20-26.

³ *Астафьев А.Ю.* Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки // *Вестник ВГУ. Серия «Право».* 2012. № 1 (12). С. 123-133.

⁴ *Аврутин Ю.Е.* Эффективность деятельности органов внутренних дел: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1998. 470 с.

⁵ *Швецов С.Б.* Эффективность правоприменительной деятельности: дис. канд. юрид. наук. СПб., 2004. 156 с.

⁶ *Гимаев И.З.* Анализ подходов к понятию «эффективность» в социологии, экономике и технических науках // *Вестник Башкирского университета.* 2010. Т. 15. № 1. С. 145-147.

права» ее автор И.А. Иконицкая высказала мысль, что «эффективность правовой нормы – это соотношение между фактическим достигнутым результатом и той социальной целью, ради которой норма была принята. Показатель эффективности правовой нормы выражается в соотношении таких количественных характеристик, которые прямым либо косвенным образом могут свидетельствовать о достижении или не достижении цели правовой нормы»¹. Вместе с тем данное предложение достаточно сложно реализовать, поскольку это требует понимания социальной цели, ее конкретизации в форме определенных количественных данных, выявления путей их получения. Аналогичного мнения придерживаются А.Ю. Винокуров и Ю.Е. Винокуров. Рассматривая вопросы эффективности прокурорского надзора, авторы указали, что эффективность следует определять как соотношение поставленных перед прокуратурой целей и результатов ее достижения, которые выражаются в реально достигнутом уровне законности², но при этом они не предложили методику расчетов уровня эффективности. Например, неясно, как вычислять уровень законности, достигнутый конкретным органом прокуратуры. В.И. Басков и Б.В. Коробейников определяют понятие «эффективность» как минимальную затрату времени и процессуальных средств для выполнения прокурором задач по укреплению законности и борьбе с преступностью³, но и эти авторы не предлагают порядок определения указанных минимальных затрат, не поясняют, какие характеристики следует учитывать при определении показателя эффективности. Г.Д. Харебава также утверждает, что эффективность должна определяться как результат надзорной деятельности, достигнутый посредством минимальной затраты времени и процессуальных средств, выраженный в конкретном уровне состояния законности⁴. В отношении данного подхода также

¹ *Иконицкая И.А.* Проблемы эффективности норм советского земельного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1979. С. 4-5, 11.

² *Винокуров А.Ю., Винокуров Ю.Е.* Теоретические основы эффективности прокурорского надзора за исполнением законов. М., 2008. С. 34.

³ *Басков В.И., Коробейников Б.В.* Курс прокурорского надзора: учебник для студентов юридических вузов и факультетов с приложением нормативных актов. М., 2000. С. 377.

⁴ *Харебава Г.Д.* Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2012. С. 15.

возникает вопрос, каким образом можно определить тот самый минимальный уровень затрат времени и процессуальных средств? Р. Жубрин предлагает оценивать эффективность деятельности работника прокуратуры по соотношению времени выполнения определенной деятельности, объема работы, ее качества и достигнутых результатов¹, но при этом не уточняет, о каких результатах могла бы идти речь. Ведь если в ходе надзорных проверок прокурор не выявит нарушений, это не может означать, что его деятельность безрезультатна и что нарушения всегда должны быть. О.И. Чепурнов высказал мысль, что «критерии оценки эффективности судебной власти – это соотношение между фактическим социальным результатом и целями, отражающими объективные потребности социального заказа социума при минимальных затратах времени, средств, сил и условий минимизации негативных явлений», а «эффективность судебной деятельности при осуществлении правосудия может быть оценена прежде всего по уровню соблюдения судами процессуальной формы в процессе судопроизводства»², но при этом также не предложил способы, позволяющие рассчитать уровень достигнутой эффективности. Такой подход автора можно понять, так как практически невозможно определить, были минимизированы или нет те негативные явления, о которых упоминает автор, а соблюдение процессуальной формы, т. е. того порядка, который определен законодателем, к сожалению, не гарантирует эффективность деятельности, так как не обеспечивает своевременность совершения этого действия, его качественность, справедливость принятого решения, объективность фиксации результатов и пр. Кроме того, автор почему-то распространяет свои предложения исключительно на судебную деятельность, хотя уголовно-процессуальная деятельность осуществляется и в досудебных стадиях.

¹ Жубрин Р. Оценка эффективности деятельности органов прокуратуры // Законность. 2014. № 12 (962). С. 46-47.

² Чепурнов О.И. Об эффективности судебной власти // [Электронный ресурс] URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Об-эффективности-судебной-власти> (дата обращения: 27.06.2019).

Изучив указанные подходы, можно прийти к выводу, что авторы связывают эффективность деятельности в первом случае с достижением цели (результата), но при этом не конкретизируют, какая цель или результат ожидаемы, во втором случае – только с уменьшением затрат, но опять-таки не предлагают механизм их определения, а в третьем – с достижением запланированного результата (цели), полученного с наименьшими затратами. При этом в одних случаях ученые не посчитали возможным предложить математические расчеты реальных затрат, минимального времени и не конкретизировали задачи, которые следовало выполнить, в других – предпринимались попытки распространить математические выкладки и на правовые отношения¹ и определить эффективность в количественных показателях, хотя и высказывались опасения, что это сделать достаточно трудно, так как «факторы, определяющие эффективность не носят предметный характер и не могут быть измерены только экономическими либо физическими показателями»². Например, И.А. Иконицкая полагает, что расчеты эффективности должны строиться на основных показателях эффективности норм и выражать «соотношение количественных характеристик объекта, цифровых параметров цели и результата или величин, косвенно сопутствующих им»³. С.Г. Ольков в своем учебнике «Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции)» утверждает, что «моральные и правовые объекты, как-то: правила и нормы, деяния субъектов правовых и моральных отношений, принимаемые ими решения поддаются строгой математической формализации и могут быть достаточно точно измерены в количественной форме»⁴. Его предложения сводятся к серьезным математическим расчетам, с применением интегралов и алгоритмов, что нам представляется абсолютно невозможным в

¹ Дранкин Л.Я. Целенаправленность деятельности следователя и эффективность раскрытия преступлений. Проблемы криминалистики и доказывания при расследовании преступлений: межвузов. тематический сборник. Барнаул: АГУ, 1990. С. 61-72.

² Гимаев И.З. Анализ подходов к понятию «эффективность» в социологии, экономике и технических науках // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 1. С. 145-147.

³ Иконицкая И.А. Проблемы эффективности норм советского земельного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1979. С. 16.

⁴ Ольков С.Г. Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции): учебник. Ч. 2. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 257-258.

условиях реальной уголовно-процессуальной деятельности. Весьма затруднительно и привлечение специалистов-математиков, которые могли бы производить рекомендованные профессором С.Г. Ольковым расчеты эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Сложность реализации на практике этого предложения заключается в том, что сфера применения подобных расчетов в большинстве случаев – это экономика, менеджмент. Расчеты, связанные с определением оценки эффективности, присущи экономической деятельности и применяются, как правило, для определения полученной либо планируемой прибыли. Уголовно-процессуальная деятельность с экономической деятельностью не связана, она ничего не создает и прибыль не получает. Правоохранительные органы и суд, осуществляющие указанную уголовно-процессуальную деятельность, реализуют государственную функцию, её итогом является, как правильно указал в своей работе А.Ю. Демидов, «особый продукт – некий итог оказания нерыночной государственной услуги или выполнения государственной функции»¹. Уголовно-процессуальную деятельность не всегда можно измерить, поскольку ее характеризует не только и не столько результат, и в этом ее особенность, но и порядок ее осуществления, который в количественных оценках выражается далеко не всегда. Поскольку правоприменительная уголовно-процессуальная деятельность не может оцениваться так же, как и деятельность экономическая, постольку и чисто математические расчеты здесь неприемлемы. Данную точку зрения высказывал еще П.Ф. Пашкевич², и думается, что это абсолютно верно. Предпринимаемые некоторыми учеными попытки рассчитать эффективность успехом не увенчались. Например, коллектив ученых Академии Генеральной прокуратуры РФ, разрабатывая методику оценки эффективности прокурорского надзора, пытался применить различные способы расчетов. Например, предлагалось учитывать как количественные, так и качественные показатели деятельности этих органов,

¹ Демидов А.Ю. Эффективность и результативность деятельности органов исполнительной власти // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 15 (48). С. 45-51.

² Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1984. С. 137.

используя статистические данные, изложенные по пяти направлениям, объединяющим 251 показатель переменных данных. Понимая целесообразность и необходимость уменьшения количества указанных показателей, авторы предпринимали усилия в этом направлении и смогли их уменьшить, доведя до 50. Но при этом у них не получилось отказаться от неизмеряемых показателей, и поэтому вполне справедливо был сделан вывод о нецелесообразности использования факторного метода, при котором неизмеряемая переменная (например, состояние законности в государстве, степень защищенности граждан от преступных посягательств) связана с измеряемыми показателями (количеством принесенных протестов, выявленных нарушений закона, вынесением обвинительных приговоров и т. д.). По их мнению, сложность связана с правильным выбором факторов (критериев) эффективности прокурорско-надзорной деятельности. В ходе своих дальнейших исследований указанная группа ученых пришла к выводу, что при определении значимости выбранных критериев следует руководствоваться принципом Парето или так называемым принципом 20/80, но данный принцип не позволяет оценивать эффективность деятельности, его суть состоит в другом, он обосновывает вывод, что «на получение результата оказывают влияние не все, а только несколько значимых факторов»¹.

Наши собственные исследования показывают, что и выделенные нами условия (критерии) достижения эффективной уголовно-процессуальной деятельности не все одинаково проявляются и обеспечивают ожидаемую эффективность. Их значимость может меняться в зависимости от различных как внешних, так и внутренних обстоятельств, влияющих на ход уголовного судопроизводства. Например, как ранее уже отмечалось, среди разработанных критериев эффективности в особом положении находятся экономичность, доступность и результативность. От них нельзя отказываться, к ним следует стремиться, в определенных ситуациях они могут выступать решающим

¹ Капинус О.С., Андреев Б.В., Казарина А.Х. К вопросу о методологии и методике оценки эффективности прокурорского надзора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 1 (27). С. 27.

показателем эффективности уголовно-процессуальной деятельности, но в других случаях их влияние на эффективность деятельности может быть незначительным. Например, экономичность сыграла значимую роль при решении вопроса о введении особого порядка судебного разбирательства и дознания в сокращенной форме, но это не помешало законодателю расширить возможность деятельности судов с участием присяжных заседателей, что, как известно, требует больших затрат и не свидетельствует об экономии как решающем показателе процессуальной деятельности. Оспаривать разумность данного подхода вряд ли целесообразно, поскольку, как уже отмечалось, в любом демократическом государстве должна быть многоканальная система защиты прав граждан, обеспечивающая выбор наиболее действенного средства защиты. Следователи и судьи в ходе уголовного судопроизводства не могут экономить время и средства путем отказа от проведения определенных следственных и судебных действий либо отказываясь от вызова свидетелей и тем самым исключая собирание и исследование некоторых доказательств.

При изучении уголовных дел встречались ситуации, когда следователи пытались заменить длительные следственные действия другими, по времени менее затратными.

Например, по делу гр-на В. следователь вместо назначения товароведческой экспертизы истребовал из ломбарда справку о стоимости имущества¹. По другому делу вместо предъявления для опознания предмета (как известно данное следственное действие требует время на подготовку) был проведен допрос с предъявлением данного предмета в качестве вещественного доказательства². В последующем данные уголовные дела были возвращены прокурором следователю для устранения допущенных нарушений.

В качестве иного примера можно привести уголовное дело по обвинению группы лиц в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ.

¹ Уголовное дело № 1-127/2017 // Архив Курчатовского районного суда г. Челябинска за 2017 г.

² Уголовное дело № 1-31/2020 // Архив Ленинского районного суда г. Челябинска за 2020 г.

Согласно установленным обстоятельствам дела труп гр-ки Л. без одежды в марте был обнаружен у входа в подвал жилого дома. Причина смерти – переохлаждение организма. Проведенная судебно-медицинская экспертиза установила в крови жертвы большое количество промилле спиртного. Следствием было установлено, что молодые люди, пригласив в такси гр-ку Л. с целью подвезти ее, заставили водителя долгое время возить их по городу, а затем все вышли и вывели из машины под руки Л. В ходе следствия водитель был допрошен и показал, что ничего не видел и не слышал, что происходило на заднем сидении машины, так как вел машину и смотрел на дорогу. В судебное заседание свидетель не явился. Участники процесса со стороны защиты заявили ходатайство о вызове в судебное заседание водителя для выяснения ряда обстоятельств, не уточненных на следствии. Органу полиции было дано задание доставить в суд свидетеля, но по месту жительства он не проживал, и место его пребывания установить не смогли. Судебное следствие было приостановлено. Место его нахождения устанавливали в течение трех недель, после чего он был доставлен в суд и допрошен. В ходе допроса свидетель не смог дать новую информацию, пояснил, что он уехал в другой город и не сообщал о своем месте пребывания, поскольку ему угрожали родственники обвиняемых. Что происходило на заднем сидении машины, он не видел, следил за дорогой, так как было скользко, темно и шел снег, в салоне громко играла музыка, кроме того, обвиняемые громко разговаривали и смеялись. Он был рад, когда они вышли из машины. Как выходила из машины женщина, таксист не видел, так как в этот момент с ним расплачивались за поездку, и он считал купюры¹.

Продление времени судебного разбирательства, привлечение к розыску свидетеля правоохранительных органов и неполучение в результате предпринятых усилий дополнительных доказательств нельзя рассматривать как неэффективную деятельность суда, поскольку это были обоснованные и необходимые действия, осуществленные в целях установления обстоятельств дела всесторонне, полно и

¹ Уголовное дело № 1-76/2018 // Архив Металлургического районного суда г. Челябинска за 2018 г.

объективно. Равно как нельзя считать нарушением продление срока предварительного расследования, если это было сделано в соответствии с законом. Экономия в рамках уголовно-процессуальной деятельности не является самоцелью, она должна быть обоснована.

Доступность к уголовно-процессуальной деятельности обеспечивает ее эффективность, как правило, при решении вопроса о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, реже этот вопрос возникает непосредственно в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства. Хотя и в ходе предварительного расследования, как показывает изучение уголовных дел, могут возникать ситуации, требующие внимания законодателя. Например, не урегулирован вопрос обеспечения доступа к материалам потерпевших в случае приостановления производства по уголовному делу. Отсутствие доступа к информации, связанной с ходом расследования, негативно влияет на эффективность деятельности.

Примером может служить решение ЕСПЧ от 18 декабря 2012 г. «Аслаханов и другие против России», где в п. 236 Европейский Суд указал на необходимость, в целях обеспечения эффективности судопроизводства, закрепления в национальном законодательстве права потерпевших на доступ к материалам уголовного дела в случаях приостановления расследования, обеспечив при этом защиту конфиденциальной и секретной информации¹. Данная проблема может быть решена путем внесения дополнений в текст уголовно-процессуального закона.

Мы предлагаем дополнить статью 209 УПК РФ частью 4 следующего содержания: «Потерпевший по его ходатайству вправе знакомиться с материалами приостановленного уголовного дела».

Что касается еще одного критерия эффективности уголовно-процессуальной деятельности – это ее результативности, то надо отметить, что достижение

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Аслаханова и другие (Aslakhanova and Others) против России» по жалобам № 2944/06, 8300/07, 50184/07, 332/08, 42509/10 от 18 декабря 2012 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/184/> (дата обращения: 09.11.2018).

результата не всегда свидетельствует об эффективной деятельности, так же как и его не достижение. Особенно это относится к деятельности, осуществляемой в рамках предварительного расследования. Результат уголовно-процессуальной деятельности связан с назначением уголовного судопроизводства, изложенным в ст. 6 УПК РФ, где указано, что оно состоит в защите потерпевшего и защите лица от незаконного подозрения, обвинения.

Примером может служить уголовное дело по обвинению гр-на М. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ.

В ходе предварительного расследования уголовного дела было установлено, что гр-н М. находился в гостях у своего приятеля О., с которым они поужинали и долго сидели, вспоминая школьные годы. После его ухода О. и его жена обнаружили пропажу 2 миллионов рублей, хранившихся дома и приготовленных для уплаты за садовый участок. Деньги, купюрами по 5 тыс., находились в шкатулке в гостиной, но после прихода М. супруга О. вынесла шкатулку на кухню, оставила на кухонном столе, прикрыв полотенцем. После ухода М. денег в шкатулке не оказалось. Супруги О. единодушно указали на М. как на лицо, совершившее преступление. Было возбуждено уголовное дело, однако проведенные органами предварительного расследования следственные действия результата не дали. На допросе М. категорично отказывался признавать себя виновным, говорил, что ни шкатулки, ни денег он не видел. О визите к О. они договорились заранее, случайно встретившись на рынке, о том, что О. планирует купить садовый участок, он не знал, поскольку ранее не встречался с О. несколько лет, а находясь у него в гостях, они вспоминали школьных друзей и о садовых участках не разговаривали.

Спустя некоторое время супруга О. вспомнила и рассказала следователю, что в тот вечер к ним еще заходила соседка, и они с ней некоторое время сидели на кухне, разговаривали. Во время этого визита она ненадолго выходила из кухни, относила еду мужу и его приятелю. Соседка находилась в квартире недолго, минут 5-7, и практически все время была у нее на глазах, поэтому ее визит она с кражей денег не связывала. О предстоящей покупке участка она соседке не

рассказывала. Будучи вызванной на допрос, соседка У. отрицала причастность к краже, но вела себя нервно, выглядела испуганно. При проведении обыска в ее квартире были обнаружены деньги купюрами по 5 тыс. в количестве 1 миллион 650 тыс. рублей, природу появления которых У. объяснить не смогла, но впоследствии призналась, что деньги взяла она. Случайно увидев шкатулку, прикрытую полотенцем, она заглянула в нее, обнаружила деньги и, не думая о последствиях, взяла их. В тот же день 300 тыс. она отдала сыну, живущему с семьей отдельно, для покупки мебели, а 50 тыс. истратила на продукты и прочие покупки¹.

В отношении гр-на М. уголовное преследование было прекращено по реабилитирующему основанию, но это не свидетельствует о неэффективной деятельности следствия. Действительные обстоятельства были установлены, лицо, подозревавшееся в совершении преступления, было ограждено от необоснованного обвинения. В такой ситуации действия и решения следователя были обоснованы и, несмотря на то что первоначально разрабатываемая версия не нашла подтверждения, в целом результат был достигнут, виновное лицо установлено, обеспечена защита прав потерпевшего.

Таким образом, можно согласиться с выводом о неравномерном влиянии критериев на эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Когда результат складывается из действия множества факторов, вклад этих факторов в результат часто бывает неодинаковым, поэтому и уделять внимание различным по важности факторам вполне оправданно.

Что касается методики определения эффективности деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, то целесообразно учитывать несколько моментов.

Во-первых, тот же самый критерий эффективности в одних случаях может относиться к числу малозначительных, в других – попасть в число определяющих.

¹ Уголовное дело № 1-19/2018 // Архив Калининского районного суда г. Челябинска за 2018 г.

Поэтому следует учитывать все предложенные в работе 9 критериев и не отказываться ни от одного из них.

Во-вторых, эффективно ли была осуществлена уголовно-процессуальная деятельность конкретного следователя либо деятельность отдела за какой-то определенный период, можно определить только по завершению указанной деятельности, после вступления приговора в законную силу и после тщательного анализа уголовного дела, т. е. речь чаще всего может идти только о ретроспективной эффективности. Это нельзя рассматривать исключительно как отрицательный момент, поскольку результаты могут быть успешно использованы для улучшения показателей в будущей деятельности.

В-третьих, выводы о степени эффективности деятельности по материалам конкретного уголовного дела сделать вполне возможно, но результаты не будут репрезентативными, по ним нельзя будет судить о закономерностях процесса и с уверенностью утверждать, какие слабые места в процессуальной деятельности следует усиливать. Для правильных выводов необходимо исследовать достаточное количество уголовных дел, ориентируясь либо на результаты деятельности одного следователя, либо на итоги работы отдела за единицу времени (месяц, полугодие, год). При этом возможно не использовать результаты изучения абсолютно всего массива уголовных дел, а применять метод случайной выборки.

В-четвертых, эффективность уголовно-процессуальной деятельности можно определять как для всей в целом системы определенного государственного органа, например, Следственного комитета РФ, так и для отдельного структурного подразделения определенного правоохранительного органа или отдельного должностного лица. Бесспорно, что подходы при этом должны быть различными, так как отдельный сотрудник выполняет только свои обязанности в рамках требований закона, так же как и отдельное структурное подразделение решает задачи, перед ним поставленные, а правоохранительный орган в целом выполняет уже государственную функцию.

Кроме того, показатели определения эффективности уголовно-процессуальной деятельности должны быть простыми, понятными и

проверяемыми для любых лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства.

Критерии должны иметь конкретные показатели с положительным либо отрицательным наполнением, без которых вывести результат и оценить его с точки зрения эффективности не представляется возможным. Если действия и решения следователя и суда могут быть признаны законными, объективными, справедливыми, т. е. при их производстве не были выявлены несоответствия выводов, изложенных в процессуальном документе, фактическим обстоятельствам дела, установленным судом, или не имели место существенные нарушения закона либо неправильное применение закона, и было принято справедливое решение, то очевидно, что проверяющие лица смогут констатировать эффективную деятельность. Либо, наоборот, некачественно проведенная уголовно-процессуальная деятельность, допущенные в ходе неё нарушения действующего уголовно-процессуального закона, недостаточность предпринятых мер и действий для раскрытия и расследования преступления, несправедливость и необъективность решений, принятых в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, бесспорно свидетельствуют о неэффективности уголовно-процессуальной деятельности. То есть в основе определения таких критериев эффективности, как качество, справедливость, законность, объективность, лежат основания, позволяющие отменить или изменить судебные решения.

Однако не все критерии эффективности уголовно-процессуальной деятельности могут быть раскрыты в конкретных показателях и положены в основу отмены или изменения приговора. Например, своевременность как критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности рассматривается как совершение действий и принятие решений не только в установленные законом сроки, но и в те моменты процесса, когда это наиболее целесообразно для получения результата. Поэтому неэффективной должна признаваться деятельность следствия либо суда, если действия хотя и были совершены, а решения приняты,

но, как правило, это было сделано позднее, чем было бы необходимо или целесообразно, т. е. несвоевременно, и это отрицательно повлияло на результат.

Например, по уголовному делу в отношении С. постановление о наложении ареста на имущество было вынесено следователем практически перед завершением предварительного расследования, за неделю до начала ознакомления участников процесса с материалами дела. В ходе данного процессуального действия было установлено, что родственники обвиняемого за время предварительного расследования, которое продолжалось около 5 месяцев, успели по доверенности продать две автомашины, принадлежащие обвиняемому, дачу и некоторые предметы домашней обстановки (картины, итальянский спальный гарнитур, посуду), а вырученные средства, с их слов, потратили¹.

Проследить причинно-следственную связь между несвоевременно проведенным следственным действием и отсутствием результата в отношении защиты законных интересов потерпевшего в данном уголовном деле было несложно. Задержка в выявлении имущества, на которое мог быть наложен арест, стала причиной того, что следователь не смог обеспечить условия для возмещения имущественного вреда, причиненного совершенным преступлением потерпевшему, а следовательно, и признать в этом случае эффективной уголовно-процессуальную деятельность следователя нельзя. Если бы столь очевидно несвоевременно проведенные процессуальные действия не повлияли на результат, и на имущество обвиняемого был бы наложен арест, что обеспечило быстрое и полное возмещение имущественного вреда потерпевшему, то деятельность следователя вполне можно было бы признать эффективной. Поэтому определение своевременности уголовно-процессуальной деятельности требует тщательного изучения материалов уголовных дел.

Сложно определить в цифрах и достаточность совершения следственных или судебных действий. В такой ситуации следует рассматривать как ошибку действия следователя (дознавателя), если уголовное дело затем возвращено руководителем

¹ Уголовное дело № 1-219/2017 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска за 2017 г.

следственного органа или прокурором на дополнительное расследование, либо судом прокурору для устранения препятствий его рассмотрения, и если это касалось необходимости проведения дополнительных процессуальных действий. При такой ситуации признание деятельности эффективной также будет затруднительно, как и в случае непринятия следователем мер, необходимых для обеспечения надлежащих условий для проведения расследования. Например, при нарушении обвиняемым правил поведения (неявка по вызову следователя, оказание влияния на потерпевших или свидетелей) следователь не принимает решение об изменении меры пресечения на более строгую. Если уголовное дело не было возвращено в следствие ни прокурором, утверждающим обвинительное заключение, ни судом, то данный критерий следует считать выполненным, а деятельность должностных лиц в рамках данного параметра эффективной.

Определение выполнения такого критерия эффективной деятельности, как доступность заинтересованных лиц к процессу, возможно при удовлетворении жалоб, заявлений лиц по вопросам, связанным с проблемами, возникшими при возбуждении уголовного дела, при ознакомлении с материалами уголовного дела, с участием в предварительном расследовании, судебном разбирательстве, при обжаловании судебного решения и т. д. Данный подход вполне обоснован, поскольку сама по себе жалоба, заявление, ходатайство еще не свидетельствуют об отсутствии эффективной деятельности со стороны следствия и об установлении ограничений, затрудняющих доступ лиц к правосудию. Только если компетентное должностное лицо, проверив материалы уголовного дела, сложившуюся ситуацию, посчитает обращение лица обоснованным, только в этом случае можно рассматривать деятельность следователя неэффективной.

Экономичность как критерий эффективности может проявляться только в экономии времени и используемых средств и никак не в стоимостном выражении, поскольку оценить деятельность отдельного следственного и судейского аппарата либо отдельного должностного лица не представляется возможным. Как уже было отмечено, экономия не является обязательным и важнейшим критерием в деятельности следователя. Если того требуют обстоятельства дела, следственные

действия могут совершаться повторно (если это вообще возможно), назначаться судебные экспертизы, длительные по времени, повторные или дополнительные. Должностные лица не должны ставить в приоритет сокращение судебных издержек или времени на производство по уголовному делу, но если предварительное расследование или судебное рассмотрение уголовного дела проведено без необоснованных задержек, в установленные законом сроки или если продление сроков объективно и обоснованно, то экономичность уголовно-процессуальной деятельности налицо.

И еще один критерий – это результативность. Любая деятельность когда-то и как-то заканчивается. Поскольку результат уголовно-процессуальной деятельности мы связываем с назначением уголовного судопроизводства, то защита прав потерпевшего, которая охватывает установление обстоятельств совершенного преступления, выявление совершившего преступление лица и получение доказательств, подтверждающих его виновность, и защита обвиняемого от незаконного, необоснованного обвинения одинаково должны рассматриваться как достижение необходимого, ожидаемого результата. Выстраивая версии в самом начале расследования, должностные лица не могут наверняка сказать, что установят виновного, вполне возможно, что данное направление, наоборот, позволит исключить лицо из числа подозреваемых. И это – тоже результат, и не менее важный, чем установление виновного лица. Эту особенность уголовно-процессуальной деятельности при определении ее эффективности следует учитывать. Более того, как уже указывалось, предпринимаемые усилия не всегда могут привести к ожидаемому результату. Важно, чтобы уголовно-процессуальная деятельность в целом проводилась, и проводилась правильно.

На наш взгляд, оптимальным способом определения эффективности уголовно-процессуальной деятельности может быть проверка и выявление в ходе данной проверки и при ее окончании соблюдения предлагаемых нами критериев.

Возникает вопрос – кто, когда и в каком порядке сможет определять (оценивать), эффективна ли была проведенная уголовно-процессуальная деятельность? Такая оценка может быть как официальной, т. е. проведенной

должностными лицами, уполномоченными осуществлять ведомственный, судебный контроль и прокурорский надзор, так и неофициальной, т. е. сделанной любыми участниками судопроизводства, не наделенными полномочиями контроля и надзора, но которые могут инициировать пересмотр судебного решения. Безусловно, особую процессуальную значимость приобретает оценка эффективности деятельности должностных лиц, которые вправе непосредственно влиять на эту деятельность, изменять её направление, корректировать. Иные участники процесса могут оценивать ход уголовно-процессуальной деятельности эффективным либо неэффективным, но эта оценка может влиять на официальный ход расследования только тогда, когда должностными лицами удовлетворяются заявленные ходатайства или жалобы. Оценка уголовно-процессуальной деятельности иными лицами, например, присутствующими в зале судебного заседания, влияет либо может влиять только на формирование общественного мнения об этой деятельности.

Кто из должностных лиц может давать свое заключение об эффективности осуществляемой или осуществленной уголовно-процессуальной деятельности, зависит от степени заинтересованности данного должностного лица в результатах деятельности на конкретном её этапе. Например, руководитель следственного органа как процессуальный и одновременно как административный руководитель следователя не заинтересован показывать неэффективную деятельность данного должностного лица, поскольку отвечает за ее организацию и осуществление в своем отделе. В рамках предварительного расследования объективную оценку может дать прокурор, поскольку он наделен правом осуществлять прокурорский надзор и не заинтересован в сокрытии выявленных нарушений. В судебных стадиях процесса вопрос об эффективности уголовно-процессуальной деятельности может рассматривать и решать любая проверочная инстанция.

В отношении процессуальной формы определения эффективности уголовно-процессуальной деятельности в науке высказывались предложения о приложения к материалам уголовного дела отдельного листа в конце уголовного дела, в котором

бы указывалось на имевшие место нарушения законности, выявленные уполномоченными на то лицами¹.

Считаем, что данное предложение нуждается в доработке и в сформулированном выше виде неприемлемо, поскольку все выявленные на любом этапе процесса нарушения закона должны быть устранены. Должностные лица, выявившие нарушения, составляют соответствующие процессуальные документы, в которых указывают причины возврата дела на более раннюю стадию для доработки и исправления. Это касается и руководителя следственного органа, и надзирающего за следствием прокурора, и принимающего уголовное дело к производству судьи. Движение уголовного дела можно легко отследить по имеющимся в нем документам. Нецелесообразно дублировать информацию, это только накладывает дополнительные обязанности на соответствующее должностное лицо.

В доктрине встречаются предложения, прямо к определению эффективности не относящиеся, но касающиеся определения качества. Однако для определения эффективности уголовно-процессуальной деятельности неприемлемо даже использование по аналогии статистических карт контроля качества, о которых в своих работах указывали С.Г. Ольков², Д.С. Пикельный³, А.Г. Бенер⁴. Причина в том, что эффективность предполагает выявление комплекса критериев, часть из которых может быть установлена в количественных или качественных показателях, а часть – нет. Предложенные же указанными авторами расчеты основываются на составлении карт только двух видов: для оценки количества карты и для оценки качества, что для расчета эффективности уголовно-процессуальной деятельности явно недостаточно.

¹ Бенер А.Г. Оценка качества уголовного судопроизводства: выявление и предупреждение нарушений уголовно-процессуального закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2007. С. 14.

² Ольков С.Г. Юридический анализ (исследовательская юриспруденция). В 2 т. Т. 2. Тюмень, 2003. С. 168-204.

³ Пикельный Д.С. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с применением мер процессуального принуждения. Тюмень: НИИ АМЮ ТГНГУ-ТНЦ СО РАН, 2006. С. 143.

⁴ Бенер А.Г. Указ. соч. С. 14.

Мы полагаем, что в уголовном судопроизводстве эффективность следует рассматривать как оценочную категорию, под которой понимается явление, возникающее в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, имеющее целью особым способом характеризовать наиболее общие свойства разнообразных действий или процессов, совершаемых субъектами правоприменения в рамках конкретной правоприменительной ситуации, но в пределах допускаемых уголовно-процессуальным законом и с учетом индивидуальных особенностей уголовного дела.

То, что эффективность – это оценочное понятие, подтверждается следующим.

Упомянув в ст. 6¹ УПК РФ об эффективности действий прокурора, следователя, начальника органа дознания и других должностных лиц, законодатель раскрывает содержание данного оценочного понятия. Это предопределено тем, что эффективная деятельность проявляется по-разному, и все случаи ее проявления невозможно отразить в законе, поэтому-то возможность оценки данного явления отдана правоприменителю. Входящие в содержание оценочного понятия явления, процессы оцениваются должностными лицами на основе внутреннего убеждения с учетом конкретных обстоятельств дела. В одних случаях по одному и тому же критерию деятельность может быть признана эффективной, в других – нет.

Например, оценивая деятельность органов предварительного следствия по право-временному критерию при расследовании уголовного дела по обвинению гр-н Р-ва, Д., Р., и К. в совершении ряда тяжких и особо тяжких преступлений, учитывалось, что расследование проводилось более 2 лет, поскольку информация о причастности участников ОПГ к преступлениям поступала к следователю постепенно, по мере работы с подследственными и свидетелями. В итоге было признано, что предварительное расследование проведено эффективно, судом вынесен законный и справедливый приговор, оставленный без изменений в вышестоящих судебных инстанциях¹.

¹ Уголовное дело № 1-9/2016 // Архив Советского районного суда г. Челябинска за 2016 г.

Несмотря на то, что расследование производилось более указанного в законе срока, признать его неэффективным нельзя. Все действия и решения были оправданными, своевременными и качественными.

По другому уголовному делу, по обвинению гр-на П., предварительное расследование было проведено и закончено в пределах 2 месяцев и направлено прокурору для утверждения обвинительного заключения. Прокурор возвратил уголовное дело на дополнительное расследование, поскольку, по его мнению, было необходимо провести еще ряд следственных действий. В связи с этим срок расследования был продлен еще на месяц, но некоторые следственные действия не дали ожидаемый результат в связи с несвоевременным их совершением, так как задержание подозреваемого, о котором стало известно широкому кругу заинтересованных лиц, позволило им своевременно скрыть доказательства причастности данного лица к преступлению. Кроме того, обвиняемый отказался от своих ранее данных признательных показаний, это стало возможным, поскольку они были получены в отсутствие защитника¹.

Указанные обстоятельства не позволяют признать уголовно-процессуальную деятельность по данному уголовному делу эффективной.

В настоящее время используются и статистические методы, что, как представляется, не совсем правильно, поскольку данные статистики не позволяют объективно проанализировать действительную ситуацию. Например, на основе статистических данных, представляемых органами прокуратуры, невозможно однозначно установить причины динамики тех или иных показателей.

Так, по результатам статистических данных Генеральной прокуратуры РФ в порядке надзора за исполнением закона на досудебных стадиях уголовного судопроизводства за 8 месяцев 2020 г. было выявлено 3 505 385 нарушений закона (за аналогичный период 2019 г. – 3 481 812 нарушений, что, с одной стороны, может свидетельствовать о более тщательной деятельности сотрудников прокуратуры, а с другой – об увеличении нарушений со стороны поднадзорных органов на 0,7 %).

¹ Уголовное дело № 1-76/2017 // Архив Металлургического районного суда г. Челябинска за 2017 г.

Но указанная форма отчетности не показывает, в чем конкретно выразились эти нарушения, как это повлияло на результативность расследования, отразилось ли это на сроках, было ли выявление нарушений объективным, отразилось ли это на процессуальной экономии и пр.

Или другие данные – за 8 месяцев 2020 г. было отменено 1 267 151 постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (что на 7,2 % ниже, чем за тот же период 2019 г.)¹. Каким образом это отразилось на уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования, статистические данные не говорят. И остаются без ответа вопросы: так сколько все-таки в итоге уголовных дел из этого количества постановлений было возбуждено или материалы до настоящего времени находятся в подвешенном состоянии? С каким количеством постановлений прокурора согласилось следствие? Сколько раз прокурору вторично и более пришлось возвращать материалы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела?

Представляется, что правильнее всего при определении, была ли эффективной уголовно-процессуальная деятельность, использовать социологические методы, из которых (социологический опрос, фокус-группа, статистический анализ данных, анкетирование, биографический метод) наиболее приемлемым является так называемый традиционный кабинетный метод, смысл которого в анализе приговоров и иных процессуальных документов и адаптации их содержания к исследовательской задаче. Ценностное значение социологических методов проявляется в улучшении правотворческой и правореализационной деятельности, оптимизации интерпретационной деятельности и в оказании влияния на повышение уровня правосознания и правовой культуры как общества в целом, так и конкретных правоприменителей². При проведении исследования было установлено, что у правоприменителей не сложилось единообразного мнения по

¹ Портал правовой статистики // [Электронный ресурс] URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 25.11.2020).

² Кузьмина Е.С., Кузьмин И.А. Социологические методы в юриспруденции (на примере социально-правовых исследований юридической ответственности) // Социология и право. 2016. № 1 (31). С. 59-67.

данному вопросу. За количественные показатели высказались 12,1 % следователей, а за качественные – 23,7 % адвокатов. То, что следует учитывать и те, и другие показатели, полагают 75 % судей, 46,7 % следователей и 80,3 % сотрудников прокуратуры, 31,3 % адвокатов, за применение социологических методов высказались 55,7 % из всех опрошенных.

И последнее, на что еще следует обратить внимание. Определение того, эффективна уголовно-процессуальная деятельность или нет, не должно выступать самоцелью. Как писал А.Ф. Демидов, «...прежде всего оно направлено на создание информационной базы для характеристики деятельности государственного органа в целях принятия соответствующих управленческих решений»¹. С этим выводом следует согласиться, добавив только фразу «и для оценки деятельности должностного лица».

§ 3. Принципы и условия, обеспечивающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности

Принципы уголовного процесса – это теоретически обоснованные и законодательно закрепленные основополагающие руководящие положения, выражающие сущность уголовного процесса, определяющие его содержание, построение всех его процессуальных форм, стадий и обеспечивающие выполнение поставленных задач².

Принципы уголовно-процессуальной деятельности, указанные в гл. 2 УПК РФ как основные, исходные, руководящие положения по ее осуществлению, безусловно распространяются на любую деятельность, в том числе и на эффективную. Однако сама по себе эффективная деятельность требует не просто применения общих указанных в законе правил, а несколько иного подхода и дополнительных, можно сказать, особых средств, обеспечивающих ее успешное

¹ Демидов А.Ф. Эффективность и результативность деятельности органов исполнительной власти // Стратегия развития экономики. 2009. № 15 (48). С. 50.

² Даровских О.И. Актуальные проблемы уголовного процесса: учебное пособие. Ч. 1. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. С. 43.

осуществление. Подход к выявлению и констатации системы принципов, регулирующих отдельные стадии процесса, либо деятельность отдельных должностных лиц, не нов. Об этом писали и считали это разумным М.С. Строгович, который выделял принципы предварительного следствия¹, А.П. Гуляев, утверждавший о существовании принципов деятельности следователя², В.Л. Будников высказывался за наличие системы процессуальных принципов предварительного следствия³. М.Л. Якуб выделял принципы судебного разбирательства⁴, Е.Р. Ергашев в 2008 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Принципы прокурорско-надзорного права и его институтов»⁵. Разделяли принципы уголовного процесса на принципы, характеризующие досудебное и судебное производство Ю.К. Якимович и Т.Д. Пан⁶. В.П. Кашепов указывал, что «...содержание осуществляемого судами в порядке уголовного судопроизводства правосудия и принятых судами решений должно характеризоваться следующими качествами: а) законностью, определяемой как соответствие принятых решений и порядка рассмотрения дел закону; б) обоснованностью, т. е. подтверждением принятых решений убедительными и достаточными доказательствами; в) объективностью, т. е. непредвзятостью, беспристрастностью судебного исследования всех обстоятельств дела; г) полнотой как законченностью, исчерпанностью изучения всех доступных суду доказательств; д) справедливостью решений суда как соответствующих нравственным представлениям современного

¹ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т 2. М., 1970. С. 56, 367.

² *Гуляев А.П.* Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 32.

³ *Будников В.Л.* О понятии, значении и системе процессуальных принципов предварительного следствия // Общество, право, власть: межвузовский сборник научных трудов. Современные проблемы правовой реформы. Ч. 1. Волгоград, 1997. С. 70-72.

⁴ *Якуб М.Л.* Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960. С. 45, 139.

⁵ *Ергашев Е.Р.* Принципы прокурорско-надзорного права и его институтов: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 5.

⁶ *Якимович Ю.К., Пан Т. Д.* Судебное производство по УПК Российской Федерации. СПб, 2005. С. 42.

общества; е) своевременностью и юридической точностью принимаемых решений, незамедлительностью и общеобязательностью их исполнения»¹.

В.В. Николюк и Т.А. Владыкина особенно выделили требования всесторонности, полноты и объективности, указав, что «...безотносительно к тому, какой «статус» – принципа уголовного судопроизводства или общего условия предварительного расследования и судебного разбирательства – придается в науке уголовного процесса требованиям всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, без их обеспечения невозможно рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу с соблюдением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора становится не непреложным, а вероятностным результатом отправления правосудия»².

Данный подход к выделению специфических принципов определенной деятельности не просто имеет право на существование, но и целесообразен, поскольку позволяет более глубоко и последовательно выделять наиболее важные, ключевые моменты уголовно-процессуальной деятельности.

Выделение специальных принципов эффективной деятельности в отраслевом законодательстве предопределено рядом объективных моментов, и в первую очередь тем, что они отражают специфику именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности; во-вторых, их исследование дополняет и расширяет имеющиеся знания о принципах уголовного процесса, позволяет выработать конкретные рекомендации по совершенствованию действующего законодательства, соответствующие современным требованиям правовой политики государства.

Специальные принципы, обеспечивающие эффективное уголовное судопроизводство, априори должны:

¹ *Кашенов В.П.* Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия // Журнал российского права. 2015. № 12 (228). С. 101-112.

² *Николюк В.В., Владыкина Т.А.* Запрет на рассмотрение судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет: системно-правовой анализ // Общество и право. 2019. № 1 (67). С. 53-60.

- выражать сущность, природу, характерные черты, содержание именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности;
- носить не просто ориентирующий, а руководящий характер. Ими надо руководствоваться при применении иных норм для их понимания, при коллизии и при решении вопросов, не урегулированных законом;
- обеспечивать достижение цели и решение задач, которые ставит перед собой конкретное должностное лицо при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, и эти цели и задачи изначально должны быть ориентированы на достижение эффективной деятельности;
- быть сформулированы в законе;
- носить объективный характер, взаимодействовать с иными принципами.

Принципы могут формулироваться законодателем как отдельные нормы либо существовать как «скрытые», спрятанные в конкретных нормах общие нормативные положения¹, поэтому некоторые ученые полагают, что число принципов уголовного судопроизводства намного больше того количества, которое указал законодатель в гл. 2 УПК РФ. Такую точку зрения высказали А.С. Александров², А.А. Тарасов³, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский⁴ и другие процессуалисты. Поддерживая такое суждение, можно дополнить, что система принципов уголовного судопроизводства не может быть закрытой, ограниченной. С развитием общественных отношений, их изменением и появлением новых отношений, требующих правового регулирования, вполне логично, что появляются и новые требования, основополагающие руководящие положения, выражающие сущность этих новых явлений, обеспечивающие как соблюдение процессуальной формы, так и решение поставленных в настоящий период времени задач. Следует отметить, что данная тенденция соответствует позиции законодателя, который в

¹ *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций в 2 т. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 103-104.

² *Александров А.С.* Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5. С. 162-178.

³ *Тарасов А.А.* Развитие системы принципов уголовного процесса в новом УПК России // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. М., 2004. С. 71.

⁴ *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс. СПб., 2004. С. 471-472.

2010 г. ввел в систему принципов такой принцип, как «разумный срок уголовного судопроизводства», а в 2013 г. – принцип «независимость судей»¹.

В связи с тем, что изменились требования общества к уголовно-процессуальной деятельности, причем не только к её результатам, но и к процедуре осуществления, целесообразно разработать модель тех основных исходных идей, основных правил, в которых бы воплощалась сущность именно эффективной деятельности в рамках урегулирования определенных общественных отношений. Анализ критериев признания деятельности эффективной позволил разработать и обосновать дополнительную систему специфических принципов, соблюдение которых гарантирует осуществление именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

К их числу следует отнести: принцип объективности; принцип процессуальной экономии; принцип справедливости; принцип добросовестности (недопустимости злоупотребления правом).

Каждое указанное правовое положение вправе претендовать на роль принципа, поскольку такие правила по своей сути представляют собой мировоззренческую идею, которая способна таким образом детерминировать уголовно-процессуальную деятельность, чтобы она отвечала всем запросам общества на определенном этапе его развития. Каждое указанное правовое положение свободным образом проявляется в предписаниях уголовно-процессуального закона, может реализоваться в любой стадии процесса, ориентирует правоприменителей на то, как должна осуществляться процессуальная деятельность.

Кроме специфических принципов целесообразно выделить и условия, обеспечивающие осуществление эффективной уголовно-процессуальной деятельности, т. е. правила, обеспечивающие как реализацию принципов именно такой деятельности, так и сам порядок ее осуществления. К условиям осуществления эффективной уголовно-процессуальной деятельности мы относим:

¹ Даровских О.И. Актуальные проблемы уголовного процесса: учебное пособие. Ч. 1. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. С. 43, 45-46.

применение поощрений и ограничений; полноту совершения процессуальных действий; информированность участников процесса.

Принцип объективности.

Объективность – это определяющее начало уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивающее ее производство беспристрастно, независимо от представлений, интересов, взглядов, предпочтений субъектов, её осуществляющих, либо иных лиц, участвующих в данной деятельности, экспертов, специалистов, переводчиков. Объективность находится в тесной взаимосвязи с законностью, независимостью не только судей, но и иных должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, и определяет правила эффективного производства по уголовным делам. Возможность осуществления именно такой деятельности обусловлена необходимостью и целесообразностью реализации профессиональными участниками процесса наряду с выполнением своих обязанностей такой функции, как правоохранительная или правозащитная.

Надо отметить, что ранее в УПК РСФСР объективность рассматривалась наряду со всесторонностью и полнотой в качестве единого принципа уголовного процесса, который нацеливал правоприменителей на установлении истины в уголовном судопроизводстве. Отказ законодателя включить данный принцип в текст действующего УПК РФ многие ученые объясняют появлением принципа состязательности, причем рассматривают его не только как препятствие к всестороннему, полному и объективному установлению обстоятельств дела, но и, наоборот, как условие, обеспечивающее возможность состязаться¹.

В настоящее время законодатель не выделяет данную правовую категорию в числе принципов уголовного процесса в гл. 2 действующего УПК РФ, хотя упоминание об объективности как требовании к уголовно-процессуальной деятельности и как к принципу, соблюдение которого обязательно, можно

¹ *Тхакушинов М.А.* Реализация принципов уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2003. С. 105; *Подольный Н.А.* Новый УПК – новая идеология уголовного процесса // *Российская юстиция.* 2002. № 11. С. 22; *Орлов Ю.* Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // *Российская юстиция.* 2004. № 2. С. 26.

встретить в тексте закона, например в ст. 35, 152, 154, 239¹, 325, 330, 340 данного Кодекса.

Так, в ст. 340 УПК РФ указано, что «стороны вправе заявить возражения ... по мотивам нарушения принципа объективности и беспристрастности», а в ст. 33 УПК РФ сформулировано положение, что при соединении уголовных дел дело рассматривает вышестоящий суд в случае, если раздельное рассмотрение негативно отразится на всесторонности и объективности их разрешения. В гл. 9 УПК РФ, посвященной обстоятельствам, исключающим участие в уголовном судопроизводстве должностных лиц, упоминания об объективности и беспристрастности отсутствуют, но фактически именно их имеет в виду законодатель, разделяющий правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в решении по делу «Пьерсак против Бельгии», где указывается, что «...всякий судья, в отношении беспристрастности которого имеются законные сомнения, должен выйти из состава суда»¹. В своих постановлениях Конституционный Суд РФ неоднократно упоминал о недопустимости игнорирования такого требования, как объективность, и указывал на необходимость создания условий для объективного рассмотрения уголовных дел. Например, из содержания п. 2.2 и 3 постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П следует, что «...досудебное производство призвано служить целям полного и объективного судебного разбирательства по делу, ...поэтому в случае выявления допущенных на предварительном расследовании процессуальных нарушений суд вправе самостоятельно принимать меры по их устранению с целью создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу»². В постановлении от 29 июня 2004 г. он подтверждает ранее высказанную позицию: «...Обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» по жалобе № 8692/79 от 01 октября 1982 г. // [Электронный ресурс] URL: https://european-court.ru/uploads/ECHR_Piersack_v_Belgium_01_10_1982.pdf (дата обращения: 11.03.2019).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. 2003. 23 декабря.

ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения»¹. В законодательстве многих республик, расположенных на постсоветском пространстве, сохранен принцип всесторонности, полноты и объективности, например, в ч. 5 ст. 20 УПК Литовской Республики говорится: «Судьи оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем и беспристрастном рассмотрении всех обстоятельств дела, руководствуясь при этом законом»²; в ч. 2 ст. 18 УПК Республики Казахстан указано: «Суд, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечивает сторонам обвинения и защиты необходимые условия для реализации их прав. Решение о виновности либо невиновности обвиняемого суд выносит лишь на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке»³.

В настоящее время относительно статуса такой правовой категории, как объективность, в науке уголовно-процессуального права единого мнения не выработано. В научной литературе можно встретить различные точки зрения. Например, одни ученые считают, что данное правовое положение является принципом, другие утверждают обратное, третьи полагают, что это – только один из элементов принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, который признавался законодателем и присутствовал в тексте УПК РСФСР 1960 г., четвертые же считают данную категорию методом уголовно-процессуальной деятельности⁴.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234, 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Российская газета. 2004. 7 июля.

² Lietuvos Respublikos baudžiamojo proceso kodekso patvirtinimo, įsigaliojimo ir įgyvendinimo įstatymas. Baudžiamojo proceso kodeksas (03.04.2002 IX-785) // [Электронный ресурс] URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.163482> (дата обращения: 01.12.2021).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Казахстана от 4 июля 2014 г. № 231-V-ЗРК (с изм. и доп. от 11.07.2021 г.) // [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=1;-16 (дата обращения: 13.08.2021).

⁴ *Томин В.Т.* Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. С. 287; *Сатдинов Л.В.* Объективность при производстве по уголовному делу: законодательное закрепление и нравственное обоснование // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 1 (43). С. 31-33; *Гасанова У.Н.* Понятие и содержание беспристрастности, объективности

Полагаем, что все изложенные точки зрения имеют право на существование, но все-таки требование объективности, предъявляемое к деятельности должностных лиц, представляет собой основополагающее руководящее положение, принцип уголовного судопроизводства. В обоснование данной позиции можно привести следующие доводы.

Объективность (беспристрастность, незаинтересованность) деятельности должностных лиц выражает сущность, характерные черты, содержание именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Во-первых, поскольку сама уголовно-процессуальная деятельность носит познавательный характер, в ней основное, центральное место занимает деятельность, направленная именно на выявление, собирание, проверку (исследование) и оценку доказательств, а, как ранее уже указывалось, именно тщательность соблюдения всех требований по осуществлению данной деятельности обеспечивает ее эффективное осуществление и получение объективного результата, такого результата, который не зависит от субъекта, осуществляющего данную деятельность, его пристрастий, желаний, слабостей или приказов вышестоящих руководителей.

Объективность носит не просто ориентирующий, а руководящий характер. Она предопределяет порядок осуществления правосудия. Предполагается, что следователь, судья, прокурор при осуществлении своей профессиональной деятельности объективны, и только представленные доказательства обратного позволяют участникам процесса ставить вопрос об отводе указанных должностных лиц.

Объективность деятельности должностных лиц в уголовном судопроизводстве расценивается как принцип процесса еще и постольку, поскольку выступает гарантией обеспечения прав и законных интересов

и справедливости применительно к сфере уголовного судопроизводства // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 175-180; *Брестер А.А.* Цель уголовного процесса и ее значение для определения метода уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.14. «Право». 2012. Вып. 1. С. 74-78; *Стойко Н.Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006. С. 101-103; *Бурданова В.С.* Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 26.

участников и лиц, вовлеченных в орбиту данной деятельности. Отказ от этого правового положения сведет на нет все усилия по осуществлению правосудия в рамках закона.

Следует отметить, что объективность по своей сути является общеправовым принципом¹. О нем упоминается в ст. 9 Кодекса судебной этики², в тексте Присяги прокурора³. Данный принцип проявляется в деятельности всех должностных лиц – участников не только уголовно-процессуальной, но и административной, гражданско-процессуальной деятельности. Применительно же к уголовно-процессуальной деятельности суть данного принципа заключается в том, что он выступает гарантом отсутствия заинтересованности в конечном результате должностных лиц, от которых требуется объективное собирание информации, ее анализ, формирование доказательств причастности лица к совершению преступления либо его непричастности к преступной деятельности, обеспечение реализации обвиняемым своего права на защиту, рассмотрение всех собранных доказательств и их правильная, незаинтересованная оценка. Предвзятое отношение следователя, дознавателя, прокурора, судьи, участвующих в данной деятельности, не только ограничит возможности подозреваемого, обвиняемого реализовать свои права, но и создаст условия для принятия заведомо неправосудного решения.

Кроме того, объективность предполагает выбор должностными лицами таких следственных действий, которые соответствуют фактическим обстоятельствам, вызвавшим необходимость проведения расследования. Из всех возможных вариантов следователь, дознаватель должен выбрать не просто любой по своему усмотрению, а тот, который может привести к достижению поставленной цели, к результату.

¹ Григорян В.Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления. Саратов, 2012. С. 78.

² Утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 г. (в ред. от 08.12.2016 г.) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

³ Статья 40.4 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 01.07.2021 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

Высказанные доводы позволяют утверждать, что данный принцип обеспечивает осуществление именно эффективной деятельности.

Процессуальная экономия – это достижение цели (назначения) уголовного процесса в пределах выделенных государством сил и средств без превышения установленных законом сроков¹. Несколько иное определение процессуальной экономии, с которым можно полностью согласиться, сформулировал А.Ю. Смолин. Он полагает, что это – полноценный принцип современного уголовного процесса, суть которого состоит в рациональном использовании процессуальных и непроцессуальных средств, направленных на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности².

Проблема расточительного отношения к государственным средствам имеет место в уголовном судопроизводстве, как, впрочем, и попытки законодателя её решить. В уголовно-процессуальном законодательстве существуют две взаимосвязанные группы норм, с одной стороны, регулирующие вопросы достижения качества уголовного процесса, с другой – его быстроты. Имеются в виду нормы о процессуальных сроках, соединении и выделении уголовных дел, создании групп следователей для расследования сложных и трудоемких уголовных дел, возможности направления следователем письменных поручений для их выполнения другими органами³. Идея процессуальной экономии проявлялась в ранее действовавшем УПК РСФСР 1960 г. в виде протокольной формы досудебной подготовки материалов, проявляется, и достаточно отчетливо, во введенных в современный УПК РФ институтах «особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением»⁴ и «особого порядка

¹ *Томин В.Т.* Актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. С. 254.

² *Смолин А.Ю.* Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2009. № 1 (10). С. 65.

³ *Якупов Р.Х.* Уголовный процесс. М.: Зерцало, 1998. С. 75.

⁴ *Томин В.Т.* Актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. С. 255.

принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»¹ и «дознания в сокращенной форме»².

Ряд ученых полагают, что процессуальная экономия не может рассматриваться как принцип уголовного судопроизводства³. Среди доводов, которые приводятся в защиту указанной позиции, можно согласиться лишь с тем, что процессуальная экономия не может, да и не рассматривается как основная задача, которую ставит государство при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. В любом правовом государстве должна быть разработана многоканальная система, обеспечивающая защиту прав вовлеченных в уголовный процесс лиц, и применяться различные ее формы.

О том, что процессуальная экономия или рациональное ведение уголовного судопроизводства является принципом уголовного процесса, утверждал еще в свое время П.Ф. Пашкевич⁴. Его мнение разделяют Р.Х. Якупов, А.Ю. Смолин и М.П. Поляков, С.П. Сереброва и другие ученые⁵. Следует учитывать, что процессуальная экономия при производстве по уголовному делу сопряжена не только с реализацией права обвиняемого на скорый процесс, но и с материальными затратами. Более того, для вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного решения уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумные сроки, но это не означает, что только в сроки самые быстрые. Поэтому в

¹ *Тисен О.Н.* Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Оренбург, 2017. С. 16.

² *Неряхин А.И.* Обеспечение права на защиту при производстве дознания в сокращенной форме в целях реализации принципа состязательности сторон // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2020. № 4. С. 30-32.

³ *Гуляев А.П.* Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 44; *Николюк В.В., Деришев Ю.В.* Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: монография. Красноярск: СЮИ МВД РФ, 2003. С. 28, 29; *Томин В.Т.* Указ. соч. С. 255; *Строгович М.С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // *Социалистическая законность.* 1974. № 9. С. 51.

⁴ *Пашкевич П.Ф.* Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // *Социалистическая законность.* 1974. № 9. С. 54.

⁵ *Якупов Р.Х.* Уголовный процесс. М.: Зерцало, 1998. С. 76; *Смолин А.Ю.* Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве // *Вестник Нижегородской Академии МВД России.* 2009. № 1 (10). С. 65; *Сереброва С.П.* Методология рационализации уголовно-процессуальной деятельности. Н. Новгород, 2003. С. 34.

рамках оптимизации уголовного процесса законодатель применяет и развивает различные меры и уголовно-процессуальные формы, в том числе суд с участием присяжных заседателей, процедура которого не исключает более длительные сроки судебного разбирательства и более значительные материальные траты¹.

Что касается **принципа справедливости**, то в теории государства и права ученые относятся к данной правовой категории неоднозначно. С.С. Алексеев, В.М. Корельский, А.Ф. Черданцев, А.П. Кузнецов считали, что это – принцип права². Л.С. Явич полагал, что это – принцип правовой системы³. В.К. Бабаев называл принцип справедливости генеральным принципом права⁴, а В.С. Соловьев – основным принципом права⁵, В.В. Рудич – основной идеей⁶. Не соглашаясь с данным мнением, О.Э. Лейст предлагал отказаться от справедливости как принципа права⁷. Конституционный Суд РФ считает справедливость не только общеправовым принципом,⁸ но и принципом конституционным⁹. Данная категория официально признается принципом и мировым сообществом¹⁰.

¹ Чистилина Д.О. Особенности апелляционного порядка обжалования решений судов с участием присяжных заседателей // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 137.

² Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 108-109; Корельский В.М. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1999. С. 239; Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2001. С. 187; Кузнецов А.П. Принципы права: понятие, сущность, конкретизированная характеристика // Следователь. 2002. № 2. С. 41.

³ Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 150.

⁴ Бабаев В.К. Общая теория права / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 128-132.

⁵ Вахрин В.Г. Учение о праве В.С. Соловьева // Философия и право: материалы международной научно-практической конференции, 28 февраля 2006 г. СПб., 2006. С. 39.

⁶ Рудич В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8.

⁷ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 169-170.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Российская газета. 2005. 20 мая.

⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2002 г. № 28-0 «По жалобе гражданина Ефимова Николая Петровича на нарушение его конституционных прав частью 3 ст. 386 и частью 2 статьи 387 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 17. Ст. 1719.

¹⁰ Международные акты о правах человека. М., 2002. С. 770-771, 784-786, 788-789 и др.

Следует отметить, что если принцип справедливости прямо закреплен в ст. 6 УК РФ, то в уголовно-процессуальном законе эта правовая категория как принцип прямо не обозначена, но вытекает из анализа ряда статей УПК РФ, например, ч. 2 ст. 6, ст. 99, 297, 332, 360, 361 и др. Это – требование справедливости приговора суда, требование «соответствия» при избрании меры пресечения и пр.

В науке по вопросу существования принципа справедливости и необходимости закрепления его в тексте УПК РФ среди ученых-процессуалистов существуют различные точки зрения. Р.Х. Якупов, А.С. Александров, В.Н. Бибило высказываются против отнесения данной категории к принципам уголовного процесса¹; Т.Т. Алиев, Н.А. Громов и Л.М. Зейналова считают, что справедливость следует рассматривать в качестве цели или задачи уголовного судопроизводства². Ряд ученых, полагая, что справедливость как принцип уголовного судопроизводства требует закрепления в нормах УПК РФ, расходятся во мнении относительно наполнения данного понятия. В.М. Бозров, Е.А. Карякин считают, что речь должна идти о справедливости, основанной на процессуальной (формальной) истине³. Л.А. Воскобитова, разделяя данную точку зрения, уточняет, что «...справедливость в уголовном судопроизводстве – это соблюдение совокупности процессуальных правил, необходимых для защиты прав человека при рассмотрении предъявленного ему обвинения, обеспечивающих надлежащую правовую процедуру при рассмотрении и разрешении судом уголовных дел и осуществлении им судебного контроля»⁴. С иных позиций подходят к оценке справедливости З.Д. Еникеев, З.В. Макарова, Н.А. Громов, Э.М. Мурадьян и другие

¹ Якупов Р.Х. Уголовный процесс. М.: Зерцало, 1998. С. 75; Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2005. № 3. С. 166; Бибило В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. М., 1986. С. 39.

² Алиев Т.Т., Громов Н.А., Зейналова Л.М. Понятие и система принципов уголовного процесса по действующему законодательству // Следователь. 2002. № 11. С. 15.

³ Бозров В.М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2005. № 4. С. 17-18; Карякин Е.А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики): монография. Оренбург, 2005. С. 55-62.

⁴ Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 16.

ученые¹, которые считают, что в основе справедливости в уголовном процессе должна лежать объективная истина. К.В. Ивасенко высказала мнение, что «понятие «справедливость» следует рассматривать в двух смыслах. Справедливость как требование, сочетающее в себе правовую и нравственную оценки судебного решения, следует рассматривать применительно ко всем судебным решениям – приговорам, определениям, постановлениям суда («справедливость судебного решения»). В более узком смысле справедливость составляет частное свойство исключительно такого вида судебного решения как обвинительный приговор суда, заключающееся в соразмерности назначенного наказания тяжести преступления, личности осужденного («справедливость назначенного наказания»)².

Такой подход к понятию «справедливость» чрезмерно узок. Справедливость – это не только свойство решения или требование, к нему предъявляемое. Справедливой либо несправедливой может быть и процессуальная деятельность, проявляющаяся в предвзятости должностных лиц, предоставлении льгот одним и установлении жесткого режима другим участникам процесса.

Например, по делу гр-н С. и Д., обвиняемых в краже, при совершенно одинаковых личностных характеристиках следователь избрал в отношении Д. меру пресечения в виде заключения под стражу, а в отношении С. – в виде подписки о невыезде. В последующем в результате рассмотрения жалобы Д. на чрезмерно строгую меру пресечения суд изменил ему заключение под стражу на подписку о невыезде³.

Можно согласиться с мнением Л.М. Ашировой, которая указывает, что данный принцип должен найти отражение в тексте уголовно-процессуального

¹ Еникеев З.Д. Общечеловеческие ценности в действующем праве и проблемы их защиты // Проблемы правовой защиты общечеловеческих ценностей в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (15-16 сентября 2005 г.). Ч. 1. Уфа, 2005. С. 158.

² Ивасенко К.В. Пределы прав вышестоящей инстанции при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10.

³ Уголовное дело № 1-348/2019 // Архив Металлургического районного суда г. Челябинска за 2019 г.

закона как составной элемент эффективной деятельности¹, а его содержательная часть должна включать ряд позиций, таких как: беспристрастность; своевременность принятия решений и производства действий; способствование выявлению абсолютно всех обстоятельств дела, как обвиняющих, так и оправдывающих лицо; соответствие всей доказательственной базы уголовного дела обстоятельствам происшествия; обязательное восстановление в правах всех лиц, в них ущемленных; возмещение вреда, причиненного преступлением. Также поддерживаем мнение В.В. Рудича о том что «положения о справедливости распространяются на весь уголовный процесс, т. е. и на досудебное производство, и на судебные стадии, включая исполнение приговора; причем независимо от особенностей конкретного преступления»². Это в целом позволяет достигнуть справедливости и деятельности, и решений. Такие условия обеспечивают осуществление именно эффективной деятельности, поэтому этот принцип следует рассматривать в первую очередь именно как специальный принцип эффективной деятельности.

Рассматривая **принцип добросовестности (незлоупотребления правами)**, следует прежде всего обратиться к Конституция РФ, где в ст. 17 указано, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Данное положение позволяет обосновать вывод о том, что реализация субъективных прав и законных интересов, в том числе и в уголовном судопроизводстве, имеет пределы и ограничена соблюдением прав и законных интересов других лиц, участвующих в уголовном процессе. По своей сути данное конституционное положение представляет собой предъявляемое к участвующим в процессе лицам требование вести себя определенным образом, а именно – не злоупотреблять предоставленными им конституционными правами³.

¹ *Аширова Л.М.* Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 65.

² *Рудич В.В.* Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9, 53.

³ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994. С. 124; *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 199; *Юдин А.В.* Злоупотребление

Требование не злоупотреблять своими правами в определенных случаях конкретизировано указанием в уголовно-процессуальном законе на обязанности участвующего в уголовном судопроизводстве лица, в других случаях только предполагает добросовестное поведение участника уголовно-процессуальных правоотношений. Выход за пределы данного требования чреват признанием совершённых действий незаконными, наложением определенных установленных законом санкций, отказом в защите прав и т. д. Например, в уголовно-процессуальном законе презюмируется добросовестность со стороны следователя, который принял уголовное дело к своему производству и ведет расследование, в отношении фиксации его результатов, независимо от того, что данная процессуальная фигура отнесена к стороне обвинения и на практике встречается достаточно примеров, когда следователи своими правами злоупотребляли.

Например, в ходе судебного заседания в суде субъекта РФ по обвинению К., С., В. и Д было установлено, что явившегося в суд свидетеля следователь ранее не допрашивал, хотя его показания в материалах уголовного дела имелись. Вызванный и допрошенный по этому факту следователь пояснил, что сроки предварительного расследования заканчивались, направлять письменное поручение о допросе свидетеля по месту его жительства в город Санкт-Петербург не было времени, поэтому он и написал показания, какие посчитал нужными, сам. Все это не позволило суду признать показания данного свидетеля допустимым доказательством¹.

Закрепление в Конституции РФ положения о недопустимости злоупотребления правами позволило говорить об отнесении данной правовой категории к принципам права. О том, что принцип недопустимости злоупотребления правом является общеправовым, указывает Конституционный Суд РФ в ряде своих решений. Например, в постановлении от 12 апреля 2002 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13-14

процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, изд-во юридического факультета, 2005. С. 52.

¹ Уголовное дело № 3999-21-00-1а/227 // Архив Челябинского областного суда за 2019 г.

Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ в связи с жалобой А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края»¹ указано, что «...при этом в силу общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом неприкосновенность не может служить основанием освобождения от ответственности за публичные оскорбления, клевету и другие подобные им несовместимые с предназначением данного института и со статусом депутата правонарушающие деяния, предусмотряемые федеральным законом».

Верховный Суд РФ также считает, что запрет злоупотреблять правами представляет собой общеправовой принцип. Об этом говорится, например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»². Утверждения о недопустимости злоупотребления правом можно встретить и в решениях судов различных уровней³.

Аналогичного мнения придерживается и ряд ученых⁴. Нам представляется необходимым проанализировать доводы в пользу данной точки зрения. Исходя из смысла термина «принцип», означающего «начало», «основу», правовые принципы определяются как основополагающие идеи, закрепленные в законе. Они приобретают значение императивных требований, конкретных правил и обязывают правоприменителя к определенному поведению или устанавливают определенные

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2002 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13-14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 16. Ст. 1601.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 8 апреля.

³ Определение № 22-5895/2012 // Архив Московского областного суда за 2012 г.

⁴ *Гаджиев Г.А.* Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7. С. 58; *Малиновский А.А.* Злоупотребление правом. М., 2002. С. 54; *Мурадян Э.М.* Судебное право. М., 2003. С. 8, 127.

запреты¹. Принципы права играют важную роль в процессе правового регулирования, поскольку определяют основные направления юридического воздействия. Они объективны по характеру, обусловлены объективными законами общественной жизни, но зависят от субъективной воли законодателя².

В зависимости от сферы распространения общепринято различать общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы. Общеправовые принципы представляют собой основу системы права, всех ее отраслей и институтов. Они отражают сущность всей правовой системы и имеют двойное проявление. С одной стороны, они являются непосредственно действующими, с другой – отражаются в межотраслевых и отраслевых принципах. На этих принципах базируется правовое регулирование всех правоотношений в обществе.

Как правило, многие из данных принципов закреплены в Конституции РФ.

Представляется, что такой правовой категории, как недопустимость злоупотребления правами, присущи все признаки и свойства принципа, реализующегося и в рамках уголовного судопроизводства: высокая степень общности; действие на протяжении всего уголовного судопроизводства; согласованность и связь с другими принципами; нормативно-правовой характер; выражение господствующих в государстве политических и правовых идей, касающихся способов осуществления судопроизводства по уголовным делам; возможность применения в качестве критерия законности действий и решений. Этот вывод подтверждается следующими аргументами.

Во-первых, недопустимость злоупотребления процессуальными правами в рамках уголовного судопроизводства представляет собой общее положение. В законодательстве невозможно конкретизировать все запреты, установить все пределы осуществления субъективных прав. Любые попытки сделать это не исчерпают всех возможных проявлений незаконных средств и способов осуществления своих прав. В определенных случаях данное принципиальное

¹ *Зажуцкий В.И.* Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 11. С. 92.

² *Власенко Н.А.* Теория государства и права: научно-практ. пособие для самостоятельной подготовки студентов всех форм обучения. М.: Юриспруденция, 2009. С. 117.

положение конкретизируется в рамках прав определенного участника процесса, применительно к конкретным стадиям либо к конкретным процессуальным действиям, но при этом существует как самостоятельная юридическая категория, обоснованность и объективный характер которой не вызывают сомнений. Данная категория существует вне зависимости от конкретных лиц – участников процесса, от их правового и общесоциального статуса, обстоятельств уголовного дела и каких-то иных отправных моментов.

Во-вторых, недопустимость злоупотребления процессуальными правами, т. е. добросовестное использование предоставленных прав, обеспечивает реализацию государственной правовой политики, определенных целей и задач. В уголовно-процессуальной деятельности обеспечивается достижение назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Желание защитить и потерпевших, и обвиняемых, обладающих противоречивыми интересами, априори предполагает необходимость выработки механизма, обеспечивающего достижение этой цели и в первую очередь содержащего как определенные гарантии возможности реализации прав указанными лицами, так и определенные ограничения в реализации прав путем установления пределов их реализации. Тем самым проявляются демократическая и гуманистическая составляющие данного принципа, которые обеспечивают проведение уголовно-процессуальной деятельности в соответствии с ее социальным назначением.

В-третьих, недопустимость злоупотребления процессуальными правами, будучи принципом уголовного процесса, взаимодействует с иными принципами, проявляясь в них и обеспечивая их реализацию.

Однако возникает проблема, которая требует своего решения и которая по своей сути представляет следующий признак принципа – его обязательное нормативное закрепление. Закрепление категории «недопустимость злоупотребления правом» только в тексте Конституции РФ и в форме, которая требует толкования, для полноценной реализации данного принципа является недостаточным.

Можно согласиться с устоявшимся в науке мнением, что принцип должен быть закреплен в законе. Поэтому данное упущение законодателя требует устранения. В будущем необходимо четко закрепить данный принцип в тексте Конституции РФ, добавив в ст. 17 часть четвертую следующего содержания: «Злоупотребление правами не допускается», а в гл. 2 УПК РФ – статью 7¹ «Добросовестность в уголовном судопроизводстве» следующего содержания: «1. Участники уголовного судопроизводства обязаны добросовестно использовать предоставленные им права. 2. Злоупотребление правами не допускается»¹.

Такое условие, как применение поощрений и ограничений в ходе уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивает её эффективность. Эффективная деятельность – результат только правильного поведения участвующих в ней лиц, и любые отклонения от этого ставят под сомнение либо полностью исключают возможность оценивать ее как эффективную. Для того чтобы поведение участников процесса не влияло отрицательно на деятельность, не исключало возможность осуществления ее эффективно, в уголовно-процессуальном законе предусмотрены меры как поощрений, так и процессуальных ограничений в тех случаях, когда поведение затрудняет либо делает невозможным нормальный ход процесса. Подобный подход оправдан тем, что он не только стимулирует эффективную деятельность, но и предостерегает участников от возможных неблагоприятных действий, которые будут влиять на нее отрицательно. К числу уголовно-процессуальных поощрительных норм следует отнести институты примирения сторон (ст. 25), деятельного раскаяния (ст. 28), особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ст. 314-317), особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317¹-317⁹ УПК РФ). Определенные положительные последствия для обвиняемого появляются и в результате дачи им признательных показаний. При этом ярко проявляется соответствующая эффективной уголовно-процессуальной деятельности

¹ Даровских О.И. Актуальные проблемы уголовного процесса: учебное пособие. Ч. 1. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. С. 52-60.

возможность законного, своевременного, справедливого, объективного проведения всех процессуальных действий, качественного, экономного их осуществления, что в целом достаточно для принятия определенного решения.

Меры принуждения и ограничений применяются в уголовном судопроизводстве при минимально возможном ущемлении прав и законных интересов участников процесса и только в случае, если указанные участники не выполняют законных требований должностных лиц или есть реальные основания полагать, что могут не выполнить. К таким мерам можно отнести не только меры принуждения, в том числе и меры пресечения, но и право судьи удалять из зала суда лиц, нарушающих порядок, или право следователя ограничивать возможность ознакомления с материалами уголовного дела лиц, умышленно затягивающих сроки ознакомления, и т. д.

Указанные меры ограничения и принуждения в уголовном судопроизводстве обеспечивают находящиеся под угрозой срыва своевременность, качественность, объективность расследования и рассмотрения уголовных дел, а также достижение иных критериев эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

Такое условие осуществления эффективной уголовно-процессуальной деятельности, как полнота совершаемых действий и принимаемых решений, проявляется в том, что эффективная уголовно-процессуальная деятельность должна отличаться продуманностью и законченностью всех действий, исчерпанностью всех средств, необходимых для ее осуществления, выявлять все связи рассматриваемого вопроса (обстоятельств уголовного дела), как очевидные, так и неочевидные, и отличаться аргументированностью принимаемых решений. Этот принцип обеспечивает всесторонность оценки сложной ситуации, требующей определенности и конкретности от должностного лица, ее разрешающего. Поскольку центральное место в уголовно-процессуальной деятельности занимают следственные и иные процессуальные действия, направленные на формирование доказательств, значимость данного условия для процесса проявляется в первую очередь в том, что он обеспечивает собирание и исследование такого объема

доказательств, который позволял бы принимать объективное, справедливое решение.

Принимаемое решение должно быть окончательным. Половинчатые решения не достигают намеченных целей и не могут обеспечить своевременное решение поставленных задач, являются причиной затягивания сроков расследования.

Можно привести ряд примеров из следственной практики, свидетельствующих о необходимости всесторонне и полно исследовать и выявлять все обстоятельства произошедшего события.

1. По уголовному делу в отношении гражданина Х., обвиняемого в совершении умышленного убийства гражданина О. путем причинения ему нескольких ножевых ранений в жизненно важные органы, в ходе предварительного расследования нож не был обнаружен. Обвиняемый не отрицал факт убийства, совершенного им на территории принадлежащей ему дачи, подробно рассказал, как произошло событие преступления, описал нож, который до этого находился на столе и которым резали продукты во время употребления спиртных напитков. По данному делу были получены и иные доказательства виновности Х., например, заключение судебно-медицинской экспертизы о характере ранения и орудии, которым оно могло быть причинено, допрошены свидетели по характеристикам ножа. Однако найти орудие преступления не представилось возможным, поскольку обвиняемый заявил, что не помнит, куда он выбросил нож. И только спустя полгода, когда уголовное дело уже рассматривалось в судебном разбирательстве, нож обнаружил сосед на своем земельном участке у общего забора с территорией гр-на Х. Нож был представлен в суд, опознан Х. по специфическим индивидуальным признакам, после его осмотра приобщен к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. В последующем следователь, расследовавший данное уголовное дело, подтвердил, что им вообще не предпринимались попытки найти нож¹.

¹ Уголовное дело № 22-563/2018 // Архив Оренбургского областного суда за 2018 г.

2. По уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, в ходе подготовки и производства обыска следователем в полной мере не были продуманы возможные ситуации на месте проведения следственного действия. Так, при прибытии на место производства обыска к огражденному приусадебному участку частного жилого дома следователем не было учтено, что территория оборудована системой видеонаблюдения, также им не были приняты меры по обеспечению охраны данного участка. Указанные упущения следователя дали возможность собственнику жилья своевременно выйти незамеченным через запасной выход дома, перелезть через забор и скрыться от сотрудников полиции¹.

3. При расследовании по уголовному делу № 5260112, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, по факту незаконной рубки лесных насаждений следователь не произвел своевременно осмотр места происшествия - лесного массива до выпадения снега, что привело к невозможности попадания к месту незаконной рубки до поздней весны и необоснованному затягиванию сроков предварительного расследования².

Также должна быть обеспечена информированность участников о ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности и принятых решениях. В действующем уголовно-процессуальном законе такая правовая категория, как гласность (открытость), позиционируется законодателем в качестве общего условия судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ), хотя ранее в ст. 18 УПК РСФСР данное правовое положение указывалось как принцип уголовного судопроизводства. Современное понимание гласности вполне оправдано, поскольку только в судебном разбирательстве это конституционное положение проявляется в той мере, которая позволяет его реализовать. В досудебных стадиях процесса гласность не реализуется ни как принцип, ни как общее условие предварительного расследования. Абсолютная открытость в данной стадии

¹ Материалы уголовного дела № 20456789 // Архив МВД России по Челябинской области за 2018 г.

² Материалы уголовного дела № 5260112 // Архив СУ СК России по Челябинской области за 2019 г.

невозможна, поскольку она создавала бы определенные сложности для быстрого и полного раскрытия преступлений, особенно совершенных в условиях неочевидности, затрудняла привлечение виновного лица к уголовной ответственности. Однако отсутствие необходимой информации, касающейся материалов уголовного дела, не позволяет участникам процесса полноценно реализовать свои права. Например, право на обжалование процессуальных действий и решений должностных лиц можно реализовать лишь в том случае, если лицо обладает определенным объемом информации о деятельности должностных лиц и о принятых ими решениях, это особенно касается потерпевших. Отсутствие возможности получать требуемую информацию прежде всего свидетельствует о том, что нет гарантии реализации прав участниками уголовного судопроизводства и, кроме того, не позволяет сделать вывод, что уголовно-процессуальная деятельность осуществляется эффективно.

Ученые обращают внимание на важность такой правовой категории, как информированность (уведомление) в уголовном процессе. С.С. Безруков в своей работе указал, что «...неотъемлемым элементом системы принципов современного российского уголовного процесса является информирование заинтересованных лиц, без которого ограничивается реализация большей части других, весьма важных требований»¹. Согласиться с выводом о том, что информированность следует отнести к принципам уголовного судопроизводства, вряд ли возможно. Несмотря на свою значимость, данная правовая категория не может претендовать на статус некой закономерности в уголовном процессе, поскольку не коррелирует с таким понятием, как следственная тайна. Кроме того, её действие не может распространяться в равной мере на всех участников процесса и на все стадии. Но необходимо расширить возможности уведомления участников процесса о произведенных действиях и решениях должностных лиц, на что указывалось Е.Е. Ивановым². Ю.Е. Кайгородова подчеркивала значение сроков уведомления,

¹ Безруков С.С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. С. 8.

² Иванов Е.Е. Уведомление участников судопроизводства на досудебных стадиях: усилить гарантии // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4 (113) С. 99-109.

указывая, что они «...выступают гарантией защиты прав и свобод личности, осуществляемой в целях достижения позитивного юридического эффекта, и средством обеспечения быстроты производства по уголовным делам, в целом отвечая назначению уголовного судопроизводства»¹.

Сущность такого условия эффективности уголовно-процессуальной деятельности, как информированность, заключается в том, что участники уголовного судопроизводства должны быть ознакомлены с предоставленными им законом правами в приемлемой форме, охватывающей как ознакомление, так и разъяснение сути данных прав и форм их реализации. Что касается ознакомления с материалами уголовного дела, то вполне допустимо распространить возможность знакомить потерпевших по их ходатайствам с материалами уголовного дела в случае приостановления предварительного расследования. Данное правило было установлено приказом Следственного комитета РФ «О принятии дополнительных мер по соблюдению прав потерпевших и их представителей следователями следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Чеченской Республике по находящимся в производстве уголовным делам», которым утверждена инструкция, предусматривающая порядок ознакомления потерпевших с материалами уголовного дела до окончания предварительного следствия, согласно которому объем возможных для ознакомления документов по сравнению с предусмотренным ст. 42 «Потерпевший» УПК РФ может быть расширен мотивированным решением руководителя следственного подразделения².

Данное общее условие не только распространяется на обязанность должностных лиц информировать других участников процесса, но и предполагает информированность должностных лиц о любых обстоятельствах, создающих сложности в ходе расследования. Например, если свидетель своевременно предупредил о невозможности явиться на допрос по повестке, то следователь

¹ *Кайгородова Ю.Е.* Уведомление в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 6.

² Бастрыкин правит Постановление Пленума Верховного суда РФ // [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.ru/news/view/27930/> (дата обращения: 03.01.2020).

сможет своевременно изменить планы и максимально продуктивно использовать время, ранее запланированное на проведение допроса.

Информированность связана с такими принципами, как законность, разумный срок уголовного судопроизводства, доступность правосудия, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, обеспечение обвиняемому и подозреваемому права на защиту, право на обжалование процессуальных действий и решений и других. Она обеспечивает возможность их реализации, а также достижение назначения уголовного судопроизводства.

§ 4. Средства и способы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности: понятие, сущность

Используемые в уголовном судопроизводстве средства и способы обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности тесно взаимосвязаны с целью, которую ставит перед собой субъект перед началом любой деятельности. Если это уголовно-процессуальная деятельность, то идеальная цель или назначение процесса, исходя из мнения законодателя, состоит в защите и потерпевшего, и обвиняемого (ст. 6 УПК РФ). С точки зрения Е.В. Алексева «цель уголовно-процессуальной деятельности является мотивом уголовно-процессуальной деятельности и рассматривается в качестве её идеального образа (логической модели)»¹. Достижение идеальной цели осуществляется благодаря деятельности, направленной на достоверное установление: было ли совершено преступление; выявлено ли лицо, его совершившее; установлена ли его виновность в совершении данного преступления; удовлетворен ли потерпевший мерами, направленными на возмещение причиненного ему вреда и назначенным виновному лицу наказанием. Это обеспечивается путем постановки и решения конкретных задач, разработкой версий, в рамках которых продумываются планы, сроки, определяются средства, которые могут быть использованы для достижения цели, и

¹ *Алексеев Е.В.* Организационные основы уголовно-процессуальной деятельности: понятие и структура: автореф... дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8-9.

продумываются способы её достижения, последовательность проведения следственных и иных процессуальных действий с учетом объективных обстоятельств дела. Например, по одним уголовным делам не планируется наложение ареста на имущество обвиняемого, а по другим, где выявлен имущественный вред, причиненный потерпевшему, арест на имущество производится, и притом по срокам как можно раньше, поскольку имущество может быть укрыто заинтересованными лицами. А.Д. Бойков утверждает, что «эффективна та форма, которая не только предусматривает, но и обеспечивает оптимальный вариант поведения, требуемый для достижения ее цели»¹.

Современный этап развития государственности в России характеризуется повышенным вниманием общества как к деятельности правоохранительных органов и судебной системы, так и к результатам данной деятельности. С одной стороны, это вызвано позиционированием России как правового государства, что само по себе уже накладывает определенные обязательства на государственные органы, еще достаточно высоким уровнем преступности и правонарушений в государстве, на что неоднократно указывало в своих выступлениях руководство правоохранительных органов, тем самым подтверждая необходимость повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. С другой стороны, это обусловлено необходимостью повышения уровня защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, что соответствует положениям ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, где указано, что «...каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве». И в-третьих, необходимостью совершенствования правовых средств, обеспечивающих уголовно-процессуальную деятельность, повышающих ее эффективность.

¹ Бойков А.Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона // Эффективность применения уголовного закона. М.: Юридическая литература, 1973. С. 175.

По мнению С.И. Ожегова, одно из значений слова «средства» – предмет, прием, способ действия, приспособление или совокупность их, необходимые для достижения либо осуществления какой-нибудь деятельности¹. В то же время слово «способ» он понимает как действие или систему действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы при осуществлении чего-нибудь². Данное определение позволяет обозначить те средства, тот инструментарий (приемы, способы, методы), с помощью которого деятельность осуществляется и с помощью которого достигается необходимый, полезный, социально значимый результат. Поэтому вполне логичным и теоретически оправданным выглядит появление и развитие в недрах общей теории права такого направления, как инструментальная теория, которая тесно взаимосвязана с праксеологией – учением об эффективной деятельности человека. Хотя этот подход и не позволяет воспринимать понятия «средства» и «способы» как совпадающие, близкие по значению, синонимы, нельзя отрицать, что это взаимосвязанные и взаимозависимые категории.

Сама по себе деятельность участников уголовно-процессуальных отношений не всегда отвечает предъявляемым к ней требованиям. Достижение желаемых результатов предполагает применение определенных усилий, специально разработанных для этого средств и способов воздействия на общественные отношения, а эффективная уголовно-процессуальная деятельность требует особого регулирования, т. е. такого воздействия, которое позволило бы ей приобрести устойчивость, определенность, стабильность. Средства, применяемые для обеспечения такого результата в своей совокупности, а также способ их реализации собственно и составляют механизм, обеспечивающий желаемую эффективную уголовно-процессуальную деятельность. Данный механизм позволяет выявить элементы, обеспечивающие именно такую деятельность, установить последовательность этих элементов, проследить появление предполагаемых нарушений, препятствующих осуществлению именно эффективной деятельности,

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 760.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 758.

а также разработать средства и способы, позволяющие устранять данные препятствия ее эффективности.

Таким образом, можно сформулировать дефиницию механизма, обеспечивающего эффективную уголовно-процессуальную деятельность, как единую систему процессуальных средств и способов их применения, которые в совокупности обеспечивают эффективную деятельность участников уголовного судопроизводства либо устраняют препятствия её достижения.

Цель каждого элемента механизма обеспечения эффективной деятельности состоит в том, чтобы самостоятельно либо в совокупности с другими элементами воздействовать на поведение участника процесса и достичь назначения уголовного судопроизводства. Иными словами, средства и способы, обеспечивающие осуществление уголовно-процессуальной деятельности, фактически нацелены на достижение цели данной деятельности.

Характеризуя категорию «правовые средства», следует отметить, что она является элементом механизма правового регулирования, и в таком качестве впервые появилась при разработке С.С. Алексеевым столь важной общетеоретической проблемы, как механизм правового регулирования и социального действия права. Ученый дал следующее определение правовых средств: «...правовые средства – это нормы права, индивидуальные предписания и веления, договоры, средства юридической техники, все другие инструменты регулирования, рассматриваемые в единстве характерного для них содержания и формы»¹. Не согласиться с данным подходом нельзя.

Однако учеными сделаны попытки рассмотреть данное понятие с иных позиций. Например, А.В. Малько считает, что «...правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально-полезных целей»². Данное определение было справедливо

¹ Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие и классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 14.

² Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66-77.

подвергнуто критике, поскольку определять явление через то же явление не вполне корректно¹. Ю.Б. Батурина определяет правовое средство как «...деятельностно-институциональное образование, показывающее функционально-динамическую сторону правовых явлений и права в целом»². По мнению Б.И. Пугинского, «...правовые средства представляют собой сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества»³. Полагаем, что такой подход к пониманию правовых средств нельзя признать правильным, поскольку автор полностью исключает в разработанном им определении инструментарий, с помощью которого и оказывается влияние на осуществление эффективной деятельности. В отраслевой науке ученые высказывали подобное мнение. Например, С.И. Давыдов, И.В. Кутазова и Е.Н. Петухов писали, что «...это совокупность различных способов, закрепленных и выраженных в нормах уголовного процесса, позволяющих обеспечивать сохранение в тайне сведений, имеющих значение для законного и объективного расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела, а также соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства»⁴. Представляется, что в данном случае средствами будут выступать те разработанные и используемые законодателем в тексте закона методы, гарантии, нормы, которые позволяют сохранить в тайне сведения, а обеспечивать возможность реализации этих норм и гарантий будут действия должностных лиц. Например, обязанность гражданского ответчика не разглашать данные предварительного следствия закреплена в ст. 54 УПК РФ, а способом обеспечения этой обязанности будет возможность знакомиться с

¹ Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 110.

² Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 120.

³ Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984. С. 17.

⁴ Давыдов С.И., Кутазова И.В., Петухов Е.Н. Уголовно-процессуальные средства, обеспечивающие защиту от разглашения данных уголовного судопроизводства // Известия АлтГУ. 2012. № 2-1. С. 74-77.

материалами уголовного дела в определенном объеме и привлечения лица к уголовной ответственности в случае разглашения данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

В.А. Сапун исходит из других позиций. В его представлении правовая деятельность не является правовым средством, поскольку она представляет собой «систему действий и операций по использованию правовых средств»¹. Такой подход к содержанию данного понятия нам понятен. Исследование вопроса с точки зрения достижения правовыми средствами эффективной деятельности позволило сложиться убеждению, что деятельность в уголовном судопроизводстве (если понимать в широком смысле) – это способ оказывать влияние на эффективность, например, это может быть при злоупотреблении правами. Затягивая ознакомление с материалами уголовного дела, обвиняемый не реализует свое право, впрочем, права на затягивание процесса у него и нет, но его перманентный отказ знакомиться с материалами дела по разным надуманным причинам, которые при проверке не подтверждаются (болеет, но проверка у медицинского работника это не подтверждает; устал; не выспался, поэтому плохо себя чувствует; жалобы на якобы незаконные действия следователя и на этой почве отказы в данный момент знакомиться с материалами уголовного дела и пр.), или ознакомление в течение рабочего дня только с небольшим объемом материалов (5-10 страниц дела), может быть и без указания причин, но в целом свидетельствует о том, что злоупотребление может проявляться именно в действиях.

Представляется, что более правильный подход избрал К.В. Шундигов. Рассматривая общетеоретический аспект правовых средств, он указал, что это – «взятая в единстве совокупность правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей»².

¹ Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 53.

² Шундигов К.В. Цели и средства в праве: (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 7, 14.

В отраслевой науке также можно встретить достаточно развернутое определение правовых средств. Например, Д.И. Селезнев под средствами уголовно-процессуальной деятельности понимает «иерархически упорядоченную, взаимосвязанную и взаимообусловленную систему связей между субъектами и целями уголовного процесса, проявляющуюся в принципах уголовного процесса, доказательствах, доказывании, следственных и иных процессуальных действиях, а также результатах оперативно-розыскной деятельности»¹. Поскольку вызывают научный интерес не просто средства уголовно-процессуальной деятельности, а средства, которые обеспечивают эффективность данной деятельности, представляется, что данное определение не совсем верно трактует проявление системы связей субъектов и целей, делая упор только на принципах, доказывании и доказательствах, а также на результатах оперативно-розыскной деятельности.

Исследуя мнения ученых относительно понятия «правовые средства», высказанные в научной литературе, посвященной уголовно-процессуальным правоотношениям, мы встречали дефиниции данного понятия, разработанные применительно к конкретным вопросам.

Рассматривая вопрос о средствах обеспечения разумного срока, Д.Г. Рожков предложил считать, что это – «закрепленные в нормах Уголовно-процессуального кодекса, а также иных источниках уголовно-процессуального права правовые инструменты, способные при точном и правильном их применении привести к разрешению поставленной в ч. 1 ст. 6¹ УПК РФ задачи»². Заметим, что данное определение требует конкретизации использования в его тексте такого термина, как «точное и правильное применение средств».

С.В. Коржев под уголовно-процессуальными средствами обеспечения неотвратимости ответственности за совершение преступлений понимает «комплекс разработанных государством мер и способов обеспечения такой ответственности, обусловленных социально-экономическими условиями жизни

¹ Селезнев Д.И. Средства уголовно-процессуальной деятельности: понятие и система: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 6.

² Рожков Д.Г. Процессуальные средства обеспечения разумного срока в уголовном суде // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3 (36). С. 218-224.

социума, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве и (или) выработанных правоприменительной практикой и призванных сделать такое обеспечение реально выполнимым явлением»¹. Вместе с тем в данном определении в большей мере раскрываются более широкие, общесоциальные аспекты средств обеспечения.

Рассматривая данные определения, вряд ли целесообразно брать их за основу при характеристике правовых средств, влияющих на эффективность деятельности, поскольку они имеют свои особенности. И в первую очередь это проявляется в свойствах указанных правовых средств или требованиях, которые к ним предъявляются.

П.С. Элькинд, рассматривая свойства (или требования), предъявляемые к средствам достижения уголовно-процессуальных целей, охарактеризовала их следующим образом: они должны быть «...предусмотрены в законе либо не противоречить ему; они должны быть этичными; подлинно научными, т. е. должны опираться на новейшие достижения научно-технического прогресса; эти средства достижения целей в сфере уголовно-процессуального регулирования должны быть максимально эффективными, обеспечивающими оптимальный результат в достижении указанных целей. Следующее требование (свойство): средства уголовного судопроизводства должны быть экономичными, способными обеспечить оптимальный результат в достижении целей при минимальных затратах сил субъектов уголовного судопроизводства».² Несмотря на то что указанная работа была написана почти полвека назад, она и сейчас не утратила своей актуальности и ценности. Это касается и свойств правовых средств, которые выделила профессор П.С. Элькинд. Сложно оспорить мнение, что они должны быть законными, этичными, эффективными и соответствовать уровню современных достижений науки. Мы вполне согласны и с утверждением М.С. Строговича о том, что

¹ Коржев С.В. Уголовно-процессуальные средства обеспечения неотвратимости ответственности за совершение преступлений по современному российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 4-7.

² Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. С. 62-67.

«научность процессуальных средств – это более широкое понятие: соответствие достижениям не только естественных и технических наук, но и наук гуманитарных, юридических, в частности науки уголовного процесса»¹. Проблема состоит в следующем: поскольку экономичность является свойством или, лучше сказать, критерием эффективности, и охватывается указанным понятием, выделять её нецелесообразно. Кроме того, правовые средства не только должны быть сами эффективными, но и обеспечивать осуществление эффективной деятельности.

В.А. Сапун рассматривал свойства правовых средств несколько иначе, указав, что правовые средства «характеризуют право как систему правовых средств: публичностью, обозримостью, конкретностью, реальной применимостью, гарантированностью. Эти свойства и придают правовым средствам институционность, а также возможность практического использования»².

Действительно, чтобы правовое средство можно было применять в уголовно-процессуальной деятельности, оно должно быть предусмотрено законом и выражено в установленной законом процедурной форме. Требование законности охватывает из пяти предложенных В.А. Сапуном свойств четыре: это гарантированность, публичность, обозримость и реальная применяемость. Закрепление в законе любого положения делает его публичным, поскольку законы доступны для ознакомления всем лицам. Законы должны исполняться всеми лицами и на всей территории страны, что обеспечивает реализацию такого свойства, как применяемость правового средства, указанного в законе. Правовые средства, применяемые в уголовном процессе, должны быть также нравственными и научно обоснованными. Выявление свойств правовых средств позволяет их классифицировать, что подробно будет изложено в дальнейшем.

Способы, применяемые в уголовном судопроизводстве и обеспечивающие именно эффективную уголовно-процессуальную деятельность, благодаря которым

¹ *Строгович М.С.* П. С. Элькин. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Изд-во Ленингр. ун-та, 1976, 142 с. [Рецензия] // Правоведение. 1976. № 4. С. 135-137.

² *Сапун В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 54.

реализуются правовые средства, – это следственные и иные процессуальные действия, указанные в тексте закона и обеспечивающие соблюдение процессуальной формы.

Таким образом, с учетом изложенного можно сформулировать следующее определение.

Под **правовыми средствами и способами**, используемыми для достижения назначения уголовного судопроизводства, следует понимать соответствующую требованиям закона, нормам морали и нравственности, а также научным достижениям, применяемым в уголовном судопроизводстве, совокупность правовых инструментов и действий, осуществляемых в установленной уголовно-процессуальной форме и обеспечивающих эффективную уголовно-процессуальную деятельность.

Начало уголовно-процессуальной деятельности, так же, как и любой другой, предполагает выбор из всех возможных таких правовых средств и способов их реализации, которые предположительно позволят достичь желаемую идеальную цель и решить ближайшие задачи, поскольку в зависимости от складывающихся обстоятельств дела задачи могут меняться, корректироваться. Поэтому выбор правовых средств и способов их достижения детерминирован объективными и субъективными условиями, сложившимися в ходе предварительного расследования, а также последовательностью применения правовых средств, ведь применение одних правовых средств зависит от других, ранее примененных.

Эффективная уголовно-процессуальная деятельность осуществляется в общепринятых формах реализации права: **соблюдение, исполнение, использование и применение.**

Под соблюдением мы понимаем пассивное поведение, которое предусматривает только правомерное соблюдение правовых норм, обеспечивающих эффективную уголовно-процессуальную деятельность. Это поведение отличается пассивностью, происходит естественным путем, незаметно, бесконфликтно. Например, в ходе предварительного расследования следователь выполняет все процессуальные действия в установленные законом сроки.

Исполнение предполагает добросовестное выполнение лицом всех возложенных на него обязанностей и требований, указанных в законе.

Под использованием понимают реализацию прав и выполнение возложенных обязанностей строго на добровольной основе, причем только тогда, когда совершение действий диктуется появившимся интересом.

Применение норм права в эффективной уголовно-процессуальной деятельности позволяет должностным лицам успешно выполнять поставленные перед ними задачи путем применения санкций, т. е. путем демонстрации силы и принуждения, а также поощрений. Например, может быть применен привод в случае отказа лица явиться по вызову для проведения следственного действия (ст. 113 УПК РФ), либо мера пресечения может быть изменена на более мягкую, если изменятся основания ее избрания (ст. 110 УПК РФ).

§ 5. Виды и классификация средств, обеспечивающих достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности

Ни одна теория не может обойтись без систематизации научных знаний и проверки ее на практике. Системный метод предполагает рассмотрение предметов и явлений как частей и элементов определенного целостного образования. Эти части и элементы, взаимодействуя между собой, образуют новые интегративные свойства, которыми обладает система как целое¹. Философы отмечают, что «зрелость той или иной научной системы предопределяется законченностью ее классификационной системы»².

Под классификацией в логике принято понимать «распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов другого рода,

¹ Рузавин Г.И. Методология научного исследования: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 167.

² Кедров Б.М. Диалектический путь теоретического синтеза современного естественнонаучного знания // Синтез современного научного познания. М., 1973. С. 11.

при этом каждый класс занимает в получившейся системе определенное постоянное место и в свою очередь делится на подклассы»¹.

Значение классификации средств, обеспечивающих эффективность уголовно-процессуальной деятельности, и средств, препятствующих достижению эффективности уголовного процесса, состоит в том, что она, во-первых, позволяет более глубоко и тщательно изучить объект исследования, а во-вторых, выявить и систематизировать разрозненные как теоретические, так и эмпирически полученные данные о средствах, влияющих на повышение эффективности, и средствах, создающих препятствия для эффективной деятельности.

В зависимости от того, каким образом проявляются правовые средства, направленные на обеспечение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, можно выделить следующие уровни: **научный, законодательный, правоприменительный и личностный**. Предложенная дифференциация осуществляется исключительно в исследовательских рамках и только в целях выявления влияния этих уровней на уголовно-процессуальную деятельность. Все указанные уровни взаимосвязаны и взаимозависимы. Первые три уровня проявления правовых средств переходят из одного в другой, чаще всего в некоторой последовательности, а правоприменительный и личностный (субъектный) уровни настолько глубоко взаимопроникают друг в друга, что неотделимы, поскольку правоприменение зависит от того, кто собственно применяет нормы права и участвует в правоприменительной деятельности. Предлагаемая схема позволяет проследить логическую последовательность появления и реализации правовых средств, влияющих на эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

Научный уровень заключается как в разработке научной концепции организации уголовного процесса в целом, так и в разработке и применении востребованных в практической деятельности научных достижений, их обосновании и адаптации именно в уголовно-процессуальной деятельности.

¹ Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971. С. 214-215.

Научные идеи детерминируют уголовно-процессуальную деятельность и те средства, которые обеспечивают ее эффективность. Да и сама категория «эффективность» первоначально воспринималась в виде чисто экономического понятия, но это понятие разрабатывалось учеными, и постепенно благодаря этим разработкам на теоретическом (научном) уровне было распространено и на другие области человеческой деятельности, в том числе и на право. Аналогичная ситуация сложилась и с таким понятием, как справедливость. Рассматривавшаяся первоначально как философская категория, справедливость благодаря научным исследованиям постепенно стала восприниматься и как правовая категория, требование, предъявляемое к приговору суда.

Не всегда, но в большинстве случаев практика получает рекомендации по внедрению новых средств, способов, методов воздействия на правовые отношения лишь после того, как они будут рекомендованы научным сообществом. Исключения есть, можно привести в качестве примера путь, который преодолело такое следственное действие, в настоящее время зафиксированное в тексте закона как проверка показаний на месте.

Первоначально оно применялось следователями как способ закрепления признательных показаний подозреваемого, обвиняемого. После получения признательных показаний следователь предлагал показать на месте, как все происходило в момент совершения преступления. Вся процедура показа отражалась в протоколе и фиксировалась на кино- или фото пленку, которая в суде признавалась допустимым доказательством даже в том случае, если обвиняемый отказывался от своих ранее данных показаний. Эффективность результата данной процедуры способствовала тому, что ученые стали обосновывать целесообразность ее проведения, и в результате правоприменители получили новое и весьма эффективное следственное действие.

Научное обоснование обеспечило внедрение в судебную деятельность и такого ныне популярного средства, как видео-конференц-связь. В России она впервые стала применяться в Челябинском областном суде в конце 90-х годов прошлого века в целях обеспечения участия в проверочных стадиях процесса

участников уголовного судопроизводства, а затем распространилась на всю территорию Российской Федерации, поскольку это позволяет получать в суде показания свидетелей, которые по уважительным причинам не в состоянии прибыть в зал судебного заседания. Попытки некоторых ученых оспорить целесообразность применения данного коммуникационного средства по причинам сбоя связи, плохой слышимости, видимости, невозможности предоставления подлинных документов и прочим не были поддержаны большинством ученых. Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ также высказали по этому вопросу единодушное мнение, признав использование видео-конференц-связи вполне оправданным и допустимым. В дальнейшем применение видео-конференц-связи может быть расширено за счет возможности ее применения с согласия подсудимого в суде первой инстанции по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке. В качестве примера можно привести ситуацию, когда *обвиняемый, заявивший ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, находясь в следственном изоляторе, получил травму и по состоянию здоровья не мог быть этапирован в суд для участия в судебном заседании. Он заявил ходатайство о рассмотрении его дела с применением видео-конференц-связи, однако суд был вынужден отказать в удовлетворении данного ходатайства, поскольку для этого не было условий. Рассмотрение уголовного дела неоднократно откладывалось из-за состояния здоровья обвиняемого, а в последующем было рассмотрено с его участием*¹.

Успешное применение видеосвязи в суде позволяет предположить, что ее применение и в ходе предварительного расследования при производстве следственных действий в соответствии со ст. 189¹ УПК РФ будет эффективным. Например, при проведении допроса по поручению следователя. Выполняя поручение, поступившее от следователя из другого региона, следователь-исполнитель задает только те вопросы, которые сформулированы в поручении, и фиксирует ответы на них. При этом ответы допрашиваемого могут вызвать

¹ Уголовное дело № 1-371/2019 // Архив Ленинского районного суда г. Челябинска за 2019 г.

необходимость задать ему еще ряд дополнительных, уточняющих, устраняющих противоречия вопросов, что повлечет увеличение сроков расследования, поскольку потребует составление нового поручения и времени для его реализации. Если допрос по видеосвязи будет осуществлять сам инициатор, то результат он получит сразу. В науке ранее высказывались аналогичные мнения по данному вопросу, что все следственные действия, объединенные методом расспроса, такие как очная ставка, опознание, проверка показаний на месте, вполне могут проводиться с использованием видео-конференц-связи¹.

В одних случаях научный уровень успешно завершается переходом на законодательный, в рамках которого разрабатывается новый закон или появляется новая статья в УПК РФ. В других же случаях законодатель по разным причинам не воспринимает научные предложения, например, как это случилось с предложениями о введении нового участника уголовного судопроизводства – следственного судьи. Несмотря на неоднократно возникающую тему, обсуждаемую на научных конференциях, на страницах юридических журналов, предложения ученых, касающиеся обоснования целесообразности и необходимости введения и закрепления статуса данного участника судопроизводства, законодатель на внесение соответствующих изменений в текст закона не пошел. Научные разработки, достаточно часто опережают реальные возможности государства по их внедрению и реализации, но в целом, бесспорно, порождают движение вперед, совершенствуя средства обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

Следующий уровень применения средств обеспечения эффективной деятельности – это уровень законодательный. При регулировании уголовно-процессуальной деятельности возможно использование лишь таких средств, которые определены в уголовно-процессуальном законе. Поэтому эффективность деятельности зависит от качества разработанного и принятого нормативного правового акта. Считается, что качественный закон – это такой закон, положения

¹ Семенцов В.А. Применение технологии видеоконференцсвязи в судебном заседании и при производстве следственных действий // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 100-106.

которого могут быть реализованы, хотя и к применяемым законам часто предъявляются вполне обоснованные претензии. Не является исключением и содержание уголовно-процессуального закона. Противоречия и недоработки, встречающиеся в тексте УПК РФ, связывают с отсутствием продуманной концепции законодателя. Разработанная и принятая Верховным Советом РСФСР 21 октября 1991 г. Концепция судебной реформы в ходе своей реализации подверглась корректировке и пошла по совершенно иному, нежели предполагалось, пути. Например, разработчики Концепции в категоричной форме указывали, что «недопустимо процессуальное подчинение следователя административным начальникам (имелись в виду начальники следственных отделов, комитетов и т. д.), наделение последних процессуальными полномочиями и правом контролировать ход и результаты расследования, пересматривать постановления следователя. Центральной фигурой Следственного комитета должен быть следователь. Существование руководителей всех уровней оправдано лишь в качестве организаторов его работы, осуществляющих ресурсное и методическое обеспечение расследования, начальствующих над техническим персоналом»¹.

Что мы имеем сегодня – процессуальное положение следователя фактически сведено к положению исполнителя воли руководителя следственного органа. Появление данной процессуальной фигуры изменило процессуальное положение как следователя, так и надзирающего за предварительным следствием прокурора. И дело даже не в утрате процессуальной самостоятельности, хотя именно об этом указывалось в тексте Концепции. Как представляется, сама по себе процессуальная самостоятельность следователя не должна выступать самоцелью. Проблема в другом. В настоящее время полномочия следователя не позволяют, не предоставляют ему возможности отстаивать свое мнение и свои решения перед руководителем следственного органа. Закрепленное в ч. 3 ст. 39 УПК РФ право на обжалование указаний своего руководителя следователи фактически не

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М.: Республика, 1992. С. 7.

используют. По данным, опубликованным в печати, 91,3 % следователей системы МВД России и 86,8 % следователей Следственного комитета РФ указания руководителя следственного органа не обжаловали ни разу. Причины этого разные, и они не только в психологическом барьере, не позволяющем публично не соглашаться с указаниями непосредственного руководителя, от решений которого зависят карьера и профессиональное благополучие сотрудника, хотя данная мотивация сама по себе весьма серьезна. Основная причина в том, что руководитель следственного органа не всегда дает указания в письменном виде (как это прописано в законе), в связи с чем обжаловать их не представляется возможным. Изучение уголовных дел и опрос следователей по специально разработанной анкете показали, что практически во всех делах, более чем в 97 %, указания руководителя следственного органа отсутствуют. Опрошенные следователи подтвердили данные, ранее полученные другими исследователями, что более половины следователей ежедневно отчитываются перед руководителем следственного органа и при этом получают устные указания о дальнейшем направлении хода расследования. При таком подходе требовать от следователей эффективной деятельности затруднительно.

Впрочем, проблемы возникают не только из-за отсутствия продуманных взаимосвязанных норм, регулирующих те или иные правоотношения, но и ввиду некорректных формулировок, неправильного их понимания (толкования) и неверного применения. Определенные положительные результаты в этом направлении обеспечивают решения высших судебных органов – Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Именно данные органы, формируя судебные правовые позиции, разрабатывают типовые модели правильного понимания и применения положений уголовно-процессуального закона. Хотя не всегда с мнением этих органов соглашаются правоприменители и ученые, признавая их в некоторых случаях достаточно спорными.

Например, в постановлении от 15 января 1999 г. № 1-П¹ Конституционный Суд РФ высказал следующую весьма спорную мысль: «Вместе с тем и по всем иным уголовным делам потерпевший заинтересован в том, чтобы способствовать раскрытию преступления, установлению истины по делу, изобличению преступника и справедливому воздаянию за содеянное». Согласиться в целом с данным обобщением сложно. Потерпевшие по уголовным делам отстаивают свой личный интерес, имеют материальную заинтересованность, поэтому, очевидно, они заинтересованы в раскрытии преступления и выявлении виновного лица. В то же время достаточно часто они своими неправильными действиями провоцируют лицо, которое в будущем приобретает статус обвиняемого, в связи с чем и на стадии предварительного расследования, и в судебном разбирательстве желают скрыть свою незавидную роль в инциденте.

В качестве примера можно привести дело *гр-на Б.* В отношении него было возбуждено уголовное дело по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ. Обстоятельства дела, подтвержденные в судебном разбирательстве, свидетельствовали о том, что потерпевшая своим поведением, которое она не отрицала, спровоцировала указанные действия обвиняемого².

В качестве примера неправомерного поведения потерпевшего, повлиявшего на наказание обвиняемого, можно привести еще одно уголовное дело.

По приговору Пуровского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 3 ноября 2009 г. гр-н Г. осуждён по п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ к 5 годам лишения свободы, п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ к 5 годам лишения свободы, ч. 1 ст. 112 УК РФ к 1 году лишения свободы. Кассационная инстанция установила, что судом первой инстанции был проигнорирован тот факт, что совершение Г.

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 15 января 1999 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 4. Ст. 602.

² Уголовное дело № 1-317/2018 // Архив Правобережного районного суда г. Магнитогорска Челябинской области за 2018 г.

преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, было обусловлено противоправными действиями потерпевшего М.

Согласно п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ противоправность или аморальность поведения потерпевшего, что явилось поводом для преступления, признаётся обстоятельством, смягчающим наказание.

При таких обстоятельствах непризнание судом противоправного поведения М. обстоятельством, смягчающим наказание, не отвечает требованиям справедливости приговора, в связи с чем размер наказания Г. по ч. 1 ст. 112 УК РФ и размер окончательного наказания был снижен¹.

В науке нет единого мнения относительно, правовой природы решений Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. Такие известные ученые, как А.Д. Бойков, Н.В. Батуев, В.П. Божьев, утверждали, что деятельность Конституционного Суда РФ нельзя признавать законодательной и правотворческой², что решения данного суда – это правоприменительные акты³ или что этот суд в своих постановлениях дает только толкование Конституции РФ.⁴ Мы же считаем вполне обоснованными доводы ученых, которые полагают, что «решения Конституционного Суда РФ, вообще и в частности, по проблемам уголовного судопроизводства представляют собой особые официальные акты толкования, фактически выступающие источниками права, поскольку им присуща нормативность, как свойство правового акта, направленное на создание норм, правил, регулирующих новые общественные отношения либо расширяющих действие существующих правовых норм. Особенность решений Конституционного Суда РФ состоит в том, что они не вписываются в существующие стандарты источников права, разработанные теорией права. Данное обстоятельство нельзя оценивать как отрицательный факт. Ранее в России не

¹ Уголовное дело № 1-78/2009 // Архив Пуровского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа за 2009 г.

² Бойков А.Д. Опасность негативного правотворчества // Уголовное право. 2000. № 4. С. 78-79.

³ Батуев Н.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-процессуального регулирования. Ижевск, 2003. С. 82.

⁴ Научно-практический комментарий к УПК РФ / ред. В.П. Божьев. М., 2002. С. 18-19.

существовало такого института, как Конституционный Суд РФ, поэтому и нет соответствующих научных разработок, позволяющих ученым принять единодушное решение по данному вопросу»¹.

Таким образом, законодательный уровень обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности складывается как из разработки законодателем безупречной нормативно-правовой базы, так и формирования правовых позиций Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ относительно спорных вопросов понимания отдельных моментов закона и соответствия их Конституции РФ.

Следующий уровень – это правоприменительный, который целесообразно рассмотреть более широко, включая в него и организационные, и коммуникативные моменты уголовно-процессуальной деятельности. Под правоприменительной деятельностью В.М. Горшенев понимал «совокупность специфических организационных форм и средств, с помощью которых обеспечивается непрерывность процесса реализации нормативных правовых предписаний путем наделения одних участников отношений субъективными правами и возложения на других соответствующих юридических обязанностей, или путем разбирательства вопросов о последствиях правовых споров и правонарушений»². В данном определении вызывает дополнительные вопросы термин «специфические», поскольку в правоприменительной деятельности средства и организационные формы должны быть в первую очередь правовыми.

Представляется, что более точно раскрывает понятие правоприменительной деятельности определение, разработанное С.Б. Швецовым, который указал, что «правоприменительная деятельность – это совокупность организационно-правовых средств, с помощью которых уполномоченные правоприменительные органы осуществляют нормативно-правовое воздействие на участников

¹ Даровских С.М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. С. 5.

² Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 35.

регулируемого правоотношения в целях создания предпосылок для реализации применяемой нормы права»¹.

Ученые подразделяют правоприменительные действия на несколько стадий. Например, С.С. Алексеев все правоприменительные действия подразделял на три основные стадии: установление фактических обстоятельств дела; выбор и анализ норм права; решение дела, выраженное в акте применения права². С ним практически согласен И.Я. Дюрягин, который выделил такие стадии правоприменения, как установление и исследование фактических обстоятельств рассматриваемого дела; выбор и анализ правовых норм, подлежащих применению; принятие решения и его документальное оформление³. П.Е. Недбайло⁴ и В.И. Гойман-Червонюк полагали, что отдельной стадией правоприменения должно быть и фактическое исполнение решений⁵.

Изучение доводов ученых, высказавших указанные точки зрения, учет особенностей не просто уголовно-процессуальной деятельности, а именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности, позволили убедиться в несостоятельности выводов авторов, утверждающих, что правоприменение не должно содержать стадию исполнения решений в том объеме, в каком решаются уголовно-процессуальные вопросы.

Доводы в пользу данного заключения следующие. Исполнение процессуального решения, принятого на любой стадии уголовного судопроизводства, – это необходимое условие данной деятельности. Именно исполнение принятого решения обеспечивает достижение цели осуществляемой деятельности. Без исполнения любое решение утрачивает свое значение и смысл. Если это – промежуточное решение, то его исполнение предопределяет возможность дальнейшей деятельности и получения окончательного решения.

¹ Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 40.

² Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1966. С. 24.

³ Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973. С. 52.

⁴ Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 225.

⁵ Гойман-Червонюк В.И. Очерки теории государства и права. М., 1996. С. 255.

Исполнение окончательного решения позволяет судить и о достижении цели деятельности, и о ее эффективности или характеризует эту деятельность как осуществленную (осуществляемую) формально. Для уголовно-процессуальной деятельности стадия исполнения судебного решения особо важна, поскольку выполняет такие важные функции, как обеспечение правопорядка и защита прав и законных интересов физических и юридических лиц. Поэтому следует полагать, что деятельность должностных лиц по урегулированию вопросов, связанных с исполнением судебных решений, принятых в рамках уголовного судопроизводства, является обязательной стадией правоприменения. Эта деятельность создает условия для исполнения судебных решений, выступает гарантом возможности реализации своих прав осужденным и потерпевшим.

Таким образом, правоприменение как последующий и важнейший уровень эффективной процессуальной деятельности складывается из следующих стадий: установление фактических обстоятельств дела; выбор и анализ норм права; решение дела, выраженное в акте применения права, и исполнение принятого судебного решения.

И последний уровень, но не менее значимый и взаимосвязанный с предыдущими, это личностный. Не представляется возможным в данном аспекте употребление термина «субъектный», поскольку такая категория, как «субъект», использовалась применительно к должностным лицам, участвующим в уголовном процессе и принимающим властные решения, влияющие на ход и результаты данной уголовно-процессуальной деятельности. Но в процессуальной деятельности также участвуют и другие лица, как заинтересованные в ее результате, так и не имеющие какого-либо интереса, и от их правовой позиции, поведения, установки (цели), от того, кто эти лица, как они осуществляют указанную деятельность, какие средства применяют и как их применяют, в конечном счете зависит её результат. Данный уровень особо значим, когда речь идет об эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Личностный уровень представляет собой осознанную деятельность участников уголовного судопроизводства, основанную на их знании, воле, мотивации их действий и

принимаемых решений, а также на психологических и моральных установках. Этот уровень весьма конкретен, так как по-разному проявляется при предварительном расследовании и судебном рассмотрении каждого уголовного дела. Как нет абсолютно одинаковых уголовных дел, так нет и абсолютно одинаковых действий и решений правоприменителей и участвующих в данных делах лиц. Личностный уровень проявляется в особенностях, присущих конкретному участнику процесса. На эффективность деятельности лица влияют состояние его здоровья, возраст, его должностное и процессуальное положение, образование, знание языка судопроизводства, задачи, которые он перед собой поставил, его жизненные установки, отношение к содеянному и т. д.

В рамках любого обозначенного нами уровня средства, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, могут быть также классифицированы. В первую очередь следует указать на то, что все средства, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, в зависимости от их содержания можно подразделить на **правовые и неправовые**. К неправовым средствам мы можем отнести, например, общий уровень культуры населения страны и уровень общественного правосознания, от которых зависят полноценная реализация правовых средств, особенности экономической и политической жизни в стране, степень влияния международных нормативных правовых актов на уровень законотворческой и правоприменительной деятельности и т. д. Решение данных вопросов зависит от государственной уголовной политики, которая может корректироваться, меняться.

Средства, оказывающие влияние на эффективность уголовно-процессуальной деятельности, в зависимости от ожидаемого результата могут быть также разделены на две группы, первую из которых представляют **средства, оказывающие положительное влияние на эффективность деятельности** в рамках уголовного процесса, обеспечивающие эту эффективность, повышающие её уровень (к таким средствам мы относим процессуальные гарантии, меры поощрения, применение информационных технологий и т. д.). Вторая группа средств, наоборот, **оказывает негативное влияние на эффективность**

процессуальной деятельности, выступает препятствием к её достижению, не позволяет достигнуть необходимого уровня. Такое негативное воздействие на процессуальную деятельность оказывают ошибки, допускаемые правоприменителями, злоупотребления участниками процесса своими субъективными правами, несовершенство закона и пр. При этом следует полагать, что такая классификация больше носит ориентирующий характер, и четко разделить данные группы не всегда представляется возможным, поскольку в одних случаях и при определенных обстоятельствах правовые средства могут по-разному влиять на уровень эффективности в уголовно-процессуальной деятельности или перетекать из одной группы в другую. Это облегчает и экономит силы и средства, но одновременно создает новые трудности.

Примерами могут служить такие процессуальные формы, как дознание в сокращенной форме и особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. При использовании указанных форм эффективность обеспечивается, в том числе, и в связи с сокращением времени на производство. Но сотрудники правоохранительных органов утрачивают стремление к выявлению и установлению действительных обстоятельств по делам, расследуемым и рассматриваемым в таком порядке, предпочитая более быстрый способ разрешения уголовного дела.

Средства, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, находятся под влиянием множества факторов – как внешних, так и внутренних. В зависимости от этого и сами эти средства могут подразделяться на **внешние и внутренние**.

К внешним средствам, влияющим на уровень эффективности, можно отнести уголовно-процессуальное законодательство и складывающуюся следственную и судебную практику в зарубежных государствах, которая как прямо, так и опосредованно оказывает влияние на правовую деятельность в России, а также на объем, средства и способы решения социальных задач государством в определенный промежуток времени. Например, выбор такого приоритетного направления деятельности правоохранительных органов, как гуманизация, которая

охватывает и уголовный, и уголовно-процессуальный закон, и складывающуюся следственную и судебную практику, потребовал серьезных корректировок средств, обеспечивающих уголовно-процессуальную деятельность. Ярким примером внешнего правового средства, оказывающего влияние на обеспечение эффективной уголовно-процессуальной деятельности, выступает практика ЕСПЧ, в решениях которого с учетом правовых позиций Конвенции о защите прав человека и основных свобод указываются ошибки и нарушения, допускаемые следственными и судебными органами России.

Внутренние правовые средства – это те инструменты, которые характерны именно для России и выбор из которых, по мнению законодателя, целесообразен с учетом внутренних российских реалий, возможностей и особенностей.

Классифицировать средства, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, можно также по следующим параметрам:

– по значимости решения поставленных задач средства можно подразделить на основные и вспомогательные. Основные средства нацелены и обеспечивают решение основных задач процессуальной деятельности. Основные средства процессуальной деятельности – это, безусловно, следственные действия, позволяющие получать доказательственную базу. Вспомогательные средства не нацелены на получение доказательств, но их применение обеспечивает возможность совершения следственных действий. К таким вспомогательным средствам можно отнести, например, процессуальные действия, в частности, наложение ареста на имущество в случае заявления гражданского иска потерпевшим;

– по способу реализации средства подразделяются на статичные и динамичные. К статичным средствам, влияющим на эффективную уголовно-процессуальную деятельность, можно отнести нормы права, решения, документы, письменно оформленные указания руководителей. Динамичные средства – это, по сути, сама осуществляемая деятельность, т. е. те действия, которые совершают должностные лица;

– по сфере распространения можно выделить межотраслевые и отраслевые средства эффективной процессуальной деятельности. Межотраслевые средства применяются в процессуальной деятельности, осуществляемой во всех отраслях права (в качестве примера можно привести такие средства, как жалобы, ходатайства, заявления и пр.), а только к уголовно-процессуальным средствам могут быть отнесены меры пресечения, не применяемые в процессуальных отношениях в иных отраслях права;

– по отношению к участникам уголовно-процессуальных правоотношений можно выделить несколько вариантов (правовые средства, применяемые в ходе процессуальной деятельности с участием несовершеннолетних лиц; с участием лиц, в отношении которых разрешается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера; лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, либо лиц, подавших апелляционные или кассационные жалобы на приговор суда);

– в зависимости от области применения средства, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, можно подразделить на: средства, применяемые в рамках стадии предварительного расследования; средства, применяемые в судебных стадиях процесса; средства, применяемые на стадии исполнения приговора;

– в зависимости от своей направленности правовые средства, применяемые в эффективной уголовно-процессуальной деятельности, могут быть классифицированные на правовые средства, обеспечивающие: реализацию прав и защиту участников процесса; собирание и проверку доказательств; выполняющие контрольные функции в проверочных стадиях процесса; обеспечивающие правопорядок, ход предварительного расследования и судебного разбирательства и т. д.

Предложенные классификации предоставляют возможность выявления юридически значимой характеристики эффективной уголовно-процессуальной деятельности, облегчают понимание этого феномена и имеют значение для

наиболее полного исследования особенностей осуществления данной деятельности в уголовном процессе.

ГЛАВА 3. НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДОСТИЖЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, И МЕРЫ ПО ИХ ПРЕОДОЛЕНИЮ

§ 1. Ошибки участников уголовно-процессуальной деятельности, снижающие ее эффективность, и меры по их минимизации

Обобщение материалов судебной и следственной практики позволяет сделать однозначный вывод, что при производстве по уголовным делам должностными лицами допускается большое количество ошибок, и это не позволяет признать указанную деятельность эффективной, поскольку ошибаться – значит поступать, оценивать кого-нибудь, что-нибудь неправильно¹.

Следует полагать, что эффективная деятельность – это деятельность, направленная на достижение поставленной цели и решение промежуточных задач, осуществляемая строго в рамках закона и в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями справедливости, качества, доступности, объективности, экономичности, своевременности, достаточности и результативности. Отступление от указанных требований следует рассматривать либо как ошибки, допускаемые участниками процесса, либо как правонарушения, либо как случаи злоупотребления правом.

Ошибки возможны в любой деятельности, и уголовно-процессуальная деятельность исключением не является. Более того, в уголовном судопроизводстве законодатель презюмировал их наличие, разработав специальный порядок перехода от одной стадии в другую с возможностью проверки действий и решений, принятых на предыдущей стадии, а также создав специальные проверочные стадии, нацеленные на выявление ошибочных решений судов и их исправление (устранение выявленных ошибок).

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21 изд., перераб. и дополн. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 486.

Нарушения в уголовно-процессуальной деятельности возможны как на досудебных, так и на судебных стадиях. Отчитываясь в апреле 2019 г. перед Советом Федерации Федерального Собрания РФ о работе прокуратуры в 2018 г., будучи Генеральным прокурором Российской Федерации, Ю.А. Чайка подчеркивал, что «...в минувшем году количество нарушений законодательства, допущенных следователями всех ведомств, вновь увеличилось почти на 6 %. А за последние десять лет произошел их рост в 2,5 раза (с 537 тыс. в 2009 году до 1 млн. 300 тыс. в 2018 году)...»¹, а всего за 2020 г. прокуратурой было выявлено нарушений более 5 миллионов². В своем докладе Совету Федерации Федерального Собрания 18 июня 2020 г. Генеральный прокурор РФ И.В. Краснов указал, что «...число выявленных нарушений в работе органов предварительного расследования остается значительным (1,5 млн)»³. Такое состояние законности оказывает серьезное негативное влияние на общие результаты работы органов, осуществляющих предварительное расследование, и судов, рассматривающих уголовные дела.

На ежегодном совещании судей 12 февраля 2020 г. Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев обратил внимание присутствующих на то, что суды в 2019 г. при рассмотрении уголовных дел в общем порядке прекратили 31 % уголовных дел в отношении 117 тыс. лиц, а при соблюдении процедуры особого порядка – прекращено уголовных дел в отношении 74 тыс. обвиняемых, или 16 % лиц. В кассационном и апелляционном порядке отменены обвинительные приговоры в отношении 6 тыс. лиц.⁴ Данная тенденция

¹ Нагрузка на следователей сократилась, а число их нарушений выросло – Чайка // [Электронный ресурс] URL: <https://vmeste-rf.tv/news/the-load-of-the-investigators-dropped-and-the-number-of-violations-rose-gull/> (дата обращения: 03.06.2019).

² Портал правовой статистики // [Электронный ресурс] URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 03.06.2021).

³ Доклад Генерального прокурора в Совете Федерации // [Электронный ресурс] URL: <https://ndelo.ru/novosti/doklad-generalnogo-prokurora-v-sovete-federacii> (дата обращения: 19.03.2021).

⁴ Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (г. Москва, 11 февраля 2020 г.) // [Электронный ресурс] URL: http://www.supcourt.ru/press_center/video_archive/28761/ (дата обращения: 03.06.2021).

сохранилась и в 2020 г. Выступая с отчетом 9 февраля 2021 г., В.М. Лебедев указал, что количество лиц, в отношении которых было прекращено уголовное преследование, увеличилось до 25 %. В апелляционной и кассационной инстанциях решения судов были отменены в отношении 8 тыс. 300 лиц¹. Указанные данные свидетельствуют о серьезных проблемах, в том числе связанных с ошибками и нарушениями, допускаемыми в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. В опубликованных данных деятельности правоохранительных органов по Челябинской области указывается, что за 2019 г. судами были вынесены частные определения по 104 делам в связи с нарушениями закона органами дознания и предварительного следствия, а прокуратурой Челябинской области за 2019 г. при осуществлении надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства было выявлено 47 966 нарушений закона, отменено постановления об отказе в возбуждении уголовных дел – 8 560, поставлено на учет по инициативе прокурора преступлений, ранее известных, но по разным причинам не учтенных – 1 695, внесено представлений и информации об устранении нарушений – 1 522, привлечено лиц к дисциплинарной ответственности по мерам прокурорского реагирования – 4 342. Данные цифры показывают не только качественную работу прокуратуры, но и то количество нарушений, которые допускают сотрудники в ходе дознания и предварительного следствия.

Очевидно, следует полагать, что существуют не только выявленные, но и латентные ошибки и правонарушения по тем решениям, которые не были обжалованы участниками уголовного судопроизводства, ввиду чего они не прошли процедуру проверки, либо когда ошибки не были выявлены в проверочных стадиях процесса. По таким уголовным делам не было достигнуто назначение уголовного судопроизводства, нарушенные права и законные интересы вовлеченных в процесс лиц не были защищены. Поэтому ошибки, допускаемые в ходе уголовного судопроизводства, оказывают серьезное негативное влияние на эффективность

¹ Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (г. Москва, 11 февраля 2020 г.) // [Электронный ресурс] URL: http://www.supcourt.ru/press_center/video_archive/28761/ (дата обращения: 03.06.2021).

данной деятельности, подрывают авторитет как конкретных должностных лиц, осуществляющих указанную деятельность, так и всей правоохранительной и судебной системы государства в целом.

Надо отметить, что в настоящее время общество все более нетерпимо относится к неправосудным решениям следственных и судебных органов независимо от причин их появления. Поэтому установление природы различных нарушений, допускаемых в уголовном судопроизводстве его участниками, имеет важное не только теоретическое, но и практическое значение, ведь это позволяет и выявлять, и устранять причины их появления в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на то, что законодатель не использует в тексте уголовно-процессуального закона термин «ошибка», ученые достаточно часто оперируют данной терминологией применительно именно к причинам вынесения незаконных, необоснованных решений.

Проблемам, связанным с таким явлением в уголовном судопроизводстве, как «ошибка» следователя, прокурора, суда, адвоката, дознавателя, эксперта, в науке уделялось достаточно внимания. Еще в 70-80 годы прошлого века проводились фундаментальные исследования группами ученых Института государства и права Академии наук РФ под руководством И.Л. Петрухина.

К сожалению, следует признать, что в доктрине не выработано устойчивой общепризнанной дефиниции данного понятия. Более того, некоторые ученые отказывались относить понятие «ошибка» к юридическим категориям. Например, З.Ф. Коврига в отношении такой категории, как «ошибка», писала, что «едва ли имеет смысл вместо существующего традиционного понятия «правонарушение» вводить новые дефиниции, которые вряд ли окажутся более качественными и проясняющими суть вопроса»¹. Данного мнения придерживаются А.А. Васяев и С.Б. Поляков², по сути отказавшись от использования понятия «ошибка» в уголовно-процессуальной науке. Полагаем, что такой подход нельзя признать

¹ Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 58.

² Васяев А.А. Ошибки или нарушения уголовно-процессуального закона? // Адвокат. 2010. № 4. С. 9; Поляков С.Б. Отличие судебной ошибки от правонарушения судьи // Адвокат. 2010. № 5. С. 5.

конструктивным, ведь понятия «правонарушение» и «ошибка» – это не синонимы. Эти понятия обладают различным содержанием и в уголовном судопроизводстве порождают различные последствия.

С.Г. Ольков также не признавал термин «ошибка» и не считал возможным использование его в уголовно-процессуальной деятельности. По его мнению, всегда следует оперировать термином «уголовно-процессуальное правонарушение», так как ошибка – не нарушение закона, не действие или бездействие, а отношение субъекта к объекту, которое должно определяться через категорию вины¹. С таким подходом к рассматриваемому нами понятию согласиться нельзя. Во-первых, ошибочные действия и решения могут приниматься в связи с добросовестным заблуждением, которое не предполагает наличие вины. Во-вторых, ошибка может выражаться и, как правило, выражается именно в действиях и решениях в том случае, если субъект правоотношений, например, следователь, неправильно понимает или неверно толкует норму закона, либо неправильно воспринимает ситуацию и поэтому неправильно ее оценивает. Как результат, его действия и решения, в которые они объективируются, могут быть признаны ошибочными.

В качестве примера можно привести следующее уголовное дело.

Группа лиц обвинялась в хулиганских действиях, а гр-ну Р. было предъявлено также обвинение в совершении грабежа, открытого похищения норковой шапки, принадлежащей участвовавшему в драке гр-ну Ш. Обвиняемый Р. не признал себя виновным в совершении открытого похищения имущества гр-на Ш. и на допросе показал, что действительно принимал участие в драке 29 декабря около ресторана «Колос». После того как раздались крики «шухер» и «менты», он прекратил наносить удары, оглянулся, увидел подъезжавшую полицейскую машину и, схватив с земли свою коричневую шапку из меха норки, побежал за угол здания, а затем пошел домой. О том, что шапка не его, он узнал только на следующий день, когда за ним приехали сотрудники полиции и изъяли эту шапку, тогда-то он

¹ Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1994. С. 18-19.

ее хорошо и рассмотрел. Он согласен, что это не его шапка, так как она ему немного великовата, а его сидела на голове достаточно плотно, кроме того, у него шапка практически новая, он приобрел ее и носил чуть более месяца, а в изъятой шапке были потёртости, свидетельствующие, что ее носили не менее года или дольше. Его шапка слетела с головы во время драки, он не желал грабить Ш. Убегая, в спешке он принял чужую шапку за свою, так как внешне они похожи, одного цвета и одного фасона. Если бы у него было время разглядеть, какую шапку он поднял со снега, он бы сразу понял, что это чужая шапка, не стал бы ее брать, а стал бы искать свою. Свидетели-очевидцы показали, что видели, как, убегая, Р. схватил с земли какую-то шапку. Допрошенный гр-н Ш. показал, что до начала драки у Р. на голове была меховая шапка из меха норки, похожая на его шапку, его же шапка потерялась во время драки, кто ее забрал, он не видел. Судом по данному преступлению Р. был оправдан¹.

В науке можно встретить различные предложения относительно дефиниции понятия «ошибка в уголовном судопроизводстве». Коллектив сотрудников НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной Прокуратуры РФ, разрабатывая под руководством А.Д. Бойкова и А.Б. Соловьева указанную дефиницию, под ошибками в уголовно-процессуальной деятельности понимал незаконные и необоснованные действия следователя, которые, по его ошибочному мнению, являлись правомерными и направленными на обеспечение задач уголовного судопроизводства². А.Б. Соловьев, М.Е. Токарева и А.Г. Халиуллин считают ошибкой «неправильные действия или бездействия следователя, выразившиеся в односторонности и неполноте исследования обстоятельств дела, существенном нарушении уголовно-процессуального закона, неправильном применении уголовного закона, повлекшие за собой принятие следователем неправильного итогового решения, незаконность и необоснованность которого были констатированы в соответствующем процессуальном акте прокурором либо

¹ Уголовное дело № 1-87/2019 // Архив Ленинского районного суда г. Челябинска за 2019 г.

² Воскресенский В.В., Исаенко В.Н., Исмакаев Л.П., Лазарева В.А., Леви А.А., Махов В.Н., Радутная Е.С., Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Шефер С.А. Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия: методич. пособие. М., 1991. С. 7-8.

судом»¹. Но данное определение сложно принять, поскольку в нем авторы пытались указать на конкретные обстоятельства, позволяющие признать ошибочными действия и решения следователя. Судебная практика многообразнее и предполагает намного больше ситуаций, оцениваемых как ошибки следствия.

В.И. Власов полагает, что следственные ошибки – это любые непреднамеренные нарушения закона, недостатки и упущения, допущенные при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел, всякая неправильность в процессуальной деятельности, в том числе и мыслительном процессе компетентного лица – носителя соответствующих прав и обязанностей². Соглашается с таким определением и Д.С. Сазин, считая, что ошибки государственного обвинителя – это нарушение положений уголовно-процессуального закона, выразившееся в неисполнении либо ненадлежащем исполнении его требований и затрудняющее достижение назначения уголовного судопроизводства³. А.М. Баранов сформулировал следующее понятие процессуальной ошибки на предварительном следствии: это – непреднамеренное нарушение процессуального закона, выразившееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении его требований следователем либо иным процессуальным органом и признанное таковым компетентным субъектом в соответствующем нормативном правовом акте⁴.

По своей сути данные определения вызывают возражения, поскольку ошибочные действия следователя могут быть вполне законными, хотя можно согласиться с тем, что ошибкой может быть только непреднамеренное нарушение закона, которое выражено в его неправильном понимании, неправильном толковании.

¹ Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халимуллин А.Г. Следственные ошибки, их причины и пути устранения на предварительном следствии и в суде // Вопросы борьбы с преступностью. 1988. № 46. С. 182.

² Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов, 1988. С. 14-15.

³ Сазин Д.С. Ошибки государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 8.

⁴ Баранов А.М. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия и способы их устранения: лекция. Омск, 1996. С. 11.

Р.С. Белкин, определяя сущность ошибки, указывает, что «именно добросовестное заблуждение отличает ошибку в судопроизводстве от профессиональных упущений, нарушений, должностных проступков и даже преступлений против правосудия. Всякое заведомо неправильное действие, суждение, нарушение установленных норм закона не является ошибкой и требует иного нежели на ошибку реагирования...»¹. Мы согласны с тем, что любые умышленные действия и принятые в их результате решения не могут быть признаны ошибками, а должны рассматриваться в качестве деяний, за которые должна наступить соответствующая ответственность (уголовная, дисциплинарная, административная). И еще раз следует отметить, что процессуальная ошибка всегда выражается в действии или бездействии. Даже если этому действию предшествует долгая и бурная мыслительная деятельность, но если она не будет выражена в конкретных действиях или бездействиях, то признать это процессуальной ошибкой оснований не будет.

Более правильно, на наш взгляд, подходит к понятию «ошибка» Н.Л. Гранат, который предлагает следующее определение: это – «...погрешность, неправильность, неверность, промах или действие, не приводящее к достижению поставленной цели. При этом предполагается, что искажение в познании или отклонение от цели допущены не преднамеренно, т.е. являются результатом добросовестного заблуждения... В качестве общего правила, на основе которого неправильные действия следователя должны считаться ошибкой, следует назвать отсутствие вины в тех ее классических формах, которые известны в теории права»². В данном определении смущает только утверждение, что ошибкой может быть и «действие, не приводящее к достижению поставленной цели». Действия, не приводящие к цели, могут быть абсолютно правильными, такими, которые нельзя признать ошибкой, а причины того, что цель даже при правильных действиях не достигается, могут быть различными. И, кроме того, чрезмерно многословное

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 166.

² Гранат Н.Л. Следственные ошибки понятие, виды и причины // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. М., 1983. № 76. С. 57.

понятие сложно в применении, поэтому вряд ли будет принято юридической общественностью.

А.А. Ширванов полагает, что под ошибкой в уголовном судопроизводстве следует понимать формально не противоречащее нормам уголовно-процессуального права деяние, совершенное в результате добросовестного заблуждения субъектом уголовно-процессуальных правоотношений в форме действия или бездействия на любой стадии уголовного судопроизводства, которое путем лишения либо ограничения гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства или иным путем повлияло на законность, обоснованность или справедливость принимаемого по делу решения¹. В данном определении обращает на себя внимание только законченность последствий совершения ошибки, на которую указывает автор: «...или иным путем повлияло на законность, обоснованность...» (цитата), но допущенные на предварительном следствии ошибки не всегда влияют и на окончательные решения, принимаемые следователем, и на решения, принимаемые судом. Их выявляют, устраняют, исправляют, но при этом допущенная ошибка остается таковой и влияет на эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Такое же замечание можно высказать и в отношении авторских определений Г.А. Зорина и З.Ф. Ковриги.

По определению Г.А. Зорина следственная ошибка – это недостижение следователем запланированного результата вследствие избрания неадекватных форм деятельности при восприятии информации и ее переработке, оценке следственной ситуации и принятии решений, реализации принятых решений². Сходную мысль высказала и З.Ф. Коврига, которая считала, что следственная и судебная ошибка – это мера или действие, не приводящее к достижению поставленной цели, принятие неверного решения в уголовном судопроизводстве.

¹ Ширванов А.А. Понятие ошибки в уголовном судопроизводстве и ее отличие от правонарушения // Российский следователь. 2005. № 7. С. 8-12.

² Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. С. 285.

Она полагала, что судебная и следственная ошибка – это непреднамеренное искажение познания объективной действительности¹.

Полагаем, что и при совершении определенного рода ошибок результат может быть достигнут, и допущенная ошибка на это не повлияет.

Например, в ходе судебного разбирательства судья обратил внимание, что в зале присутствует несовершеннолетний, как оказалось тринадцатилетний брат подсудимого, присутствие которого при разбирательстве обстоятельств преступной деятельности было явно нежелательным. Было установлено, что несовершеннолетний находился в зале суда на протяжении всего судебного заседания, которое продолжалось 5 дней, и только на 6-й день рассмотрения был удален. Со стороны судьи была допущена ошибка из-за его невнимательности, заключающейся в том, что он не проверил, кто находится в зале суда среди присутствующих, т. е. было нарушено требование ч. 6 ст. 241 УПК РФ².

Поэтому правы ученые, подразделяющие ошибки, допускаемые участниками уголовного судопроизводства, на существенные и несущественные³, которые, как в нашем примере, на рассмотрение уголовного дела и окончательное решение влияния не оказали, но могли оказать негативное психологическое воздействие на присутствующего в зале суда подростка.

В предлагаемых авторами вариантах не всегда учитываются либо раскрываются все признаки, в полной мере характеризующие данное понятие.

Во-первых, это непреднамеренность лиц, допустивших ошибку в своих действиях либо бездействии. На добросовестное заблуждение совершенно правильно обращали внимание Р.С. Белкин, Н.Л. Гранат, А.А. Ширванов. Исследуя этимологию слова «ошибка», ученые указали, что данный термин не юридический, он заимствован из математической статистики и означает просчет, погрешность, промах, отклонение результатов измерений от истинных значений измеряемых

¹ Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 143.

² Уголовное дело № 1-134/2019 // Архив Металлургического районного суда г. Челябинска за 2019 г.

³ Федотов И.С. К вопросу об ошибках в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 56-59.

величин¹. Уже это собственно и предопределяет отсутствие вины у лиц, ее допустивших, и не позволяет признавать ошибку результатом преднамеренного действия либо решения. Ошибка – это недомыслие, заблуждение.

В научной литературе ученые высказывали мысль, что ошибками необходимо считать вместо непреднамеренного заблуждения – добросовестное заблуждение². Не можем с данным утверждением согласиться, поскольку оба выражения – «непреднамеренное заблуждение» и «добросовестное заблуждение» – означают неумышленное искажение фактов³.

Во-вторых, ошибка в уголовно-процессуальной деятельности – это всегда неправильное действие или бездействие, которое влечет очевидно неправильные результаты (неправильное промежуточное либо окончательное решение). Неправильными данные действия или бездействия могут быть по отношению как к уголовно-процессуальному, так и к уголовному закону и выражаться в нарушениях норм. Однако ошибки по своей силе и значимости могут быть разными: теми, которые влияют на окончательное решение по уголовному делу на законность, обоснованность и справедливость приговора, и такими, которые на качество приговора не влияют, но требуют выявления и исправления по чисто формальным основаниям.

В-третьих, как мы уже обращали внимание, ошибка – это результат неправильных, непреднамеренных действий или бездействия должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, который проявляется в промежуточном либо окончательном решении. З.Ф. Коврига также полагала, что следственная и судебная ошибка «может быть допущена только государственными органами и должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, ответственными за его законность и обоснованность и

¹ Анашкин Г.З., Петрухин И.Л. Эффективность правосудия и судебные ошибки // Сов. государство и право. 1968. № 8. С. 59.

² Аубакирова А.А. Следственные ошибки при формировании внутреннего убеждения: монография. Алматы: Центр деловой книги «Глобус», 2009. С. 87.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21 изд., перераб. и дополн. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 172, 200, 578.

обеспечивающими права других участников процесса»¹. В целом соглашаясь с таким выводом ученого, хотелось только добавить, что на деятельность и ее результат в уголовном судопроизводстве оказывают влияние не только собственно ошибки самих должностных лиц, осуществляющих производство (судей, следователей, дознавателей), но и ошибки иных участников процесса, которые производство не осуществляют, а только участвуют в нем (например, эксперт, специалист). Ошибки, допускаемые иными участниками, также могут влиять на ход процесса, если они не выявлены должностными лицами и своевременно не устранены их негативные для хода предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела последствия. Например, ошибка свидетеля, дающего не соответствующие действительности показания, выявляется в ходе оценки всей доказательственной базы, собранной по расследуемому уголовному делу, и если этого не случается, то, очевидно, соответствующую ошибку допустило должностное лицо, ведущее расследование. Ошибки, допущенные экспертом при составлении заключения, не выявленные и не устраненные следователем, а затем судом, могут повлечь ошибочные и промежуточные решения по данному делу, и окончательное решение. Это, бесспорно, будет экспертная ошибка, но одновременно и ошибка следователя или судьи, которые, проверяя и оценивая заключение эксперта как доказательство, не выявили ее и не предприняли мер для ее исправления.

В-четвертых, совершенная и своевременно не устраненная на досудебных стадиях процесса следственная либо экспертная ошибка может трансформироваться в судебную, оказывая негативное влияние на окончательный результат по уголовному делу.

И последнее: ошибками могут быть признаны действия либо бездействие, зафиксированные в специальном процессуальном акте должностным лицом. Это могут быть как постановления руководителя следственного органа, осуществляющего ведомственный процессуальный контроль за деятельностью и

¹ Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984. С. 59.

принимаемыми решениями следователя, постановления надзирающего за следствием прокурора либо постановления, определения суда.

Таким образом, учитывая указанные признаки ошибки, совершенной должностными лицами в период процессуальной деятельности, можно сформулировать следующую дефиницию данного понятия, но применительно к эффективной уголовно-процессуальной деятельности. **Ошибка, допускаемая участниками уголовного судопроизводства**, – это неправильные или необоснованно совершаемые действия либо бездействие участвующего в уголовном судопроизводстве лица, непреднамеренно им совершаемые, зафиксированные в соответствующем процессуальном акте, не позволяющие признать уголовно-процессуальную деятельность эффективной, а также влияющие на законность, обоснованность и справедливость принимаемых решений.

В доктрине можно встретить различные предложения, которые касаются классификации следственных и судебных ошибок, встречающихся в уголовном судопроизводстве. Этому вопросу уделяли внимание многие ученые: Р.С. Белкин, В.И. Власов, В.В. Золотых, А.Д. Назаров, И.В. Посохина, С.А. Пашин, Э.В. Казгериева, Г.А. Зорин, О.А. Сычева и др.¹ Вопрос классификации следственных и судебных ошибок не охватывается предметом нашего исследования, но, рассматривая влияние ошибок на эффективность деятельности, необходимо обратиться к вопросу о причинах их появления.

Причины появления ошибок при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности можно разделить на процессуальные, которые допускаются непосредственно в период осуществления процессуальной деятельности, и

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Норма-Инфа, 2001. С. 117; Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов. 1988. С. 62, 92; Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. М., 1999. С. 264-295; Назаров А.Д. Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве и ее причины: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. С. 27-34; Посохина И.В. К вопросу о классификации судебных ошибок // КриминалистЪ. 2011. № 1 (8). С. 89-95; Пашин С.А. Проблема судебной ошибки // Юридическая психология. 2007. № 2. С. 42-47; Казгериева Э.В. Классификация судебных ошибок // Мировой судья. 2006. № 8. С. 2-6; Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000. С. 108; Сычева О.А. Судебная ошибка в уголовном судопроизводстве // Симбирский научный вестник. 2013. № 1 (11). С. 104-108.

непроцессуальные, допущенные как до начала процессуальной деятельности, так и в её период, но за пределами её осуществления. Изучение материалов уголовных дел и опрос сотрудников правоохранительных органов позволил выявить связь между совершением ошибок на раннем, еще не процессуальном, уровне и неэффективной в последующем уголовно-процессуальной деятельностью. Например, необоснованно выдвинутая версия, занявшая приоритетную позицию у следователя и не оправдавшая себя в последующем, повлияет или может повлиять на своевременность проведения каких-либо следственных действий, возможно и на их качество, поскольку может уже не остаться времени для их тщательной подготовки, а также бесспорно повлияет на экономичность и результативность деятельности. К непроцессуальным причинам появления ошибок в деятельности должностных лиц можно отнести отсутствие научно разработанных нормативов количества уголовных дел, которые могут одновременно находиться в производстве одного следователя, с учетом их сложности (множества деяний, наличия нескольких фигурантов, противодействия, оказываемого подозреваемыми, обвиняемыми, и т. д.), соблюдение которых целесообразно для избежания либо уменьшения допусаемых ошибок, поскольку существующий в настоящее время порядок распределения уголовных дел вряд ли можно назвать оптимальным, а чрезмерные перегрузки вызывают усталость, невнимательность, нервное перенапряжение и в целом ускоряют профессиональную деформацию сотрудника. Появлению ошибок в работе следователя способствует отсутствие надлежаще созданных условий для работы (например, работа в помещении, где одновременно работают еще несколько человек), неправильно выстроенные взаимоотношения структурных подразделений правоохранительных органов и организаций, тесно сотрудничающих со следственным аппаратом, недоработки законодателя, в результате которых в уголовно-процессуальном законе возникают пробелы, неопределенность, разночтение норм, что создает благодатную почву для появления ошибок. Можно выделить и причины, связанные с личностью участника процесса, например, низкий уровень подготовки следователя к выполнению своих обязанностей, отсутствие или недостаточность необходимых для данной работы

моральных, нравственных качеств. Незнание либо недостаточное знание как уголовного, так и уголовно-процессуального законов и основ их применения, приводит к нарушению таких требований эффективной деятельности, как законность, справедливость, качество, доступность, объективность осуществления процессуальных действий.

Изучение материалов уголовного дела по обвинению несовершеннолетнего Т. позволило выявить нарушение требований ч. 1 ст. 425 УПК РФ о том, что допрос несовершеннолетнего не может продолжаться без перерыва более 2 часов и в общей сложности не более 4 часов в день. По времени, указанном в протоколе данного следственного действия, допрос непрерывно продолжался с 11:20 до 13:55, т. е. 2 часа 35 минут. Такие часто встречающиеся нарушения требований закона следователи объясняли нецелесообразностью прерывания допроса в интересах следствия, особенно тогда, когда допрашиваемый начал давать признательные показания¹.

Однако интересами следствия нельзя объяснить все нарушения, допускаемые следователями, например, когда следователь определяет стоимость похищенного имущества не на момент совершения преступления, как того требует Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»², а на момент его приобретения, приобщая к материалам уголовного дела счета и кассовые чеки пятилетней давности³.

Даже самые незначительные ошибки могут так либо иначе влиять на эффективность уголовно-процессуальной деятельности, поскольку потребуются их исправлять, на что будут затрачены время, дополнительные усилия и пр.

Ошибки, допущенные непосредственно в ходе осуществления самой уголовно-процессуальной деятельности, также влияют на ее эффективность,

¹ Уголовное дело № 1-13/2016 // Архив Правобережного районного суда г. Магнитогорска за 2016 г.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. 11 декабря.

³ Уголовное дело № 1-65/2019 // Архив Курчатовского районного суда г. Челябинска за 2019 г.

причем даже в том случае, если они и их последствия устранимы. К таким ошибкам в своем абсолютном большинстве можно отнести неправильную, «завышенную» квалификацию действий обвиняемого. Проведенное изучение уголовных дел показало, что в более чем в 70 % случаев (71,2 %) квалификация действий обвиняемого меняется в суде на другой, менее тяжкий состав. Указанные результаты практически совпадают с результатами, полученными другими исследователями.¹ Подобная неправильная, «завышенная» квалификация ставит под сомнение эффективность уголовно-процессуальной деятельности, поскольку оказывает негативное влияние на такие ее критерии, как справедливость и объективность.

Расследуя уголовное дело по факту причинения смерти малолетнему А., следователь квалифицировал действия его отца, гр-на А., по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Гр-н А. свою вину в предъявленном обвинении не признал, указывая на то, что не хотел причинять смерть либо тяжкие телесные повреждения своему 2-летнему сыну. В суде было установлено, что родители малолетнего А., находясь около металлического гаража, ссорились, и в ходе ссоры отец стал вырывать из рук матери ребенка, при этом ребенок ударился головкой об острый угол металлического гаража, получив телесные повреждения, не совместимые с жизнью. Материалами уголовного дела было подтверждено, что обвиняемый надлежащим образом выполнял свои родительские обязанности, с любовью и заботой относился к ребенку. В судебном заседании сторона защиты выдвинула версию о причинении смерти ребенку по неосторожности и предложила переквалифицировать действия гр-на А. на ч. 1 ст. 109 УК РФ. Суд первой инстанции не согласился с данным предложением, и только кассационная инстанция изменила приговор².

¹ Назаров А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса: учебное пособие. Красноярск: Красноярский гос. ун-т., 2000. С. 81.

² Уголовное дело № 1-256/2019 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска за 2019 г.

При анализе такого критерия эффективности, как достаточность, ошибкой может быть излишний объем доказательств, полученных следователем при расследовании преступного деяния.

В качестве примера можно привести уголовное дело по обвинению О., который в драке, случившейся на проводах в армии, причинил здоровью потерпевшему К. тяжкий вред, не совместимый с жизнью, нанеся удар ему по голове с достаточной силой доской толщиной 40 мм. На проводах присутствовало много молодых людей, на глазах которых этот удар и был нанесен. Следователь допросил всех присутствующих, более 30 человек, и всех их указал в обвинительном заключении как лиц, которых целесообразно вызвать в суд для дачи показаний. Свидетели и на предварительном следствии, и в судебном заседании давали практически одинаковые, не противоречащие по ключевым моментам показания¹.

Действия и решения следователя повлекли необоснованное увеличение срока расследования (следователь обращался с постановлением о продлении срока предварительного следствия) и времени на проведение судебного заседания (это вызвало некоторое затруднение обеспечения явки свидетелей в зал суда, нарушился график работы судьи, которому пришлось переносить слушание других дел на более поздние сроки). Такое число свидетелей абсолютно не повлияло в позитивную сторону на результативность, объективность, качественность и законность действий и решений.

Количество ошибок, допускаемых органами предварительного расследования и судами, из года в год не уменьшается. Выступая на научно-практических конференциях, ученые часто приводили и продолжают приводить конкретные цифры, подтверждающие данный тезис², поэтому важно не только выявлять причины появления ошибок, но и разрабатывать способы их устранения.

Как мы полагаем, в первую очередь необходимо расширить права лиц, которые в соответствии со своими должностными полномочиями призваны

¹ Уголовное дело № 1-26/2015 // Архив Советского районного суда г. Челябинска за 2015 г.

² Судебная ошибка и ее последствия: некоторые теоретические и практические аспекты: материалы Пятой межрегиональной научно-практической конференции 3 декабря 2010 г. / отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2014. С. 6-13.

выявлять и устранять любые ошибки, нарушения закона, обеспечивать защиту прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных отношений. Это касается, например, полномочий прокуроров, надзирающих за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. В соответствии с предоставленными в настоящее время прокурору полномочиями прокурорский надзор фактически является последующим, позволяющим выявлять и устранять нарушения законности после их совершения и лишь в том случае, если в прокуратуру поступит соответствующая информация о допущенных на следствии нарушениях, либо прокурор сам обнаружит нарушения при утверждении обвинительного заключения, т. е. не в ходе расследования, а практически после его завершения. Такой подход не может обеспечивать эффективность указанной деятельности. Полномочия, предоставлявшиеся прокурору в соответствии с УПК РСФСР 1960 г., обеспечивали ему возможность не только участвовать в совершении определенных следственных действий, но и самому их проводить, давать письменные указания в ходе предварительного следствия и т. д. Это в полной мере позволяло и выявлять ошибки, допускаемые участниками досудебных стадий процесса, и сразу же их устранять. Следует согласиться с учеными и практическими работниками, которые неоднократно предлагали расширить полномочия надзирающих за следствием прокуроров.

Во-первых, целесообразно изменить порядок и расширить права прокуроров при определении законности и обоснованности решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении либо о прекращении уголовных дел, для чего требования, изложенные в постановлениях прокурора, отменяющих вынесенные постановления следователей, должны быть обязательны для исполнения.

Во-вторых, для реализации надзорных полномочий требуется расширить возможность доступа прокурора к материалам уголовного дела, расследуемого органами предварительного следствия. Для чего внести изменения в ч. 2¹ ст. 37 УПК РФ следующего содержания: «...истребовать и знакомиться с материалами

уголовных дел, находящихся в производстве органов дознания и органов предварительного следствия».

Было бы целесообразным и расширение возможности судебного контроля на стадии предварительного расследования. Действующий в настоящее время механизм участия суда в стадии предварительного расследования, в том числе обеспечивающий выявление и устранение допущенных следствием ошибок, требует совершенствования. Звучавшие неоднократно предложения о введении института следственных судей, к сожалению, так и не были услышаны законодателем, а такой подход стал бы самым продуктивным и создал полноценные условия как для выявления ошибочных решений органов предварительного расследования, так и для их устранения. Эффективным средством выявления и устранения ошибок органов предварительного расследования является возможность суда самостоятельно инициировать исследование в ходе судебного разбирательства любого возникшего в ходе судебного заседания вопроса, например, о вызове свидетеля, повторном обращении к вопросу о признании доказательств недопустимыми и т. д. Поэтому следует поддержать мнение тех ученых, высказавших предложения о предоставлении суду более широкого спектра полномочий, которые в полной мере позволили бы ему выявлять ошибки досудебного производства¹.

Безусловно, существуют и другие, не менее важные и действенные средства и способы выявления и устранения ошибок, допускаемых в уголовном судопроизводстве его участниками. Шаги в данном направлении позволят обеспечить эффективность уголовно-процессуальной деятельности, достижение назначения уголовного судопроизводства, защиту прав и законных интересов лиц, вовлеченных в его орбиту.

¹ Беккер Т.А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2017. С. 19-20.

§ 2. Уголовно-процессуальные правонарушения, снижающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности, и меры по их устранению

Категория «правонарушение» – это одно из фундаментальных понятий теории права, обладающее рядом признаков, отличающих его от других правовых категорий. В науке можно встретить разные мнения относительно признаков, отличающих правонарушение. Н.А. Власенко и А.В. Петров выделили четыре признака правонарушения. Это, во-первых, определенное психофизическое действие активного характера или пассивное поведение, когда субъект обязан совершать какие-то действия согласно требованиям норм права, но не совершает их. Во-вторых, правонарушение – это деяние противоправное, нарушающее нормы права. В-третьих, правонарушение всегда приносит какой-то вред признанным в обществе ценностям. В-четвертых, правонарушение – это деяние виновное¹.

И.В. Маштаков, подходя более детально к данному вопросу и, на наш взгляд, более правильно, выделил общие и обязательные признаки правонарушения. К общим он отнес такие признаки, которые являются достаточными для любого правонарушения. Это: 1) определенное деяние, находящееся под постоянным контролем сознания и воли человека; 2) противоправность как нарушение объективного и субъективного права; 3) вина правонарушителя; 4) общественный вред как совокупность отрицательных последствий правонарушения. Обязательные признаки характеризуют отдельные виды правонарушений, например, общественная опасность и наказуемость для уголовно-наказуемого деяния или общественная вредность для иных правонарушений².

Вместе с тем в названных позициях ученых-теоретиков отсутствует указание на такие признаки, как последствия, наступившие в результате правонарушения, и

¹ Петров А.В. Теория государства и права: учебное пособие. Челябинск, 2009. С. 131-132; Власенко Н.А. Теория государства и права: научно-практ. пособие для самостоятельной подготовки студентов всех форм обучения. М.: Юриспруденция, 2009. С. 212-213.

² Маштаков И.В. Сравнительно-правовая характеристика правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 8-9.

отражение факта совершения правонарушения в отдельном процессуальном документе. Несколько иначе признаки правонарушения определяет Ю.А. Денисов, по мнению которого к признакам, образующих в своей совокупности данное понятие, следует отнести: действие либо бездействие, виновность деяния, его противоречие нормам права, наличие юридической ответственности за его совершение¹.

Исследование аргументации ученых, предлагавших указанные дефиниции правонарушения, показало, что не совсем правильно использовать общетеоретические подходы к отраслевым понятиям, обладающим специфическими признаками, поэтому целесообразно обратиться к мнениям ученых-процессуалистов, которые исследовали именно вопросы, связанные с уголовно-процессуальными нарушениями. Следует отметить, что до настоящего времени и в уголовно-процессуальном праве единого понятия уголовно-процессуального правонарушения не выработано.

Например, по мнению Г.Н. Ветровой, которая достаточно кратко сформулировала это понятие, «процессуальное правонарушение – это действие либо бездействие субъекта судопроизводства, нарушающее процессуальную обязанность»². Но при этом автор отказалась от упоминания в дефиниции об ответственности данного субъекта, наступающей за совершение правонарушения. Е.В. Чуклова считает, что «процессуальное правонарушение – это виновно совершенное, общественно опасное деяние, совершенное деликтоспособным субъектом процессуальных отношений, за совершение которого предусмотрена процессуальная ответственность»³. По нашему мнению, данное определение содержит системную ошибку, поскольку процессуальное правонарушение может быть как общественно опасным (если совершено в форме преступления), так и просто общественно вредоносным (во всех иных случаях), но при этом мы не

¹ Денисов Ю.А. Об определении понятия правонарушения в общей теории права // Вестник Ленинградского университета. Вып. 4. Серия Экономика. Философия. Право. 1976. № 23. С. 121.

² Ветрова Г.Н. Санкции в судебном праве. М: Наука. 1991. С. 137.

³ Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 9.

относим к правонарушению безвинное поведение, хотя в науке и высказывалось мнение, что уголовно-процессуальное правонарушение это – «нарушение требований закона, совершенное в сфере уголовного судопроизводства любым его участником в форме виновного неисполнения им своих обязанностей или объективного (безвинного) поведения».¹ Кроме того, в тексте уголовно-процессуального закона не так-то легко найти норму, где бы в ее структуре четко предусматривалась процессуальная ответственность.

А.А. Ширванов высказывал мнение, что правонарушение уголовно-процессуального закона – это деяние, выразившееся в несоблюдении норм уголовно-процессуального права, совершенное субъектом уголовно-процессуальных правоотношений в форме действия либо бездействия, в любой стадии уголовного судопроизводства, причинившее вред правоприменительному процессу². В данном определении вызывает возражение утверждение, касающееся причинения вреда правоприменительному процессу. Полагаем, что не всегда правонарушение причиняет вред, и уж точно не всегда этот вред причиняется именно правоприменительному процессу. Нарушая порядок в зале суда, предупрежденный об ответственности гражданин, продолжающий нарушать, удаляется по решению суда из зала (ст. 258 УПК РФ). Вряд ли здесь можно усмотреть какой-то реальный вред, нанесенный процессу, максимум это то, что судья отвлекался от разбирательства, делая замечания и обращаясь к судебным приставам.

С.Г. Ольков разработал несколько иную и более объемную дефиницию данного понятия: «уголовно-процессуальное правонарушение – это выразившееся в нарушении норм (нормы) уголовно-процессуального права, прямо закрепленное (не просто запрещенное) в законе, виновное, общественно вредное (или общественно опасное – для преступлений) деяние деликтоспособного субъекта, влекущее меры восстановления правопорядка, ретроспективную юридическую

¹ Коврига З.Ф., Панько К.А. Генезис и правовые последствия судебной и следственной ошибки // Правовая наука и реформа юридического образования. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. С. 103.

² Ширванов А.А. Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 207.

ответственность и применение негативных юридических санкций как уголовно-процессуальной, так и иной отраслевой принадлежности. Такое правонарушение является единицей (завершенным элементом) уголовно-процессуальной правонарушаемости как социально-правового явления».¹ В данном определении вызывает возражение мнение о том, что уголовно-процессуальное правонарушение должно быть закреплено в законе. Убеждены, что невозможно перечислить в УПК РФ все возможные правонарушения, которые могут быть совершены участниками уголовно-процессуальной деятельности.

Разрабатывая свой вариант дефиниции понятия «уголовно-процессуальное правонарушение», А.А. Канифатов посчитал необходимым указать, что это – «общественно вредное и противоправное, умышленное действие (бездействие) деликтоправоспособного субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, посягающее на установленный уголовно-процессуальным законом порядок возбуждения, предварительного расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел, а также частично исполнения приговора»². Данное определение, к сожалению, не разграничивает общественно опасные правонарушения (преступления) и вредоносные правонарушения, которые к преступлениям не относятся, а также не указывает на то, что в уголовно-процессуальном праве не всегда с легкостью можно определить, какой конкретно запрет или требование нарушено, поскольку в рамках уголовно-процессуальной деятельности мы руководствуемся и конституционными положениями, и правовыми позициями Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, правилами международных нормативных правовых актов. В этом отношении более правилен подход В.С. Вепрева, который полагает, что под правонарушением в уголовно-процессуальном праве следует понимать «одну из форм противоправного поведения в сфере уголовного судопроизводства, выраженную в действии или бездействии, а также системе действий участника уголовного судопроизводства,

¹ *Ольков С.Г.* Уголовно-процессуальные правонарушения в Российском судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Тюмень, 1994. С. 167.

² *Канифатов А.А.* Защита уголовного процесса от ненормативного поведения его участников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. С. 5.

запрещенных нормами уголовно-процессуального законодательства, и нарушений требований и принципов уголовно-процессуального закона, конституционных принципов, совершаемые посредством неисполнения обязанностей или ненадлежащего их исполнения»¹, хотя упустил такие важные моменты, как наличие вины и наступление вредных последствий.

М.А. Якуньков пишет, что «...уголовно-процессуальное правонарушение, связанное с производством следственных действий – это выразившееся в нарушении норм (нормы) уголовно-процессуального права, регулирующих порядок производства следственных действий, виновное, общественно вредное (или общественно-опасное – для преступлений) деяние деликтоспособного субъекта сферы обеспечения или соблюдения законности в уголовном процессе, влекущее меры восстановления правопорядка, ретроспективной юридической ответственности и негативных санкций, как уголовно-процессуальной, так и иной отраслевой принадлежности»². Считаем такой подход чрезмерно узким, определение не раскрывает сущности возможных нарушений, ведь можно соблюдать порядок совершения следственного действия, но нарушать общие установки, например принцип языка уголовного судопроизводства.

Е.И. Скороделова разработала более полную дефиницию указанного понятия: «Существенное нарушение уголовно-процессуального закона – это выразившееся в несоблюдении норм законов и подзаконных актов нормативного правового характера, содержащих уголовно-процессуальные нормы, деяние, совершенное субъектом уголовно-процессуальных правоотношений в форме действия либо бездействия в любой стадии уголовного судопроизводства, которое путём лишения или ограничения гарантированных законом прав его участников, нарушения процессуальной формы судопроизводства или иным путём повлияло или могло повлиять на законность, обоснованность и справедливость

¹ *Вепрев В.С.* Основания уголовно-процессуальной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 147.

² *Якуньков М.А.* Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с производством следственных действий в Российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 7.

принимаемых по делу решений и повлекло применение мер восстановления правопорядка»¹. Вместе с тем представляется, что вряд ли такое объемное определение будет востребовано в научной и практической деятельности, хотя в нем и нашли отражение все ключевые моменты данного понятия.

В научной литературе можно встретить мнение, что не все умышленные, сознательно допущенные нарушения установленного законом порядка процессуальной деятельности следует признавать правонарушениями. Например, М.А. Якуньков высказал мнение, что «...если при производстве следственного действия были допущены определенные отклонения от порядка его ведения, вызванные только обеспечением требований защиты участников процесса в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством или было допущено простое нарушение криминалистических правил производства следственного действия, то их нельзя расценивать в качестве уголовно-процессуальных правонарушений, а также исключать из процесса полученные в ходе этих следственных действий доказательства»². Согласиться с таким предложением, по нашему мнению, нельзя. Во-первых, автор использует такую новую терминологию, ранее нигде не применявшуюся, как «отклонения», «простое нарушение», без раскрытия её смыслового содержания, что само по себе не вполне правильно и затрудняет понимание сформулированного им определения. Что такое «простое нарушение», означает ли такая терминология, что есть и «сложное нарушение», как и в чем их отличия? И в чем смысл этой дифференциации? Во-вторых, мы считаем, что поскольку уголовно-процессуальная деятельность представляет собой урегулированный законом порядок совершения следственных и иных процессуальных действий, то любое умышленное нарушение этого порядка недопустимо. Еще М.С. Строгович писал,

¹ Скорodelова Е.И. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и их факторы в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 87.

² Якуньков М.А. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с производством следственных действий в Российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 7.

что «...нет несущественных нарушений закона»¹ и в этом мы с ученым полностью согласны. Полагаем, что выделение законодателем существенных правонарушений применяется только к основаниям отмены либо изменениям судебных решений, но не дает участникам процесса права или возможности совершать умышленные незаконные несущественные нарушения, хотя бы потому что, и они приносят вред, затрудняют ход процессуальной деятельности, отрицательно влияют на ее эффективность.

Еще один проблемный вопрос рассматривался в доктрине уголовно-процессуального права. Это – составление перечня всех возможных правонарушений, которые могут быть допущены в уголовно-процессуальной деятельности. Сама по себе данная идея заслуживает внимания, поскольку ее реализация позволила бы правоприменителям лучше ориентироваться во всем массиве нарушений, намного упростила бы процедуру определения вида, сущности, характеристики допущенного нарушения и привнесла бы некоторую стабильность в понимание возможных негативных последствий для лиц, нарушающих установленный порядок процессуальной деятельности.

Исследуя данный вопрос, А.А. Ширванов выделил ряд типичных существенных нарушений закона и предложил все несущественные нарушения разбить на группы. По его мнению, их должно быть семь, в том числе нарушения, допускаемые при осуществлении международного сотрудничества². Соглашается с данным мнением и С.Г. Ольков, который пишет, что поскольку «...из огромного массива общественных отношений мы сумели выделить преступления, и соответственно, из более узкого набора уголовно-процессуальных правоотношений сможем вывести возможные уголовно-процессуальные правонарушения, прибегая в этом важном деле почти к тем же критериям и способам, что и при выделении в особый список преступлений»³, но при этом автор

¹ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 156.

² *Ширванов А.А.* Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 130-152.

³ *Ольков С.Г.* Уголовно-процессуальные правонарушения в Российском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. Тюмень, 1994. С. 174.

не предложил свой вариант этого списка, сославшись на иные цели и задачи диссертационного исследования.

В данных предложениях оба автора указывают только на нарушения закона, хотя при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности правоприменители руководствуются разъяснениями, рекомендациями, толкованием положений УПК РФ, которые находятся и в иных источниках, например в постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Уголовно-процессуальная деятельность настолько многообразна и зависима от всевозможных жизненных ситуаций, что составить список, в котором перечислить все возможные правонарушения, которые могут быть допущены в период ее осуществления, на наш взгляд, невозможно, а с позиции определения эффективности уголовно-процессуальной деятельности и нецелесообразно. Ситуации бывают абсолютно разные, и допускаемые нарушения могут по-разному проявляться и влиять на ход предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела. Например, С.Г. Ольков предлагает к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона отнести необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела¹, но может возникнуть ситуация, когда заявителю не откажут, а, не регистрируя его заявление, на протяжении длительного времени не будут принимать никакого решения. Такой вариант развития событий автором не предусмотрен, хотя вполне возможен.

Надо отметить, что сам законодатель не предлагает конкретного перечня всех возможных правонарушений, которые могут иметь место в ходе уголовно-процессуальной деятельности. Например, в ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ перечисляются те нарушения, которые однозначно влекут отмену либо изменение судебных решений, но данный список не окончателен и предполагает возможность его расширения, если какие-то иные нарушения, как указано в первой части данной статьи, лишают либо ограничивают права участников уголовного

¹ Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в Российском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. Тюмень, 1994. С. 176.

судопроизводства, не обеспечивают соблюдение процедуры судопроизводства или иным путем влияют либо могут влиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Мы согласны с мнением И.Я. Моисеенко, что правонарушением является и поведение в том случае, если лицо игнорирует, пренебрегает должным, легкомысленно или самонадеянно относится к требованиям, указанным в законе¹. Например, в процессе расследования уголовного дела нарушение со стороны следователя может состоять в том, что он не обеспечил участие педагога при допросе несовершеннолетнего или участие специалиста при осмотре места происшествия, если участие этих лиц было обязательным или целесообразным.

Полагаем, что более правилен иной подход к порядку выявления процессуальных правонарушений, который будет заключаться, во-первых, в четкой формулировке текста статей и положений, исключающей двусмысленности и позволяющей правоприменителям однозначно понимать позицию законодателя. Во-вторых, разработать и закрепить в уголовно-процессуальном законе признаки уголовно-процессуального правонарушения и определение данного понятия, что позволит правоприменителям легко его выявлять и соответствующим образом реагировать.

Правонарушения могут допускать любые участвующие в уголовно-процессуальной деятельности лица, и вред данными правонарушениями может быть причинен также любым лицам. Это и должностные лица, которые собственно данную деятельность осуществляют (судья, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания) и участвующие в данной деятельности лица (заявители и потерпевшие, свидетели, гражданские истцы, гражданские ответчики, их представители и законные представители, подозреваемые, обвиняемые, подсудимые и осужденные, их защитники, понятые и статисты, эксперты и специалисты, переводчики, секретари и иные лица, вовлеченные в орбиту уголовного процесса). Изучение

¹ *Моисеенко И.Я.* Ошибки в следственной и экспертной практике // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2010. № 4 (10). С. 206-212.

уголовных дел позволило прийти к выводу, что в абсолютном большинстве нарушения закона допускают должностные лица или совместно должностное лицо и лицо, участвующее в процессе, например защитник.

В качестве примера можно привести материалы уголовного дела по обвинению гр-на Е., где в протоколе судебного заседания было отражено, что защитник, работающий по соглашению, подписал протокол ознакомления с материалами уголовного дела, не встречаясь со своим доверителем и не согласовав с ним заранее этот момент. По этой причине обвиняемый не смог получить консультацию по ряду интересующих его вопросов, о чем им и было заявлено в своем выступлении в судебном заседании¹.

Правонарушения допускаются и при реализации принципов уголовного процесса. Так, Г.И. Седова указала, что на своевременность и эффективность реализации принципа обеспечения подозреваемому права на защиту влияют допущенные должностными лицами нарушения². Об этом же говорится и в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г., принятом в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова³.

В научной литературе высказывалось мнение о том, что «...в некоторых четко указанных в законе случаях (вручение копии обвинительного заключения с нарушением указанного в законе срока и др.) выяснять у осужденного (подсудимого, обвиняемого), является ли то или иное нарушение уголовно-процессуальной формы для него существенным, стесняет ли оно его права или нет. И если он не усматривает для себя стеснения его процессуальных прав, то приговор не отменять»⁴. Мы не видим оснований согласиться с подобным предложением.

¹ Уголовное дело № 1-81/2017 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска за 2017 г.

² Седова Г.И. Некоторые вопросы своевременности и эффективности реализации принципа обеспечения права на защиту // Публичное и частное право. 2019. № 4. С. 107-115.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

⁴ Москвитина Т.А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и средства их выявления, устранения и предупреждения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1997. С. 56.

Правонарушение может затрагивать не только права и законные интересы подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, но и иных лиц, например, потерпевшего, свидетеля или лица без определенного процессуального статуса, например, владельца жилого помещения, в котором проводилось следственное действие. Кроме того, правонарушение остается таковым вне зависимости от того, сильно стесняет оно права лица либо незначительно. В любом случае это – действие либо бездействие, которое влияет на установленный законом порядок осуществления процессуальной деятельности, нарушает этот порядок, и в связи с этим требуется его восстановление и оказание воздействия на лицо, допустившее это нарушение. Можно с большой долей уверенности предположить, что для непрофессионалов участие в этой деятельности не является самым приятным временем препровождения, поэтому их желание поскорее закончить всю процедуру (участие в следственных действиях, ознакомление с материалами уголовного дела, участие в судебных заседаниях, часто продолжительных) может породить не совсем объективную оценку степени ущемления своих прав и законных интересов. Полагаем также, что реализация данного предложения способна разбалансировать то единообразие и стабильность, которые присутствуют в настоящее время в уголовно-процессуальном законе, в отношении мер, принимаемых к нарушителям. Это будет проявляться таким образом, что по одному делу определенное нарушение будет основанием к отмене приговора, а по другому, при совершении аналогичного нарушения, приговор останется без изменения.

И, конечно, любое правонарушение отрицательно влияет на эффективность уголовно-процессуальной деятельности вне зависимости от того, как это нарушение воспринимает участник уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, характеризуя **уголовно-процессуальное правонарушение**, можно выделить его признаки и с их учетом сформулировать следующее определение: это – действие или бездействие любого участника уголовного судопроизводства, осуществляемые умышленно, сознательно в сфере уголовно-процессуальной деятельности, причиняющие вред и нарушающие как нормы

уголовно-процессуального права, так и требования, содержащиеся в иных нормативных правовых актах, зафиксированные в процессуальном акте и требующие применения восстановительных мер и (или) привлечения к уголовно-процессуальной ответственности виновного лица и не позволяющие признать указанную деятельность эффективной.

В науке уголовного процесса устоялось мнение, и законодатель его поддерживает, что из всего массива правонарушений можно выделить существенные нарушения, которые всегда влекут отмену либо изменение судебного решения (ст. 389¹⁵, 389¹⁷ УПК РФ)¹. Под существенным нарушением понимают «...деяние, выразившееся в несоблюдении норм (нормы) уголовно-процессуального права, совершенного субъектом уголовно-процессуальных правоотношений в форме действия либо бездействия, в любой стадии уголовного судопроизводства, которое путем лишения или ограничения гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства или иным путем повлияло или могло повлиять на законность, обоснованность и справедливость принимаемого по делу решения и повлекло применение мер восстановления правопорядка»². Законодатель в ст. 389¹⁷ УПК РФ сформулировал более краткое понятие существенных нарушений – это те нарушения, «...которые путем лишения или ограничения гарантированных настоящим Кодексом прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения».

Наличие существенных нарушений позволяет рассуждать и о возможности выделения несущественных. По мнению Л.Д. Калинкиной, «несущественные

¹ *Калинкина Л.Д.* Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и их отграничение от несущественных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1981. С. 1; *Воскобитова Л.А.* Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание к отмене приговоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 129; *Ширванов А.А.* Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 265.

² *Ширванов А.А.* Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 13.

нарушения уголовно-процессуального закона определяются как отступления органа дознания, следователя, прокурора, суда от предписаний уголовно-процессуальных норм относительно реквизитов уголовно-процессуальных актов; процедуры производства процессуальных действий; причин и условий, способствующих совершению преступления; процессуальных сроков, если они не влекут и не могут повлечь для дела существенные последствия, а также уклонение участников и иных субъектов процесса и лиц, не являющихся его субъектами, от исполнения процессуальных обязанностей»¹. Такой подход можно встретить и в научной литературе зарубежных стран. Например, Кристофер Слободжин в своей статье отмечает расширение применения доктрины «безобидных ошибок», которая позволяет избегать отмены обвинительных приговоров².

Влияние уголовно-процессуальных правонарушений вне зависимости от того, существенны они либо несущественны, на эффективность уголовно-процессуальной деятельности очевидно. Нарушения уголовно-процессуального закона и иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в уголовно-процессуальной деятельности, влекут неблагоприятные последствия для хода предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, создают препятствия для осуществления данной деятельности эффективно, причем независимо от значимости этих правонарушений и их влияния на судьбу окончательного решения по делу. Вне зависимости от того, существенные либо несущественные нарушения были допущены, и те и другие потребуют совершения определенных дополнительных действий, минимизирующих отрицательные последствия.

Например, по уголовному делу по обвинению гр-на Д. при проведении очной ставки не все листы протокола были подписаны одним из ее участников, свидетелем О. Данное обстоятельство выяснилось только при утверждении

¹ Калинкина Л.Д. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и их отграничение от несущественных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1981. С. 9.

² Слободжин К. Дело о федеральной системе уголовных судов (и реформе приговоров) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.californialawreview.org/print/federal-criminal-court-system/> (дата обращения: 18.07.2020).

обвинительного заключения прокурором, который по данной причине вернул уголовное дело следователю для дооформления. Повторно вызвать свидетеля О. не представилось возможным, поскольку он, со слов родственников, уехал в другой город, а информации о месте его пребывания у них ещё не было. Поскольку срок предварительного следствия заканчивался, следователь попытался сам выполнить подпись свидетеля на протоколе допроса, но у него это не получилось, так как подпись была достаточно сложная, в силу чего пришлось просто удалить из материалов уголовного дела указанный протокол, но при этом потребовалось переоформить и обвинительное заключение, на что также ушло время. Сроки предварительного расследования все равно были нарушены, за что следователь получил взыскание¹.

Таким образом, с виду несущественное нарушение требований оформления процессуального документа повлекло необходимость повторного вызова свидетеля, а поскольку это не представилось возможным, потребовалось исправление ранее составленного объемного процессуального документа – обвинительного заключения. Были нарушены такие критерии эффективной деятельности, как своевременность, качественность, достаточность следственных действий, объективность действий следователя, законность (именно так можно оценить попытку следователя подделать подпись свидетеля) и, конечно, экономичность, которая выразилась в необходимости увеличения времени на проведение предварительного расследования, повторного составления текста обвинительного заключения.

Нарушения, допускаемые должностными лицами правоохранительных органов при применении норм уголовно-процессуального права, также влекут обоснованный отказ от признания деятельности эффективной. В первую очередь это касается нарушений, допускаемых в стадии возбуждения уголовного дела. К таким нарушениям можно отнести отказ в принятии сообщения о преступлении при отсутствии к тому оснований, принятие сообщения без его своевременной

¹ Уголовное дело № 1-564/2017 // Архив Ленинского районного суда по г. Екатеринбургу за 2017 г.

регистрации, отказ или просто невыдача документа, подтверждающего факт принятия сообщения о преступлении у заявителя, превышение сроков доследственной проверки без достаточных к тому оснований, фальсификацию заявления о явке с повинной путем получения ее у лица, задержанного по подозрению в совершении данного преступления, и т. д.

Рассмотрим более подробно последний из приведенных примеров нарушений, допускаемых в стадии возбуждения уголовного дела. Суть фальсификации заключается в том, что сотрудники правоохранительных органов с целью склонить подозреваемого или обвиняемого к признательным показаниям демонстрируют перед ним заинтересованность в его судьбе и желание помочь снизить наказание, и якобы в связи с этим разъясняют ему последствия оформления явки с повинной как обстоятельства, смягчающего наказание, умышленно вводя в заблуждение не только самого подозреваемого, но и состав суда, который впоследствии будет рассматривать указанное уголовное дело, ведь судье нужно будет тратить время на выяснение обстоятельств, при которых указанный документ – «явка с повинной» – появился в материалах дела.

Наиболее часто встречающееся нарушение в данной стадии – это вынесение незаконных, необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела или о возбуждении уголовного дела. Отчитываясь перед Советом Федерации, Генеральный прокурор РФ ежегодно называет в своем докладе количество таких постановлений, отмененных прокуратурой. В 2018 г. прокуратурой Российской Федерации было отменено 2 034 479 постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, в 2019 г. – 2 035 927 постановлений, а в 2020 г. – 1 809 511¹. Однако процедура отмены данных постановлений не всегда бывает простой и быстрой, и зачастую представляет собой затяжной процесс переписки органов предварительного расследования с прокуратурой, когда каждый участник настаивает на своей позиции по конкретной ситуации, требующей вмешательства государства. Данная деятельность эффективной признана быть не может, так как

¹ Портал правовой статистики // [Электронный ресурс] URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 06.04.2021).

откладывается возможность начала производства следственных и иных процессуальных действий, а это – причина неполучения доказательств. В итоге не достигается результат, не обеспечивается назначение уголовно-процессуальной деятельности.

Причина кроется в первую очередь в том, что не до конца продуман механизм взаимоотношений между следственными органами и надзирающей за их деятельностью прокуратурой. Существующая возможность не подчиняться указаниям прокурора и достаточно длительный путь обеспечения выполнения данных указаний (через вышестоящего прокурора и руководителя вышестоящего следственного органа) не способствуют быстрому и результативному разрешению конфликта. Следует полагать, что наличие надзорных полномочий у прокуратуры уже изначально должно предопределять приоритеты мнения прокурора при принятии подобных решений. В случае, если доводы сотрудников правоохранительных органов на постановление прокурора об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, изложенные в новом процессуальном акте, содержание которого повторяет предыдущий, прокурору не показались убедительными, и он вновь отменяет постановление, то это его последнее решение должно быть окончательным. Такой подход позволит прервать замкнутый круг, в который втягиваются указанные должностные лица. В связи с изложенным целесообразно внести изменения в текст уголовно-процессуального закона, дополнив п. 5¹ ч. 2 ст. 37 УПК РФ следующими словами: «...Повторно принятое решение прокурора подлежит исполнению, но может быть обжаловано в установленном порядке». Изучение материалов уголовных дел позволило выявить примеры многочисленной переписки по указанному вопросу, что не ставит под сомнение отсутствие таких критериев эффективности, как своевременность деятельности, справедливость, объективность, законность, доступность.

Деятельность правоохранительных органов в стадии предварительного расследования нельзя признать эффективной, если участников уголовного судопроизводства лишают возможности реализовать свои права либо ограничивают такую возможность. Изучение уголовных дел, прокурорской и

адвокатской практики показало, что в данной стадии уголовного процесса чаще всего допускаются следующие нарушения: оказывается незаконное давление на участвующих в процессе лиц; нарушаются правила подследственности; имеются примеры производства предварительного расследования лицами, подлежащими отводу, что влекло впоследствии передачу уголовного дела другому следователю; допускаются нарушения, связанные с несвоевременностью введения в процесс защитника в связи с требованиями его обязательного участия; неисполнение либо несвоевременное исполнение указаний прокурора; нарушение сроков предварительного расследования, порядка производства отдельных следственных действий и т. д.

Еще один блок нарушений в досудебных стадиях процесса может допускать уже прокурор при утверждении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. Данные правонарушения могут быть связаны с теми нарушениями либо ошибками, которые допустил следователь (дознатель) в ходе предварительного расследования и на которые прокурор сознательно не стал обращать внимания, но которые в последующем повлияли на процедуру рассмотрения уголовного дела либо на предварительном слушании, либо в судебном разбирательстве.

Например, по уголовному делу по обвинению гр-на Ф. следователь без достаточных к тому оснований и убедительной мотивировки в постановлении об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства отклонил ходатайство обвиняемого о вызове и допросе в качестве свидетеля гр-на С., который мог дать показания в пользу обвиняемого относительно причины давно возникших неприязненных отношений между тем и потерпевшим и угроз, которые потерпевший Ж. неоднократно высказывал в адрес Ф., а также о его несдержанном, задиристом характере, в силу которого потерпевший, будучи в состоянии алкогольного опьянения, при встрече стал сначала оскорблять обвиняемого, затем наносить удары, а в результате ответного удара упал на проезжую часть дороги, ударившись головой о бортик тротуара. Прокурор при выполнении требований ст. 221 УПК РФ не посчитал необходимым вернуть

уголовное дело следователю для принятия мер к удовлетворению заявленного ходатайства и допроса свидетеля. Суд, в ходе судебного разбирательства по ходатайству защитника допросив данного свидетеля и еще нескольких лиц – очевидцев события, был вынужден вернуть уголовное дело прокурору для устранения нарушений, допущенных в ходе предварительного следствия, которые суд сам устранить не мог¹.

Таким образом, признать процессуальную деятельность следователя и прокурора по данному уголовному делу эффективной нельзя по следующим основаниям. Во-первых, необходимые процессуальные действия не были осуществлены своевременно, тогда как их своевременное производство могло повлиять на ход предварительного расследования, направив его в нужное русло, правильно квалифицировать действия обвиняемого. Во-вторых, деятельность осуществлялась некачественно, что потребовало возвращения уголовного дела прокурору. В-третьих, было нарушено условие объективности, поскольку следователь, а впоследствии и прокурор не обеспечили исследование всех обстоятельств данного дела. Требование осуществления деятельности в рамках законности также нарушилось, ведь следователь не удовлетворил обоснованное ходатайство обвиняемого, хотя мог отказать в удовлетворении только при наличии достаточных к тому оснований.

Итак, допущенные в ходе уголовно-процессуальной деятельности правонарушения отрицательным образом влияют на ее эффективность, и по сравнению с ошибками, которые допускают участвующие в процессе лица, представляют собой более опасные и вредоносные явления. Поэтому и меры по выявлению, устранению и профилактике нарушений закона и иных нормативных правовых актов в уголовном судопроизводстве при осуществлении процессуальной деятельности должны быть более решительными, продуманными и строгими. Если ошибки могут допускаться от незнания, отсутствия опыта и загруженности, то правонарушения – это результат подготовленного,

¹ Уголовное дело № 1-11/2018 // Архив Озерского городского суда Челябинской области за 2018 г.

умышленного действия, совершенного лицом, понимающим и сознающим характер своих решений и их вредоносные последствия. Поэтому меры, направленные на улучшение условий деятельности, здесь не помогут. Нам представляется целесообразным при выявлении каждого случая правонарушения рассматривать вопрос о привлечении к процессуальной ответственности виновное лицо. В качестве профилактики и недопустимости подобных нарушений в каждом конкретном случае выявления нарушения направлять сообщения, а суд – частные определения (постановления) об этом в адрес вышестоящего руководителя для принятия мер дисциплинарного воздействия. Необходимо создавать условия нетерпимости к подобным явлениям, не оправдывая их спецификой работы, необходимостью выполнения поставленных руководством задач и особенностью контингента.

§ 3. Злоупотребления правом, снижающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности, и меры по их ликвидации

Злоупотребление правом – достаточно новое явление для отраслевой науки. Если ранее ученые-процессуалисты только отчасти затрагивали вопросы, связанные с возможностью злоупотреблять своими правами в уголовном судопроизводстве¹, а большинство работ, посвященных данной теме, принадлежало представителям цивилистической науки и ученым, разрабатывавшим общетеоретические проблемы, то начиная с 2013 г., после защиты первой диссертации на данную тему², процессуалисты стали активно обращать внимание на данное правовое явление, проявившее себя и в уголовном

¹ *Вепрев В.С.* Основания уголовно-процессуальной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 107; *Калинкина Л.Д.* К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // *Адвокат.* 2010. № 4. С. 5-9; *Парфенов В.Н.* Проблема злоупотребления уголовно-процессуальными правами // *Российский следователь.* 2014. № 7. С. 23-26.

² *Даровских О.И.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 210 с.

судопроизводстве. Появились монографии, научные статьи¹, в 2019 г. была защищена еще одна диссертация, уже на более узкую тему, касающаяся злоупотреблений, допускаемых обвиняемым².

Несмотря на возрастающий интерес к данной теме, в научных разработках остается много дискуссионных и не до конца исследованных вопросов, связанных со злоупотреблениями в уголовном судопроизводстве. Полагая, что категория «злоупотребление правом» взаимосвязана и с вопросами обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности, считаем целесообразным проследить данную взаимосвязь, рассмотреть теоретические аспекты проявления злоупотреблений правом в уголовном процессе, разработать правовые и организационные меры противодействия данному явлению в целях обеспечения именно эффективной деятельности.

Под злоупотреблением правом в уголовном судопроизводстве мы понимаем поведение участника процесса, обладающего процессуальными правами, осуществляемое в процессе правомерной реализации этих прав, но в противоречии с их смыслом и назначением, причиняющее либо способное причинить вред либо создать иные негативные последствия другим участникам процесса, обществу, государству³.

Надо отметить, что в доктрине отсутствует единодушие мнений ученых относительно не только понятия злоупотребление правом, но и даже самого явления, которое это понятие выражает.

¹ *Рябцева Е.В.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2014. 144 с.; *Баев О.Я., Баев М.О.* Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М.: Проспект, 2014. 216 с.; *Азаров В.А., Нурбаев Д.М.* Соотношение понятий «злоупотребление правом» и «уголовно-процессуальное правонарушение» // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 14-18; *Диваев А.Б.* Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 36-42; *Андреева О.И., Зайцев О.А., Емельянов Д.В.* О злоупотреблении защитником правом на защиту и способах реагирования должностных лиц на недобросовестное поведение // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 20-24.

² *Андреева О.И., Желева О.В.* Злоупотребление обвиняемым субъективными правами и его преодоление в ходе предварительного расследования. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2019. 240 с.

³ *Даровских О.И.* Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: монография. Челябинск: Цицеро, 2013. С. 45.

Многие ученые-цивилисты и теоретики возможность существования данной правовой категории отрицали. Например, М.В. Самойлова утверждала, что «...данная категория не имеет право на существование, поскольку противоправного осуществления права быть не может»¹. М.М. Агарков полагал, что «...действия, которые называют злоупотреблением правом на самом деле совершены за его пределами»². Весьма критично относился к данному понятию и С.И. Братусь, считавший, что «отход в использовании права от его социального назначения есть отступление от закона со всеми вытекающими отсюда последствиями»³. Н.С. Малеин писал, что «...возможно одно из двух: субъект действует в границах принадлежащего ему права – и тогда он не злоупотребляет правом, или он выходит за пределы, установленные законом, и, таким образом нарушая закон, не злоупотребляет правом, а совершает элементарное правонарушение, за которое должна следовать ответственность»⁴. Ученые высказывали мнение о нелогичности использования даже самого этого термина, указывая, что «...право, как регулятор общественных отношений обеспечивает равные возможности для всех субъектов, в силу чего не позволяет использовать его во зло»⁵.

Надо отметить, что в большинстве работ ученые истолковывают термин «злоупотребление» как употребление права во зло, что, собственно, полностью совпадает с толкованием данного термина в словарях В.И. Даля и С.И. Ожегова, где указано, что злоупотреблять – это «употреблять во зло, на худое дело, ко вреду,

¹ Самойлова М.В. Право личной собственности граждан СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1965. С. 11.

² Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР: Отделение экономики и права, 1946. № 6. С. 427.

³ Братусь С.И. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 4. С. 31.

⁴ Кудрявцев В.Н., Малеин Н.С. Закон и пределы правомерного поведения // Советское государство и право. 1980. № 10. С. 38; Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. С. 160.

⁵ Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 64.

во вред себе или другому, извращать, обращать хорошее средство на худое дело»¹. В.И. Кайнов в своем учебном пособии «Злоупотребление правом в российской правовой системе» пытался вывести те необходимые условия, которые совпадали бы с лексическим значением этого слова, по его мнению, это активная деятельность или поведение лица, осознающего, что оно порицаемо обществом, направлено на причинение вреда себе либо иным лицам, либо объективно причиняет вред при отсутствии изначальной цели навредить. При этом необходимо располагать каким-то «хорошим средством», предоставленным указанному лицу для удовлетворения допустимых потребностей².

Использование применительно к слову «злоупотребление» такого термина, как «право», допустимо и возможно, поскольку право выступает в данном словосочетании именно тем «хорошим средством», использование которого позволяет удовлетворять одобряемые обществом и государством потребности.

Полагаем, что данный подход вполне оправдан. Он позволяет обосновать возможность с точки зрения лексики выстраивать такое словосочетание, как «злоупотребление правом».

Единственно мы не можем согласиться с трактовкой В.И. Кайнова в той части, что, по его мнению, лицо может объективно причинить вред при отсутствии изначальной цели навредить. Полагаем, что **злоупотребление** – это всегда умышленное, преднамеренное действие, т. е. такое действие, когда лицо понимает и желает употребить предоставленные ему права против их предназначения. Если цели навредить у лица нет и не было, то его действия могут и должны быть квалифицированы как ошибка, что влечет совершенно иную их оценку. Безусловно, может сложиться ситуация, что, изначально не желая злоупотреблять правами, лицо в своих действиях это допускает по непониманию, незнанию, ошибочно понятой информации, однако в его последующих действиях должно

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1. С. 685; *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 234.

² *Кайнов В.И.* Злоупотребление правом в российской правовой системе: учебное пособие. М.: Изд-во «Директ-Медиа», 2020. С. 15.

проявляться желание изменить последствия совершенного, исправить, откорректировать свои действия, а если этого нет, то очевидно, что первоначально ошибочные действия переросли в злоупотребление.

Для полной характеристики такой правовой категории, как злоупотребление правом, мы считаем необходимым исследовать некоторые аспекты данного явления: правовую природу; условия или обстоятельства, от которых зависит возможность злоупотребления; проблемы выявления и установления фактов злоупотребления правами; виды злоупотреблений, которые встречаются в уголовном судопроизводстве; их признаки; особенности проявления злоупотреблений при различных формах реализации права; уголовно-процессуальные гарантии недопустимости появления данного феномена и уголовно-процессуальные санкции, применяемые в целях наказания, восстановления нарушенного порядка и пресечения злоупотребительных действий со стороны участников уголовно-процессуальной деятельности.

Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве нельзя отнести ни к правонарушению, ни к добросовестному правомерному поведению, это – самостоятельная правовая категория, которая не обладает признаками первой и утратила черты второй. Данную точку зрения разделяют многие ученые-процессуалисты. Разрабатывая в предыдущем параграфе настоящей главы вопросы, касающиеся правонарушений, совершаемых участниками уголовного судопроизводства, мы подробно рассмотрели и их признаки, и взаимосвязь с эффективной деятельностью, поэтому считаем целесообразным более подробно остановиться именно на правомерном поведении и его отличии от злоупотреблений правом.

С.С. Алексеев под правомерным поведением понимал адекватное, должное поведение лиц, соответствующее нормам права, действующим законам, иным нормативным правовым актам¹. Это поведение в сфере правового регулирования, юридически значимое, совпадающее с велениями норм права и соответствующее

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 168-170.

их предписаниям. Правомерное поведение не расценивается в качестве вредоносного для общества явления, поэтому нельзя согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что злоупотребление правом представляет собой правомерное поведение¹. Отличие данных правовых категорий можно проследить по признакам правомерного поведения, которые принято подразделять на юридические, психологические и социальные².

К юридическим признакам относят: юридическую регламентацию правомерных действий; соответствие поведения субъектов требованиям норм права; презумпцию правомерности поведения; юридическую защищенность правомерного поведения, которая предполагает систему органов, обеспечивающих охрану надлежащего поведения в сфере реализации правовых норм.

Психологические признаки характеризуют субъективную составляющую данного правового явления. Выделяют следующие психологические признаки: сознательность, проявляющаяся в выборе варианта действий в соответствии со своими интересами и потребностями; убежденность в необходимости действовать именно определенным образом; целенаправленность – желание достичь значимую для общества (для себя) цель; волевой характер, проявляющийся в самостоятельности принимать решения, действовать определенным образом; добровольность, суть которой в том, что никто не вправе никаким образом воздействовать на субъекта с целью совершения правомерных действий.

К социальным признакам правомерного поведения в науке относят его: полезность и одобряемость обществом; активность, которая предполагает нравственную, гражданскую и политическую позицию человека, не ущемляющую интересы и достоинство других людей³; массовость, которая проявляется в том, что правомерное поведение присуще большинству людей; соответствие правомерного

¹ Янев Я. Правила социалистического общежития (их функции при применении правовых норм). М., 1980. С. 54; Василев Л. Гражданское право Народной Республики Болгария. Общая часть. М., 1958. С. 307; Суворов Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М.: Издат. дом Ема, 2008. С. 98.

² Тюрина Н.И. Правомерное поведение как объект юридического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 59.

³ Оксамытный В.В. Теория государства и права. М., 2004. С. 453.

поведения нравственным, этическим требованиям; и последний признак – обеспеченность его государством, т. е. государство создает условия и обеспечивает защиту правомерного поведения.

Сравнительное исследование признаков правомерного поведения и проявлений злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве позволяет прийти к категорическим выводам, что данные понятия не являются тождественными, и злоупотребление правом в любом случае не может быть отнесено к виду правомерного поведения. Это – разные правовые категории.

Следующий момент, на котором следует остановиться, характеризуя злоупотребления, допускаемые в рамках уголовно-процессуальной деятельности, – это условия или обстоятельства, при которых оно способно проявиться, т. е. такие обстоятельства, которые влекут появление злоупотреблений и способствуют им. Если обратиться к этимологии слова «условие», то в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова данный термин означает «обстоятельство, от которого что-нибудь зависит»¹. К обстоятельствам, от которых зависит возможность злоупотребительных действий, на наш взгляд, относятся: статус участника уголовного судопроизводства, наличие субъективного права, которым участник уголовного судопроизводства может злоупотребить, и ситуацию правовой неопределенности, сложившуюся как при толковании нормы права, так и в практической деятельности правоохранительных органов и суда. Отсутствие данных обстоятельств исключает в целом возможность злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве. При этом следует отметить, что сами по себе они спровоцировать злоупотребления не могут, в силу этого и признаками злоупотребления не являются. В материалах многих уголовных дел нет никаких следов злоупотреблений со стороны их участников, поскольку они не злоупотребляли своими правами, а правовая неопределенность, к сожалению, остается непреходящим явлением в российской правовой действительности.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 837, 589.

Злоупотребление возможно лишь в том случае, если лицо является участником уголовно-процессуальных отношений, причем в любом качестве, как активный участник процесса, например обвиняемый, следователь, принявший к своему производству данное дело, так и менее активный, например, свидетель, владелец квартиры, в которой проводится следственное действие. Каждый участник уголовно-процессуальных отношений занимает определенное правовое положение. С.И. Ожегов определяет статус как «правовое положение, положение, состояние»¹. В «Большом юридическом словаре» под статусом понимается установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей². В самом общем виде правовой статус определяется как юридически закрепленное положение личности в государстве и обществе³. Как видим, отличий в данных определениях практически нет, и мы согласны с позицией В.М. Корнукова, который указывал, что попытки отыскать различия в данных понятиях бесперспективны⁴. В науке уголовно-процессуальный статус участника отношений рассматривают как правовой институт, обладающий сложной структурой, что позволяет рассматривать его в узком и широком смысле. Уголовно-процессуальный статус в широком смысле – это закрепленное нормами уголовно-процессуального права положение субъекта в системе уголовно-процессуальных отношений, включающее в себя различные элементы, например уголовно-процессуальную правосубъектность, права и законные интересы, гарантии их осуществления, обязанности, ответственность, обеспечивающие выполнение специфической функции данного участника. Уголовно-процессуальный статус в узком смысле включает в себя только права и обязанности.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 762.

² Большой юридический словарь // [Электронный ресурс] URL://<https://juridical.slovaronline.com/5719-STATUS> (дата обращения: 05.02.2022).

³ Конституционное право: учебник / под ред. А.Е. Козлова. М., 1996. С. 57.

⁴ Корнуков В.М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1987. С. 12.

Под субъективным правом в юридической литературе традиционно понимается совокупность трех составляющих: право на собственные действия; право требовать определенного поведения от других лиц; право обращаться в органы государственной власти для защиты своих интересов. Данная интерпретация полностью распространяется и на реализацию субъективного права в уголовном судопроизводстве.

Среди участников уголовного судопроизводства есть те, которые наделены полномочиями, когда права и обязанности переплетены настолько, что отделить их друг от друга не представляется возможным, так как права, например, прокурора, следователя, дознавателя или судьи одновременно являются и обязанностью этих лиц. Должностные лица допускают злоупотребления своими полномочиями. Можно привести пример из практики судов Челябинской области¹, когда судья, удовлетворив ходатайство стороны защиты, стал выяснять у появившегося после перерыва в зале судебного заседания лица его фамилию, имя, отчество, место работы и причины появления в зале судебного заседания. Злоупотребления полномочиями, допущенные судьей, проявились в том, что в соответствии со ст. 243, 258 УПК РФ председательствующий, руководя судебным заседанием, обеспечивает соблюдение распорядка судебного заседания и принимает меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании и т. д. В открытых судебных заседаниях могут присутствовать любые лица. Возможные ограничения указаны в законе, например, в соответствии с ч. 6 ст. 241 УПК РФ лица моложе 16 лет допускаются в зал судебного заседания только с разрешения председательствующего, что предполагает наличие у него прав на выяснение у присутствующих в зале слушателей их возраста. В определенных случаях, при необходимости наложения денежного взыскания в порядке ст. 117, 118 УПК РФ, судья обязан установить личность нарушителя, однако закон не предусматривает ситуацию, когда в открытом судебном заседании председательствующий выясняет анкетные данные присутствующих в зале лиц, не являющихся участниками

¹ Уголовное дело № 1-3/2015 // Архив Снежинского городского суда Челябинской области за 2015 г.

судопроизводства и не нарушающих порядок. В приведенном нами примере судья действовал в рамках предоставленного ему права рассматривать уголовные дела в закрытом судебном заседании и при определенных условиях устанавливать личность гражданина, находящегося в зале судебного заседания, но в противоречии с его смыслом и назначением, сущность которого, как уже было указано, в создании условий, делающих невозможным разглашение информации, которая не должна быть доступна широкому кругу лиц. При этом действия судьи, бесспорно, причинили вред обществу и государству, поскольку исказили такое важное процессуальное условие проведения судебного заседания, как гласность, и усилили негативное отношение граждан к судебным органам. Сущность данного явления состоит в том, что оно выражает одно из демократических направлений развития политической системы общества и представляет собой правовое требование доступности хода и результата расследования и рассмотрения уголовных дел для общественного ознакомления и обсуждения.

Еще один пример злоупотребления полномочиями со стороны должностных лиц правоохранительных органов касается отказов в возбуждении уголовных дел. Злоупотребление проявляется в том, что, во-первых, данные должностные лица располагают процессуальными правами по оценке выявленных в ходе следственной проверки обстоятельств определенного события. Во-вторых, они реализуют эти права правомерно, т. е. в соответствии с положениями УПК РФ. В-третьих, противоречие смыслу и назначению этих действий мы усматриваем в том, что должностные лица должны применять усилия, использовать все средства для объективного вывода о наличии либо отсутствии основания для возбуждения уголовного дела, а не идти по пути наименьшего сопротивления. Если в последующем вышестоящее должностное лицо своим постановлением отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, то, следовательно, предполагается наличие резерва относительно качества и количества проверочных действий, т. е. что не все средства были использованы. Такая деятельность органов предварительного расследования, бесспорно, причиняет вред государственным интересам, обществу, которое заинтересовано в выявлении всех совершенных

преступлений, а затем, как следствие, лиц, их совершивших, и в их справедливом наказании. Уклонение от регистрации сообщений о преступлениях, необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел негативно сказываются на оценке деятельности правоохранительных органов и укрепляют наличие правового нигилизма у населения. Следует согласиться с мнением ряда ученых, полагающих, что стадия возбуждения уголовного дела «стала серьезным правовым препятствием для реализации гражданами, пострадавшими от противоправных деяний, их права на доступ к правосудию»¹ и требует серьезных продуманных изменений, и, в первую очередь, она должна «пресекать возможности применения вмешательства в личную жизнь граждан при отсутствии такой необходимости и разрешения вмешательства, если без него в данной конфликтной ситуации не обойтись»².

Таким образом можно выделить следующие виды злоупотреблений, возникающих в уголовном судопроизводстве: злоупотребление правами и злоупотребление полномочиями.

Ситуацию правовой неопределенности мы рассматриваем как обстоятельство, предопределяющее возможность злоупотребления, поскольку четкое регламентирование правил поведения в досудебном и судебном производствах не позволяют участникам процесса злоупотребить правами при их реализации. Например, законодатель позволяет обвиняемому пригласить несколько защитников (ст. 50 УПК РФ), и их число не ограничивается. Однако указанная неопределенность создает условия для злоупотреблений со стороны обвиняемого и его защитников, число которых не может быть ограничено даже разумностью.

¹ Гаврилов Б.Я. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела как уголовно-процессуальная гарантия преодоления противодействия // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. М., 2021. С. 335-345.

² Григорьев В.Н., Андреева О.И., Зайцев О.А., Трубникова Т.В. Стадия возбуждения уголовного дела: созданы ли достаточные гарантии от злоупотребления правом? // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 9-14.

Можно привести в качестве примера 5-томное уголовное дело по обвинению гр-ки Т. На момент начала ознакомления материалы уголовного дела содержались в 2 томах. Последующие 3 тома появились в результате 3-х месячного ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемой и ее 4-х защитников и содержали дополнительные материалы по разрешению ходатайств, заявленных обвиняемой и ее защитниками, трое из которых вступили в процесс в ходе выполнения требований ст. 217 УПК РФ. Результатом рассмотрения уголовного дела в суде был обвинительный приговор по первоначально сформулированному обвинению¹.

Проблемы, выявленные в ходе применения данного положения, в том числе и связанные со злоупотреблениями правами, позволяют ученым формулировать обоснованные предложения о внесении изменений в текст УПК РФ с целью ограничить количество защитников. Данные предложения вполне целесообразны, поскольку в силу сложившейся практики и устоявшегося мнения Верховного Суда РФ участие хотя бы одного защитника в судебном заседании обеспечивает осуществление функции защиты в уголовном процессе и гарантирует подсудимому право на получение квалифицированной юридической помощи. Поэтому при отсутствии одного или нескольких защитников в судебном заседании допускается продолжение судебного разбирательства, ведь право на защиту подсудимого не нарушается, если интересы представлены другими адвокатами или другим адвокатом². Временно отсутствующий защитник вправе в дальнейшем ознакомиться с материалами судебного разбирательства в ходе рассмотрения уголовного дела. Во-вторых, данный вопрос был предметом рассмотрения ЕСПЧ, который в конкретном случае счел совместимым с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод ограничение до трех числа допускаемых в суд

¹ Уголовное дело № 1-75/2019 // Архив Кыштымского городского суда Челябинской области за 2019 г.

² Практика применения уголовно-процессуального кодекса РФ. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ / под ред. зам. Председателя Верховного Суда РФ В.П. Верина. М.: Юрайт, 2007. С. 216-217.

адвокатов¹. В-третьих, в законодательстве некоторых европейских государств присутствуют ограничения количества адвокатов, допускаемых к защите по одному уголовному делу, и данное положение не рассматривается как ущемляющее права обвиняемого.

Нам представляется, что было бы правильным предусмотреть в УПК РФ критерии возможности введения в процесс нескольких защитников: закрепить правило участия не более трех защитников одного обвиняемого или по определенным категориям дел с учетом тяжести совершенного преступления, или с учетом предъявления обвинения по нескольким эпизодам, количества обвиняемых, проходящих по одному уголовному делу, объема данного дела и т. д. В таких ситуациях участие нескольких защитников было бы вполне оправданным². В связи с изложенным предлагаем внести изменение в часть 1 статьи 50 УПК РФ, после слов «подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить...» добавить «не более 3 защитников».

Одним из наиболее сложных остается вопрос, связанный с проблемой выявления и установления фактов злоупотребления правами. Следует учитывать, что процедура установления факта злоупотребления правом проходит в особом режиме. Собирация и проверки доказательств факта злоупотребления правом фактически нет, так как все факты, т. е. поведение лица, его действия, уже установлены в ходе производства по уголовному делу и определенным образом зафиксированы, т. е. правомочным лицом и в надлежащей форме, например, путем составления протокола об отказе от ознакомления с материалами уголовного дела. Вся деятельность сводится к оценке действий и решений лица, злоупотребляющего правом, и к оценке результатов этих действий и решений.

В ходе оценки должны учитываться все признаки злоупотребления: наличие конкретного права (полномочия); установление факта начала осуществления лицом действий по реализации своего права; установление того, что действия лица

¹ Багаутдинов Ф. Право на защиту: проблемы и предложения // Законность. 2001. № 7. С. 22-25.

² Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: монография. Челябинск: Цицеро, 2013. С. 131-133.

не нарушают правовой нормы; выявление субъективного отношения лица к своим действиям, того, что он понимает, что выходит за пределы предоставленного ему права; и последнее, установление факта причинения вреда (или возможности его причинения) обществу, государству либо другим участникам уголовного судопроизводства. Безусловно, что при квалификации действий как злоупотребительных все указанные признаки должны быть выявлены равным образом полно.

Исследуя особенности проявления злоупотреблений при реализации права, нельзя не обратить внимание, что они находятся в зависимости от форм реализации. Соблюдение и исполнение юридических норм обеспечивает правомерное поведение в первом случае в пассивной, а во втором – в активной форме. Именно данное поведение служит основой для эффективной уголовно-процессуальной деятельности, поскольку обеспечивает как минимум законность данной деятельности, ее качественность, справедливость, объективность и результативность. Злоупотребить правом и, следовательно, поставить под сомнение эффективность всей деятельности можно при использовании права и его применении.

Так, реализуя свое право, участник может выйти за пределы разумного его использования, например, представить жалобу на 50 листах формата А-4, как это произошло по уголовному делу по обвинению гр-на П. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ¹.

В ходе правоприменения также могут появиться условия для злоупотреблений. В качестве примера можно привести достаточно распространенные мотивировки отказов в удовлетворении заявленных ходатайств, когда следователь, дознаватель отказывает обвиняемому либо его защитнику в вызове и допросе нового свидетеля без указания очевидных причин, с отпиской, что допрос нецелесообразен.

¹ Уголовное дело № 1-481/2012 // Архив Копейского городского суда Челябинской области за 2012 г.

Ранее среди процессуальных и организационных мер противодействия злоупотреблениям правом мы называли такие, которые и в настоящее время в своей совокупности смогли бы стать серьезной преградой данному явлению в уголовно-процессуальной деятельности. Указанные меры одновременно обеспечивают и эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

1. Надлежащая правовая регламентация предполагает, на наш взгляд, закрепление в тексте УПК РФ понятий «злоупотребление правом» либо «добросовестная деятельность». Понимая озабоченность ученых относительно невозможности до бесконечности расширять границы ст. 5 УПК РФ, тем не менее полагаем, что недопустимо отказываться под таким предлогом от внесения в понятийный аппарат новых, ранее не используемых категорий, в том числе и такого понятия, как «злоупотребление правом». До настоящего времени это не устоявшееся как в теории, так и на практике понятие трактуется учеными и практиками по-разному, но если в науке это – привычное явление, которое со временем может быть устранено, то на практике при вынесении решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, такое недопустимо. Правоприменитель должен руководствоваться положением закона, в котором должно быть сформулировано и само понятие, и его признаки, например, позволяющие судье правильно квалифицировать действия участника процесса. Убеждены в том, что положения, закрепленного в ст. 17 Конституции РФ о том, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», недостаточно, и в действующем законодательстве оно должно быть изложено с учетом специфики той либо иной отрасли права.

2. Повышение качества нормативных правовых актов, и в первую очередь УПК РФ, путем сведения к минимуму неопределенности при формулировании нормы и необходимости в связи с этим ее толкования. Понимая, что разработка абсолютно совершенного закона невозможна, считаем необходимым вести целенаправленную работу по максимальному устранению оценочных понятий, а также понятий, позволяющих неоднозначно их толковать.

3. Внесение изменений в порядок осуществления судопроизводства с целью создания условий и разработки уголовно-процессуальных гарантий недопустимости появления данного феномена, исключающих необъективность, пристрастность, а также возможность злоупотреблений со стороны должностных лиц и иных участников уголовного судопроизводства.

4. Усиление качества ведомственного и судебного контроля и прокурорского надзора для чего необходимо расширение прав и возможностей, надзирающих за следствием и дознанием прокуроров с возвращением им полномочий, которыми они располагали ранее, например, по участию в следственных и иных процессуальных действиях, наделение правом на оперативное истребование материалов уголовных дел без письменного мотивированного запроса, а также полномочиями по своевременному восстановлению нарушенных прав и законных интересов лиц.

5. И последнее, продолжение научных исследований, нацеленных на разработку методических рекомендаций по устранению причин и условий, позволяющих злоупотреблять правом в уголовном судопроизводстве, и результатом которых часто выступают научно обоснованные предложения, повышающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

Считаем целесообразным и введение ряда уголовно-процессуальных санкций, применяемых в целях наказания, восстановления нарушенного порядка и пресечения злоупотребительных действий со стороны участников уголовно-процессуальной деятельности.

Выделение таких видов злоупотреблений, допускаемых в уголовном судопроизводстве, как злоупотребление правами и злоупотребление полномочиями, вызывает сомнение в правильности именованного такого явления «злоупотреблением правом», поскольку такое название не отвечает его сущности. Нам представляется более правильным полностью отказаться от термина «злоупотребление правом» в уголовном судопроизводстве и впредь речь вести только о добросовестной либо недобросовестной деятельности участников уголовного судопроизводства, т. е. наполняя данное явление положительным

содержанием. Это будет оправдано и с точки зрения достижения эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

§ 4. Несовершенство законодательства, препятствующее эффективной уголовно-процессуальной деятельности, и меры по его оптимизации

Появление 18 декабря 2001 г. УПК РФ и перманентные изменения и дополнения, внесенные в его текст в последующем, постоянно вызывали и вызывают вполне обоснованные недовольства как в научной среде, так и у правоприменителей. Наличие пробелов в законодательном регулировании, неполнота регламентации, противоречие норм, сложности при реализации законодательных решений, создающие трудности для правоприменителей – все это не просто затрудняет решение поставленных задач, не позволяет говорить о достижении назначения уголовного судопроизводства, но и настолько затрудняет уголовно-процессуальную деятельность, что делает её неэффективной.

Несовершенство законодательства по-разному влияет на уголовно-процессуальную деятельность. В одних случаях ученые и правоприменители, видя и понимая недоработки законодательного регулирования, правильно оценивают ситуацию и действуют сообразно необходимости. Например, ст. 1 УПК РФ названа «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства», тогда как в ч. 1 ст. 7 УПК РФ содержится запрет (вполне, впрочем, справедливый) на применение федерального закона, противоречащего УПК РФ.

В других случаях несовершенство закона, регламентирующего порядок уголовно-процессуальной деятельности, оказывает существенное влияние на ее производство, затрудняя ход расследования, затрагивая права и законные интересы граждан, участвующих в данном производстве, и, следовательно, обеспечивая ее неэффективность. В качестве примера можно привести сложное процессуальное положение, в котором оказался следователь, поскольку законодатель отнес его к стороне обвинения.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволил структурировать недоработки законодателя в систему, охватывающую несколько направлений, требующих совершенствования законодательной деятельности.

Во-первых, это отсутствие разработанной долговременной программы реформирования уголовного судопроизводства, отсюда бессистемные, несогласованные изменения и дополнения в текст УПК РФ.

Во-вторых, несвоевременные изменения и дополнения в текст закона, что порождает наличие пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве.

В-третьих, излишний объем оценочных понятий в тексте уголовно-процессуального закона.

В-четвертых, отсутствие полноты регламентированности проблемных вопросов, когда решение одного вопроса порождает необходимость обращения к поиску решения взаимосвязанных проблем.

В-пятых, наличие противоречий в положениях уголовно-процессуального закона.

И последнее, наличие правовой неопределенности, позволяющей разнообразно толковать и применять нормы права.

Выявленные причины, бесспорно, влияют на эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Разберем их более подробно.

Попытка разработать программу реформирования судебной системы, в том числе уголовного судопроизводства, была предпринята в 1991 г. Следует связать эту деятельность с постановлением Верховного Совета РСФСР № 1801-І от 24 октября 1991 г. «О Концепции судебной реформы в РСФСР»¹.

Значение появления Концепции переоценить сложно. В самом тексте данного документа указано, что выработать Концепцию судебной реформы – это значит открыто назвать затруднения, проявившиеся в практике деятельности

¹ Постановление Верховного Совета РСФСР № 1801-І от 24 октября 1991 г. «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435. (далее также – Концепция).

правоохранительных органов, а также определить и сформулировать стоящие перед системой юстиции проблемы и, очевидно, предложить способы их решения. Для 1991 г. это был достаточно смелый шаг. Однако разработанная Концепцией реформа пошла по совершенно иному пути. Возможно, именно поэтому к сегодняшнему дню имеется несколько иной результат развития тех позиций, которые были в ней представлены. С одной стороны, это вполне объективный момент, поскольку жизнь развивается и в силу этого меняются как проблемы, так и средства решения этих проблем, кстати, об этом было сказано и в тексте самой Концепции. Но, с другой стороны, не были использованы некоторые возможности, не доведен до логического завершения ряд проектов, о которых упоминалось в Концепции, а некоторые проблемы были решены совершенно иным образом.

Неудачный опыт 90-х годов XX в. не должен стать преградой для новых попыток усовершенствования уголовно-процессуального закона, но данные проекты должны быть продуманными, логичными, последовательными. И ключевым словом здесь, очевидно, являются слова «должны быть», но проектов по реформированию и дальнейшему развитию уголовно-процессуального судопроизводства нет, а концептуальные предложения ученых законодатель не воспринимает.

Отсутствие продуманной «дорожной карты»¹ развития уголовного судопроизводства создает благоприятные условия для осуществления неэффективной или малоэффективной уголовно-процессуальной деятельности. Примером непродуманного подхода законодателя может стать законодательное регулирование процедуры возвращения судом уголовного дела прокурору. Мнение по этому вопросу, изложенное в Концепции, звучало весьма категорично: «Обвинительной власти надо также иметь в виду, что уголовные дела перестанут поступать на следствие, и брак в следственной работе, неустранимый в суде, будет означать избавление виновного от заслуженной кары». Однако подход к решению данного вопроса все-таки сложился совершенно иной, и более

¹ Химичева Г.П. Некоторые замечания о реформе органов предварительного следствия в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 60-63.

правильный. В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, сформированными в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П¹ через год, 21 июля 2014 г., законодатель внес в уголовно-процессуальный закон изменения, расширив возможности суда по возвращению уголовных дел прокурору при выявлении оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. К этому решению законодатель шел достаточно долго, медленно и болезненно. Сложно сейчас найти данные, какое количество лиц было освобождено из-под стражи в зале суда, который не мог принять иного решения, кроме вынесения оправдательного приговора, поскольку предъявленное обвинение в менее тяжком преступлении не нашло своего подтверждения в судебном следствии. Законодатель, соглашаясь с необходимостью устранения нарушений, тем не менее запрещал проводить процессуальные действия, даже пытался определить для этого конкретный пятисуточный срок, в который невозможно было уложиться. Причин такого подхода было более чем достаточно, но во главу угла ставился запрет суду выполнять функцию обвинения, которая якобы и проявлялась в возможности возвращения уголовного дела прокурору. И, конечно, очень важно, что Конституционный Суд РФ, изменив свое мнение, указал, что «...выявление судом ошибок следствия и создание условий для их устранения, не может рассматриваться как принятие судом на себя функции обвинения. Суд не должен быть ограничен в своих возможностях выявлять все обстоятельства дела, выявлять ошибки, допущенные при проведении предварительного расследования, и принимать меры для их устранения и тем самым обеспечивать законное, обоснованное и справедливое решение»². Такую деятельность суда и принятое решение можно расценивать как эффективные, поскольку предпринимаемые им меры направлены на получение ожидаемого правильного результата, осуществляются своевременно, в рамках и пределах, установленных законом,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

² Там же.

свидетельствуют о качественном подходе, объективны, поскольку обоснованы выявленными обстоятельствами дела; участникам процесса обеспечена возможность влиять на решение суда путем выступлений в судебном заседании, заявления ходатайств, принесения жалоб. Такое решение, принятое в результате рассмотрения судом уголовного дела, не свидетельствует об экономичности деятельности, но, как уже обращалось внимание, данный критерий не всегда проявляется при оценке эффективности уголовно-процессуальной деятельности, что не противоречит сущности принципа Парето¹.

Исследование содержания разработанных учеными вариантов реформирования уголовного судопроизводства не входит в круг вопросов, непосредственно связанных с эффективностью уголовно-процессуальной деятельности, в связи с чем нецелесообразно обращаться в данной работе к этим вопросам более подробно.

Однако следует отметить, что появление продуманной программы реформирования уголовного судопроизводства повысит возможность осуществления уголовно-процессуальной деятельности эффективно, поскольку будет устранена несогласованность норм, повысится качество их реализации, будет понятна идея законодателя относительно решения поставленных задач и реальность достижения цели указанной деятельности. Более 90 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов высказались за разработку программы реформирования уголовно-процессуального законодательства.

Следующее направление, влияющее на эффективность уголовно-процессуальной деятельности, – это несвоевременное внесение в текст закона изменений и дополнений, что порождает появление пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве. Данное несовершенство законодательства связано в основном с реализацией правовых позиций Конституционного Суда РФ, которыми Суд признает норму уголовно-процессуального права

¹ *Капинус О.С., Андреев Б.В., Казарина А.Х.* К вопросу о методологии и методике оценки эффективности прокурорского надзора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 1 (27). С. 27.

недействительной, что исключает возможность руководствоваться ею в дальнейшем. Конституционный Суд РФ в тексте своих постановлений указывает законодательным органам на необходимость внесения соответствующих изменений, дополнений в уголовно-процессуальное законодательство. При этом к данному вопросу подходит неодинаково. В каких-то случаях в резолютивной части решения вообще не указываются порядок и сроки исправления выявленных несоответствий Конституции РФ (постановления от 27 июня 2005 г. № 7-П¹; от 6 апреля 2006 г. № 3-П²); в такой ситуации разрыв между решением Конституционного Суда РФ и внесением в текст закона соответствующих изменений или дополнений может составить несколько лет. В других случаях Конституционный Суд РФ требует, чтобы Федеральное Собрание РФ в течение определенного срока (например, 6 месяцев) либо без указания срока внесло соответствующие изменения (постановления от 2 июля 1998 г. № 20-П³; от 16 мая 2007 г. № 6-П⁴). В ряде случаев в резолютивной части решений Конституционный Суд РФ предоставляет законодателю возможность самому определять границы возможных изменений и дополнений, т. е. он допускает различные варианты

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Российская газета. 2005. 8 июля.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2006 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 1775.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. № 28. 1998. Ст. 3393.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

решения рассмотренного вопроса, выбор одного из которых – прерогатива законодателя (постановление от 28 января 1997 г. № 2-П¹), а в других, как, например, в постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П², Конституционный Суд РФ сам формулирует правило, которого должны придерживаться и правоприменители, и в последующем законодатель. Так, в резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2021 г. № 13-П³ говорится, что «...впредь до внесения в законодательство необходимых изменений, неявка потерпевшего по делу частного обвинения в суд без уважительных причин является основанием для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с отсутствием события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ)». Данные подходы, выработанные Конституционным Судом РФ, нельзя признать правильными, поскольку данный судебный орган, исходя из теории разделения властей, не может располагать полномочиями по даче указаний законодателю, как и когда принимать решения и какого содержания. Также нельзя считать правильным, если Конституционный Суд РФ, признав норму неконституционной, оставляет проблему без решения, тем самым порождая пробел. Безусловно, он не может принимать на себя функции законодателя, но, вырабатывая определенную правовую позицию относительно того, каким образом следует разрешать определенные общественные отношения (в нашем случае – уголовно-процессуальные), Конституционный Суд РФ хотя бы предлагает временное решение до тех пор, пока законодатель в установленном

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 7. Ст. 871.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 22. Ст. 2194.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2021 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 17. Ст. 3044.

законом порядке не примет соответствующий закон. С таким выходом из создавшейся ситуации можно согласиться, ведь такой подход к решению проблемы – вынужденный, и отказ от него может принести больше вреда, нежели ограниченное внедрение Конституционного Суда РФ в законодательную деятельность. Но возникает другая проблема, связанная уже с нежеланием законодателя срочно или в указанные сроки разработать и принять закон либо внести в действующий определенные изменения. По имеющимся в научной литературе данным решения Конституционного Суда РФ Федеральным Собранием исполняются не ранее, чем через год-полтора¹, а иногда и дольше. В качестве примера можно привести постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П², в котором обращено внимание на «необходимость законодательного (курсив наш – О.Д.) установления точных и четких оснований, условий и порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений», но изменения в ст. 405 УПК РФ были внесены законодателем только спустя 4 года, в 2009 году.

При такой практике обеспечить эффективность уголовно-процессуальной деятельности невозможно. В первую очередь не будет обеспечена законность указанной деятельности, так как отсутствуют нормативные требования, предъявляемые к порядку её осуществления, а суды, поскольку не могут отказать гражданам в правосудии, и правоохранительные органы будут разрешать конфликты по своему усмотрению. Вполне вероятно, что при этом также пострадает качество предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, не будут соблюдаться требования объективности, достаточности,

¹ Гуревич Г.С. Роль решений Конституционного Суда РФ в совершенствовании законодательства // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ – 2001. Материалы Межд. науч.-практ. конф. (12-13 апреля 2001 г.). Челябинск, 2001. С. 11.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 22. Ст. 2194.

экономичности, а доступность граждан к деятельности следственных органов и суда будет ограничиваться.

Избежать таких последствий возможно, если действия Конституционного Суда РФ и законодателя будут согласованы, для чего в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ следует внести норму, обязывающую законодательные органы в какое-то определенно-короткое время, т. е. своевременно, принимать меры по разработке и принятию нормативных правовых актов, обеспечивающих устранение возникшего пробела в нормативно-правовом регулировании общественных отношений.

Еще одна причина негативно влияет на достижение эффективной деятельности в уголовном судопроизводстве – это избыточное присутствие оценочных понятий и категорий в тексте уголовно-процессуального закона. Оценочные понятия – это многоаспектная правовая категория, под которой в целом понимают «...относительно определенные понятия, используемые при невозможности детального урегулирования ряда схожих объектов, служащие для обозначения абстрактных правовых явлений, содержание которых имеет незамкнутую структуру, всегда оставаясь открытым, и может быть установлено лишь посредством самостоятельной оценки конкретной правоприменительной ситуации со стороны лица, применяющего закон»². Оценочные понятия в уголовном судопроизводстве можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, как правило, оценочное понятие не определяется в положениях уголовно-процессуального законодательства, а если о нем и упоминает законодатель, то без пояснения его значения или содержания в ст. 5 УПК РФ. Это предопределено рядом причин. К ним можно отнести многогранность действий, в результате которых субъекты реализуют свои права в рамках уголовно-

¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

² Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 9.

процессуальных правоотношений. Данные действия подвержены различным изменениям под влиянием экономических, политических, социальных факторов, в силу чего при разработке определенного правового понятия охватить эти ситуации всесторонне и полно невозможно. Следует учитывать и недостаточную разработанность вопросов как толкования, так и применения оценочных категорий в уголовно-процессуальном праве, а также нецелесообразность или, возможно, нежелание законодателя регулировать определенные вопросы с помощью правовых предписаний. Таковую возможность он предоставил правоприменителю, который самостоятельно принимает определенные решения, исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела.

Думается, что утверждение О.Е. Фетисова, что это сделано с целью предоставления более широких полномочий субъектам правоприменения, не вполне верно¹. Представляется, что в уголовном судопроизводстве это – вынужденное положение, вызванное именно объективными причинами невозможности урегулировать во всех деталях разнообразие тех отношений, явлений, действий, которые могут складываться в ходе уголовного процесса.

Во-вторых, в содержание оценочного понятия могут входить разнообразные процессы, явления, действия. Термин, обозначающий оценочное понятие, охватывает наиболее общие признаки этих явлений и процессов. Например, в ч. 1 ст. 223¹ УПК РФ законодатель использует такое оценочное понятие, как «достаточные данные», применительно к составлению уведомления о подозрении в совершении преступления. Эти данные в каждом конкретном случае могут быть различными: показания свидетелей или иных участников уголовного судопроизводства; сведения, выявленные при совершении следственных и иных процессуальных действий; обнаружение предметов, указывающих на причастность лица к совершению преступления, и другие данные, но в целом все эти данные дают основание для того, чтобы подозревать лицо в совершении преступления.

¹ Фетисов О.Е. Оценочные понятия в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 9.

В-третьих, входящие в содержание оценочного понятия явления, процессы оцениваются должностными лицами по своему усмотрению. Оценка происходит в процессе правоприменения с учетом конкретных обстоятельств дела и находится в полной зависимости от уровня правосознания субъекта правоприменения. Можно привести следующий пример.

В Курчатовский районный суд города Челябинска в порядке ст. 125 УПК РФ обратился С. с жалобой о признании следственных действий, проведенных с его участием в ходе предварительного расследования по возбужденному в его отношении уголовному делу, незаконными. В обоснование доводов жалобы заявитель указал о грубых нарушениях, допущенных в отношении него со стороны следователя в виде непредоставления переводчика с русского языка на китайский, так как он не понимает значение юридических терминов и содержание документов. В судебном заседании было установлено, что С. с ходатайством о предоставлении переводчика обращался в начале предварительного расследования, но постановление следователя об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства не получал. Основанием к отказу в удовлетворении заявленного ходатайства было мнение следователя о том, что гр-н С. в достаточной мере владеет русским языком, более 2 лет проживает на территории России, имеет постоянную работу, живет в общежитии, где общается с русскоговорящими соседями, а в ходе предварительного расследования все специальные термины ему разъяснялись, следовательно, оснований полагать, что он не понимает значение юридических терминов, нет. Предоставление переводчика по каждому уголовному делу не является обязанностью следователя. В каждом отдельном случае этот вопрос рассматривается применительно ко всем обстоятельствам уголовного дела и личности участника процесса. Однако если в ходе предварительного расследования будет установлено, что участник уголовного судопроизводства не владеет либо недостаточно владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, то должностное лицо в силу ст. 18 УПК РФ обязано предоставить переводчика. С учетом этого действия

следователя, отклонившего заявленное ходатайство, были признаны обоснованными¹.

По вопросу оценочных понятий в правовой науке сформировались два подхода. Суть первого состоит в том, что оценочное понятие обязательно должен использовать законодатель и оно должно быть закреплено в нормах права². Суть второго подхода заключается в том, что термин, обозначающий конкретное оценочное понятие в тексте закона, может и отсутствовать, но при этом указанный термин может содержаться в иных нормативных правовых актах или актах высших судебных инстанций, в силу чего и использоваться правоприменителями, которые раскрывают содержание этого понятия непосредственно в процессе его применения³. Оба данных подхода заслуживают внимания.

В ходе исследования такого понятия, как «эффективность», которое, несомненно, является оценочным, было установлено, что данный термин законодатель использует в ст. 6¹ УПК РФ, хотя и без раскрытия его содержания в ст. 5 указанного Кодекса. В постановлениях Пленума им оперирует Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ использует его в своих решениях. Кроме того, требование эффективности предъявляется и к деятельности государственных органов.

Как и любая иная правовая категория, оценочное понятие в уголовном судопроизводстве понимается учеными неоднозначно. Указывают на то, что использование морально-оценочных понятий приводит к размытости границ правового регулирования и расширяет возможность правоприменителя принимать

¹ Уголовное дело № 1-32/2014 // Архив Курчатовского районного суда г. Челябинска за 2014 г.

² *Безруков С.С.* Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 7; *Левина Д.Н.* Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 6; *Опалев Р.О.* Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 10; *Питецкий В.В.* Оценочные понятия в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. С. 5.

³ *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 134; *Фетисов О.Е.* Оценочные понятия в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 9; *Игнатенко В.В.* Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. С. 201-202.

решения по своему усмотрению, что понятия не отражаются в законе, и поэтому участники процесса с ними не ознакомлены, а это создает определенные трудности на практике, и что оценочные понятия лишают правовое регулирование таких свойств, как стабильность и единообразие¹.

Рассматривая взаимосвязь эффективности с оценочными категориями на примере таких понятий, как «достаточность», «достаточные данные», следует отметить, что сложности понимания содержания оценочного понятия приводят к принятию решений и совершению необходимых действий в рамках уголовно-процессуальной деятельности несвоевременно, с нарушением действующего закона, без использования в достаточной мере всех возможных средств, с ошибками. Так, по данным Главного организационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры РФ за 2020 г. прокурорами отменено 1 809 511 постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел и 11 870 постановлений о возбуждении уголовного дела². Такое оценочное понятие, как достаточность, применяется и при оценке собранных по уголовному делу доказательств, при решении вопроса о возможности передачи уголовного дела, например, со стадии предварительного расследования в судебное производство. Однако в определенных случаях результат оценки соответствующего должностного лица не позволяет утверждать, что уголовно-процессуальная деятельность осуществлялась эффективно. Прокурор наделен полномочиями вместо утверждения обвинительного заключения в случае обнаружения нарушений возвратить уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия, что уже само по себе свидетельствует о недостижении ряда критериев, позволяющих оценить уголовно-процессуальную деятельность как эффективную.

Представляется, что использование оценочных понятий в уголовном судопроизводстве объясняется тем, что они позволяют при предварительном расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел учитывать как конкретные

¹ Левина Д.Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 19.

² Портал правовой статистики // [Электронный ресурс] URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 21.12.2021).

жизненные ситуации, так и все изменения политической и общественной жизни, и своевременно на них реагировать. Кроме того, законодатель не всегда может в нормах права отразить все ситуации ввиду их сложности и разнообразия, а сама законотворческая деятельность, в результате которой формируются новые нормы, где даются терминологические разъяснения их смысла и значения, – это достаточно сложный и продолжительный процесс, который не успевает за динамично развивающимися общественными отношениями. Таким образом, использование оценочных понятий в уголовном судопроизводстве приносят в процесс ряд положительных моментов: предоставляет способность реагировать на возникающие изменения в общественной жизни; дает возможность ослаблять излишний правовой формализм при применении норм права; позволяет законодателю более конкретно формулировать нормы права.

На основе изложенного можно сделать однозначный вывод, что на современном этапе развития общества невозможно отказаться от полного использования в уголовно-процессуальном судопроизводстве оценочных понятий. Это связано, во-первых, с динамично развивающимися общественными отношениями, происходящими процессами глобализации и интеграции российской правовой системы в мировое правовое пространство, и, во-вторых, с тем, что не представляется возможным установить четкие границы и определения ряда понятий, которые имеют общесоциальную направленность, включающих в себя содержание таких категорий, как нравственность, гуманизм, справедливость.

На эффективность уголовно-процессуальной деятельности оказывает негативное влияние и отсутствие полноты регламентированности проблемных вопросов, когда решение одного вопроса порождает необходимость обращения к поиску решения взаимосвязанных проблем.¹

¹ *Гаврилов Б.Я.* Роль эффективности уголовного процесса в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства: современное состояние и меры по совершенствованию // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 19-26.

Не до конца продуманная уголовно-процессуальная политика осложнила процессуальное положение прокурора, который из властного надзирающего органа превратился в должностное лицо с надзорными полномочиями, не обеспеченными гарантиями их реализации. Например, В.А. Лазарева обратила внимание, что надзирающему лицу для того, чтобы проверить исполнение законов при осуществлении процессуальной деятельности, уголовное дело представляется только по его письменному мотивированному запросу¹. Кроме того, законодатель не установил срок, в течение которого следователь обязан представить материалы уголовного дела по запросу прокурора. Такой подход законодателя осложняет осуществление прокурором надзорной функции, которая по своей сути выступает средством, обеспечивающим эффективную уголовно-процессуальную деятельность, и требует внесения соответствующих дополнений в текст ч. 2¹ ст. 37 УПК РФ: «По письменному запросу прокурора в течении 24 часов с момента получения запроса следователь должен представить материалы уголовного дела».

Недоработки законодателя состоят и в неурегулировании до конца вопроса оплаты за помощь адвоката. Отсутствие средств на оплату у подозреваемого, обвиняемого не может служить основанием к отказу от квалифицированной юридической помощи, осуществляемой адвокатом. Эти расходы покрываются за счет средств федерального бюджета, и данное положение рассматривается как гарантия реализации права подозреваемого, обвиняемого на защиту. Обвиняемые же, зная, что на них может быть возложено возмещение судебных издержек, а следовательно, в места отбывания наказания придут исполнительные листы, отказываются от помощи адвоката не потому что способны и могут себя защищать, а потому что впоследствии им будет сложно отбывать наказание, не имея финансовой поддержки или при ее минимальном размере. Данный факт подтвердили большинство опрошенных сотрудников правоохранительных органов. Для обеспечения реальной возможности пользоваться помощью защитника целесообразно выяснение материального положения подозреваемого,

¹ Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие. М.: Юрайт, 2011. С. 86-87.

обвиняемого, и в случае подтверждения отсутствия доходов освободить данное лицо от возложения на него возмещения судебных издержек. В связи с изложенным целесообразно дополнить ст. 132 УПК РФ частью 4¹ следующего содержания: «В случае отсутствия доходов у подозреваемого, обвиняемого указанное лицо может быть освобождено от возмещения судебных издержек, связанных с участием защитника по назначению».

Еще такой пример. В настоящее время законодатель закрепил право обвиняемого на ознакомление в ходе предварительного расследования только с постановлением о назначении судебной экспертизы, с заключением эксперта, а по окончании предварительного расследования – со всеми материалами уголовного дела. У потерпевшего также имеются права на ознакомление с ходом расследования, но они обеспечивают только возможность получать копии процессуальных документов, какие-то в обязательном порядке, а иные – по его ходатайству, заявленному следователю. При этом процессуальных гарантий обеспечения указанного права закон не содержит, т. е. на следователя обязанность обеспечивать реализацию данного права не возлагается. Например, копия постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении дела потерпевшему не вручается, так как в соответствии со ст. 146 УПК РФ данная копия вручается заявителю, который впоследствии не всегда переходит в статус потерпевшего. Но и заявителю помимо указанного документа материалы доследственной проверки не предоставляются, что порождает нарушение прав и законных интересов лиц и, как представляется, ограничивает их доступ к правосудию. Потерпевшему вручается постановление о приостановлении производства по уголовному делу, но при этом закон не позволяет ему ознакомиться с материалами уголовного дела, на основании которых данное решение было принято, что опять-таки не дает возможности в полной мере обоснованно обжаловать указанное решение, так как постановление не должно содержать анализ всех собранных доказательств и совершенных следственных действий. В целом можно сказать, что отсутствие информации у участников процесса негативно влияет на уровень эффективности уголовно-процессуальной

деятельности, поскольку она в первую очередь относится к средствам, а не к результатам¹. В связи с изложенным целесообразно дополнить пункт 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ после слов «в том числе в случае прекращения уголовного дела» словами «либо его приостановления».

Положим, потерпевший вправе участвовать в следственных действиях, проводимых по его ходатайству, но для того чтобы ходатайство было не формальным, а обоснованным, мотивированным, потерпевший должен знать, что было сделано по уголовному делу и каковы результаты. Кроме этого потерпевшие должны быть информированы в допустимом, разумном объеме о ходе и результатах предварительного расследования, осуществляемого по их делу, а также о порядке отбывания наказания осужденными или об их условно-досрочном освобождении. Государственные органы и должностные лица должны не создавать видимость, а реально обеспечивать доступ к информации, создавая для этого все условия. Нельзя признать удачными, например, присутствующие в законе положения в связи с разъяснениями, данными Конституционным Судом РФ в постановлении от 18 марта 2014 г. № 5-П², позволяющими судам не обеспечивать подтверждение факта получения потерпевшим уведомления о времени слушания в суде вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного по его делу, так как это может препятствовать своевременному разрешению судом данного вопроса по существу. Такой подход позволяет быстро рассматривать в судах вопросы, связанные с исполнением наказания, но не обеспечивает реализацию потерпевшими своих прав и законных интересов. Решение данной проблемы состоит в разработке ясного и понятного механизма получения от потерпевшего информации о способах его уведомления о предстоящих судебных заседаниях по

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Аслаханова и другие (Aslakhanova and Others) против России» по жалобам № 2944/06, 8300/07, 50184/07, 332/08, 42509/10 от 18 декабря 2012 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/184/> (дата обращения: 09.11.2018).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части 2.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1526.

вопросам, связанным с условно-досрочным освобождением или отсрочкой исполнения наказания.

И еще одна недоработка законодателя, которая в определенной степени влияет на эффективную уголовно-процессуальную деятельность: законодатель допускает наличие противоречий в различных положениях уголовно-процессуального закона. Например, не указывая в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, что показания гражданского истца и гражданского ответчика допускаются в качестве доказательств, он отмечает наличие у них права на представление доказательств в ч. 4 ст. 44 и ч. 2 ст. 54 УПК РФ.

Наделяя правом начальника подразделения дознания возбуждать уголовные дела в ч. 2 ст. 40¹ УПК РФ, законодатель в ч. 1 ст. 146 Кодекса не упоминает это должностное лицо в числе субъектов, наделенных таким правом. А поскольку, как правильно отмечается в литературе, ст. 146 содержит специальные нормы, а ст. 40¹ – нормы общего характера, нет оснований утверждать, что указанное должностное лицо вправе возбуждать уголовные дела.

Весьма интересно решил законодатель и вопрос о подследственности уголовных дел следователям. В п. 8 ст. 5 УПК РФ он определил, что дознание – это форма предварительного расследования, осуществляемая дознавателями (следователями): в п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ указал, что следователями Следственного комитета РФ дознание осуществляется по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 150 УПК РФ, которые совершены отдельными категориями лиц, хотя в ряде статей определяется, что следователи расследуют уголовные дела только в форме предварительного следствия (п. 41 ст. 5, ч. 1 ст. 38, ч. 2 ст. 151 УПК РФ), да и в гл. 32 «Дознание» не упоминается о возможности его осуществления следователем. Такие противоречия порождают вопросы, как вести себя надзирающему за дознанием прокурору, если это дознание осуществляет следователь? Каков объем его полномочий в данном случае? Может ли он реализовать свои властные полномочия в отношении следователя, осуществляющего дознание? Законодатель ответ на данные вопросы не дает.

Такое положение не позволяет оценить деятельность следователя, производящего дознание, как эффективную, поскольку в любом случае ее нельзя будет признать законной.

Уголовно-процессуальный закон содержит и массу других противоречий, но вряд ли в данной работе целесообразно их перечислять.

Следующая недоработка законодателя, негативно влияющая на эффективность уголовно-процессуальной деятельности, – это отсутствие правовой определенности по некоторым вопросам.

«Правовая определенность» представляет собой достаточно сложную правовую категорию. Ученые, исследуя данный феномен, указывали, что он может характеризоваться и как общеотраслевой принцип права¹, и как результат реализации данного принципа, к которому стремится любое государство, где права и свободы человека и гражданина – высшая ценность, предопределяющая смысл существования и функционирования всего государства и его органов². Более высоко оценивал данную категорию ЕСПЧ, указав в Постановлении Большой Палаты, что это – определяющий элемент более общей цели – верховенства закона³.

Конституционный Суд РФ трактует данное понятие столь же неоднозначно. Впервые требование определенности было им обосновано как конституционный принцип и одновременно критерий конституционности применительно к правовой норме в постановлении от 25 апреля 1995 г. № 3-П⁴. Ссылаясь на определенность правовой нормы как на принцип, Конституционный Суд РФ разделяет позиции ЕСПЧ, указывая, что «закон, во всяком случае, должен отвечать установленному

¹ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 252.

² Рукавишников А.А. Соотношение приговора, вступившего в законную силу, и окончательного приговора в уголовном процессе // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 100-101.

³ Постановление БП ЕСПЧ по делу «Брумареску (Brumarescu) против Румынии» по жалобе № 28342/95 от 28 октября 1999 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/brumaresku-protiv-rumynii-postanovlenie-bolshoj-palaty-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 12.11.2019).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности части первой и второй ст. 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1708.

Конвенцией стандарту, требующему, чтобы законодательные нормы были сформулированы с достаточной четкостью и позволяли лицу предвидеть, прибегая в случае необходимости к юридической помощи, с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия»¹. Позднее Конституционный Суд РФ неоднократно ссылаясь на определенность правовой нормы и как на «общеправовое требование», и как на «критерий». Указывая на определенность правовой нормы как на требование, Конституционный Суд РФ подчеркивает, что «...из конституционных принципов равенства и справедливости вытекает требование определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы, поскольку иное не может обеспечить ее единообразное применение, не исключает неограниченное усмотрение в правоприменительной практике и, следовательно, неизбежно ведет к произволу»². Указывая в ряде своих постановлений на определенность правовой нормы как на общеправовой критерий, Конституционный Суд РФ отмечает, что «...общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1 Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями»³.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.

³ Постановления Конституционного Суда РФ от 13.12.2001 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 5014; от 26.11.2012 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Авеста» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50. Ст. 7124.

В постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П Конституционный Суд РФ формулирует уже несколько иную правовую позицию о том, что «общеправовой принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования и исполнимость вынесенных судебных решений»¹. Данную позицию поддерживает И.С. Дикарев, который полагает, что ключевым элементом принципа правовой определенности в сфере процессуального права является именно обеспечение стабильности правоприменительных решений, прежде всего вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда². М.В. Сидоренко считает, что данное понятие должно трактоваться более широко, так как оно охватывает не только элементы стабильности нормативного регулирования или суть принципа *res judicata*, но и ясность, непротиворечивость системы права в целом, стабильность судебной практики, единство воли закона и правосознания публичных участников правовых отношений, их установок³.

Не оспаривая указанные подходы к выявлению природы такого явления, как правовая определенность, хотелось бы более подробно остановиться именно на таком элементе её содержания, как стабильность нормативного регулирования, и именно в стадии предварительного расследования. Требования правовой определенности нормативного регулирования уголовно-процессуальной деятельности предъявляются на любой стадии уголовного судопроизводства, но в первую очередь эти требования актуальны для стадии предварительного расследования, поскольку именно на данной стадии формируются доказательства причастности лица к совершению преступления, и допущенные должностными лицами ошибки бывает достаточно сложно либо вовсе невозможно исправить в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК РФ в связи с запросами Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ Нижнекамскнефтехим и Хакасэнерго, а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

² Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 123.

³ Сидоренко М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. С. 4-5.

стадии судебного разбирательства и в проверочных стадиях, а следовательно, и добиться эффективного результата.

Этимология слова «определенность» означает твердо установленный, ясный, не допускающий сомнений¹, а «стабильность» – это как прочность, устойчивость, постоянство.² Исходя из этих установок, правовая определенность конкретной нормы, регулирующей отношения участников уголовного процесса, предполагает ее ясную, не допускающую сомнений и двусмысленности, не подлежащую свободным изменениям законодательную формулировку, коррелирующую с иными положениями как уголовно-процессуального закона, так и иных законодательных актов. Данное требование относится к разряду обязательных, поскольку обеспечивает законность действий и решений должностных лиц, предопределяет эти действия и решения, делает их процессуальную деятельность в определенной степени прозрачной и в целом позволяет добиваться того, что указанная деятельность отвечает назначению уголовного судопроизводства.

Присутствующая в уголовно-процессуальном законе правовая неопределенность по-разному влияет на правоприменительную практику. В одних случаях она не мешает правоприменителям обходить данную неопределенность и принимать правильные решения. Это касается, например, ситуации относительно полномочия прокурора «проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях» (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Законодатель ссылается на закон, которого нет в системе нормативных правовых актов России. Понимая это, правоприменители воспринимают данную позицию как право надзирающего за предварительным следствием и дознанием прокурора выявлять нарушения уголовно-процессуального закона при осуществлении доследственной проверки в рамках стадии возбуждения уголовного дела, и на практике при реализации прокурором данных полномочий проблемных ситуаций не возникает. Следует отметить и

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 454, 759.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 759.

отсутствие коллизий и недопонимания практиков по вопросу привлечения эксперта к осмотру трупа в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 178 УПК РФ. Указанное требование законодателя противоречит его же позиции, изложенной в ч. 1 ст. 57 УПК РФ, где сформулировано понятие эксперта как лица, обладающего специальными знаниями и назначенного в порядке, установленном законом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Поскольку в ходе осмотра трупа судебная экспертиза производиться не может, привлекать эксперта к производству данного следственного действия не вполне целесообразно. Несмотря на явную неопределенность закона по данному вопросу, следователи и дознаватели привлекают для проведения такого следственного действия, как осмотр трупа, не экспертов, а лиц, обладающих медицинским образованием, чаще всего патологоанатомов либо, что бывает достаточно редко, иной медицинской специальности. Подобных примеров дефектов законодательной техники можно привести достаточно много, но в целом они не создают каких-либо сложностей в правоприменительной практике.

В других случаях правовая неопределенность, допущенная законодателем, негативным образом влияет на итоговые результаты уголовно-процессуальной деятельности, ее эффективность. В качестве примера можно привести положения закона, касающиеся сроков содержания под стражей и практики продления данных сроков. В ст. 109 УПК РФ законодатель определил, что максимальный срок содержания под стражей при осуществлении предварительного следствия составляет 18 месяцев. Часть 4 указанной статьи содержит императивное положение о том, что «дальнейшее продление срока не допускается». Возможные исключения из этого правила законодатель предусмотрел в ч. 7, ч. 8¹, п. 4. ч. 10 ст. 109 и в ч. 2¹ ст. 221 УПК РФ. Это случаи, когда обвиняемому оказалось недостаточно времени для ознакомления со всеми материалами уголовного дела до истечения предельного срока содержания под стражей, если прокурор возвращает уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия в порядке п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ и если в отношении лица, содержащегося под стражей на территории иностранного государства и впоследствии выданного по

запросу о правовой помощи Российской Федерации, необходимо провести предварительное расследование на территории России. Третий вариант предусматривает ст. 221 УПК РФ. Если к моменту направления уголовного дела в суд срок содержания под стражей истекает настолько, что суду его недостаточно для выполнения требований ст. 227 УПК РФ, то прокурор вправе возбудить ходатайство о продлении срока содержания под стражей до 30 суток, несмотря на то, что при решении данного вопроса предварительное расследование по уголовному делу фактически окончено. В ч. 11 ст. 109 УПК РФ законодатель указал, что предельный срок содержания под стражей может быть продлен не более чем на 6 месяцев и в каких случаях это допустимо.

Иных вариантов продления сроков содержания под стражей свыше 18 месяцев закон не предлагает. В то же время на практике складываются ситуации, требующие внимания законодателя, например, возможность продления срока содержания под стражей после возвращения уголовного дела прокурору для повторного ознакомления с появившимися новыми материалами. Имеются в виду случаи, когда по сложному, многофигурантному, многоэпизодному уголовному делу после возвращения его прокурору были проведены следственные (иные процессуальные) действия, занявшие значительное время, в результате увеличившие объем дела, может быть, изменившие квалификацию действий обвиняемого либо обвиняемых, увеличившие количество эпизодов предъявленного обвинения, потребовавшие соединения уголовных дел и пр. После своего завершения данная деятельность требует ознакомления всех участников процесса с новыми появившимися в деле материалами, а фактически – со всеми материалами уголовного дела. Если период ознакомления не войдет в предельный срок, на который было продлено предварительное расследование после возвращения уголовного дела прокурору, то и возникает необходимость его повторного продления.

Следственная и судебная практика по данному вопросу в различных регионах страны отличается разнообразием. В одних случаях суды весьма расширенно толкуют данную норму, полагая, что продление предельного срока

возможно, и возможно неоднократно, в других случаях решения принимаются, исходя из того, что продление предельного срока, даже для ознакомления с новыми материалами, невозможно.

Рассматривая данную проблему, ЕСПЧ посчитал, что увеличение предельного срока является нарушением ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В частности, в п. 64 постановления от 29 мая 2012 г. (жалоба № 2366/07, дело «Суслов против Российской Федерации»)¹ им была высказана позиция, что «...закон не предусматривает возможности повторного, в том числе после дополнительного расследования, обращения прокурора в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей того же обвиняемого в период его ознакомления с полученными в результате дополнительного расследования материалами. При отсутствии прямого указания в законе на возможность неоднократного продления предельного срока ареста по указанным мотивам иное истолкование оспариваемых положений нарушало бы запрет произвольного ареста в том его понимании, которое вытекает из постановления Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г.».

Позиция Конституционного Суда РФ по данному вопросу менялась. Например, в постановлении от 16 июля 2015 г. № 23-П² можно отметить уже иной подход к решению рассматриваемой нами проблемы. Суть правовой позиции Конституционного Суда РФ сводится к тому, что «...конкретные границы контролируемых судом сроков содержания под стражей непосредственно Конституцией Российской Федерации не устанавливаются, они определяются законодателем с учетом их разумности, обусловленной недопустимостью возложения на подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления обременений на неопределенное или слишком долгое время, и принимая во

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Суслов против Российской Федерации» по жалобе № 2366/07 от 29 мая 2012 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2013. № 11. С. 80-96.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений части третьей – седьмой статьи 109 и части 3 статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Мухина» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4660.

внимание требования эффективности реализации публичных функций и процессуальной экономии. Суд может продлить время содержания обвиняемого под стражей за рамками предельного срока в целях его ознакомления с материалами, полученными в результате проведения необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению уголовного дела следственных и иных процессуальных действий, а по ходатайству обвиняемого или его защитника – и с иными материалами данного дела».

Однако оставшиеся при особом мнении судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев, Ю.М. Данилов и С.М. Казанцев высказали достаточно убедительные аргументы против такого подхода к решению проблемы. Каждым из них было дано глубокое обоснование необходимости совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся продления сроков действия меры пресечения в виде заключения под стражу.

Правовая неопределенность по вопросу продления предельного срока содержания под стражей не лучшим образом влияет на складывающуюся судебную практику в России. Единственный выход из этого неоднозначного положения – достаточно корректно сформулировать в законе все возможные исключения из общего правила о недопустимости продления максимально возможного 18-месячного срока заключения под стражу.

Таким образом, обеспечение эффективной уголовно-процессуальной деятельности в определенной степени зависит от содержания положений закона и их согласованности между собой и от стабильности той правовой политики, которую проводит в жизнь законодатель. Изменить сложившееся на сегодняшний день положение может только принципиально иной подход к корректированию текста закона.

ГЛАВА 4. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, И ИХ ОПТИМИЗАЦИЯ

§ 1. Расширение уголовно-процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц как средство, обеспечивающее эффективность уголовно-процессуальной деятельности

Под уголовно-процессуальными гарантиями принято понимать систему правовых средств, закрепленных в уголовно-процессуальном законе, которые обеспечивают интересы государства и реализацию прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Полагаем, что к данным средствам следует отнести полномочия должностных лиц, уголовно-процессуальную форму, принципы, институты уголовно-процессуального права, а также все формы контроля и надзора, реализуемые в рамках уголовного судопроизводства.

Направленность гарантий на обеспечение интересов государства и прав определенных участников процесса позволяет выделить гарантии обеспечения полномочий должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, и гарантии обеспечения прав других лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве¹. Данные виды гарантий, хотя и направлены на обеспечение разнополярных интересов участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, тем не менее взаимосвязаны друг с другом, поскольку гарантии обеспечения полномочий должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, направлены на осуществление деятельности строго в рамках закона, что способствует обеспечению прав иных лиц. Например, принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) не только регламентирует форму проведения судебного заседания, но и обеспечивает реализацию прав и законных интересов участников процесса.

¹ Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть. Курс лекций. Екатеринбург, 2010. С. 43.

Рассмотрим указанные гарантии, а также их взаимосвязь и взаимозависимость с эффективной уголовно-процессуальной деятельностью.

Возможность реализовать полномочия должностными лицами в первую очередь обеспечена четким указанием в уголовно-процессуальном законе на то, какими именно полномочиями располагает то или иное лицо, можно ли указанный список толковать расширительно, а если можно, то каким образом. Например, исходя из положений ст. 38 УПК РФ, фактически небольшой список полномочий следователя может быть продолжен иными полномочиями, но лишь такими, которые предусмотрены действующим законом.

Осуществление уголовно-процессуальной деятельности предполагает и наделение должностных лиц таким объемом полномочий, который позволял бы им выполнять возложенные на них задачи: устанавливать факт совершения преступления, собирать доказательственную базу, принимать решение о невиновности либо виновности конкретного лица и выбирать вид и размер наказания. Для выполнения данных задач должностные лица наделяются широкими властными правами, позволяющими им производить процессуальные действия и принимать процессуальные решения, среди которых особо выделяют меры принуждения. В законе расписан порядок совершения следственных и иных процессуальных действий, что позволяет проверить правильность реализации полномочий, выявить нарушения и принять меры по их устранению.

Полагаем, что такой подход абсолютно оправдан, поскольку позволяет решать как государственные задачи, так и частные вопросы и поддерживать частные интересы. Полномочия должностных лиц выступают гарантиями реализации прав подозреваемых, обвиняемых и некоторых иных участвующих в уголовном судопроизводстве лиц. Каждому праву обвиняемого корреспондирует обязанность должностного лица поступать таким образом, чтобы указанное право могло быть реализовано. Например, право обвиняемого заявлять ходатайства обеспечивается обязанностью следователя рассматривать заявленные ходатайства и выносить аргументированные постановления при их удовлетворении либо отказе от удовлетворения. Право знать, в чем лицо обвиняется, обеспечивается

обязанностью следователя в максимально короткий срок после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого ставить обвиняемого в известность о его процессуальном статусе и знакомить с содержанием данного постановления (ч. 1 ст. 172 УПК РФ).

Таким образом, правовые средства в виде полномочий выступают гарантиями обеспечения прав иных участников процесса, а также позволяют должностным лицам осуществлять уголовное судопроизводство, обеспечивать достижение его назначения и способствовать эффективной уголовно-процессуальной деятельности, т. к. от вида и количества предоставленных прав и возможности их реализации в уголовном судопроизводстве зависит и эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

Следует признать абсолютно правильным решение о возвращении суду ряда полномочий, которых он был лишен в связи с ошибочным пониманием законодателем некоторых элементов принципа состязательности, в том числе и после принятия Конституционным Судом РФ соответствующих постановлений¹. Это касается, например, вопроса о степени активности суда в уголовном судопроизводстве. Начиная с 2001 г., мы прошли сложный путь от утверждения полной пассивности суда в судебном разбирательстве до возвращения ему права принимать ряд решений по своей инициативе. При этом надо отметить, что и в настоящее время присутствует непоследовательность законодателя, который в одном случае позволяет суду самостоятельно и при отсутствии ходатайства сторон оглашать показания потерпевшего или свидетеля, которые не явились в судебное заседание по уважительной причине (ч. 2 ст. 281), допрашивать эксперта (ст. 282), назначать судебную экспертизу (ст. 283), оглашать заключения эксперта,

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23 января 2001 г. № 21-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якурина Константина Андреевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 276 УПК РСФСР» // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40011/ (дата обращения: 13.05.2019); постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке Конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. 2003. 23 декабря.

протоколы следственных действий, иные документы (ч. 2 ст. 285), истребовать документы, исследовать их по своей инициативе, а затем приобщать к материалам уголовного дела (ст. 286 УПК РФ). В другом случае суд исследует доказательства только при наличии волеизъявления хотя бы одной стороны: это в случаях вызова в суд свидетеля (ст. 278); оглашения показаний свидетеля, потерпевшего, ранее ими данных, при наличии противоречий с показаниями, которые были даны этими лицами в судебном заседании (ч. 3 ст. 281) или обеих сторон – оглашение показаний неявившихся в суд потерпевшего и свидетелей по неустановленным причинам (ч. 1 ст. 281); осмотр вещественных доказательств (ст. 284); оглашение показаний подсудимого (ч. 1 ст. 276 УПК РФ). И, наконец, диспозиции ряда статей сформулированы таким образом, что не совсем ясно, требуется ли для совершения указанных в них действий предварительное заявление, ходатайство стороны либо сторон, или данное действие может быть произведено по инициативе суда. Это касается ст. 287-290 УПК РФ (осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование).

Такие ограничения активности суда нельзя оценивать положительно. Практикующие юристы, прежде всего судьи, обращают внимание на это как на негативный момент, в частности, указывая, что суд не может понудить стороны представить в ходе судебного разбирательства даже те доказательства, которые имеются в уголовном деле, например те, которые характеризуют личность подсудимого и необходимы суду для определения вида и размера наказания (характеристики, справки с места работы, иные документы). Необходимость предоставления суду возможности проявлять инициативу, направленную на исследование всех имеющихся в деле доказательств, обосновывается еще и тем, что при анкетировании судей Челябинска, Оренбурга, Челябинской и Оренбургской областей, а также Ханты-Мансийского автономного округа более 75 % респондентов заявили, что в ходе судебного разбирательства у них складывались ситуации, когда стороны не представляли для исследования все имеющиеся в деле доказательства. На вопрос, приходилось ли им самостоятельно выяснять обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения дела

по существу, в связи с тем, что указанные обстоятельства не выясняли стороны, 76,6 % респондентов ответили положительно. Указанные данные позволяют сделать вывод, что в УПК РФ целесообразно закрепить норму, в соответствии с которой суд по своей инициативе сможет исследовать доказательства, имеющиеся в деле и не представленные сторонами, даже если при окончании судебного следствия стороны заявят об отсутствии у них ходатайств.

Уголовно-процессуальная форма представляет собой определенный законом порядок всех действий и принятие решений в рамках уголовного судопроизводства. Изменить или отойти от указанного в законе порядка нельзя, это будет рассматриваться как нарушение законности с соответствующими последствиями для должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Уголовно-процессуальная форма выступает гарантией как успешного производства по уголовному делу, т. е. решения государственной функции обеспечения порядка на территории государства, так и гарантией соблюдения прав и законных интересов участников процесса¹. Указанный порядок производства появился в результате поисков, наработок, устранения ошибок и недочетов, которые были выявлены на протяжении длительного времени. Тем не менее сказать, что порядок производства в настоящее время абсолютно совершенен, нельзя. Практика то и дело демонстрирует нам упущения законодателя, недоработки механизма производства следственных и иных процессуальных действий, те болевые точки в законе, позволяющие участвующим лицам злоупотребить своими процессуальными правами. Например, в ч. 2 ст. 53 УПК РФ говорится, что защитник в ходе производства следственного действия вправе в присутствии следователя, дознавателя давать краткие консультации своему доверителю, но не оговаривает их количество, сущность, пределы. Появившаяся в 2003 г., данная норма, с одной стороны, расширила права представителей стороны защиты, но, с другой стороны, создала ряд сложностей для должностных лиц правоохранительных органов, поскольку постановка вопроса

¹ Химичева О.В., Химичева Г.П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 33-36.

следователем обвиняемому довольно часто влечет получение краткой консультации, суть которой в том, как правильно ответить на заданный вопрос. И в результате более 90,3 % следователей, которым задавался вопрос, оправдывает ли себя данная норма, ответили отрицательно, поскольку обвиняемый после консультации дословно повторяет слова своего защитника.

Уголовно-процессуальная форма охватывает и такое понятие, как протоколы следственных и судебных действий. Среди всей системы доказательств им отведена достаточно важная роль, поскольку они позволяют проверочным инстанциям установить правильность проведения запротоколированного следственного действия или выявить нарушения с целью последующего принятия мер для их устранения. Ведение протокола следственного, иного процессуального действия также выступает гарантией соблюдения интересов государства и обеспечения прав участвующих в процессе лиц в том случае, если протокол объективно фиксирует ход и результаты следственного действия, заявленные ходатайства. В настоящее время нет эффективного механизма выявления и устранения выявленных нарушений, допущенных при составлении протоколов как следственных, так и судебных действий. Попытка отказа от участия понятых при проведении отдельных следственных действий, как нам представляется, малоэффективна с точки зрения обеспечения полноты и обоснованности фиксации хода и результатов действий должностных лиц. Использование технических средств в данном случае не всегда возможно, так как они не все происходящее могут фиксировать, могут отказывать или работать только в определенных условиях (временных, погодных, при определенной освещенности). Закон допускает такие ситуации и позволяет не фиксировать происходящие события (ч. 3 ст. 170 УПК РФ), что создает возможность для различного рода нарушений.

Полагаем, что эффективная уголовно-процессуальная деятельность исключает возможность фальсификации результатов следственных и иных процессуальных действий, и только жесткое соблюдение процессуальной формы, соблюдение установленного законом порядка позволяет говорить об эффективности деятельности.

Принципы уголовного судопроизводства представляют собой систему основных начал данной деятельности, обеспечивающих достижение его назначения, выражающегося как в защите прав и законных интересов лиц и организации, потерпевших от преступлений, так и в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Принципы также обеспечивают достижение публичных интересов и возможность выполнения государством своих функций, поскольку каждый принцип по своей сути не только направлен на обеспечение прав участников процесса, но и обеспечивает соблюдение такого порядка судопроизводства, при котором становится возможным решение всех государственных задач. Система принципов уголовного процесса появилась не сама по себе, она детерминирована рядом факторов, и в первую очередь правовой политикой государства, меняется политика, изменяется и система принципов и (или) меняется сущностное наполнение их элементов. Такая динамичность позволяет совершенствовать имеющуюся систему, устранять не востребуемые и вводить новые мировоззренческие идеи, требующие своей реализации в уголовном судопроизводстве, как это, например, произошло с принципами «разумный срок уголовного судопроизводства» и «независимость судей».

Влияние принципов на уголовно-процессуальную деятельность очевидно, и на это неоднократно указывали ученые. Например, С.С. Ерашов писал, что «...принцип уголовного процесса характеризует уголовно-процессуальную деятельность и возникающие в ходе нее правоотношения»¹. Считаем данное утверждение весьма спорным, полагаем, что принцип характеризовать каким-либо образом процессуальную деятельность не может, он на нее влияет, определяет ее возможности, пределы, выходить за которые недопустимо, либо может демонстрировать, соблюдался ли при производстве процессуальной деятельности указанный принцип, например, принцип законности. Принципы в совокупности с

¹ *Ерашов С.С.* Система принципов современного отечественного уголовного процесса; теоретико-правовые аспекты и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 7-8.

нормами институтов уголовно-процессуального права, в которых конкретно определяется порядок их реализации, показывают, как должна осуществляться уголовно-процессуальная деятельность, поэтому их воздействие должно распространяться на всю область процессуальных отношений, а не выборочно. В связи с этим количество принципов и их содержательная часть объективно и всесторонне должны охватывать все моменты процессуальной деятельности, этим и объясняется плюрализм мнений ученых относительно количества принципов и необходимости их закрепления в тексте уголовно-процессуального закона. Полностью разделяем мнение ученых, отстаивающих целесообразность возврата в гл. 2 УПК РФ принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Данный принцип обеспечивает реализацию основных требований, которые должны предъявляться к деятельности должностных лиц в уголовном судопроизводстве на любых стадиях, и в том числе обеспечивать эффективную деятельность.

Свою позицию относительно целесообразности включения в систему уголовно-процессуальных принципов таких элементов, как принцип объективности, принцип справедливости, принцип добросовестности и принцип процессуальной экономии, мы обосновали ранее, в третьем параграфе второй главы данной работы. Хотелось бы только подчеркнуть, что указанные принципы будут должным образом обеспечивать не только эффективную уголовно-процессуальную деятельность, но и просто деятельность правильно, качественно осуществляемую, но не претендующую на эффективность. В этой связи мы не можем полностью согласиться с мнением С.С. Безрукова, который высказал точку зрения о том, что размежевание принципов на принципы уголовного процесса, уголовно-процессуального права и уголовно-процессуальной деятельности нецелесообразно¹. Данная точка зрения, на наш взгляд, верна в той части, что уголовный процесс и представляет собой деятельность, осуществляемую в соответствии с нормами, ее регламентирующими. В то же время в рамках

¹ *Безруков С.С.* Принципы уголовного процесса: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. С. 6.

уголовного процесса деятельность осуществляется разнонаправленно, различными субъектами, она преследует различные цели и осуществляется с применением различных средств и методов. Учитывая данные особенности процессуальной деятельности и в целях ее оптимизации рекомендации ученых относительно выявления специальных принципов данной деятельности и закрепления их в законе считаем обоснованными. Такой методологический подход позволил нам выявить принципы именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности и обосновать целесообразность их позиционирования в рамках уголовного процесса. Выявление специфических принципов не умаляет и не принижает значимость общих принципов уголовного судопроизводства, подобный подход только позволяет подчеркнуть те особые требования, которые предъявляются или должны предъявляться к деятельности более высокого уровня, чем та, которая принимается за норму.

Любые принципы, как общие, так и специальные, выполняют роль гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве, поскольку представляют собой обязательные базовые требования, реализуемые в правовых нормах, в том числе и такие, которые обеспечивают эффективную уголовно-процессуальную деятельность.

Под институтом уголовно-процессуального права понимают совокупность норм, регулирующих однотипные взаимосвязанные общественные отношения, возникающие в процессе производства по уголовному делу. Институты уголовно-процессуального права позволяют более полно раскрыть требования к совершению тех либо иных действий или принятию решений. Например, в ст. 42, 44, 46, 47 УПК РФ, где указаны права таких участников процесса, как потерпевший, гражданский истец, подозреваемый, обвиняемый, подтверждено и их право на заявление ходатайств, однако не указан порядок реализации данного права. Этот порядок достаточно подробно расписан в гл. 15 УПК РФ (ст. 119-122), где определено, кто вправе заявлять ходатайство, кому оно заявляется, в каком виде и каков порядок его рассмотрения и разрешения.

Таким образом, взаимосвязь и взаимозависимость уголовно-процессуальных норм, логично и последовательно выстроенных, позволяет говорить о продуманной системе уголовно-процессуального права, обеспечивающей достижение его назначения.

Однако следует указать, что практика применения уголовно-процессуальных норм позволяет выявлять в данной выстроенной системе некоторые недочеты, вызывающие проблемы для правоприменителей и ошибки.

Обращают на себя внимание упущения законодателя в тексте уголовно-процессуального закона при введении и последующей неоднократной корректировке главы 40 УПК РФ. Указанный порядок был введен в 2001 г. с целью упростить и удешевить производство по делам небольшой или средней тяжести. Данный подход позволял претендовать на эффективность деятельности по реализации сделки об упрощении процедуры судопроизводства, однако до настоящего времени остается неразрешенным ряд вопросов.

Одним из условий возможности упрощенной процедуры является согласие на нее государственного (частного) обвинителя и потерпевшего, однако по установленному законодателем порядку потерпевший знакомится с материалами уголовного дела до ознакомления с ними обвиняемого и, следовательно, позиция обвиняемого по данному вопросу остается потерпевшему неизвестна до предварительного слушания, а если оно не проводится, то до начала судебного разбирательства. Рассмотрение в ходе судебного разбирательства ходатайства и необходимость срочного выбора позиции по данному вопросу ставит потерпевшего в сложное положение. Определенные сложности организационного порядка возникают и у судьи, поскольку разъяснение, данное в постановлении Пленума Верховного Суда РФ в редакции от 29 июня 2021 г., гласит, что «...в нормах главы 40 УПК РФ указаны условия постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, а не условия назначения уголовного дела к рассмотрению. Поэтому при наличии ходатайства обвиняемого о применении особого порядка принятия судебного решения и отсутствии обстоятельств, препятствующих разбирательству уголовного дела в особом

порядке, судья при назначении судебного заседания принимает решение о рассмотрении данного дела в особом порядке»¹, а если меняется ситуация, выявляются препятствия к рассмотрению дела в особом порядке, принимает решение рассматривать дело в общем порядке. Сложности проявляются в неэффективно израсходованном времени, так как общий порядок требует больших временных затрат, нежели особый, а поскольку, определяя время на проведение судебного заседания в особом порядке, судья не предполагает о заявлении ходатайства потерпевшим на получение квалифицированной консультации по возникшему вопросу и о возможности перехода на обычный режим судебного разбирательства, изменения в графике его работы сказываются на времени рассмотрения других дел, что и создает трудности организационного порядка.

Государственный обвинитель появляется с момента принятия прокурором решения о том, кто конкретно из сотрудников прокуратуры будет поддерживать обвинение по уголовному делу, т. е. до этого момента у данного лица также нет доступа к материалам уголовного дела, его мнение в материалах уголовного дела не отражено, и в законе нет механизма, позволяющего зафиксировать мнение государственного обвинителя, которое может отличаться от мнения прокурора, утвердившего обвинительное заключение. Возникает вопрос: если судья, назначая уголовное дело к рассмотрению, должен быть извещен о мнении, сложившемся у участников процесса относительно возможности рассмотрения дела в особом порядке, каким образом эта информация будет ему доступна? Складывается ситуация, что на момент назначения судебного заседания судья не располагает сведениями о возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке, но тем не менее выносит соответствующее постановление.

При этом законодатель убрал из перечня оснований проведения предварительного слушания заявление обвиняемым ходатайства об особом порядке. В УПК РФ отсутствует право обвиняемого на рассмотрение его

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. 2006. 20 декабря.

уголовного дела в особом порядке, только при ознакомлении с материалами уголовного дела ему должно быть разъяснено о возможности в случаях, предусмотренных ст. 314 Кодекса, применения судом такого порядка.

Таким образом, для устранения указанного пробела в законе и обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности считаем необходимым восстановить такое основание для предварительного слушания, как заявление обвиняемым ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке. В ходе предварительного слушания будут выяснены все необходимые основания для проведения судебного разбирательства в особом порядке, и дело будет назначено к рассмотрению без каких-либо организационных проблем. В связи с изложенным считаем необходимым дополнить часть 2 статьи 229 УПК РФ пунктом 1¹ следующего содержания: «при наличии ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке».

И еще одна из форм процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов личности и интересов государства – это контроль и надзор за процессуальной деятельностью и принятием законного решения должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Полагаем, что как одна из форм процессуальных гарантий судебный и ведомственный контроль, а также прокурорский надзор могут быть весьма эффективны в том случае, если эти виды деятельности будут отвечать соответствующим критериям. Выявление допущенных должностными лицами ошибок, нарушений и их устранение, пересмотр уголовных дел и проверка законности принятых решений позволяет обеспечить права и законные интересы лиц, а равно и интересы государства. Однако следует отметить, что результативность указанных форм контроля и надзора различна. На наиболее быстрое и полное выявление ошибок и недочетов следователей может претендовать в первую очередь ведомственный процессуальный контроль, к разновидности которого мы относим возможности руководителя следственного органа. Это – контроль текущий, ежедневный, постоянный, так как руководитель располагает реальной возможностью ежедневно наблюдать за ходом расследования уголовных дел, обеспечивать устранение

возникающих сложностей. Выявляя нарушения, руководитель следственного органа может принимать как радикальные меры – передачу уголовного дела другому следователю, так и просто устранять их путем дачи соответствующих указаний или совершения процессуальных действий. Слабое место в данной конструкции состоит в том, что интересы ведомства и недостаточная теоретическая подготовка этого должностного лица могут затруднить либо исключить возможность осуществления процессуальной деятельности эффективно. Избежать указанных проблем возможно путем как тщательного подбора кандидатов на указанную должность, так и пересмотра оценочных показателей его деятельности и деятельности следственного аппарата.

Достаточно эффективным средством по выявлению нарушений действующего законодательства, защите прав и законных интересов граждан ранее всегда выступал прокурорский надзор. Полномочия, которыми был наделен надзирающий за предварительным следствием и дознанием прокурор, позволяли ему в силу выполнения ими своих обязанностей по собственной инициативе и по поступавшим в прокуратуру жалобам выявлять нарушения, допускаемые следователями и дознавателями. Например, в соответствии с требованиями УПК РСФСР при решении вопроса о санкции на арест прокурор обязан был не только тщательно ознакомиться со всеми материалами уголовного дела, содержащими основания для заключения под стражу, но в необходимых случаях лично допросить подозреваемого или обвиняемого, а несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого – во всех случаях¹. Данное требование закона прокурорами неукоснительно соблюдалось, что способствовало своевременному выявлению ошибок и нарушений, допускаемых следственным аппаратом.

Процессуальное положение прокурора изменилось, от носителя властных полномочий, реализуя которые, он мог направлять ход и результаты расследования, до наблюдателя, не имеющего реальных возможностей влиять на

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

ход предварительного расследования, а, следовательно, и на уровень законности действий и решений должностных лиц.

В настоящее время прокурор осуществляет только ограниченный последующий надзор, позволяющий выявлять и устранять нарушения законности после их совершения и лишь в том случае, если в прокуратуру поступит соответствующая информация о допущенных на следствии нарушениях, либо когда прокурор сам обнаружит нарушения при утверждении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления.

Это затрудняет своевременно выявлять нарушения, допускаемые следователями в ходе процессуальной деятельности. Только при получении жалобы или заявления гражданина он получает право письменно, мотивированно запрашивать материалы уголовного дела и знакомиться с ними. Данная позиция законодателя, введенная в текст УПК РФ Федеральным законом № 226-ФЗ еще в 2008 г.¹, максимально ограничивает возможности прокуратуры, что нельзя признать правильным. На данное обстоятельство неоднократно указывали ученые, а также 88,2 % прокуроров, осуществляющих надзор за процессуальной деятельностью следственных органов, причем опрос проводился в нескольких регионах России, считают, что имеющихся в настоящее время полномочий, для успешного осуществления надзора недостаточно. Кроме того, закон не устанавливает порядок и сроки предоставления по запросу прокурора материалов уголовного дела.

В настоящее время не реализуется еще один из способов выявления нарушений, достаточно успешно применяемый ранее, – это возможность участия прокурора в следственных и процессуальных действиях при проведении предварительного следствия. До внесения изменений в УПК РФ в 2007 г.²

¹ Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49. Ст. 5724.

² Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

представители прокуратуры выезжали на место происшествия, при избрании меры пресечения допрашивали подозреваемых, обвиняемых, могли участвовать и в производстве отдельных следственных действий, особенно по резонансным делам. Выявляя нарушения, которые допускали следователи по различным причинам, как специально, так и неумышленно в силу недостаточного опыта, прокуроры оказывали помощь, поддержку, подсказывали правильное решение возникающих проблем. Считаем, что возврат к такому порядку участия прокуроров в уголовном судопроизводстве в силу их обязанности осуществления надзора за процессуальной деятельностью только повысит эффективность данной деятельности.

Что касается судебного контроля, осуществляемого судом, то очевидно, что в стадии предварительного расследования он касается ошибок и нарушений только опосредованным образом, поскольку разрешает лишь те вопросы, с которыми к нему обращаются: рассматривает жалобы и заявления граждан на конкретные действия (бездействие) или решения должностных лиц, устанавливает возможность выдачи разрешения на проведение следственных действий, затрагивающих конституционные права граждан, решает вопросы применения некоторых мер пресечения, ряда иных мер процессуального принуждения. Осуществляя контрольные функции по отношению к судебным решениям в порядке апелляционного, кассационного и надзорного производства¹, суд, выявляя ошибки и нарушения, изменяя либо отменяя судебное решение, выступает гарантом обеспечения законного, обоснованного и справедливого приговора.

Именно поэтому считаем целесообразным расширение возможности судей обеспечивать объективный ход как предварительного расследования, так и рассмотрения уголовных дел в рамках судебного разбирательства. Действующий в настоящее время механизм участия суда в стадии предварительного расследования, в том числе обеспечивающий выявление и устранение допущенных следствием ошибок, требует совершенствования. Звучавшие неоднократно предложения о

¹ *Николюк В.В., Кальницкий В.В.* Изменения судоустройственного и судопроизводственного законодательства и позиции Верховного суда РФ // *Мировой судья*. 2020. № 3. С. 3-8.

введении института следственных судей, к сожалению, так и не были услышаны законодателем, а такой подход был бы, на наш взгляд, самым продуктивным и создал бы полноценные условия как для выявления ошибочных решений органов предварительного расследования, так и для их устранения. Эффективным средством выявления и устранения ошибок органов предварительного расследования является возможность суда самостоятельно инициировать исследование в ходе судебного разбирательства любого возникшего в ходе судебного заседания вопроса, например, о вызове свидетеля, повторном обращении к вопросу о признании доказательства недопустимым и т. д., поэтому следует поддержать мнение тех ученых, которые высказывали предложения о предоставлении суду более широкого спектра полномочий, которые в полной мере позволили бы ему выявлять ошибки досудебного производства¹.

Возможность суду осуществлять как свою непосредственную деятельность, правосудие, так и контрольные функции и таким образом выступать гарантом обеспечения прав и законных интересов граждан и интересов государства, обеспечивает принцип независимости, который, по нашему мнению, следует толковать более широко, нежели это определено в ст. 8¹ УПК РФ. Судья должен быть независим не только от вмешательства в его деятельность посторонних лиц, но и от своих собственных ранее принятых решений. Законодатель в ст. 63 УПК РФ изложил данное основание как недопустимость повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела, но судья, помимо рассмотрения собственно уголовных дел, рассматривает и иные вопросы, например, об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и т. д. Он рассматривает жалобы на решения следователя, в которых заявитель касается вопросов квалификации его действий, применения к нему мер пресечения, каких-то иных принудительных средств, что требует погружения судьи в информацию, касающуюся совершенного деяния, степени участия заявителя в нем, каких-то иных взаимосвязей с преступным событием. Рассмотрение подобных вопросов и

¹ Беккер Т.А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2017. С. 19-20.

принятие по ним любого решения, по нашему мнению, должно полностью исключать участие этого судьи в дальнейшем в рассмотрении данного уголовного дела по существу, поскольку судья будет находиться под давлением своего решения, состоявшегося ранее. Такой подход призван гарантировать объективность и непредвзятость этого должностного лица и в целом обеспечит эффективность процессуальной деятельности.

Таким образом, мы приходим к выводу, что гарантии обеспечения прав и законных интересов лиц и обеспечения интересов государства во всех своих проявлениях непосредственно связаны и обеспечивают эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Поэтому их расширение и разработка более эффективного порядка применения только положительным образом будет влиять на обеспечение как прав и законных интересов лиц, так и интересов государства, а также будет обеспечивать эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

§ 2. Меры стимулирования участников уголовного судопроизводства как средства обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности

Одним из средств, влияющих на улучшение показателей любой деятельности, в том числе и уголовно-процессуальной, являются меры стимулирования, в число которых входят поощрения, применяемые как к должностным лицам, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность, так и к участникам данной деятельности, поведение которых и занимаемые ими правовые позиции оказывают влияние на эффективность уголовного процесса.

Под поощрением С.И. Ожегов понимал вознаграждение, награду, а термин «поощрить» рассматривал как «...содействием, сочувствием, наградой одобрить что-нибудь; возбудить желание сделать что-нибудь»; стимулировать, по мнению данного ученого, – это «дать, давать стимул к чему-нибудь, заинтересовать в чем-

нибудь»¹. Стимулирование и поощрение по своей сути – это методы управления, из которых стимулирование, как представляется, более широкое понятие, охватывающее наряду с другими и метод поощрения, ведь стимулировать можно как путем предоставления возможности получения дополнительных благ при условии правильной деятельности и достижения определенных желаемых показателей, так и угрозой утраты имеющихся благ или возможностей, а поощрить – это только предоставить определенные блага за что-то уже совершённое, причем совершённое правильно.

Ранее в диссертационной работе уже обращалось внимание на то, что эффективная уголовно-процессуальная деятельность складывается из деятельности должностных лиц и участия иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Очевидно, что формы стимулирования и поощрения к указанным группам участников применяются совершенно разные, но и те, и другие оказывают влияние на эффективность уголовно-процессуальной деятельности. И если элементы стимулирования позитивного поведения невластных участников уголовного судопроизводства в тексте закона достаточно легко усматриваются, то в отношении стимулирования должностных лиц все выглядит намного сложнее.

Например, закрепленное в ч. 3 ст. 217 УПК РФ предупреждение о возможных неблагоприятных последствиях для обвиняемого и его защитника в случае явного затягивания времени на ознакомление с материалами уголовного дела можно рассматривать как стимулирующее правильное поведение при совершении данного процессуального действия. Положения гл. 40 УПК РФ относительно последствий применения особого порядка стимулируют обвиняемого на выбор определенного поведения, в котором заинтересовано государство, так оно не только обеспечивает значимую процессуальную экономию, но и предоставляет виновному в совершении преступления лицу определенные преференции. Глава 40¹ УПК РФ предусматривает порядок и условия стимулирования участников уголовного судопроизводства к сотрудничеству с органами предварительного

¹ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 560, 766.

расследования, что обеспечивает эффективность досудебного производства, позволяет достичь желаемого результата. Положения, закрепленные в ст. 110 УПК РФ, предусматривающие возможность отмены либо изменения меры пресечения как в сторону смягчения, так и в сторону выбора более строгой, также можно рассматривать и как положение стимулирующего характера, и как поощрительную меру за правильное поведение. Определенное воздействие, стимулирующее правильное поведение лиц, присутствующих в зале судебного заседания, оказывает предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании и неподчинения распоряжениям председательствующего (ч. 1 ст. 258 УПК РФ).

Основными видами стимулирования должностных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, являются материальное стимулирование и стимулирование моральное, которое в свою очередь можно подразделить на дисциплинарное, состоящее в применении к должностному лицу мер дисциплинарной ответственности за ненадлежащее выполнение своих обязанностей, и поощрительное, заключающееся в применении таких видов поощрения, как награждение почетными грамотами, знаками, присвоение определенного статуса, например, «Почетный работник...», и т.д. Порядок поощрения и наказания, как правило, определен в законах, регламентирующих деятельность отдельных участников уголовно-процессуальной деятельности. Например, в ст. 41⁶ Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹ указываются виды поощрений работников прокуратуры, а согласно ст. 30 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»² установление мер поощрения адвокатов отнесено к полномочиям общего собрания (конференции) адвокатов субъекта Российской Федерации.

Более подробно виды и порядок поощрения указаны в подзаконных нормативных правовых актах, специально посвященных данному вопросу,

¹ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

² Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

например, в приказах Генеральной прокуратуры РФ¹. О поощрении адвокатов за добросовестное исполнение своих обязанностей указано в ст. 18¹ Кодекса профессиональной этики адвоката: «Добросовестное исполнение адвокатом профессиональных обязанностей при безусловном соблюдении норм настоящего Кодекса является основанием для его поощрения. Порядок (процедура) представления к поощрению, виды, формы и способы поощрения определяются соответствующими положениями (уставами) адвокатского образования, адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов. При поощрении адвоката соблюдаются принципы законности, открытости и гласности»². В приказах Следственного комитета РФ, например, в приказе от 23 июня 2014 г. № 53 «О наградах и поощрениях Следственного комитета Российской Федерации и мерах по совершенствованию практики применения поощрений в системе Следственного комитета Российской Федерации» конкретизируются виды и формы поощрений сотрудников³. Данный приказ утверждает Инструкцию об организации работы по применению поощрений и наградений в Следственном комитете Российской Федерации, Положения о нагрудном знаке, различных видах медалей, Положение о награждении именованным оружием, о Книге почета, о Доске почета Следственного комитета РФ, о денежных премиях, о Почетной грамоте, Положение о благодарности Следственного комитета и Положения о знаках отличия. Все вышеуказанные виды поощрений применяются «за добросовестное

¹ Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 18 сентября 2019 г. № 661 «Об утверждении Положения о полномочиях руководителей органов прокуратуры Российской Федерации по применению в органах военной прокуратуры поощрений и дисциплинарных взысканий в отношении прокурорских работников и военнослужащих, проходящих военную службу на иных должностях» // [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-18092019-n-661-ob-utverzhdanii/> (дата обращения: 19.01.2019).

² Кодекс профессиональной этики адвоката, принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (с изм. и доп., утвержденными X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2012 г.) // [Электронный ресурс] URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 19.01.2019).

³ Приказ Следственного комитета РФ от 23 июня 2014 г. № 53 «О наградах и поощрениях Следственного комитета Российской Федерации и мерах по совершенствованию практики применения поощрений в системе Следственного комитета Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/70748092/> (дата обращения: 19.01.2019).

исполнение сотрудниками, федеральными государственными гражданскими служащими и иными работниками Следственного комитета Российской Федерации служебных (должностных, трудовых) обязанностей, безупречную и эффективную службу (работу), профессиональное мастерство, заслуги в области укрепления законности, защиты прав и законных интересов граждан, выполнение заданий особой важности и сложности»¹.

Стимулирование и поощрение – это взаимосвязанные, но отличающиеся друг от друга понятия, которые в равной степени направлены на обеспечение эффективной уголовно-процессуальной деятельности. И стимулирование, и поощрение представляют собой один из элементов метода правового регулирования, который обеспечивает желательное поведение и желательную деятельность, осуществляемую в рамках уголовного судопроизводства. Это – метод внешнего воздействия на человека, выражающийся в различных формах признания его деятельности успешной, одобряемой. Такими формами в отношении должностных лиц могут выступать повышение по службе, правительственные награды, материальное вознаграждение, общественное признание, а также и моральное удовлетворение от собственных достижений. Для иных участников уголовно-процессуального судопроизводства это могут быть сокращение срока наказания, замена на менее строгую меру пресечения, создание более благоприятных условий, например, при ознакомлении с материалами уголовного дела. Поощрение может выступать и как признание успешной уже совершенной деятельности, и как стимул для успешного осуществления её в будущем, поэтому не вызывает отторжения упоминание в литературе оценки поощрения как превентивной меры, влияющей на последующую деятельность участников уголовного процесса.

В уголовном судопроизводстве поощрение выступает как специфический метод регулирования общественных отношений, возникающих в сфере уголовно-

¹ Приказ Следственного комитета РФ от 23 июня 2014 г. № 53 «О наградах и поощрениях Следственного комитета Российской Федерации и мерах по совершенствованию практики применения поощрений в системе Следственного комитета Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/70748092/> (дата обращения: 19.01.2019).

процессуальной деятельности, поскольку оно предопределяет возможность установления баланса между государственными интересами и интересами конкретного лица – участника уголовно-процессуальных отношений. Достижение такого результата обеспечивается различными средствами, в том числе применением мер поощрения, которые выполняют различные функции. Например, у должностных лиц правоохранительных органов и суда материальное обеспечение выступает не только стимулом безупречной работы, но и гарантией их независимости.

Поощрение имеет дуалистическую природу. С одной стороны, это признание заслуг за уже добросовестно проведенную работу в соответствии с установленными требованиями, а с другой – стимул для выполнения работы в будущем с такими же полученными результатами либо с результатами, превосходящими обычные требования. Поощрение в уголовно-процессуальном праве выполняет различные функции: мотивационную, так как мотивирует участников процесса на эффективное выполнение своих обязанностей в рамках уголовно-процессуальной деятельности; воспитательную, так как оказывает воспитательное воздействие на иных участников процесса и иных сотрудников правоохранительных органов, побуждая их к добросовестному отношению к своим обязанностям; обеспечительную, поскольку обеспечивается реализация определенных правовых средств (субъективных прав участников процесса, их обязанностей, запретов и пр.).

Стимулировать – это побуждать к действию, а поскольку уголовно-процессуальная деятельность – особый вид деятельности, то и стимулирование этой деятельности предполагает выработку таких ориентиров у должностных лиц, которые были бы достаточными для ее осуществления.

Стимулирование и поощрение как средства, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, не направлены для должностных лиц на побуждение просто работать, это – побуждение выполнять свою работу лучше, выполнять ее правильно, т.е. эффективно, с более высокими показателями, либо выполнять работу, выходящую за пределы должностных обязанностей. Следует

согласиться с Ю.Н. Стариловым, который указал, что «...стимулирование способствует улучшению дисциплины, качества труда, воспитывает инициативу и ответственность работников»¹.

Как уже было отмечено, эффективная деятельность – это не просто выполнение своих обязанностей сотрудниками правоохранительных органов, она не рассматривается в качестве какого-либо определенного правила и не является собой правовую норму. Это – некая идеальная категория, лежащая в основе уголовно-процессуальной деятельности и опирающаяся в первую очередь на личностные, нравственно-этические качества участника этой деятельности. Свои должностные обязанности можно просто выполнять в соответствии с установленными требованиями, а можно работать эффективно, с соблюдением требований, которые обеспечивают именно эффективную деятельность: законно, своевременно, качественно, экономично, результативно и т. д.

Особенность эффективной процессуальной деятельности в том, что ряд предъявляемых к ней требований имеет нравственную, этическую основу. Объективность действий и решений должностного лица, их справедливость и достаточность зависят от правильного понимания должностным лицом своего места, своих задач и своих возможностей в рамках уголовно-процессуальных взаимоотношений. Данное понимание появляется на фоне функционального интереса конкретного участника процесса, который также определяет и функциональную направленность деятельности этого лица. В.М. Бозров рассматривает функциональный интерес как сложное явление, «...влияющее на возникновение и развитие процессуальных функций, как своеобразный импульс, обуславливающий развитие производства по уголовному делу и как объективно-необходимое условие для обеспечения конкретной предопределенности каждой функции в отдельности»². Нецелесообразно оспаривать и следующий вывод данного ученого, полагающего, что «функциональный интерес может быть как

¹ Старилов Ю.Н. Служебное право: учебник. М.: БЕК, 1996. С. 418.

² Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. С. 85.

общеспециальным, так и предметно-специальным, первый характеризуется статическим состоянием, а второй – динамическим, проявляющимся в осуществлении конкретной функции»¹. На формирование общеспециального интереса оказывает влияние мнение законодателя, изложенное в положениях закона и детерминирующее деятельность конкретного лица, ярким примером этому является отнесение следователя к категории участников процесса со стороны обвинения. В своем большинстве ученые-процессуалисты склоняются к убеждению, что следователь не может быть отнесен к стороне обвинения и не может выполнять функцию обвинения. Смысл его деятельности и функциональный интерес состоит в выяснении всех обстоятельств преступного события, выявлении роли каждого участника и в объективном формировании доказательств, без проявления пристрастий, личных симпатий и антипатий. Тем не менее позиционирование законодателем следователя как представителя стороны обвинения предопределяет устойчивое восприятие им собственной деятельности как обвинительной и отношение сторонних лиц к нему именно как к стороне обвинения, что нельзя признать правильным. В данной ситуации обеспечение следователем эффективной уголовно-процессуальной деятельности возможно, только если сам следователь будет готов воспринимать себя независимым субъектом и свои должностные обязанности выполнять через призму справедливого, объективного подхода к собиранию, проверке и оценке доказательств и достаточности проведенных действий, для полноценного выяснения всех обстоятельств уголовного дела. В настоящее время законодатель сам не предпринимает попыток исправить ситуацию, а предлагаемые учеными пути исправления сложившейся ситуации им пока не услышаны.

Ранее в работе уже было указано, что на эффективность уголовно-процессуальной деятельности оказывает влияние множество факторов, в том числе и участие иных лиц, например, потерпевшего, обвиняемого. Объективность и

¹ Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. С. 88-89.

справедливость не всегда выступают сильными сторонами правовых позиций указанных лиц. И обвиняемый, и потерпевший имеют свой особый функциональный интерес, который, впрочем, может корректироваться в зависимости от конкретных обстоятельств, складывающихся при предварительном расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела. Например, потерпевший может занять позицию стороны защиты по отношению к обвиняемому, особенно если ему с лихвой возместили все материальные и моральные потери, в силу чего его функциональный интерес изменится, и, как последствия, на этом фоне могут измениться и показания, что может отрицательным образом сказаться на уголовно-процессуальной деятельности. Может сложиться и иная ситуация: степень претензий потерпевшего к обвиняемому столь высока, что не будет соответствовать реальным обстоятельствам дела, и соответственно этому необъективными будут и показания данного участника событий, что затруднит ход предварительного расследования и отрицательно повлияет на эффективность данной деятельности.

Обвиняемый, будучи заинтересованным в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, может давать объективные показания и соглашаться на участие в следственных действиях для выявления всего объема преступных действий, в том числе и своих. В таких случаях указанное поведение данных активных участников уголовно-процессуальной деятельности будет способствовать обеспечению эффективной деятельности.

Стимулирование и поощрение должностных лиц обеспечит эффективность уголовно-процессуальной деятельности в том случае, если будут соблюдаться следующие условия: во-первых, меры стимулирования и поощрения будут применяться не от случая к случаю, а постоянно либо с определенной периодичностью, например, по результатам работы за месяц, квартал, полугодие, год. Во-вторых, для получения ожидаемого эффекта применение мер поощрения должно осуществляться гласно, в публичном формате. Такой подход позволит должностному лицу, правильно осуществляющему уголовно-процессуальную деятельность, почувствовать удовлетворение от проделанной работы, что будет

служить стимулом для дальнейшей успешной деятельности, обеспечит возможность распространения его опыта среди менее опытных в данном отношении сотрудников и станет для них хорошим стимулом организовывать и осуществлять свою деятельность аналогичным образом. В-третьих, необходимо обеспечить единообразный подход к оцениванию достижений сотрудников, для чего разработать положения об оценке эффективности деятельности сотрудников с учетом их профессиональных обязанностей.

Необходимо отметить, что мерам поощрения в науке уголовно-процессуального права должного внимания не уделялось, этот вопрос чаще всего рассматривался в рамках других отраслей права (теории государства и права, уголовного, уголовно-исполнительного, административного права и т. д.). Это можно объяснить тем, что в уголовно-процессуальном законе отсутствуют нормы, содержащие положения, которые касаются поощрений и стимулирования участников процесса за успешно проведенную работу, и решения должностных лиц относительно принятия мер стимулирования деятельности подчиненных – это по своей сути реализация административного ресурса, что к процессуальной деятельности прямо не относится.¹ Поэтому данный подход законодателя не будет расцениваться как ошибочный, ведь загружать нормативный правовой акт положениями, прямо к процессуальной деятельности не относящимися, не совсем верно, однако и полный отказ от упоминания в законе о полезности и целесообразности применения мер поощрения нельзя признать правильным.

¹ Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 1. С. 42-51.

§ 3. Информационные технологии как средства, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность в России и зарубежных странах

Бесспорно, что одним из средств достижения эффективной уголовно-процессуальной деятельности являются информационные технологии, которые, проникая во все сферы человеческой деятельности, представляют собой неотъемлемую часть характеристики настоящего времени. Они меняют устоявшиеся взгляды и привычные методы работы в различных сферах деятельности, заставляют осваивать новые технологические процессы, совершенствовать механизмы передачи, получения, хранения и переработки информации, что, бесспорно, способствует повышению эффективности. Указанные нововведения используются и в уголовно-процессуальной деятельности, хотя не столь активно, как в иных сферах. По мнению А. Пелевина, основателя проекта Pravo.ru, которое он высказал на радио Megapolis, 89,5 FM, «...уровень проникновения технологий в юридическую отрасль в настоящее время не более 30 процентов»¹. Причем надо отметить, что не во всех странах мира внедрение информационных технологий осуществляется в равной степени активно.

К вопросам эффективности и вопросам использования информационных технологий в уголовном процессе обращались многие российские и зарубежные ученые-процессуалисты. В их работах рассматривались, как правило, либо проблемы эффективности закона, правосудия, либо вопросы, связанные с применением информационных технологий, либо иные вопросы, взаимосвязанные с повышением эффективности или с цифровизацией юридической деятельности. Собственно проблемам обеспечения эффективности за счет использования информационных технологий в уголовном процессе внимания практически не уделялось.

¹ Алексей Пелевин (Pravo.ru) : Россия – в топе стран по уровню развития LegalTech // [Электронный ресурс] URL: <https://rb.ru/opinion/legaltech-interview/> (дата обращения: 12.11.2021).

Определить, эффективна деятельность либо нет, позволяют критерии, т. е. совокупность признаков, на основании которых какое-либо понятие, категория оценивается. Поэтому и при определении влияния информационных технологий в уголовно-процессуальную деятельность необходимо проанализировать взаимосвязь и влияние данных явлений друг на друга.

Все критерии эффективной уголовно-процессуальной деятельности взаимосвязаны между собой и определяют средства, которые ее обеспечивают. К таким средствам могут быть отнесены уголовно-процессуальные гарантии, меры поощрения, меры, стимулирующие участников процесса на добросовестное выполнение своих обязанностей. Это может быть также уголовно-процессуальная ответственность должностных лиц за допускаемые ими нарушения или злоупотребления своим субъективным правом. К средствам, обеспечивающим эффективность уголовно-процессуальной деятельности, также относятся применяемые информационные технологии.

Под информационными технологиями принято понимать процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Надо отметить, что определенные технологии с учетом достижений науки и техники, соответствующих своему времени, и ранее применялись в уголовном процессе. Например, в России с 1966 г. в соответствии с положениями ст. 141-1 УПК РСФСР применялась звукозапись. В законе также упоминалось и о кино съемке, фотографировании.

Ученые других стран также связывают повышение эффективности именно с применением надежных ИТ-технологий в уголовном судопроизводстве. Например, в Южно-Африканской Республике Eric Pelsler и Janine Rauch, разрабатывая перспективный план развития системы уголовного правосудия, указали, что «реорганизация системы уголовного правосудия направлена на обеспечение эффективного и законного уголовного правосудия как основы предупреждения преступности, обеспечения, соблюдения и защиты прав человека. Таких результатов можно добиться путем внедрения информационных технологий,

которые включают: создание IT-инфраструктуры во всех судебных инстанциях; реинжиниринг ручных деловых процессов; осуществление автоматизации судебных процессов; повышение компьютерной грамотности среди судебных чиновников и обслуживающего персонала данной инфраструктуры. Трансформация системы уголовного правосудия в интегрированную систему будет осуществляться путем автоматизации процессов правосудия: интеграции деятельности отдельных полицейских участков, судов и тюрем в Йоханнесбурге и Дурбане (пилотные участки); национальной системы фотоизображений – направленной на создание базы цифровых фотографий для выявления правонарушителей; системы отслеживания заключенных, она направлена на улучшение идентификации и мониторинга заключенных в различных изоляторах, а также создания автоматизированной системы идентификации отпечатков пальцев»¹.

В тексте Уголовно-процессуального закона Китайской Народной Республики также неоднократно встречаются ссылки на применение информационных технологий: в ст. 36 говорится о технических материалах; в ст. 110 – об аудио- и визуальных материалах, используемых как доказательства вины либо невиновности подозреваемого; в ст. 116 УПК КНР упоминаются телекоммуникационные службы².

В настоящее время с использованием новейших достижений науки и техники разрабатываются более сложные, но при этом и более эффективные технологии. Ученые создают новые и усовершенствуют прежние методы собирания доказательств, которые успешно применяются в уголовно-процессуальной деятельности. Как отмечает в своей работе Jess Scherman, ученые и технические

¹ *Pelser E., Rauch J.* South Africa's Criminal Justice System: Policy and Priorities // [Электронный ресурс] URL: <http://www.csvr.org.za/docs/policing/southafricascriminal.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики: принят на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 1 июля 1979 г., с поправками, внесенными Постановлением, принятым на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 17 марта 1996 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс КНР Китайской Народной Республики» // [Электронный ресурс] URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminal/procedurallaw/#1> (дата обращения: 12.06.2021).

специалисты разработали биометрические методы, которые более совершенны, чем технология отпечатков пальцев. При распознавании лиц или радужной оболочки глаза применяются алгоритмы обработки 3D-изображений для выявления сходных черт лица или глаз подозреваемого. Очевидно, что здесь результат намного эффективней, чем опознание лица по фотографии либо по записям с камер наблюдения. Другим потрясающим технологическим достижением, как указывает автор, является визуализация мозга. Эта техника использует функциональную магнитно-резонансную томографию (МРТ) для сканирования мозга человека и выявления изменений в кровотоке, которые указывают, какие участки мозга являются активными. Ученые утверждают, что это – многообещающий метод определения виновности подозреваемого, поскольку он поможет обнаружить, когда человек лжет, с точностью от 70 до 90 %¹.

Практикующие юристы в своем большинстве положительно относятся к внедрению в уголовно-процессуальную деятельность новых технологий. Проведенное анкетирование показало, что 100 % опрошенных судей и следователей, 98,0 % сотрудников прокуратуры и 96,6 % адвокатов положительно оценили внедрение новых технологий в уголовно-процессуальную деятельность.

Что касается ученых, то некоторые из них к внедрению новейших технологий в уголовное судопроизводство относятся с осторожностью. Например, В.Н. Григорьев и А.В. Савенков справедливо отмечают, что «...современные цифровые фото- и видеокамеры, в отличие от ранее применявшейся аналоговой аппаратуры, могут подвергать изображения обработке, в том числе неконтролируемой со стороны пользователей»². Данный факт говорит том, что можно сомневаться в достоверности полученных в ходе производства процессуального действия с использованием цифровой аппаратуры результатов, а

¹ *Scherman J.* How Courtroom Technology has Revolutionized Criminal Cases // [Электронный ресурс] URL: <https://www.rasmussen.edu/degrees/justice-studies/blog/courtroom-technology-revolutionized-criminal-cases/> (дата обращения: 12.06.2021).

² *Григорьев В.Н., Савенков А.В.* О цифровых технологиях фиксации сведений по уголовному делу // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 66-70.

это вызывает необходимость разработки механизма, исключающего возможности таких искажений.

В США при проведении анкетирования присяжных по данному вопросу был получен весьма значимый результат: от 72 до 100 % опрошенных положительно отреагировали на внедрение новых технологий¹. Аналогичные результаты были получены и в результате анкетирования, проводившегося при подготовке настоящего исследования. До 94 % респондентов ответили положительно на вопрос о том, как они относятся к внедрению новых технологий в уголовно-процессуальную деятельность.

С данным мнением сложно не согласиться. Например, в настоящее время при вызове к следователю, дознавателю или в суд правоприменители достаточно часто используют не только повестки, о которых указано в ст. 188 УПК РФ, но и другие средства связи: телефонную связь, смс-сообщения, электронную почту². Это вполне оправдано, поскольку экономия времени и средств очевидна. Опрошенные следователи в Челябинской, Курганской областях, Башкортостане и Удмуртской Республике подтвердили, что ими из указанных средств связи наиболее часто используются телефонная связь (в 78,84 % случаев) и смс-сообщения (в 8,97 % случаев), повестки (10,8 %), так как это позволяет ускорить сроки производства по уголовным делам.

Сегодня эффективность уголовно-процессуальной деятельности находится в прямой зависимости от применения цифровых технологий, и уже стало привычным обращение следователей к многочисленным базам цифровых данных, криминалистическим учетам, справочным службам, что позволяет оперативно получать необходимую информацию³.

¹ *Scherman J.* How Courtroom Technology has Revolutionized Criminal Cases // [Электронный ресурс] URL: <https://www.rasmussen.edu/degrees/justice-studies/blog/courtroom-technology-revolutionized-criminal-cases/> (дата обращения: 12.06.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. и науч. ред. А.В. Гриненко. М.: Проспект, 2021. С. 561-569.

³ *Гладышева О.В.* Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 31-34.

Все информационные технологии, применяемые в уголовно-процессуальной деятельности, можно разделить на несколько групп. Первая группа – это технологии, алгоритм которых разработан и указан в тексте уголовно-процессуального закона. Вторую группу составляют технологии, которые могут обеспечивать эффективную процессуальную деятельность, но порядок применения которых законодателем не разработан. И третья группа – это технологии, применение которых влияет на организацию уголовно-процессуальной деятельности и которые создают условия для упрощенного решения процессуальных вопросов.

К первой группе, безусловно, следует отнести видео-конференц-связь. Внедрение технологий видео-конференц-связи в уголовно-процессуальную деятельность характерно для многих стран как Европы, так и Азии. В статье 144 Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии от 5 октября 2007 г. (ред. от 01.07.2014 г.) говорится, что «прокуратура и суды вправе произвести допрос с использованием видео-конференц-связи, если допрашиваемое лицо не может явиться или его прибытие будет связано с большими расходами. Допрос сохраняется в фото- и звукозаписи»¹.

Ученые Франции, анализируя введение и институционализацию удаленных слушаний во французских залах судебных заседаний в рамках проведения реформы судебной системы, рассматривают технологии видео-конференц-связи как новый способ организации судебных разбирательств, изменение формата правосудия, как технологический инструмент, который постепенно реализует цель государственной политики, уменьшая необходимость сопровождения задержанного, но при этом обеспечивают его личное присутствие в зале суда².

Как указывает в своем диссертационном исследовании Е.А. Архипова, «...интенсивно внедряются и широко применяются в судах Индии видео-конференц-связь начала только в 2003 г. Основной предпосылкой к этому

¹ *Трефилов А.А.* Организация досудебного производства по УПК Швейцарии. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 301.

² *Dumoulin L., Licoppe C.* Videoconferencing, New Public Management, and Organizational Reform in the Judiciary // *Policy & Internet.* 2016. № 3 (8). P. 28-46.

послужила не финансовая и временная экономия судебного разбирательства (по примеру многих европейских государств), а острая нехватка сотрудников полиции, обеспечивающих конвоирование подсудимых/осужденных в зал судебного разбирательства. Сегодня видео-конференц-связь применяется в основном: 1) в целях получения свидетельских показаний; 2) в целях обеспечения участия лица, находящегося в месте лишения свободы. Кроме того, Законом Индии о доказательствах установлено, что доказательствами считаются сведения, полученные посредством видео-конференц-связи»¹.

Действительно, использование средств, обеспечивающих дистанционное получение показаний, не влияет на качество данных показаний, а сокращение времени с момента приобретения информации до ее пересказа правоохранительным органам либо суду повышает их качество.

В Великобритании, обосновывая целесообразность применения видео-конференц-связи при допросах свидетелей во время предварительного расследования, проводили эксперимент, участников которого после просмотра криминального фильма опрашивали. Часть зрителей опрашивали через день по видеосвязи, часть через день непосредственно без применения технологий, а следующую часть зрителей через 1-2 недели после просмотра, также непосредственно. Видео-посредничество не повлияло ни на детализацию, ни на точность ответов участников, ни на их оценки качества опроса. Его участники, прошедшие видео-интервью после небольшой задержки, дали более точные и подробные ответы, чем участники, которые дольше ждали, чтобы ответить на вопросы непосредственно опрашивающему. Результаты этого исследования позволяют с уверенностью утверждать, что видео-опосредованная коммуникация (VMC) могла бы способствовать оперативному проведению высококачественных следственных опросов².

¹ *Архипова Е.А.* Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 12.

² *Nash R.A., Houston K. A., Ryan K., Woodger N.* Remembering remotely: would video-mediation impair witnesses' memory reports? *Psychology // Crime and Law*. 2014. № 8 (20). P. 756-768.

В США ученые достаточно часто обращались к вопросам обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при использовании видео-конференц-связи и отмечали, что применение информационных технологий не нарушает прав граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство¹.

Аналогично оценивают использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) ученые Малайзии. Они отмечают, что их применение привело к значительным положительным изменениям в отправлении правосудия. Указывают на различные виды внедрения технологий в судах, включая видеоконференции с высокотехнологичными видеопрезентерами и мониторами, воссоздание места преступления, электронную систему регистрации, электронное управление делами и электронное управление судебными записями, а также систему систематического хранения и поиска информации².

Полагаем, что причины введения и использования систем видео-конференц-связи в различных странах актуальны и для России, поскольку обеспечивают не только процессуальную экономию уголовно-процессуальной деятельности, но также и доступность, ведь лицо участвует в судебном разбирательстве, своевременность совершения всех следственных и судебных действий, поскольку организация проведения видео-конференц-связи позволяет затрачивать меньше времени, нежели на этапирование осужденного в помещение суда, в котором проводится судебное разбирательство, даже в рамках одного региона. Данная форма применения информационных технологий позволяет обеспечить объективное, справедливое и качественное рассмотрение дела, поскольку присутствие и получение информации от всех участников процесса повышает возможность вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного

¹ *Johnson M.T., Wiggins E.C.* Videoconferencing in Criminal Proceedings: Legal and Empirical Issues and Directions for Research // *Policy & Internet*. 2006. № 2 (28). // URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-9930.2006.00224.x>; *Wiggins E.C.* The Courtroom of the Future is Here: Introduction to Emerging Technologies in the Legal System // *Policy & Internet*. 2006. № 2 (28). // URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9930.2006.00222.x>

² *Wan Satirah Wan Mohd Saman, Haider A.* E-Shariah in Malaysia: technology adoption within justice system // *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2013. № 2 (7). P. 256-276.

решения. В целом все это свидетельствует об эффективности применения данной формы IT-технологий.

Первоначально применяемая только при рассмотрении дел в апелляционном и кассационном порядке, указанная система в настоящее время в соответствии со ст. 278¹ УПК РФ позволяет получать в суде показания свидетелей, которые по уважительным причинам не могут прибыть в зал судебного заседания.

Использование видео-конференц-связи может быть расширено за счет возможности ее применения с согласия подсудимого в суде первой инстанции по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке. В качестве примера можно привести ситуацию, когда обвиняемый, заявивший ходатайство о рассмотрении его дела в особом порядке, находясь в следственном изоляторе, получил травму и по состоянию здоровья не мог быть этапирован в суд для участия в судебном заседании. Он заявил ходатайство о рассмотрении его дела с применением видео-конференц-связи, однако суд был вынужден отказать в удовлетворении данного ходатайства, поскольку для этого нет законных оснований. Рассмотрение уголовного дела неоднократно откладывалось из-за состояния здоровья обвиняемого, а в последующем, по истечении длительного времени, было рассмотрено с его участием.

Выполняя письменное поручение, поступившее от следователя из другого региона, следователь – исполнитель задает только те вопросы, которые сформулированы в поручении и фиксирует ответы на них. При этом ответы допрашиваемого могут вызвать необходимость задать ему еще ряд дополнительных, уточняющих, устраняющих противоречия вопросов, что повлечет увеличение сроков расследования, поскольку потребует составление нового поручения и времени для его выполнения. Если же допрос по видеосвязи будет осуществлять сам инициатор, то результат он получит сразу.

Ученые неоднократно высказывали предложения о том, что все следственные действия, объединенные методом расспроса, такие как очная ставка, опознание, проверка показаний на месте, могут проводиться с использованием

видео-конференц-связи¹. Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ в текст УПК РФ была внесена ст. 189¹, регламентирующая особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

Современные технологии позволяют по-новому реализовать принцип непосредственного участия лица в процессе, путем проведения в судебных заседаниях не только видеоконференций, но и телефонных конференций, особенно там, где реализовать видео-конференц-связь не представляется возможным. При этом будут соблюдаться все требования закона, обеспечиваться своевременность и качественность рассмотрения дела, доступ к правосудию, и в целом уголовно-процессуальная деятельность суда будет объективна и экономична.

Алгоритм действий может быть следующим. В определенное согласованное время свидетель приглашается в суд по месту своего жительства, судья устанавливает его личность, оформляет соответствующие процессуальные документы, которые потом направляются в суд, где осуществлялось заседание. В режиме телефонной конференции связь должна быть доступна всем участникам процесса, которые смогут задавать вопросы допрашиваемому.

Использование новых форм применения IT-технологий расширит возможности осуществления уголовно-процессуальной деятельности более эффективно.

Согласно Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года, утверждённой приказом Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627, в России должна быть внедрена система мониторинга и учета цепочки всех возможных решений, принятых по сообщению о происшествии (преступлении), начиная от его регистрации до вынесения приговора суда, а также контроля передачи уголовных

¹ Семенцов В.А. Применение технологии видеоконференцсвязи в судебном заседании и при производстве следственных действий // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6. С. 100-106.

дел между субъектами Российской Федерации¹. Предполагается, что это позволит устранить вынесение незаконных решений об отказе в возбуждении уголовных дел, наблюдаемых в настоящее время. В рамках данной системы может быть внедрена программа, содержащая базу приговоров и позиции гособвинителей с возможностью автоматизации получения аналитических отчетов, отображения судебной практики по той или иной категории дел, что позволит обеспечить единообразные подходы при выработке позиций государственных обвинителей по различным категориям уголовных дел.

Еще одно важное направление использования IT-технологий в уголовном судопроизводстве – это ведение уголовных дел в электронном формате. В таком виде производство по уголовным делам уже достаточно давно и успешно осуществляется во многих странах (Австрия, Великобритания, Германия, Дания, Италия, Казахстан, Канада, Нидерланды, Саудовская Аравия, США, Швеция). Проект такой системы разработан и опробован и в России. Ученые отмечают, что он успешно себя зарекомендовал и в скором будущем появится в судах Российской Федерации. Данная система, в основе которой лежит «электронное дело», получила название «Комплексная информационная система судов общей юрисдикции» (КИС СОЮ)². Ее наполнение состоит из различных компонентов, реализация которых осуществляется самостоятельно, что исключает возможность взлома программы, до минимума сводит вероятность поломки и обеспечивает возможность, в случае необходимости, их оперативного масштабирования³.

С точки зрения обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности представляется, что программа «Электронное уголовное дело»

¹ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года» // [Электронный ресурс] URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf> (дата обращения: 21.06.2021).

² *Ишмуратова Л.* Как электронные суды будут рассматривать уголовные дела // [Электронный ресурс] URL: https://ejustice.cnews.ru/articles/2016-10-18_lyubov_ishmuratova_elektronnoe_pravosudie_sdelaet_sudoproizvodstvo (дата обращения: 21.06.2021).

³ *Ермолов В.* Электронное правосудие от Верховного суда: промежуточные итоги // [Электронный ресурс] URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20170817/279794915.html (дата обращения: 21.06.2021).

позволит ускорить составление электронных документов, повысит их качество, поскольку будет облегчен доступ к материалам дела со стороны должностных лиц, осуществляющих ведомственный контроль и прокурорский надзор, что позволит своевременно выявлять нарушения и ошибки следователя, принимать меры к их устранению.

Следующая группа – это информационные технологии, выполняющие организационные задачи, которые обеспечивают эффективную процессуальную деятельность. Наиболее сложно решаемая задача – это оснащение помещений судов и кабинетов должностных лиц следственных органов и надзирающих прокуроров соответствующим высокотехнологичным оборудованием, применение которого позволит сократить время для выполнения обязательных процедур, повысит их качество, обеспечит объективность и доступность.

В суде это – компьютеры на рабочих местах председательствующего, секретаря судебного заседания и представителей сторон в зале судебного заседания, подключенные в единую информационную систему, что позволит выводить на экран необходимую информацию. Использование документ-камеры позволит просматривать документы, представляемые сторонами и оглашаемые председательствующим в ходе судебного разбирательства, а также при бесконтактном ознакомлении с материалами уголовного дела или видеопотоками нескольких лиц одновременно. Это – цифровая система оповещения, уже применяемая в ряде судов субъектов Российской Федерации. Суть данной системы в том, что на экран, расположенный в зале ожидания свидетелей, выводится информация о том, какое уголовное дело слушается, кто приглашается в зал суда, сведения о перерывах и отложении слушания дела. Такое применение системы позволяет помощнику судьи и секретарю судебного заседания не отвлекаться в ходе процесса от выполнения своих обязанностей, но в то же время доводить до сведения участников процесса всю необходимую для них информацию.

Требование Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ¹ об обязательной аудиозаписи хода судебного заседания, наравне с составлением протокола, начиная с 1 сентября 2019 г., было положительно встречено учеными. Данная новелла расширяет гарантии обеспечения прав участников процесса, дисциплинирует должностных лиц и, бесспорно, повышает качество составления протокола. Однако более целесообразно внедрение систем, обеспечивающих формирование в ходе судебного заседания видеопrotocolов, когда происходит воспроизведение и звука, и изображения. Видеозапись обеспечивает большую информативность хода судебного заседания, ведь она способна в полной мере отразить все события в зале суда, включая психологическое состояние присутствующих, их поведение в определяющие моменты судебного разбирательства, тем самым обеспечивая качество уголовно-процессуальной деятельности, ее объективность, законность, экономичность, справедливость.

Значительным шагом вперед стала возможность замены такой меры пресечения, как заключение под стражу, на домашний арест с осуществлением за лицом контроля. В ряде стран такой способ контроля рассматривают не только как меру пресечения, но и как вид уголовного наказания за совершенное преступление. Jennifer Doleac, основатель Justice Tech Lab и доцент кафедры государственной политики и экономики в Университете штата Вирджиния, обращала внимание, что «вместо того, чтобы отправлять осужденных в тюрьму, мы приговариваем их к строгому домашнему наблюдению: камерам, аудиозаписи, GPS-мониторингу, мониторам содержания алкоголя в крови и так далее. В зависимости от их преступлений (и риска для общества) им может быть разрешено покидать свой дом для посещения работы, или школы, или чтобы навестить своих детей. Вполне возможно, что этот вид наказания будет иметь меньший сдерживающий эффект, чем тюрьма, если единственным наказанием за ограбление является то, что лицо будет вынужден сидеть на диване и смотреть Netflix в течение нескольких месяцев,

¹ Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4817.

что вполне допустимо, поскольку появляется все больше свидетельств того, что тюремное заключение оказывает криминогенное воздействие на правонарушителей с низким уровнем, так что это может быть хорошим вариантом для этого населения. Mark Kleiman набросал версию этого высокотехнологичного будущего, подчеркнув, что инструменты наблюдения позволяют нам легко масштабировать объем надзора в соответствии с потребностями человека и постепенно сокращать его, чтобы подготовить его к освобождению»¹.

Еще одно техническое устройство может быть использовано в уголовном судопроизводстве. Это – полиграф, т. е. такое устройство, которое регистрирует любые изменения физиологических процессов в организме человека, на основании чего делается вывод о наличии либо отсутствии у лица определенных реакций на специально сформулированные вопросы, касающиеся определенной темы². В отношении возможности использования полиграфа для получения доказательств в уголовном судопроизводстве ученые придерживаются различных позиций. Одни считают, что результаты использования полиграфа не могут считаться доказательствами, так как: физиологические реакции, протекающие в организме человека, регистрируемые полиграфом, человек с устойчивой психикой может контролировать; присутствует большой набор причин, по которым испытуемый может дать реакцию «виновного лица», хотя к преступлению непричастен, либо демонстрировать симптомы невиновности при убедительной совокупности изобличающих доказательств; реакция может быть уже от самого процесса опроса (проводов, обязательность кратких ответов, быстрота постановки вопросов и т. д.); на реакции испытуемого влияют изменения общественных условий даже при идентичных раздражителях, и в различных странах эти реакции различны³.

¹ *Doleac J.* What are some of the emerging criminal justice technology innovations that will impact society? // [Электронный ресурс] URL: <https://www.quora.com/What-are-some-of-the-emerging-criminal-justice-technology-innovations-that-will-impact-society> (дата обращения: 21.06.2021).

² *Даровских О.И.* Актуальные проблемы уголовного процесса: учебное пособие. Ч. 1. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. С. 154; *Федюнин А.Е.* Психофизиологическая экспертиза в раскрытии и расследовании преступлений (состояние, проблемы и перспективы) // Судебная экспертиза. 2008. № 4 (16). С. 112-120.

³ *Нечипоренко Т.* Применение полиграфа в доказывании по уголовным делам: взгляд процессуалиста // Уголовный процесс. 2008. № 3. С. 46-48; *Кутаев Н.Н., Архипова А.Н.*

Польские ученые З. Божичко и Т. Ханаусек после 12-летних исследований вопроса пришли к выводу, что «ценность методик, разработанных для одной страны, может быть непригодна для других стран»¹. Это свидетельствует об отсутствии общепризнанных критериев диагностических признаков; не разработаны математические алгоритмы обработки данных, применяемых в отечественных полиграфных устройствах. Они не опубликованы, не задекларированы в технической документации и, следовательно, выстраивать выводы на результатах математической обработки материалов нельзя, это будут недопустимые доказательства; и последнее, сторонники использования судебно-физиологической экспертизы в качестве доказательства избегают упоминаний об ошибках и нарушениях, связанных с использованием результатов исследований на полиграфе в качестве доказательств.

Не соглашаясь с указанными доводами, сторонники использования полиграфа в процессуальной деятельности считают его применение вполне допустимым, а результаты, по их мнению, можно считать доказательствами и полноценно использовать в ходе предварительного расследования. Такие мысли высказывают ученые-процессуалисты В.А. Семенцов², Л.В. Веницкий, Н.Е. Шинкевич³, О.В. Гладышева⁴, О.В. Белюшина⁵ и др.

Результаты опроса на полиграфе не могут иметь статус уголовно-процессуальных доказательств // Российский следователь. 2010. № 3. С. 5-7; Кокорев Д.А., Белюшина О.В. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа // Адвокат. 2005. № 2 (128). С. 45-50.

¹ Шинкевич И.Б. Проблемы использования полиграфа при расследовании преступлений в ПНР // Теория и практика становления доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. Киев, 1980. С. 194-195.

² Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С. 56.

³ Веницкий Л.В., Шинкевич Н.Е. Криминалистическая виктимология: монография. Челябинск, 2005. С. 154.

⁴ Гладышева О.В. Полиграфическое исследование в современном уголовном судопроизводстве РФ // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы международной науч. практ. конференции. М., 2007. С. 113-117.

⁵ Белюшина О.В. Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа имеет право на жизнь: последний шанс доказать невиновность // [Электронный ресурс] URL: <http://nnpkp.ru/content/poslednii-shans-dokazat-nevinovnost> (дата обращения: 05.07.2020).

Надо отметить, что полиграф применяется, и достаточно давно, в различных странах.

В Индии полиграф начал применяться с 1973 г. По законам Индии результаты полиграфных проверок могут быть использованы в суде в качестве доказательств только в случае, если проверка проводилась гражданским лицом, а не сотрудником полиции или работником суда. Хотя в реальной практике были случаи, когда заключение специалиста-полиграфолога, сделанное работником полиции, принималось к рассмотрению и судом. Лицо, проводящее тестирование, знакомится с материалами расследования и назначает проверку. После обсуждения с подозреваемым ему сообщается, что он имеет право отказаться от прохождения обследования. В случае согласия он подписывает заявление о добровольном прохождении проверки на детекторе лжи. В связи с тем, что в разработке законов и указаний по полиграфным проверкам принимала активное участие Американская полиграфная ассоциация, в Индии общие требования к проверкам на полиграфе в основном повторяют опыт США.

В Китае полиграф появился в конце 1940 г., когда США предоставили соответствующие приборы и технологии для повышения эффективности военных действий. После поражения правительственных войск полиграф был перевезен на Тайвань. В самом Китае в связи с приверженностью установкам социалистического лагеря, возглавляемого СССР, развивалась тенденция игнорирования полиграфа. В 1980 г. по инициативе руководства Китая в Японию была направлена группа ученых, где они изучали практику его применения. После данной поездки отношение к использованию полиграфа изменилось. Был сделан вывод, что «детекторы лжи» имеют под собой научную основу. Поэтому в континентальном Китае в 1981 г. Бюро национальной безопасности приобрело полиграф «Mark-1» производства США. Впоследствии профессор Ю Джинг Хонг в 1987 г. создал свою полиграфную систему, успешно использованную при проведении ряда расследований. В 1990 г. Институт автоматизации Академии наук Китая создал полиграф LZ1, включающий в себя два канала – давления и ложного сопротивления. В 1991 г. был разработан первый китайский компьютерный

полиграф РG1. Сейчас в Китае уже много своих специалистов-полиграфологов. В качестве основной методики используется тест «Знания виновного»¹.

Возможность применять полиграф обусловлена рядом моментов: обязательным добровольным согласием допрашиваемого лица, т. е. полиграф может применяться в бесконфликтной ситуации, а допрашиваемый в любой момент может отказаться от продолжения опроса с помощью полиграфа; работать с полиграфом может только специалист-психолог (полиграфолог); следователь в целях формирования обвинительных доказательств может допросить полиграфолога в качестве свидетеля по результатам тестирования; результаты опроса, полученные на полиграфе, в качестве справки о результатах опроса приобщаются к материалам уголовного дела в порядке ст. 84 УПК РФ как иные документы; механизм проведения указанной экспертизы и получения доказательственной базы предполагается следующий: при вынесении постановления о назначении психофизиологической экспертизы следователь поручает ее проведение специалисту, а затем на основании справки о результатах экспертизы, представленной данным специалистом, допрашивает указанного специалиста, заключение и показания которого допускаются в качестве доказательств (ст. 74 УПК РФ), затем допрашивает лицо, подвергавшееся психофизиологической экспертизе, с предъявлением ему результатов опроса; тестовые показатели напрямую доказательственной силы не имеют и не могут быть положены в основу обвинения, они используются следователем как ориентирующая информация, способствующая реализации, корректировке его тактического замысла при планировке и проведении последующих следственных действий; показания полиграфологического исследования не могут быть единственным доказательством вины лица по уголовному делу. В силу вышеизложенного представляется, что использование полиграфа вполне

¹ Применение полиграфа в Японии и других странах мира // [Электронный ресурс] URL: <http://polygraph-v1.ru/news/2015-11-24/primenenie-poligrafa-v-yaponii-i-drugikh-stranakh-mira> (дата обращения: 05.07.2020).

приемлемо и в процессуальной деятельности, более того, оно обеспечит ее эффективность.

Надо отметить, что, несмотря на общее восприятие внедрения информационных технологий в юриспруденцию в качестве положительного явления, в науке высказываются и опасения относительно риска нарушений прав личности в процессе применения различных технологий¹. Показатели фитнес-трекеров, кардиостимуляторов, смартфонов, видеорегистраторов, смарт-тонометров становятся более продвинутыми, позволяющими включать функции Wi-Fi. Они показывают местонахождение лица, его передвижение, частоту сердечных сокращений и прочие физиологические особенности человека. Представленные в ходе предварительного расследования или в суде, они могут быть признаны доказательствами, на основе которых принимаются решения. Такая технология предлагает новые инструменты для правоохранительных органов, но поднимает вопросы, касающиеся важных конституционных прав вовлеченных в процесс лиц. «Когда изменения происходят постепенно, закон и системы уголовного правосудия успевают реагировать и адаптироваться естественным образом по мере возникновения конфликтов», – сказал Брайан Джексон, ведущий автор исследования и физик из некоммерческой исследовательской организации RAND. Однако, как пишут авторы, «...новые технологии быстро развиваются и могут привести к конфликтам, прежде чем правовая система будет полностью готова к их решению»². Указанные опасения вполне обоснованы, однако понимая,

¹ *Wiggins E.C.* The Courtroom of the Future is Here: Introduction to Emerging Technologies in the Legal System // *Policy & Internet*. 2006. № 2 (28) // [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9930.2006.00222.x> (дата обращения: 05.07.2020); *Gallagher C.* Pilot scheme plans for much court work to be done online // [Электронный ресурс] URL: <https://www.irishtimes.com/news/crime-and-law/pilot-scheme-plans-for-much-court-work-to-be-done-online-1.3234942> (дата обращения: 05.07.2020); *Jackson B.A., Banks D., Woods D., Dawson J.C.* Future-Proofing Justice: Building a Research Agenda to Address the Effects of Technological Change on the Protection of Constitutional Rights // RAND Corporation // [Электронный ресурс] URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1748.html (дата обращения: 05.07.2020).

² *Jackson B.A., Banks D., Woods D., Dawson J.C.* Future-Proofing Justice: Building a Research Agenda to Address the Effects of Technological Change on the Protection of Constitutional Rights // RAND Corporation // [Электронный ресурс] URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1748.html (дата обращения: 05.07.2020).

где и каким образом могут нарушаться права граждан, вполне реально одновременно с разработкой и внедрением механизма их применения разработать и систему защиты от данных нарушений, например, усовершенствовать систему гарантий прав и законных интересов участников процесса. Обеспечение качества и целостности полученных с помощью информационных технологий данных позволит техническая подготовка сотрудников органов предварительного расследования, судов, прокуратуры и адвокатуры. Это важно, поскольку, несмотря на реализацию принципа состязательности, отсутствие знаний и опыта анализа данных, полученных с использованием технологий, не позволит представителям сторон обвинения или защиты добиться необходимых им результатов.

И, наконец, еще одна проблема, которая также требует решения. В настоящее время не выработан единообразный подход к понятийному аппарату рассматриваемой темы, и это касается не только технических формулировок, которые юристы, бесспорно, должны осваивать. Возникают разногласия по поводу используемой процессуальной терминологии. Например, многие ученые уже сейчас используют в своих работах такой термин, как «электронные доказательства», в одних случаях понимая под ними доказательства, получаемые с применением информационных технологий, а в других – новый вид доказательств¹, или выделяют «электронный носитель информации» в составе вещественного доказательства². Думается, что в этом вопросе следует согласиться с мнением профессора А.М. Баранова, что «способ получения и форма сохранения доказательства не влияет и не может влиять на само доказательство и его природу»³.

¹ *Калитин С.В.* Доказательства электронные и цифровые // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3586-3590; *Карташов И.И.* «Цифровые доказательства» в уголовном процессе // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1. № 15. С. 23-25; *Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С.* Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 5 (12). С. 199-203.

² *Григорьев В.Н., Максимов О.А.* Об электронных носителях информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 65-71.

³ *Баранов А.М.* Уголовный процесс – традиция и современность: электронные доказательства // Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции «Университетские правовые диалоги», посвященной 90-летию со дня рождения профессора,

Процесс цифровизации права, внедрения цифровых технологий и интеллектуальных машин в уголовно-процессуальную деятельность, безусловно, обеспечивает ее эффективность. Однако, как отмечают ученые, очень важно, чтобы право в погоне за быстрым результатом не потеряло своей ценности, своей связи с идеями добра и справедливости¹.

И в этой связи хочется отметить, что предложения по поводу внедрения в юридическую деятельность искусственного интеллекта вызывают некоторую обеспокоенность, тем более что ни в одном нормативном документе нет понятия «искусственный интеллект»². Соглашаясь с тем, что использование юристов-роботов для выполнения какой-то простейшей, но в то же время трудоемкой, в большинстве случаев механической работы вполне возможно, нужно исключить целесообразность их применения в сложных, нестандартных ситуациях, где требуется глубокий анализ юридических проблем.

§ 4. Процессуальная ответственность участников уголовного судопроизводства как средство обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности

Допущенные в ходе уголовно-процессуальной деятельности нарушения не позволят рассматривать ее как эффективную, поскольку она не будет соответствовать по меньшей мере нескольким критериям: своевременности (потребуется дополнительное время на устранение допущенных нарушений и последствий ошибок), законности (нарушаются требования, указанные в положениях закона), качественности (любые нарушения и ошибки влияют в целом на качество деятельности), а также и другим в зависимости от сущности

д.ю.н. Ю.Д. Лившица (29-30 марта 2019 г.) / под ред. С.М. Даровских, Г.С. Русман. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2019. С. 33-37.

¹ Адыгезалова Г.Э. Эволюция права: от слова к цифре // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 7-11.

² Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2 (13). С. 197-206.

допущенного нарушения. Применительно к эффективной уголовно-процессуальной деятельности можно говорить только о позитивной уголовно-процессуальной ответственности, которая также выступает средством, обеспечивающим именно желаемую эффективную деятельность.

Надо отметить, что впервые идея о возможности существования ответственности за будущие действия, т. е. идея позитивной ответственности, была выдвинута учеными – философами еще в середине XX в.¹

Позитивная уголовно-процессуальная ответственность является подвидом юридической ответственности, которая, в свою очередь, выступает одним из видов такого обобщающего понятия, как социальная ответственность. Под социальной ответственностью Д.А. Липинский понимает «...диалектическую взаимосвязь между личностью и обществом, характеризующуюся взаимными правами и обязанностями по соблюдению предписаний социальных норм, их выполнению, влекущему одобрение, поощрение, а в случае безответственного поведения, не соответствующего предписаниям этих норм, – обязанность претерпеть неблагоприятные последствия и их претерпевание. Социальная ответственность едина, но имеет различные формы реализации. Это ответственность как за прошлое, так и за будущее поведение»². На наш взгляд, более точно сформулировал понятие социальной ответственности В.В. Бутнев, который под ней понимает «...закрепленную социальными нормами необходимость определенного поведения участника общественной жизни, выражающуюся в его обязанностях избирать в своей деятельности вариант, наиболее соответствующий общественным интересам, или обязанности претерпевать предусмотренные социальными нормами невыгодные последствия в случае отклонения от этого варианта»³.

¹ *Белецкая Л.И.* Свобода и ответственность: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Саратов, 1972. С. 20; *Косолапов Р., Марков В.* Свобода и ответственность. М.: Изд-во «Политическая литература», 1969. С. 65.

² *Липинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2003. С. 5.

³ *Бутнев В.В.* Гражданская процессуальная ответственность. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1999. С. 38.

Из всех форм социальной ответственности нас, применительно к теме нашего исследования, интересует только юридическая ответственность. Ученые, исследующие данную тему, в том числе и в различных отраслевых науках, обращают внимание на дискуссионность многих вопросов, касающихся данного феномена, среди которых не последнее место занимает такая её форма, как «позитивная юридическая ответственность».

Данную форму юридической ответственности не все воспринимают одинаково. Ученые в своем отношении к данному понятию разделились.

Одни поддерживают концепцию позитивной юридической ответственности. Например, Е.В. Чуклова рассматривает негативную юридическую ответственность как вытекающую из факта правонарушения обязанность правонарушителя претерпеть неблагоприятные последствия, предусмотренные санкцией нарушенной нормы, которые выражаются в осуждении и правоограничениях личного и (или) имущественного характера. Позитивная юридическая ответственность, по ее мнению, – это юридическая обязанность субъектов правоотношений действовать в соответствии с предписаниями правовых норм либо добросовестно использовать предоставленные права, не злоупотреблять ими, выражающаяся в их правомерном поведении, гарантированном и одобряемом государством. Из смысла данного определения вытекает, что если участник процесса допускает нарушения, то позитивная юридическая ответственность меняется, превращаясь в негативную¹. Н.В. Витрук под юридической ответственностью понимает «...осознание субъектом необходимости исполнения требований правовых норм, а также наступление негативных последствий за их неисполнение»², себя данный ученый относит к приверженцам концепции позитивной юридической ответственности. Его мнение разделяют Е.Л. Поцелуев, А.Е. Горбунов, Д.А. Липинский, Н.И. Матузов, П.Е. Недбайло, В.А. Тархов, Л.С. Явич, З.А. Астемиров, Б.Т. Базылев, А.С. Бондарев и многие другие ученые,

¹ Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 31.

² Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: РАП, 2008. С. 12; Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1987. С. 84.

число которых неуклонно растет, как это отмечается в научной литературе¹. По мнению Б.Л. Назарова позитивная ответственность характеризуется «...не последствиями нарушения порядка, а качеством стимулятора, необходимого с точки зрения интересов общества и сограждан, поведения, исполнения долга, возложенных обязанностей, положительных социальных ролей»². Такое определение весьма ценно применительно именно к проблематике нашего исследования.

Впрочем, ряд ученых не разделяет данное мнение и считает, что позитивной ответственности не существует, ответственность всегда негативна. Такую точку зрения высказали В.В. Сорокин, В.В. Кожевников, Н.С. Малеин, В.В. Мальцев, А.С. Шабуров, сомневались в целесообразности выделения данного вида ответственности также О.Э. Лейст и Д.Е. Захаров³.

Что касается восприятия позитивной юридической ответственности учеными-процессуалистами, то здесь также отсутствует единодушие во взглядах на данный феномен. В исследованиях, посвященных уголовно-процессуальной ответственности, ученые либо совсем не касались вопроса позитивной и

¹ *Поцелуев Е.Л., Горбунов А.Е.* О дефиниции «юридическая ответственность» // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 1. Т. 4. С. 16-22; *Литинский Д.А.* Психологические характеристики позитивной юридической ответственности // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 6-13; *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 473-474; *Недбайло П.Е.* Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 50; *Тархов В.А.* Понятие юридической ответственности // Правоведение. 1973. № 2. С. 36.

² *Назаров Б.Л.* О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности // Советское государство и право. 1981. № 12. С. 29-38.

³ *Кожевников В.В.* К проблеме теории юридической ответственности // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-teorii-yuridicheskoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 06.07.2020); *Сорокин В.В.* Теория юридической ответственности: учебник. Барнаул: Изд-во Алтайский. гос. универ., 2017. С. 104; *Малеин Н.С.* Правонарушение: понятие, причина, ответственность. М., 1985. С. 74; *Мальцев В.В.* Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность // Правоведение. 2000. № 6. С. 159; *Шабуров А.С.* Правомерное поведение. Правонарушение. Юридическая ответственность // Теория государства и права: учебник / ответ. ред. В.Д. Перевалов. М.: Норма, 2007. С. 259-274; *Лейст О.Э.* Методологические проблемы юридической ответственности // Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М., 2002. С. 626-655; *Захаров Д.Е.* О позитивной юридической ответственности // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 46-55.

негативной ответственности, например В.С. Вепрев¹, либо не считали возможным признавать концепцию позитивной уголовно-процессуальной ответственности, о чем писал С.В. Красильников, автор диссертации «Уголовно-процессуальная ответственность и ее реализация», защищенной в 2019 г.² И.Л. Петрухин еще более 30 лет назад высказывал точку зрения, что введение ответственности за предстоящее поведение – это серьезное нарушение законности³. Его мнение поддерживали П.С. Элькинд, Н.А. Чечина, И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин, Я.Н. Шевченко⁴.

Впрочем, ряд ученых – процессуалистов все-таки считали и считают возможным выделение негативной и позитивной уголовно-процессуальной ответственности. Например, Г.Н. Ветрова, разделяя данное мнение, писала, что «...негативная ответственность выступает как результат государственного принуждения, а позитивная – это ответственность, которая реализуется добровольно»⁵. Ф.Н. Фаткуллин воспринимал позитивную ответственность как «...осознание правовых свойств своих действий (бездействия), соотнесение их с действующими законами и подзаконными актами, готовность отвечать за них перед государством и обществом»⁶. З.Ф. Коврига, обращаясь к вопросу уголовно-процессуальной ответственности, выделяла «...ответственность во временном плане: за прошлое, за действие уже совершенное – ретроспективная сторона, за действие предстоящее – перспективная сторона. Ретроспективная ответственность

¹ Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 265 с.

² Красильников С.В. Уголовно-процессуальная ответственность и ее реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 10.

³ Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М.: Наука, 1985. С. 96 и далее.

⁴ Чечина Н.А., Элькинд П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 39-40; Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 43; Шевченко Я.Н. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. Киев, 1976. С. 27.

⁵ Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1987. С. 63; Тархов В.А. О юридической ответственности. Саратов, 1978. С. 24.

⁶ Фаткуллин Ф.Н. Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. С. 3-27.

несет обычно негативное содержание – наказание за действие, которое имело социально вредные последствия. Перспективная же ответственность, исходящая из продуманности действий, имеет позитивный характер и является наиболее желательной формой ответственности...»¹. Считают целесообразным выделение позитивной ответственности в уголовном судопроизводстве О.А. Зеленина², Э.К. Кутуев³.

Анализируя мнения ученых по данному вопросу и их доводы в пользу той либо иной точки зрения и исходя из темы нашего исследования, мы пришли к убеждению о целесообразности выделения в качестве средства, обеспечивающего эффективную уголовно-процессуальную деятельность, именно позитивной юридической ответственности. Доводы могут быть приведены следующие.

Поскольку мы рассматриваем материалистическую диалектику в качестве методологической основы своего исследования, не можем игнорировать такой ее закон, как единство и борьба противоположностей, позволяющий утверждать, что если есть негативная юридическая ответственность (а ее существование никто не отрицает), то есть и позитивная.

Позитивная юридическая ответственность имеет нормативную основу, в качестве которой выступает, например Конституция РФ, в преамбуле которой (текст с поправками 2020 года), говорится, что данный акт принимается «...исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущим поколениями», а во втором разделе, в ст. 4 идет речь об ответственности Правительства РФ. Упоминания о позитивной ответственности можно встретить в ряде федеральных конституционных и федеральных законов, в решениях Конституционного Суда РФ. Следует обратить внимание, что приемы законодательной техники позволяют законодателю использовать не только термин «ответственность», но и другую

¹ Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 25-123.

² Зеленина О.А. О некоторых аспектах процессуальной ответственности участника уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2 (50). С. 85-91.

³ Кутуев Э.К. Тенденция развития института уголовно-процессуальной ответственности // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4. (48). С. 119-122.

терминологию, например, добросовестность, разумность, дозволения, запреты и пр.

О позитивной ответственности упоминается и в международных актах. Так, в Уставе Организации Объединенных Наций говорится о том, что на Совет Безопасности возлагается главная ответственность – поддержание международного мира и безопасность, а во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. сказано, что «каждый человек имеет обязанность перед обществом...»¹.

Характеризуя позитивную ответственность, ученые обращают внимание на ее статутный нормативный, фундаментальный характер, поскольку именно она диктует необходимость обеспечения стабильных общественных отношений². В нормах уголовно-процессуального права четко указываются те требования, которые должны соблюдать правоприменители и соблюдение которых обеспечит, с учетом определенных критериев, эффективность деятельности. Например, в ст. 62 УПК РФ установлено требование, что указанные лица должны устраниваться от участия в производстве по уголовному делу при наличии оснований для отвода, указанных в законе. В случае, если этого не произойдет, решение, вынесенное подлежащим отводу судьей, будет незаконным и подлежит отмене. Если предварительное расследование проводил следователь, который не должен был принимать уголовное дело к своему производству, то дело будет с любой стадии возвращено прокурору для устранения данного нарушения. В такой ситуации говорить об эффективной деятельности, безусловно, нельзя.

Характеризуя позитивную юридическую ответственность, следует отметить, что она представляет собой длящееся состояние лица, выполняющего свои обязанности и правильно реализующего свои права, причем основанное на добровольности и осознанной необходимости поступать в соответствии с

¹ Устав ООН // [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 12.01.2019); Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.01.2019).

² *Липинский Д.А.* Макроуровень института юридической ответственности // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2019. № 1. С. 31-32.

требованиями закона, носящее превентивный характер. Позитивная уголовно-процессуальная ответственность выполняет регулятивную функцию. На первое место в обеспечении правовых требований выдвигается правомерное поведение, т. е. такое поведение, которое соответствует нормам права, не допускает противоправных действий. Применение принуждения как обязательный элемент негативной юридической ответственности всегда вторично, оно возникает только в случае нарушения правовых норм, когда обязанность лицом не выполняется либо выполняется ненадлежаще.

М.С. Строгович указывал в своих работах, что «...юридическая ответственность есть прежде всего ответственное отношение человека к своим обязанностям, ответственность за правильное выполнение лицом возложенных на него законом обязанностей»¹. В этом мы и видим связь позитивной ответственности с эффективной уголовно-процессуальной деятельностью, поскольку эффективная деятельность – это и есть деятельность, осуществляемая правильно, когда лицо понимает значение и последствия указанных действий, выполняет их добровольно и добросовестно.

В условиях новых общественных отношений, вызванных существенными изменениями в социальной, экономической, политической жизни в государстве, появлением новых требований к деятельности и результатам этой деятельности каждого, возрастает возможность должностного лица выстраивать свое поведение с учетом и на основании объективной ситуации, сложившейся в рамках уголовно-процессуальных отношений, но при этом с учетом возможностей, предоставленных ему законом и на основании своей совести и ответственности. Даже самый жесткий контроль, например, ведомственный процессуальный контроль руководителя следственного органа, не исключает возможность следователя принимать самостоятельные решения в рамках предоставленной ему процессуальной самостоятельности, выбирать из всех возможных вариантов наиболее правильный и отстаивать свое мнение перед руководством. То же самое

¹ *Строгович М.С.* Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 72-75.

можно сказать относительно деятельности надзирающего прокурора, государственного обвинителя, судьи, руководителя следственной группы и прочих должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность либо причастных к ней. Выбирая удобный, правильный по его мнению вариант поведения, должностное лицо выражает свое отношение к требованиям, установленным государством, поэтому логичен вывод, что ответственность – это еще и определение того, какую пользу или вред для государства и общества принесет та либо иная деятельность.

На выбор процессуального поведения оказывают влияние различные факторы (как объективные, так и субъективные), но при выборе поведения, претендующего на эффективное, ориентироваться участник процесса в первую очередь должен на нормы, в которых закреплены опорные положения, определяющие его деятельность: полномочия (дозволения), запреты, поощрения, санкции (ответственность), а в случае отсутствия норм или возникновения сложностей в понимании их содержания – принципы. Данная схема, как нам представляется, позволяет полно и всеобъемлюще представить реальные требования, предъявляемые и обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность и определяющие ее связь с позитивной уголовно-процессуальной ответственностью. Данная идея для уголовно-процессуальной деятельности не является новой, так как ученые отмечали в своих работах что «...институциональная основа позитивной юридической ответственности, состоит из норм-принципов, формализованных запретов, обязанностей и дозволений, а также такого крупного элемента, как институт поощрения»¹, но мы считаем, что она не только подтверждает существование института позитивной юридической ответственности, но и выступает средством, создающим условия для реализации именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

Практически в отношении каждого участвующего в уголовно-процессуальной деятельности лица законодателем разработаны и указаны в

¹ *Липинский Д.А.* Макроуровень института юридической ответственности // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2019. № 1. С. 25-44.

положениях уголовно-процессуального закона права и обязанности. Это может в соответствии с законодательной техникой объединено в отдельной статье, как правило размещенной в общей части закона как, например, в гл. 6 УПК РФ указаны полномочия участников со стороны обвинения, а в гл. 7 – полномочия участников со стороны защиты. В то же время в отдельных нормах законодатель предлагает механизм реализации указанных прав и обязанностей. Например, в п. 14 ч. 2 ст. 37 УПК РФ отражено, что прокурор уполномочен утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление, а в ст. 221, 226, 226⁸ УПК РФ раскрываются требования, предъявляемые к порядку реализации данного полномочия прокурора: сроки, виды решений, которые может принять прокурор, основания принятия того либо иного решения.

Как уже ранее отмечалось, в нормах излагаются требования, которые законопослушный правоприменитель не только вправе, но и обязан выполнять, на которые должен ориентироваться, стремясь просто исполнить свои обязанности, даже не стремясь к эффективности. Можно привести пример из следственной практики.

Нарушения требований закона о порядке проведения такого следственного действия, как опознание, не позволили следователю получить доказательства причастности к совершению мошеннических действий гр-н А. и Д., уроженцев Республики Армения, что способствовало уклонению их от ответственности. Согласно требованиям закона срок задержания 48 часов может быть продлен в соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ не более чем на 72 часа. Часть 4 ст. 193 УПК РФ регламентирует порядок проведения такого следственного действия, как опознание: лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним. Вот эти требования закона и должен был учитывать следователь, в производстве которого находилось данное уголовное дело.

После задержания подозреваемых судом по ходатайству следователя был продлен срок задержания до 72 часов для собирания доказательств их причастности к мошенническим действиям. На третьи сутки их задержания

было назначено опознание, но явившийся защитник, увидев обросших, небритых мужчин, в мятой одежде, резко выделявшихся среди статистов, предложил задержанных привести в такое состояние, чтобы они от статистов внешне не отличались. Следственное действие отложили и назначили на следующий день. Явившийся для участия в следственном действии защитник среди статистов увидел лиц другой национальности, азербайджанцев, и заявил об этом следователю. Следователь дал поручение участковому, чтобы тот доставил для участия в опознании мужчин армянской национальности, а опознающий, защитник и следователь ожидали, когда поручение выполнят, в кабинете следователя. Через некоторое время в кабинет зашел участковый и ввел двоих мужчин армянской национальности, которые и должны были выступить в качестве статистов. Поскольку тактика проведения данного следственного действия исключает возможность, чтобы опознающий до проведения следственного действия видел лиц, которые ему будут предъявлены наряду с опознаваемым, провести указанное следственное действие следователь не смог, задержанные были освобождены, а впоследствии скрылись¹.

Причины столь безответственного отношения следователя к своим обязанностям кроются в отсутствии подготовки к проведению следственного действия, в ходе которой все требования закона можно было предусмотреть и выполнить. Оснований для признания данной деятельности эффективной, конечно же, нет.

Дозволения – это предоставленная законодателем возможность для участника уголовно-процессуального правоотношения совершить или отказаться от совершения какого-либо действия, выбрать из нескольких возможных вариантов поведения такой, который для него более приемлем, или отказаться от возможности воспользоваться данным выбором. Обычно законодатель использует для этого термин «вправе». Например, указывая, какими правами обладает обвиняемый, законодатель ч. 4 ст. 47 УПК РФ формулирует так: «Обвиняемый

¹ Материалы уголовного дела № 2013567 // Архив СУ СК по Новосибирской области на транспорте РФ за 2018 г.

вправе...» и далее перечисляет те права, которыми указанное лицо может воспользоваться, а может их проигнорировать, или ст. 154 УПК РФ определяет, в отношении каких лиц следователь вправе выделить из уголовного дела материалы в другое уголовное дело. Такая свобода выбора действия либо решения, основанная на усмотрении должностного лица либо иного участника процесса, позволяет субъекту обеспечить желаемый уровень своей деятельности, в том числе и эффективный. Однако, как пишут ученые, «вне зависимости от адресата норм, с помощью которых проявляются дозволения, их реализация требует обеспечения вполне конкретными условиями, поскольку ничем не ограниченные дозволения таят в себе опасность произвола, злоупотребления правом»¹.

Запрет – это высказанное в положении закона мнение законодателя о недопустимости участнику процесса поступать определенным образом. Например, в соответствии с ч. 7 ст. 49 УПК РФ защитник не вправе отказаться от принятой на себя защиты, или изложенный в ч. 4 ст. 56 УПК РФ запрет свидетелю уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд. Нарушение указанных в законе запретов а priori не позволяет признать деятельность эффективной, и поэтому появляется возможность или необходимость рассматривать вопрос о негативной ответственности участника процесса, что вполне логично, поскольку публичный характер данной деятельности предопределяет возможность применения строгих мер воздействия. В то же время, если участник процесса не нарушает указанные в норме права запреты, то наряду с добросовестным выполнением обязанностей, обеспечивающим критерии, которые определяют эффективную уголовно-процессуальную деятельность, речь может идти о позитивной ответственности.

Под санкциями в уголовно-процессуальном праве обычно понимают неблагоприятные последствия (порицание, осуждение), которые могут наступить или наступили в связи с невыполнением либо ненадлежащим выполнением

¹ Григорян В.Л., Лавнов М.А., Францифоров Ю.В. Проблемы эффективности реализации норм, базирующихся на дозвольтельном способе уголовно-процессуального регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141). С. 186-193.

требований уголовно-процессуального закона, т. е. это ответная мера на нарушения законных требований.

Поощрения как элемент позитивной уголовно-процессуальной ответственности, без сомнения, выступают стимулирующим средством эффективной, осуществляемой в рамках закона деятельности, о чем мы писали ранее, во втором параграфе настоящей главы.

Уголовно-процессуальные принципы действуют, как правило, опосредованно, но они дают ориентир, как следует понимать ту или иную норму и из чего исходить при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Принципы законности, уважения чести и достоинства личности, состязательности сторон и прочие правовые положения, позиционированные законодателем как основные начала, позволяют выбрать правильное поведение и принять соответствующее решение, если у участников уголовно-процессуальной деятельности возникают вопросы либо недопонимание в отношении того, как следует поступать в определенной ситуации.

Субъектами позитивной уголовно-процессуальной ответственности могут быть любые участники судопроизводства, с той лишь разницей, что определяющим моментом здесь выступает наличие возложенных на них обязанностей. Реализация предоставленных участнику прав ответственности не порождает, за исключением разве что злоупотребления данными правами, но в данном случае говорить об эффективной деятельности и о позитивной ответственности уже не приходится. За злоупотребление своими субъективными правами наступает или должна наступать негативная ответственность.

Момент начала позитивной уголовно-процессуальной ответственности, обеспечивающей эффективность уголовно-процессуальной деятельности, на наш взгляд, следует связывать с моментом появления лица в процессе в любом качестве – следователя, прокурора, судьи, дознавателя или иного участника процесса – начало деятельности которого и его поведение может оказывать влияние на эффективность судопроизводства.

Полагаем, что позитивная ответственность не нацелена и не предопределяет нарушения законности. Она предназначена для обеспечения не просто нормального хода уголовно-процессуальной деятельности, а такого ее хода, который бы соответствовал критериям эффективности, во всяком случае у участника процесса всегда есть возможность выбора. Например, в ч. 3 ст. 217 УПК РФ сказано, что «...обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимым им для ознакомления с материалами уголовного дела». Негативная уголовно-процессуальная ответственность в соответствии с условиями, определенными настоящей нормой, наступает только в случае, если обвиняемый и его защитник без уважительных причин с материалами уголовного дела не знакомятся, т. е. нарушают требования закона. Полная реализация ими своих прав на ознакомление с материалами уголовного дела создает возможность осуществления уголовно-процессуальной деятельности эффективно.

§ 5. Организационные средства, обеспечивающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности, и меры по их оптимизации

Правоприменительная деятельность не может успешно осуществляться без решения организационных вопросов, что также обеспечивает ее эффективность. Организационные основы эффективной деятельности правоохранительных органов взаимосвязаны не только с проведением или осуществлением процедурных аспектов самой деятельности, хоть это и важно, но и с содержанием предшествующих и сопутствующих данной деятельности аспектов, влияющих на ее осуществление и обеспечивающих эту деятельность. Для того чтобы перечень организационных средств был более полным, целесообразно определить подходы, позволяющие всесторонне охватить все средства, влияющие на эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

Такие средства могут быть как внешними, непосредственно с самой деятельностью не связанными, существующими вне системы уголовно-процессуальных отношений, но влияющими на порядок их осуществления, так и

внутренними, от выполнения которых непосредственно зависит возможность осуществлять уголовно-процессуальную деятельность эффективно.

К внешним организационным вопросам, возникающим при осуществлении эффективной уголовно-процессуальной деятельности, можно отнести следующие:

- 1) необходимость усовершенствования уголовно-процессуального закона, а также разработку и принятие нормативных правовых актов, устраняющих разночтение положений уголовно-процессуального и иных законодательных актов, содержательное наполнение решений Конституционного Суда РФ и разъяснений, касающихся правильного применения положений УПК РФ, которые дает Верховный Суд РФ;
- 2) вопросы подготовки высокопрофессиональных кадров;
- 3) вопросы материально-технической оснащенности подразделений следственных и судебных органов;
- 4) обеспечение оптимальной нагрузки у судей, следователей и дознавателей;
- 5) меры, предпринимаемые для преодоления правового нигилизма граждан, и многие другие. Успешное решение большинства данных вопросов осуществляется, как правило, за пределами уголовно-процессуальной деятельности, но именно оно способствует успешному ее осуществлению и завершению.

К внутренним средствам, от правильного понимания и реализации которых зависит эффективность уголовно-процессуальной деятельности, следует отнести:

- 1) внедрение приемов, методов обеспечения достижения критериев эффективной уголовно-процессуальной деятельности;
- 2) совершенствование порядка применения положений уголовно-процессуального закона;
- 3) повышение требовательности к обеспечению прав участников уголовно-процессуальных отношений;
- 4) повышение качества контроля и надзора за уголовно-процессуальной деятельностью;
- 5) внедрение новых технологий в уголовно-процессуальную деятельность;
- 6) активное применение психологических знаний при выстраивании отношений между участниками процесса (следователем и руководителем следственного отдела, следователем и прокурором, следователем и обвиняемым с его защитником) и т. д.

Надо учитывать, что и внешние, и внутренние организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности проявляются на разных уровнях. Мы выделили несколько: **научный, законодательный, правоприменительный и личностный.**

В рамках каждого уровня можно выделить как процессуальные, так и непроцессуальные факторы, оказывающие влияние на осуществление эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Перечень указанных организационных (можно даже сказать управленческих) средств может быть достаточно обширным, поэтому мы более подробно остановимся только на некоторых из них, на наш взгляд, самых существенных. В целом все как внутренние, так и внешние средства, на любом уровне оказывающие влияние на осуществление эффективной уголовно-процессуальной деятельности, взаимосвязаны между собой и взаимозависимы, поэтому рассматривать их необходимо в совокупности. Данное понимание средств, влияющих на эффективность уголовно-процессуальной деятельности, подтверждается результатами опроса практических работников. Из всех предложенных вариантов ответов 60,4 % судей, 43,5 % следователей, 33,3 % сотрудников прокуратуры и 37,2 % адвокатов ответили, что лишь процессуальные средства обеспечивают такую деятельность, остальные признали, что на обеспечение указанной деятельности влияют и процессуальные, и организационные средства.

Под организационными средствами мы понимаем совокупность согласованных, внутренне упорядоченных процессов и решений, а также применяемого инструментария, направленных на создание условий, которые благоприятствуют осуществлению эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

Научный уровень заключается как в целом в разработке научной концепции организации эффективной уголовно-процессуальной деятельности, так и в разработке и применении востребованных в практической деятельности научных достижений, их обосновании и адаптации именно к процессуальной деятельности. Научные идеи детерминируют уголовно-процессуальную деятельность и те

средства, которые обеспечивают ее эффективность. Концепция позволяет обосновать целесообразность перехода от формально определенной деятельности в уголовном судопроизводстве к эффективной.

Кроме того, на государственном уровне целесообразно разработать научно обоснованную программу, обеспеченную достойным финансированием и охватывающую комплекс мероприятий, позволяющих в дальнейшем обеспечить эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Данное предложение поддерживают подавляющее большинство опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов и судей – 95,8 % судей, 84,6 % следователей, 56,8 % сотрудников прокуратуры и 82 % адвокатов – поддержали данную идею. Программа должна включать обоснование целесообразности перехода к новым, более высоким требованиям, предъявляемым к деятельности должностных лиц уголовного судопроизводства, и сами мероприятия, которые позволят создать условия для эффективной деятельности. К ним следует отнести, например, мероприятия, направленные на повышение престижа профессий, связанных с эффективной деятельностью по предварительному расследованию, судебному рассмотрению и разрешению уголовных дел (сотрудник прокуратуры, судья, следователь, дознаватель, сотрудник органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и пр.). Это может быть не только финансовая защищенность, хотя и она не исключается, а достижение государством статуса правового, где на первое место выходят законность и правопорядок. Это утверждение престижа права в обществе в целом, всеми возможными средствами и способами: правовыми, художественными, информационными, т. е. преодоление правового нигилизма, присутствующего в обществе в настоящее время, с опорой на культурно-историческое и духовно-нравственное наследие российского народа, сохранением всех прежних достижений и наработок и адаптацией их к современным требованиям. Эти мероприятия, проведенные в комплексе, позволят обеспечить приход в профессию лиц, заинтересованных не только в эффективном результате этой деятельности, но и в эффективности самой деятельности. Обязательным условием реализации такой «дорожной карты» должна быть

последовательность, постепенное внедрение необходимых требований и обязательный контроль выполнения.

На законодательном уровне к таким организационным средствам мы относим усовершенствование законодательной базы, регламентирующей процессуальный порядок уголовного судопроизводства, но с позиций обеспечения его эффективности. Хаотичные, бессистемные изменения, вносимые законодателем в текст уголовно-процессуального закона в течение последних 20 лет без учета мнений ученых, разрабатывающих уголовно-процессуальные вопросы, проблем, возникающих у правоприменителей, привели к несогласованности норм, их несовершенству, тем самым создав сложности и в правопонимании, и в правоприменении. Разрабатывая концепцию обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности, мы перманентно обращались к данным проблемам и высказывали предложения по внесению некоторых изменений и дополнений в текст УПК РФ. Считаем, что для усовершенствования уголовно-процессуального закона целесообразно расширение возможности обсуждения проектов законов юридической общественностью, используя для этого имеющиеся либо вновь созданные информационные площадки.

На правоприменительном уровне организационные меры, обеспечивающие эффективность уголовно-процессуальной деятельности, на наш взгляд, предполагают в первую очередь материально-техническое обеспечение судов и всех органов, занимающихся следственной и оперативно-розыскной деятельностью.

Считаем необходимым также надлежащее исполнение всех решений, принятых в рамках уголовного судопроизводства. Полагаем, что исполнение процессуального решения, принятого на любой стадии уголовного судопроизводства, – это необходимое условие эффективной деятельности. Именно исполнение принятого решения обеспечивает достижение цели осуществляемой деятельности, ее результативность. Без исполнения любое решение утрачивает свой смысл и значение. Если это – промежуточное решение, то его исполнение предопределяет возможность дальнейшей деятельности и получения

окончательного решения. Исполнение же окончательного решения позволяет судить и о достижении цели деятельности, и о ее эффективности или характеризует эту деятельность как осуществленную формально. Для уголовно-процессуальной деятельности стадия исполнения судебного решения особо важна, поскольку выполняет такие важные функции, как обеспечение правопорядка и защиту прав и законных интересов лиц. Поэтому полагаем, что деятельность должностных лиц по урегулированию вопросов, связанных с исполнением судебных решений, принятых в рамках уголовного судопроизводства, является обязательной стадией правоприменения. Эта деятельность создает условия для исполнения судебных решений, выступает гарантом возможности реализации прав осужденным и потерпевшим.

Личностный либо субъектный уровень предполагает необходимость усовершенствования порядка отбора лиц для замещения должностей, в обязанность которых входит непосредственное осуществление уголовно-процессуальной деятельности. Указанные лица должны допускаться до самостоятельной работы после прохождения определенного испытательного срока или выполнения обязанностей на менее ответственных должностях, прохождения аттестации и положительно себя зарекомендовавших, что подтверждали бы объективно составленные характеристики. Должна быть повышена ответственность лиц, рекомендующих указанных специалистов на эти должности. В том числе и психологов, которых привлекают в некоторых структурах для определения возможности исполнения вновь поступающим на службу сотрудником поручаемых ему обязанностей, но признать эффективной данную деятельность пока нельзя.

Подготовка кадров для осуществления эффективной уголовно-процессуальной деятельности охватывает, с нашей точки зрения, качественную подготовку специалистов в высших учебных заведениях, для чего целесообразно пересмотреть учебные планы подготовки юристов для работы в указанной сфере деятельности и внести в них обоснованные изменения, дополнения. Считаем, что в приоритете должны быть не только получение практикоориентированных знаний,

но и воспитание у студентов необходимых морально-нравственных качеств, позволяющих эффективно выполнять свои служебные обязанности. Для чего следует более тщательно подходить как к подбору преподавательского состава высших учебных заведений, подготавливающих юристов для работы в правоохранительных органах, так и к абитуриентам, студентам.

Считаем нелишним и разработку новых подходов к определению оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности, а равно мер поощрения за эффективно выполненную работу или мер взыскания за допущенные нарушения и ошибки, не позволившие осуществить процессуальную деятельность эффективно. Существующий в настоящее время порядок определения показателей для поощрения не оправдывает себя и обоснованно подвергается критике со стороны как ученых, так и правоприменителей. Опросы следователей, дознавателей и сотрудников прокуратуры, надзирающих за предварительным следствием и дознанием, показывают, что поощрения за раскрытие преступления, а не за проведение эффективно следственных действий способствуют нарушениям прав и законных интересов граждан со стороны должностных лиц.

Гарантиями выполнения предложенных организационных мер будут, во-первых, их конкретность и обоснованность; во-вторых, реальность выполнения; в-третьих, возможность их корректировки с учетом обстановки и ситуации, сложившейся при их реализации на практике.

ГЛАВА 5. СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. Способы обеспечения эффективности деятельности суда в уголовном процессе

Суд был и остается основным участником уголовно-процессуальных отношений, поскольку именно он осуществляет основное, судебное, а не предварительное следствие по уголовному делу, именно суд на основании исследованных доказательств постановляет приговор. Поэтому вопросы, касающиеся правильности осуществления правосудия, его качества, эффективности всегда волновали ученых. Можно вспомнить весьма содержательную диссертацию Т.Г. Морщаковой, в которой она еще в 1988 г. рассматривала проблемы теоретических основ оценки качества и организации правосудия по уголовным делам¹.

Оценка деятельности суда с позиции эффективности, как правильно отмечают И.Л. Бедняков и Н.А. Развейкина, активно возобновилась с момента введения в УПК РФ статьи 6¹ «Разумный срок уголовного судопроизводства», где законодатель указал обстоятельства, учитываемые при определении разумного срока, назвав среди них и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя и других должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность².

Эффективность уголовно-процессуальной деятельности суда зависит от различных факторов, в разной степени влияющих на ее осуществление, при этом она имеет свои, только ей присущие особенности. Так, на неё влияет

¹ Морщакова Т.Г. Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам. // [Электронный ресурс] URL: https://dspace.nlu.edu.ua/bitstream/123456789/15550/1/Morshcakova_1988.pdf (дата обращения: 19.01.2019).

² Бедняков И.Л., Развейкина Н.А. Категория «эффективность» в уголовном процессе // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2 (22). С. 193-198.

законодательная деятельность государственных органов либо ее отсутствие, например, в ситуации, когда Конституционный Суд РФ признал норму уголовно-процессуального права не соответствующей Конституции РФ, а разработка и принятие нового текста занимают у законодателя несколько лет. Суды не должны отказывать лицам в принятии заявлений и рассмотрении проблем под предлогом отсутствия законодательного регулирования данных правоотношений. В такой ситуации суды сами выстраивают свою практику, и не всегда она бывает правильной, продуманной. Да и те ориентиры, которые дает Конституционный Суд РФ в своих постановлениях и определениях, не всегда отвечают требованиям стабильности, что особо ярко проявилось на примере реализации принципа состязательности сторон.

На решения судов серьезное влияние оказывает правовая политика государства, которая на определенном отрезке времени меняет свое отношение либо к отдельным субъектам правоотношений (предприниматели), либо к отдельным правонарушениям (в той же экономической сфере) в сторону как смягчения, так и ужесточения.

Определяя сущность эффективности деятельности судов в уголовном судопроизводстве или эффективности судебной системы, ученые по-разному подходят к определению условий (критериев), позволяющих выявить, эффективна уголовно-процессуальная деятельность либо нет. В 2009 г. в рамках государственного федерального проекта «Поддержка судебной реформы» научно-исследовательский отдел группы компаний «Консалтум» провел разработку системы критериев и показателей эффективности функционирования судебной системы. При этом были учтены показатели: на регулярной основе рассчитываемые в судах общей юрисдикции и арбитражных судах; рассчитываемые Росстатом; рассчитываемые в международной практике; рассчитываемые в рамках Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы Российской Федерации на 2007 – 2011 годы». В целом же разработанная оценочная система показателей эффективности работы судебной системы состоит

из 12 критериев, 33 показателей и 51 индикатора¹. В данном случае речь идет об оценке функционирования всей системы правосудия в стране, но подобный подход к выявлению такого количества критериев, показателей и индикаторов вряд ли будет удобным и результативным при расчете эффективности уголовно-процессуальной деятельности отдельного судьи по конкретному уголовному делу.

Ю.А. Черноморец, рассматривая факторы, определяющие эффективность деятельности суда с участием присяжных заседателей, выделяла такие, как наличие добропорядочности у кандидатов в присяжные заседатели, высокий уровень благонадежности, наличие у них достаточного уровня юридической подготовленности, ответственное отношение к собственной деятельности во время судебного разбирательства и т. д.² Данный подход к определению эффективности деятельности указанных лиц нельзя признать правильным, поскольку даже такие замечательные человеческие качества присяжных заседателей, как благонадежность, ответственность и подготовленность, не гарантируют эффективную деятельность, которая определяется иными показателями.

Рассматривая понятие и содержание эффективности судебной системы, Л.Н. Москвич к условиям эффективности судебной системы отнес: ее рациональную организацию; совершенную законодательную базу; соблюдение принципа разделения властей относительно внешнего позиционирования судебной системы; высокий уровень правовой культуры общества и субъекта соответствующих правоотношений; профессионализм судейского корпуса и компетентность служащих аппарата суда; согласованность функционирования судебной системы с деятельностью иных механизмов социального контроля; безусловное и своевременное исполнение судебного решения³. Но данная позиция вызывает ряд возражений. Во-первых, не все из указанных условий, по мнению

¹ Фонд «Бюро экономического анализа» // [Электронный ресурс] URL: http://www.beafnd.org/common/img/uploaded/files/Otchet_A1_2_etap.pdf (дата обращения: 04.09.2020).

² Черноморец Ю.А. Факторы, определяющие эффективность деятельности суда присяжных в России // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». 2014. № 9 (115). С. 164-167.

³ Москвич Л.Н. Понятие и содержание эффективности судебной системы // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-soderzhanie-effektivnosti-sudebnoy-sistemy> (дата обращения: 04.09.2020).

Л.Н. Москвича, обеспечивающих эффективность деятельности судебной системы, в настоящее время соответствуют указанным требованиям. Например, сложно признать наличие высокого уровня правовой культуры общества и субъекта соответствующих правоотношений, недостаточно правильно осуществляется деятельность по безусловному и своевременному исполнению судебных решений и тем более сложно говорить о наличии совершенной законодательной базы. Но при этом нельзя констатировать, что деятельность судебной системы в целом и по конкретным уголовным делам абсолютно неэффективна. Речь идет о том, чтобы, предъявляя определенные требования к эффективности уголовно-процессуальной деятельности, обеспечить ее стабильность. Во-вторых, все указанные критерии важны для уголовно-процессуальной деятельности, очевидно, что они оказывают определенное влияние и на обеспечение её эффективности, но определить степень этого влияния практически невозможно. Непонятно, как оценивать указанные условия при определении эффективности судебной системы. Какие принципы расчетов и какие показатели могут при этом использоваться?

Разрабатывая критерии эффективности правосудия, Н.А. Колоколов высказал совершенно правильную мысль, что вынесение обвинительного приговора лицу, совершившему преступление, не всегда следует оценивать как достижение цели правосудия, поскольку важна еще такая составляющая данной деятельности, как исполнение приговора¹, вне зависимости от того, как воспринимать данное производство – отдельной стадией уголовного судопроизводства либо особым производством².

К критериям эффективности деятельности судов уважаемый ученый относит достижение социально значимых целей, справедливость, обоснованность, законность, а соотнесение уровней производительности труда в судах России с

¹ Колоколов Н.А. О сущности эффективности судебных процедур // [Электронный ресурс] URL: https://studme.org/1080042813322/pravo/o_suschnosti_effektivnosti_sudebnyh_protsealur (дата обращения: 04.09.2020).

² Николюк В.В., Пупышева Л.А. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? // Российское правосудие. 2021. № 1. С. 97-106.

мировыми стандартами позволило ему выделить и такой критерий, как экономичность¹.

Н.В. Куприянович предлагает две группы критериев эффективности применительно к деятельности мировых судей. Первая группа – это критерии качества работы судей, связанные с достижением целей правосудия: законность, обоснованность и справедливость каждого вынесенного решения (приговора) суда; своевременное рассмотрение дел; качество составления процессуальных документов (решений, приговоров, постановлений, определений) судьей. Вторая группа – это критерии организации судебной работы, определяемые через иные признаки (служебная нагрузка судей в соотношении с оптимальной; время, затрачиваемое на рассмотрение одного уголовного дела в отношении с объективно необходимым; подбор и расстановка судебных кадров; стимулирование труда судей; техническая оснащенность судебных помещений и др.)². В данном предложении внимание привлекают два момента. Во-первых, критерий качества работы не может охватывать такие критерии, как законность, обоснованность, справедливость, своевременность. Все названные критерии самостоятельны, значимы и взаимосвязаны друг с другом, ранее в работе мы обращали на это внимание, но вытекать один из другого они не могут. Качественная деятельность не означает, что эта деятельность проведена своевременно, либо что она обоснована, а законная деятельность не означает, что она обязательно справедлива. Во-вторых, то, что автор отнес ко второй группе по своей сути организационные, а не процессуальные факторы, которые влияют на эффективность деятельности, но которые сами по себе не могут рассматриваться в качестве критериев эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

Мнение А.Ю. Астафьева относительно критериев эффективности судебной деятельности адекватно его пониманию эффективности в целом.

¹ Колоколов Н.А. О сущности эффективности судебных процедур // [Электронный ресурс] URL: https://studme.org/1080042813322/pravo/o_suschnosti_effektivnosti_sudebnyh_protседur (дата обращения: 04.09.2020).

² Куприянович Н.В. Критерии эффективности деятельности мировых судей // Мировой судья. 2006. № 1. С. 3.

Под эффективностью он имеет в виду соотношение достигнутой цели, которая по мнению ученого определяется через количество ошибочных решений и допущенных ошибок, т. е. критерии эффективности правосудия определяют, что должно быть достигнуто, тогда как его показатели (расходы, нагрузка и сроки) дают ответ на вопрос – как, какой ценой это достигается. В связи с этим оценку судебной деятельности, по мнению А.Ю. Астафьева, необходимо проводить по двум самостоятельным критериям: уровню качества отправления правосудия и уровню социальных издержек (временных, материальных и иных затрат), понесенных для достижения целей правосудия¹.

Согласиться с данным суждением также не представляется возможным. Ошибки и ошибочные решения, принятые на протяжении уголовно-процессуальной деятельности, вне зависимости от их количества могут позволить достичь желанной цели, но деятельность в данном случае нельзя будет признать эффективной. А что касается учета социальных издержек, то экономия, какой бы она ни была, применительно к уголовно-процессуальной деятельности не должна и не может быть самоцелью и сама по себе не может выступать решающим критерием эффективности. Да, к ней надо стремиться, но изначально определять, что необходимо воздержаться от проведения определенных следственных и судебных действий только потому, что они финансово затратны, нельзя, это вредно для судебной деятельности, если не сказать, что опасно.

В качестве примера можно привести обстоятельства уголовного дела по обвинению гр-на Ж. в покушении на кражу имущества.

Ж. был задержан в 2 часа ночи в районе шинного завода при следующих обстоятельствах. Дежуривший сотрудник полиции на служебной машине возвращался в отдел полиции, и возле шиноремонтного завода в слабо освещенном месте перед машиной прокатилось колесо. Дежурный остановил машину, вышел и стал осматривать колесо, в этот момент к нему подошел мужчина, как впоследствии выяснилось, это был гр-н Ж., и сказал: «Слушай, мужик, отдай мое

¹ Астафьев А.Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки // Вестник Воронежского гос. университета. Серия «Право». 2012. № 1. С. 123-133.

колесо». Сотрудник полиции стал выяснять, какое отношение Ж. имеет к колесу, но тот, рассмотрев машину и форму на сотруднике полиции, стал отказываться от своих слов, а в отделе полиции, куда был доставлен, у него появилась достаточно стройная версия: шел мимо завода, видит, что катится колесо, решил его поднять и вернуть на завод. Было возбуждено уголовное дело, проведены необходимые следственные действия, после чего уголовное дело по обвинению гр-на Ж., не имеющего постоянного места работы, ранее судимого, в том числе и за кражи чужого имущества, было передано в суд. В судебном заседании Ж. продолжал настаивать на своей версии. Допрошенный мастер завода показал, что у них последнее время постоянно обнаруживается недостача складированных на территории завода готовых колес. Охранники завода дали показания, что территория завода большая, им приходится ее обходить, и поэтому уследить за сохранностью имущества они реальной возможности не имеют. Сотрудник полиции, задержавший гр-на Ж., подтвердил, что подошедший к машине Ж. стал требовать у него свое колесо, и, только разглядев форму, пытался быстро уйти, но был задержан и доставлен в отдел полиции. По ходатайству государственного обвинителя суд произвел осмотр места происшествия, участка дороги, где был задержан Ж., и территорию завода, примыкающую к месту происшествия. Было установлено, что готовые колеса на территории завода лежат беспорядочно, а в районе места происшествия они были складированы таким образом, что позволяли человеку подняться до уровня сплошной кирпичной ограды высотой более 2 метров. Данные обстоятельства позволили суду принять обоснованное решение и вернуть уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в судебном заседании¹.

Сам по себе осмотр в рамках судебного заседания – это достаточно трудоемкое следственное действие, так как предполагает и длительную подготовку к его проведению, и сложность самой процедуры. Требуется согласовать возможность пройти на охраняемую территорию, решить вопрос с транспортом,

¹ Уголовное дело № 1-14/2015 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска за 2015 г.

так как необходимо было к месту происшествия доставить весь состав суда, договориться с конвоем, поскольку в отношении подсудимого была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, согласовать время с участвующими представителями органов дознания, выделить необходимое время для проведения этого следственного действия, вынести постановления об отложении заранее назначенных к рассмотрению в этот день других дел и т. д. В то же время деятельность судьи следует признать эффективной, поскольку она позволила установить факты, имеющие значение для рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Изучение статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за первое полугодие 2021 г., касающихся рассмотрения ходатайств о проведении следственных действий, требующих судебного решения, позволило констатировать, что следственные органы и суды при принятии решений не рассматривают требование процессуальной экономии как первоочередное¹. Из 71 923 ходатайств о производстве обыска или выемки в жилище было удовлетворено 67 336, практически 94 %, из 25 377 ходатайств о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, удовлетворено 24 089, т. е. 95 %.

Представляется, что оценить, эффективной или нет была деятельность суда в уголовном судопроизводстве, позволяют разработанные в данной работе критерии эффективности, которые, как мы ранее указывали, взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга и при этом имеют ряд особенностей применительно именно к деятельности суда.

Что касается критерия законности, то любое отступление от закрепленного в законе порядка осуществления уголовно-процессуальной деятельности влечет отмену либо изменение судебного решения, что, бесспорно, свидетельствует об отсутствии эффективности данной деятельности. Поэтому руководство законом –

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ // [Электронный ресурс] <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 12.01.22).

обязательное условие осуществления судебной деятельности вообще и эффективной судебной деятельности, в частности.

Результативность как критерий эффективности процессуальной деятельности суда отличают следующие особенности. Суд не стремится к получению определенного результата. Он не должен быть заинтересован в конкретном результате и не может изначально быть на него нацелен. При любой ситуации, сложившейся в ходе судебного разбирательства, суд должен принять решение, а то, какое оно будет, зависит от обстоятельств дела, доказательственной базы, качества предварительного расследования, поведения обвиняемого и прочих моментов. Все варианты возможных судебных решений предусмотрены УПК РФ.

Данный критерий корреспондирует с другим критерием эффективной процессуальной деятельности – с объективностью.

Объективность деятельности суда заключается в том, что судья должен стремиться выявлять и правильно оценивать все факты, имеющие отношение к обстоятельствам дела, не занимать позиции сторон, непредвзято, т. е. без предубеждения, выполнять свои обязанности, у него должны отсутствовать личный интерес и желание получить определенный результат. Данное условие тесно взаимосвязано с принципом независимости судей. Судья в своих действиях и решениях не должен зависеть от влияния иных лиц (данное принципиальное положение нашло свое закрепление в ст. 8¹ УПК РФ), но он не должен зависеть и от своих ранее принятых решений. Именно поэтому нельзя признать правильным, что судье предоставлена возможность после рассмотрения вопросов в порядке ст. 105¹, 106, 107, 108, 125, 165 УПК РФ и принятия определенных решений впоследствии рассматривать данные уголовные дела по существу. Мы не можем согласиться с правовой позицией Верховного Суда РФ по этому вопросу, изложенной в постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», где в п. 59 говорится, что «...принятие судьей решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или залога либо о продлении срока содержания под стражей

или домашнего ареста не препятствует его участию в рассмотрении уголовного дела по существу или в суде апелляционной либо кассационной инстанции в случае пересмотра иного судебного решения»¹. При рассмотрении указанных вопросов суд обязан выяснять обоснованность подозрения о причастности лица к совершенному преступлению, и только убедившись, что достаточно данных, подтверждающих причастность лица к преступлению, суд принимает решение о мере пресечения. В такой ситуации, рассматривая данное уголовное дело по существу, судье сложно оставаться объективным, хотя бы потому что он уже высказал свое отношение к ситуации. Однако правовая позиция, сформулированная в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13², говорит нам, что судья не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при отправлении правосудия мнение или принятое судом решение, данное положение оставляет право суду независимо, без оглядки на мнения иных лиц, без дополнительных разрешений со стороны вышестоящих инстанций или процессуальных руководителей принимать решения объективно³.

По мнению профессора А.А. Тарасова укрепление принципа независимости суда поможет определению в законе процедуры оценки реализации «особого мнения» судьи в коллегиальном составе суда⁴, что в итоге скажется на объективности его решений.

Своевременность как критерий эффективности проявляется в судебном разбирательстве в том, чтобы его ход был продуман, все доказательства исследованы не в хаотичном порядке, а по логично выстроенной системе,

¹ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. 2013. 27 декабря.

² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Российская газета. 2016. 27 апреля.

³ *Быков В.М., Манова Н.С.* Включает ли в себя независимость судей право на судебную ошибку? // Российский судья. 2017. № 4. С. 41-43.

⁴ *Тарасов А.А.* Независимость судей – имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. 2018. № 22. С. 21-41.

предусматривающей последовательность допросов, оглашения документов, осмотров вещественных доказательств и т. д.

Законодатель не устанавливает в тексте уголовно-процессуального закона сроки, в течении которых уголовное дело должно быть рассмотрено в суде, закреплен только срок принятия решения в рамках подготовки дела к судебному заседанию – 30 суток или 14 суток. Такой подход к решению данного вопроса чреват возникновением ситуаций, а они по некоторым делам и складываются, когда лицо находится под стражей несколько лет без достаточных на то оснований. В литературе приводится пример такой ситуации, когда Санкт-Петербургский городской суд, рассматривая вопрос о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, установил, что продолжительность производства по уголовному делу составила более 5 лет 10 месяцев, из которых более 4 лет дело находилось в производстве судебных органов. Среди причин, вызвавших волокиту при рассмотрении уголовного дела, были не только уважительные, такие как обеспечение явки большого количества свидетелей, но и нарушения процедуры рассмотрения дела судом первой инстанции, что повлекло повторное слушание дела, а рассмотрение дела в суде второй инстанции состоялось только через 8 месяцев после вынесения приговора¹. При изучении уголовных дел также выявлялись случаи необоснованных задержек рассмотрения уголовных дел, когда слушание дела откладывалось без указания причин данного решения, либо указывались явно неуважительные причины (в связи с вызовом на повторный допрос ранее допрошенного свидетеля). Определить и нормативно закрепить время рассмотрения уголовного дела в судебном заседании нельзя, поскольку дела и по объему материала, и по содержательной части бывают разные.

Надо отметить, что в ряде зарубежных стран, например, в Канаде, при определении разумного срока уголовного судопроизводства учитывается время, необходимое судье для вынесения приговора. При этом в решениях Апелляционного суда Онтарио указывается, что сроки вынесения приговора

¹ Бедняков И.Л., Развейкина Н.А. Категория «эффективность» в уголовном процессе // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2 (22). С. 193-198.

должны быть проанализированы в соответствии с принципами, изложенными в Хартии прав и свобод, хотя и регулируются отдельным предполагаемым максимальным пятимесячным сроком (Р. против Чарли, 2019 ONCA 726, параграфы 77-87; Р. против Хартлинга, 2020 ONCA 243, параграфы 98-99)¹. Думается, что такой подход к данному вопросу будет совершенно правильным. К сожалению, российский законодатель в ст. 6¹ УПК РФ среди обстоятельств, учитываемых при определении разумного срока, не указывает время, необходимое судье для анализа обстоятельств, установленных в ходе судебного разбирательства и вынесения приговора, в том числе и на его изготовление.

Для обеспечения своевременности совершения действий и принятия решений судьей важны как его личностный настрой обеспечить именно эффективное рассмотрение уголовного дела, так и контроль за организацией и сроками рассмотрения дела со стороны председателя суда. В таких условиях обеспечивать эффективную деятельность судьи могут в первую очередь средства, стимулирующие данную деятельность.

Качественность как критерий эффективной деятельности обеспечивается тщательной подготовкой судьи к судебному разбирательству. Она охватывает изучение материалов уголовного дела с выяснением и фиксированием всех мельчайших обстоятельств, подлежащих доказыванию. Судебное следствие должно быть проведено качественно, выяснены и подробно зафиксированы в протоколе судебного заседания все обстоятельства дела. Для этого необходимо исключить все установленные в законе ограничения на возможность суда выяснять обстоятельства происшествия, расширив инициативу суда по выяснению обстоятельств, имеющих значение для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. На поставленный при анкетировании вопрос «приходилось ли Вам самому самостоятельно выяснять обстоятельства, имеющие

¹ Комментарий к разделу 11(b) Канадской Хартии прав и свобод. Судебное разбирательство в разумные сроки // [Электронный ресурс] URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/csj-sjc/rfc-dlc/ccrf-ccdl/index.html> (дата обращения: 04.12.2020).

существенное значение для дела, так как эти обстоятельства не выясняли стороны?» 76,6 % опрошенных судей ответили утвердительно.

Как было обосновано ранее, требуется внедрение в судебные стадии процесса современных информационных технологий, в частности, не только аудио-, но и видеозаписи хода судебного заседания. Это позволит более полно и правильно фиксировать ход процесса, что исключит злоупотребления правом со стороны судьи и государственного обвинителя и, что немаловажно, уберет повод к обращению в суд с замечаниями на протокол судебного заседания, поскольку фиксация процесса будет полно отражена в протоколе.

Независимость судьи предопределяет его объективность в процессе, которая проявляется как внешне, в поведении судьи, так и в его решениях. Недопустимо показывать свое отношение к совершенному подсудимым преступлению, унижать или оскорблять подсудимого, пытаться его воспитывать. Во всех ситуациях, независимо от того, как ведет себя подсудимый и что он совершил, судья должен принимать законные, обоснованные и мотивированные решения. Проведенный опрос представителей суда, прокуратуры, адвокатуры и следственных органов показал, что 98 % респондентов считают, что предъявление требования объективности к уголовно-процессуальной деятельности является обязательным условием ее осуществления, но при этом 69 % судей, 79 % прокуроров, 76 % следователей и почти 90 % адвокатов считают целесообразным повысить уровень объективности действий и решений должностных лиц.

Доступность как критерий эффективности деятельности суда в уголовном судопроизводстве проявляется в том, что участники процесса вправе рассчитывать на рассмотрение своих ходатайств и жалоб, в каком бы количестве и какого бы содержания они ни заявлялись. Отказ в удовлетворении заявленных жалоб и ходатайств должен быть мотивирован, а в определенных случаях составлен в совещательной комнате и оформлен в виде отдельного документа. Эффективность деятельности предопределяется и возможностью ознакомления участников процесса с протоколом судебного заседания, возможностью представления доказательств и участия в их исследовании. Доступность к деятельности суда

корреспондирует с таким обязательным условием судебного разбирательства, как гласность, что позволяет обеспечивать позитивное отношение общества не только к рассмотрению конкретного уголовного дела, но и к правосудию в целом. Суд выступает в качестве органа, обеспечивающего возможность реализации и защиты прав.

Достаточность определяет границы необходимых действий, которые должен и может предпринять суд для выявления всех обстоятельств уголовного дела, исследования доказательств и вынесения справедливого судебного решения.

Таким образом, установить эффективность процессуальной деятельности суда возможно только путем выявления критериев, ее определяющих.

§2. Способы обеспечения эффективности деятельности следователя в досудебном производстве по уголовному делу

Эффективность уголовно-процессуальной деятельности зависит от многих участвующих в процессе лиц, и в первую очередь от тех, которые непосредственно ее осуществляют. К таким наиболее активным участникам процесса, безусловно, относится следователь либо иное должностное лицо, принявшее уголовное дело к своему производству и приступившее к расследованию (это может быть руководитель следственной группы или руководитель следственного органа¹. Можно презюмировать, что следователь, как и любой профессионал, намеревается осуществлять ее эффективно, для чего стремится использовать все возможные средства и способы. Поскольку способ – это действие или система действий, применяемых при исполнении какой-либо работы, при осуществлении чего-нибудь², эффективность деятельности следователя может обеспечиваться различными способами. Целесообразно остановиться на наиболее важных из них.

¹ В определенной части содержание данного параграфа относится и к деятельности органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания.

² *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 70 000 слов. 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989. С. 755.

Эффективности уголовно-процессуальной деятельности будет способствовать реализация обвиняемым прав, предусмотренных гл. 40 и 40¹ УПК РФ. Заинтересованность обвиняемого в том, чтобы уголовное дело в отношении него было рассмотрено в суде без проведения судебного разбирательства, а наказание не превысит две трети максимального срока или размера наиболее строго вида наказания, предусмотренного за совершенное им преступление, либо он сможет заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, что также скажется на размере его наказания, позволяет следователю достичь всех критериев, определяющих эффективность процессуальной деятельности. Например, своевременность её осуществления обеспечивается тем, что со стороны обвиняемого не будет оказано сопротивление. Если обвиняемый заинтересован в результате, то он будет давать правдивые показания, что в свою очередь позволит своевременно выявить все обстоятельства дела, обеспечить объективность и справедливость принимаемых следователем решений, позволит получить достаточно доказательств, подтверждающих степень участия обвиняемого в преступлении, поэтому и расследование, и судебное разбирательство будет осуществлено экономично и результативно. Большинство из опрошенных следователей (72,3 %) указали, что информация о возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве вызывает интерес у обвиняемых, которые начинают выяснять условия применения данного порядка.

Однако следует отметить, что законодатель в ч. 4 ст. 47 УПК РФ среди прав, предоставляемых обвиняемому, с которыми его обязательно знакомят при предъявлении обвинения, не указал право на возможность рассмотрения уголовного дела в особом порядке и право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Юридически данная процедура осуществляется в соответствии со ст. 217 УПК РФ в период ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия. Причина такого решения законодателя понятна, таким правом располагают не все обвиняемые и не по всем уголовным делам. Но в то же время, зная о такой возможности, обвиняемый был бы в

состоянии выбрать для себя правильное поведение и на стадии предварительного расследования начать сотрудничать со следствием, тем самым создавая возможность следователю осуществлять уголовно-процессуальную деятельность более эффективно. Поэтому целесообразно добавить в ч. 4 ст. 47 УПК РФ пункт 20 следующего содержания: «При наличии указанных в настоящем законе оснований вправе заявлять ходатайства о проведении судебного разбирательства в особом порядке и о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Несмотря на появившуюся в последнее время тенденцию сокращения такого порядка рассмотрения уголовных дел, о чем мы писали ранее, полностью отказываться от особого порядка судебного разбирательства не стоит.

Следующий способ обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности заключается в расширении взаимодействия следователя с различными правоохранительными органами, в первую очередь с органами дознания, с оперативными подразделениями, а также с экспертно-криминалистическими подразделениями, службами ГИБДД и общественными организациями: волонтерскими отрядами, добровольными дружинами, иными общественными структурами. Привлечение представителей этих органов и организаций к расследованию уголовного дела (выполнению письменных поручений следователя или поставленных им конкретных задач) способствует обеспечению эффективности процессуальной деятельности.

Под взаимодействием следователя и органа дознания (дознателя) следует понимать основанную на законе, согласованную по различным необходимым показателям деятельность, обеспечивающую более высокий её уровень по сравнению с индивидуальными возможностями отдельных ее участников. Такое взаимодействие расширяет возможности выявления источников необходимой информации и ее получения как в качественном, так и в количественном отношении, исключает параллелизм в работе указанных органов, которые действуют строго в рамках своей компетенции.

По мнению профессора А.А. Тарасова, с которым можно согласиться, взаимодействие следователя с иными правоохранительными органами является

важным условием эффективного предварительного расследования, сама же эффективная деятельность напрямую зависит от правовых и организационных механизмов преодоления межведомственных барьеров между его участниками¹.

Закон определяет право следователя давать органу дознания в случаях необходимости обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

Представляется, что это является весьма действенным способом, обеспечивающим эффективность предварительного расследования. Однако законодатель не указал, совершение каких именно следственных действий может поручить следователь органу дознания, не указал сроки выполнения указанных поручений и их обязательность для исполнителя, что создает определенные сложности для правоприменителей. Нам представляется, что органы дознания могут выполнять только следственные действия, направленные на получение ориентирующей информации либо решения поисковых задач. Совершение следственных действий для получения доказательств должно остаться прерогативой следователя.

Следует полагать, что в рамках взаимодействия следователю, принявшему уголовное дело к своему производству, должно быть предоставлено право знакомиться с делами оперативного учета, если таковые имеются, в части, касающейся события преступления и фигурантов дела. Это позволит следователю принимать своевременные и правильные процессуальные решения, а также обеспечит качество его деятельности, ее достаточность, объективность, экономичность и результативность.

¹ *Тарасов А.А.* Взаимодействие следователей и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в современных условиях: размышления теоретика // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 67-73.

Следователь осуществляет уголовно-процессуальную деятельность посредством предоставленных ему полномочий, указанных как в ст. 38 УПК РФ, так и в иных положениях закона. В то же время следует отметить, что законодатель не указывает ряд полномочий, которые данное должностное лицо фактически реализует, тем самым используя еще один из способов обеспечения эффективности процессуальной деятельности – возможность оказывать психологическое воздействие, устанавливая контакт и тем самым влияя на поведение участвующих лиц.

Закон предусматривает возможность осужденного встретиться с близкими родственниками, родственниками до обращения приговора к исполнению по решению председательствующего в процессе либо председателя суда, в котором рассматривалось данное уголовное дело (ст. 395 УПК РФ). Закон не предоставляет такого права следователю, хотя на практике следователи выдают разрешение родственникам встретиться с обвиняемым, находящимся под стражей. Такое решение принимается в случае, если свидание не причинит вред ходу предварительного расследования, обеспечит налаживание контакта следователя с подследственным, а также если родственник может оказать необходимое влияние на находящегося под стражей. Нормативное закрепление такой возможности следователя обеспечит появление еще одного рычага правомерного психологического воздействия на обвиняемого, который, если будет заинтересован в свидании с родственниками, будет иметь интерес и в сотрудничестве со следствием и тем самым создаст условия для эффективной следственной деятельности. Закрепление права следователя на предоставление свидания обвиняемого с родственниками оправдано. В силу сказанного целесообразно дополнить ст. 38 УПК РФ частью 2¹: «Следователь вправе разрешать свидания близким родственникам и членам семьи с лицом, содержащимся под стражей, домашним арестом».

По действующему УПК РФ за деятельностью следователя осуществляется как ведомственный контроль, так и прокурорский надзор. Ведомственный контроль следует признать текущим, поскольку руководитель следственного

органа ежедневно принимает решения, касающиеся процессуальной и организационной деятельности следователя, а также проверяет, согласовывает и разрешает совершение следователем процессуальных действий и принятие процессуальных решений. Прокурорский надзор – последующий, так как прокурор узнает о нарушениях законности только после поступления к нему соответствующей жалобы, и отреагировать на состоявшееся нарушение может только после изучения материалов дела. При этом сложившуюся ситуацию прокурор оценивает абсолютно самостоятельно, и такая оценка может не соответствовать оценке, данной руководителем следственного органа.

Ярким примером являются решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела. В ст. 37 УПК РФ указано, что прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью как органов дознания, так и органов предварительного следствия, а не только за деятельностью следователя как представителя указанных органов. Но закон не предусматривает каких-либо приоритетов решений прокурора перед решениями следователя либо руководителя следственного органа, что нельзя признать правильным.

Прокурор все-таки выполняет надзорную функцию за процессуальной деятельностью, которую осуществляют и следователь, и руководитель следственного органа, и уже в силу этого его решения должны обладать определенным приоритетом перед решениями этих должностных лиц.

В доктрине все более доминирующее положение занимает позиция о целесообразности выведения следователя за круг участников процесса со стороны обвинения. Действительно, тот факт, что ст. 38 УПК РФ расположена в главе 6, названной «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения», не позволяет в соответствии с действующим законодательством позиционировать следователя как объективного участника процесса.

Думается, что более правилен подход по законодательству Кыргызстана и Узбекистана, где следователи как участники уголовного судопроизводства не рассматриваются представителями стороны обвинения либо лицами, осуществляющими уголовное преследование. Глава 3 УПК Республики

Узбекистан названа «Государственные органы и должностные лица, ответственные за производство по уголовному делу», а глава 5 УПК Кыргызской Республики – «Участники процесса и лица, участвующие в процессе, представляющие интересы государства». Это дает возможность вести речь не о выполнении следователями исключительно обвинительной функции, а о том, что они осуществляют функцию предварительного расследования преступлений.

Выведение следователя из числа лиц, выполняющих функцию обвинения, расширит возможности следователя осуществлять уголовно-процессуальную деятельность эффективно. Данное предложение высказывали многие ученые-процессуалисты, обосновывая его с разных позиций. Следует лишь добавить, что незаинтересованность следователя в определенном результате, направленность его деятельности на выяснение обстоятельств дела, а не на получение только обвинительных доказательств позволят законно, объективно, качественно, справедливо и, конечно, результативно осуществлять процессуальную деятельность. При этом она будет ожидаемо экономичной, поскольку не потребуется исправлять нарушения.

Российский уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо указаний на ответственность прокурора, руководителя следственного органа и следователя за незаконное и несвоевременное осуществление предварительного расследования либо за иные нарушения, допускаемые ими в ходе уголовно-процессуальной деятельности. Аналогичные позиции законодателей можно встретить в тексте УПК Республики Таджикистан, УПК Республики Казахстан. Не предусматривают какую-либо ответственность следователя и уголовно-процессуальные законы Узбекистана, Кыргызстана. Однако такой подход не исключает дисциплинарную ответственность указанных должностных лиц, к которой они на практике и привлекаются.

Иной подход к данному вопросу присутствует в уголовно-процессуальном законодательстве ряда других стран. Например, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 57 УПК Республики Молдова офицер по уголовному преследованию несет

ответственность за законное и своевременное осуществление уголовного преследования¹.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения накладывает ответственность за решения, принятые не только следователем, но и прокурором. Например, в пункте 3 ст. 52 УПК Республики Армения говорится, что «при осуществлении своих полномочий по производству уголовного дела прокурор принимает решения самостоятельно, основываясь на законах и внутреннем убеждении, и ответственен за принятые свои решения». Пункт 3 ст. 55 данного акта определяет, что «после принятия уголовного дела к своему производству следователь для его всестороннего, полного и объективного расследования уполномочен самостоятельно направлять расследование, принимать необходимые решения, осуществлять следственные и другие процессуальные действия в соответствии с положениями настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда уголовно-процессуальным законом предусматривается получение санкции суда. Следователь несет ответственность за законное и своевременное производство следственных и других процессуальных действий»².

Уголовно-процессуальные кодексы данных стран не содержат указаний на конкретные нормы, определяющие порядок привлечения должностных лиц к ответственности. Однако упоминание об ответственности не может не дисциплинировать должностное лицо. Это обязывает их более ответственно, продуманно подходить к принятию важных, судьбоносных для подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего решений. Привлечение к ответственности следователя либо иного лица, выполняющего аналогичные обязанности, представляет собой еще одну гарантию обеспечения прав вовлеченных в уголовное

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. на 12.02.2021 г.) // [Электронный ресурс] URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729#pos=4;-122 (дата обращения: 12.02.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 (с изм. и доп. от 07.04.2021 г. № ЗР-123 // [Электронный ресурс] URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 12.02.2021).

судопроизводство лиц и служит способом обеспечения эффективной деятельности в рамках уголовного судопроизводства.

И еще один способ, обеспечивающий эффективность деятельности следователя, – это предоставление ему независимости в принятии решений. Принцип независимости органов уголовного судопроизводства присутствует в УПК Болгарии, где в ст. 10 говорится, что «...при осуществлении своих функций суды, судебные заседатели, прокуроры и органы расследования независимы и подчиняются только закону»¹. Аналогичная статья есть и в УПК Швейцарии, где в ч. 1 ст. 4 «Независимость» указано: «Органы уголовного судопроизводства независимы в правоприменении и подчиняются только закону»².

Правильный подход по данному вопросу следует отметить в ч. 7 ст. 60 УПК Республики Казахстан, где говорится, что «...все решения при производстве досудебного расследования следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции прокурора, суда либо решение суда, и несет полную ответственность за их законное и своевременное исполнение. Незаконное вмешательство в деятельность следователя влечет уголовную ответственность»³.

В ст. 36 УПК Республики Узбекистан подчеркивается самостоятельность принятия решений следователем, но о независимости не сказано ни слова: «Все решения о направлении следствия и производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции прокурора»⁴.

¹ Наказательно-процесуален кодекс: Съобразено с действащото законодателство на РБ от 21 фев. 2013 г. (последна актуализация ДВ. бр.41 от 18.05.2021). Нова звезда, София, 2013. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/2135512224> (дата обращения: 12.07.2021).

² Трефилов А.А. Новый уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии: комментарий и перевод. М: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. 224 с.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Казахстана от 4 июля 2014 г. № 231-V-ЗРК (с изм. и доп. от 11.07.2021 г.) // [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=1;-16 (дата обращения: 12.02.2021).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистана: утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (с изм. и доп. от 03.01.2018 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 12.02.2021).

Часть 3 ст. 35 УПК Кыргызской Республики гласит: «Все решения о направлении следствия и производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение решения суда или санкции прокурора в случаях, установленных настоящим Кодексом, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение»¹.

В УПК Республики Молдова из всех должностных лиц гарантирована независимость уголовно-процессуальной деятельности только судьям и прокурору. Так, в ч. 3 ст. 51 УПК Республики Молдова указано, что «...при осуществлении своих полномочий в уголовном процессе прокурор независим и подчиняется только закону. Он должен также исполнять письменные указания вышестоящего прокурора об устранении нарушений закона и упущений, допущенных при осуществлении уголовного преследования и/или руководстве им»². Однако закон умалчивает относительно независимости и самостоятельности деятельности офицеров уголовного преследования.

Отсутствуют упоминания о независимости должностных лиц органов, осуществляющих предварительное расследование, в уголовно-процессуальном законодательстве Таджикистана, Армении.

В УПК РФ Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 166-ФЗ³ была введена новая ст. 8¹ «Независимость судей». Это стало необходимой и вынужденной мерой, которая призвана обеспечивать объективное, незаинтересованное рассмотрение уголовных дел и запрещать чье-либо вмешательство в деятельность судей. Упоминания о независимости и самостоятельности процессуальной деятельности следователя в уголовно-процессуальном законе России отсутствуют, хотя в

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызстана: Закон КР от 24 января 2017 г. № 10 (вводится в действие с 1 января 2019 г., с изм. и доп. от 22.07.2021 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326 (дата обращения: 12.02.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. на 12.02.2021 г.) // [Электронный ресурс] URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729#pos=4;-122

³ Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3458.

доктрине о процессуальной самостоятельности следователя ученые упоминают постоянно. Такое упущение законодателя не самым лучшим образом сказывается на результатах деятельности этого должностного лица. Собственные результаты анкетирования следователей Следственного комитета РФ и следственных органов МВД России показали, что 82,3 % опрошенных подтвердили факт попытки давления на них в целях получения необходимого решения, а 17,7 % пояснили, что давление к ним не применялось. Данные результаты совпадают с опросами, проведенными другими исследователями. Например, по данным В.Ю. Рытьковой на аналогичный вопрос положительно ответили 83,7 % опрошенных, по данным Б.Б. Степанова этой позиции, что ограничение процессуальной самостоятельности следователя – негативная тенденция, придерживаются более 80 % опрошенных им следователей¹. Закрепление в уголовно-процессуальном законе положения о недопустимости вмешательства в процессуальную деятельность следователя лиц, не имеющих на это указанных в законе полномочий, будет выступать гарантией использования антикоррупционных механизмов, ограждающих следователей от попыток вмешательства в их процессуальную деятельность и от принятия решений, что обеспечит возможность осуществления данной деятельности эффективно.

В связи с изложенным целесообразно добавить в ст. 38 УПК РФ часть 1¹: «Следователь, осуществляя свои полномочия в соответствии с требованиями настоящего Кодекса, является самостоятельным в своей процессуальной деятельности, вмешательство в которую лиц, не имеющих на то законных полномочий, запрещается».

Таким образом, представляется, что способами обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности следователя являются: реализация обвиняемым прав, предусмотренных гл. 40 и 40¹ УПК РФ; взаимодействие с органами дознания; доступ следователя к материалам дел оперативного учета;

¹ *Рытькова В.Ю.* Правовое регулирование процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. С. 10-12; *Степанов Б.Б.* Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений (сравнительно-исторические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2006. С. 4.

расширение полномочий следователя, позволяющих ему устанавливать контакт с участвующими в процессе лицами.

На эффективность деятельности следователя бесспорно влияют лица, осуществляющие контрольно-надзорные полномочия, и в этом смысле надзор прокурора в качестве гарантии обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности представляется более перспективным. Как способ обеспечения данной деятельности можно предложить: выведение следователя из числа участников процесса, выполняющих обвинительную функцию; закрепление в тексте закона положений о возможности привлечения следователя к процессуальной ответственности; закрепление в тексте закона положения о процессуальной самостоятельности следователя, что обеспечит его независимость.

§ 3. Способы обеспечения эффективности деятельности прокурора в уголовном процессе

Ученые и практические работники достаточно часто обращались к вопросам эффективности прокурорского надзора как в общем, так и применительно к такому направлению деятельности прокуратуры, как надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. В научных публикациях можно встретить обращения ученых к вопросам понятия эффективности прокурорского надзора, его оценки, критериев и индикаторов эффективности, средствам обеспечения эффективности; прокурорский надзор рассматривается как гарантия эффективности уголовно-процессуальной деятельности и т. д.¹ Надо отметить, что к вопросам эффективности участия

¹ *Сумский Д.В.* К вопросу о понятии эффективности прокурорского надзора // *Криминалист*. 2018. № 1 (22). С. 64-68; *Жубрин Р.* Оценка эффективности деятельности органов прокуратуры // *Законность*. 2014. № 12 (962). С. 46-47; *Тишков Д.С.* К вопросу о возможных направлениях повышения эффективности прокурорского надзора // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова*. 2017. № 1 (70). С. 148-150; *Кобец А.В.* К вопросу об эффективности прокурорской деятельности // *Вестник Омской юридической академии*. 2014. № 3 (34). С. 53-55; *Климова Я.А.* Эффективность реализации полномочий прокурора при решении вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела // *Научный портал МВД России*. 2016. № 2. С. 25-30 и др.

прокуроров в уголовном судопроизводстве Генеральная прокуратура РФ обращалась постоянно. Можно вспомнить приказ от 18 августа 1994 г. № 44 «О повышении качества и эффективности участия прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства в условиях судебной реформы», в котором обращено внимание на такие критерии эффективности, как законность, обоснованность, качественность, своевременность, объективность, беспристрастность, а также указано на такое средство, обеспечивающее эффективную деятельность, как стимулирование сотрудников прокуратуры к выполнению своего служебного и нравственного долга.

Деятельность прокуратуры всегда рассматривалась в качестве эффективного средства, обеспечивающего защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в уголовном судопроизводстве. Однако за последние годы процессуальное положение прокурора в уголовном судопроизводстве изменилось кардинально – от носителя властных полномочий, реализуя которые, он мог влиять на ход и результаты предварительного расследования, фактически до наблюдателя, который на ход предварительного расследования влиять не может, а следовательно, и на уровень законности действий и решений должностных лиц его воздействие минимально.

Решения российского законодателя, касающиеся уменьшения количества полномочий прокурора, перманентно принимаемые с 2007 г., в итоге привели к тому, что увеличилось количество нарушений законов, допущенных следственными органами в досудебных стадиях процесса. По данным, изложенным в выступлении в то время Генерального прокурора РФ Ю.А. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ, указано, что в 2018 г. «...количество нарушений законодательства, допущенных следователями всех ведомств, вновь увеличилось почти на 6 %. А за последние десять лет произошел их рост в 2,5 раза (с 537 тыс. в 2009 г. до 1 млн. 300 тыс. в 2018 г.). Удивительно, но это кратное увеличение нарушений происходит на фоне снижения за этот период числа зарегистрированных преступлений в 1,5 раза (с 3 до 2 млн.) и соответствующего сокращения следственной нагрузки». Генеральный прокурор

РФ также отметил, что прокурорами за прошедший год отменено почти 200 незаконных постановлений о возбуждении уголовного дела и предъявлении обвинения бизнесменам. За два года с введения в УК РФ ч. 3 ст. 299 УК РФ ни одно такое преступление на учет не поставлено. Две другие части ст. 299 УК РФ уже более 20 лет предусматривают ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности. Они касаются не только предпринимателей, но тоже не работают. За 2017 – 2018 годы при 37 тыс. реабилитированных, из которых почти 3 тыс. содержались под стражей, в суд направлено только 2 уголовных дела по ст. 299 УК РФ. Вывод очевиден – следователи и руководители следственных органов вовсе не заинтересованы в формировании практики применения данной нормы»¹.

Аналогичная ситуация складывалась и ранее. Отчитываясь перед Федеральным Собранием за 2017 г., Ю.А. Чайка в своем докладе 18 апреля 2018 г. обращал внимание на то, что «...существенных изменений в работе органов расследования не произошло. На фоне снижения нагрузки по направленным в суд делам количество выявленных прокурорами на досудебной стадии нарушений закона (5,2 млн.) выросло. И это при том, что в структуре правоохранительных ведомств имеется значительная по численности многоступенчатая система органов контроля. Между тем по делам следователей на четверть возросло число оправданных судом (+ 28 %, 877), а общее количество лиц, получивших право на реабилитацию, превысило 13 тыс. (+ 3,6 %). По значительному количеству уголовных дел следствие по-прежнему ведется с превышением сроков, установленных законом»².

Указанные данные свидетельствуют о снижении эффективности деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, а поскольку за каждой

¹ Бизнес пока не вышел из-под давления правоохранительных органов – генпрокурор РФ // [Электронный ресурс] URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/biznes-poka-ne-vyshel-iz-pod-davleniya-pravoohranitelnyh-organov-genprokuror-uf> (дата обращения: 13.05.2021).

² Доклад Генерального прокурора РФ Юрия Чайки на заседании Совета Федерации ФС РФ // [Электронный ресурс] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_dvfo/mass-media/media-files (дата обращения: 13.05.2021).

цифрой стоят люди – участники уголовного судопроизводства, то и о снижении эффективности средств защиты их прав и законных интересов.

Правозащитная функция в деятельности прокурора признается фактически всеми учеными. Об этом писали В.Ю. Мельников¹, Л.Г. Татьяна², А.А. Тушев³, А.Г. Халиуллин⁴. З.З. Зинатуллин именовал данную функцию охраной свобод и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности,⁵ Д.М. Берова – охраной прав и свобод человека и гражданина⁶, М.П. Кан выделял функцию обеспечения участникам процесса их прав и законных интересов⁷.

На присутствие данной функции у прокурора в рамках уголовно-процессуальной деятельности указывает ст. 6 УПК РФ, в которой определено назначение уголовного процесса как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Сущность функции заключается в защите прав, свобод и законных интересов лиц, вовлечённых в уголовно-процессуальные правоотношения. Данная функция прокурора проявляется в предотвращении нарушений прав участников уголовного процесса, в восстановлении нарушенных прав, в возмещении причиненного нарушением закона вреда, привлечении лиц, виновных в нарушении прав участников уголовно-процессуальных правоотношений, к соответствующей ответственности.

¹ Мельников В.Ю. Справедливость как необходимый принцип уголовного процесса // Грамота. 2011. Ч. 2. № 6. С. 125-127.

² Татьяна Л.Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3 (7). С. 30-33.

³ Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2006. 384 с.

⁴ Халиуллин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ (проблемы осуществления правовой реформы): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1977. 261 с.

⁵ Зинатуллин З.З., Зарипов Ф.Ф. Человеколюбие и гуманизм – стержневые доминанты уголовно-процессуальной политики современной России // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3. С. 56-64.

⁶ Берова Д.М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 439 с.

⁷ Кан М.П. Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1988. С. 12.

Закрепленное в законе процессуальное положение прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства позволило не только ученым, но и сотрудникам прокуратуры говорить о целесообразности расширения полномочий надзирающего прокурора, что подтверждают результаты проведенных опросов. Около 85 % сотрудников прокуратуры считают, что имеющихся в настоящее время полномочий для успешного осуществления надзорной деятельности недостаточно.

Дефицит полномочий прокурора в досудебных стадиях процесса проявляется в следующем.

1. Прокурор не наделен правом возбуждения уголовных дел. И даже если силами прокуратуры выявляются основания для принятия такого решения, то прокурор вынужден обращаться с постановлением для решения данного вопроса в органы предварительного расследования (ст. 144 УПК РФ). Однако обратиться с постановлением он может, а повлиять на мнение должностных лиц нет, т. е. не может обязать следователя или руководителя следственного органа принять необходимое решение. Прокурор направляет свое постановление об отмене постановления следователя с соответствующей мотивировкой, рекомендациями, но через некоторое время в прокуратуру вновь может поступить данное уголовное дело с прежним по содержанию постановлением следователя либо руководителя следственного органа. Прокурор, не соглашаясь с данным решением, по своей инициативе либо после рассмотрения жалоб заинтересованных лиц вновь вторично отменяет постановление, но следователь или руководитель следственного органа как процессуально самостоятельные должностные лица вправе свое решение не менять, и это выглядит как противостояние систем. Данная ситуация не представляет собой какого-либо секрета, она достаточно распространена. В своих выступлениях на эту проблему неоднократно обращали внимание ученые, об этом говорили в своих выступлениях и занимавший ранее должность Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайка, и Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин. Рассматривая данную ситуацию применительно к вопросам обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, оценить ее можно только как негативное воздействие, препятствующее осуществлению

деятельности эффективно. Это и затягивание времени начала осуществления активных следственных действий, что снижает возможность получения доказательств, позволяющих восстановить картину деяния, это – условия для проявления коррупционных моментов, и, конечно, данная ситуация не позволяет достичь назначения уголовного судопроизводства.

Лишение прокурора права влиять на решение указанного вопроса входит в противоречие с дискреционными полномочиями прокурора при его взаимоотношении с органами дознания и органами предварительного следствия. Выступая как орган надзора, прокурор в настоящее время после выявления своими средствами нарушения закона не вправе самостоятельно принять решение о возбуждении уголовного дела, а должен обращаться в орган, за которым он же и осуществляет надзор¹. Такое положение противоречит самой природе прокурорско-надзорной деятельности. Ученые неоднократно высказывали свое негативное отношение к такому решению вопроса законодателем, связывая это с лишением потерпевших гарантии реализации своих прав. В.Ф. Крюков говорит, что «действующая редакция ч. 6 ст. 148 УПК РФ не решает главную задачу восстановления законности, что свидетельствует о непоследовательности законодателя»². В.А. Лазарева достаточно резко высказалась относительно нарушений прав потерпевших, что «...удобным способом показать видимость работы является проведение проверок оснований для возбуждения уголовного дела, в том числе после неоднократной отмены незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобам самих потерпевших»³. С.П. Зайцев обратил внимание на то, что «...только предоставление прокурору права своим постановлением не просто отменить незаконное постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, но и возбудить уголовное дело станет серьезной гарантией соблюдения прав потерпевших на судебную

¹ *Гриненко А.В.* Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела // *Законность.* 2012. № 1. С. 22-24.

² *Крюков В.Ф.* Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. М., 2010. С. 149.

³ *Лазарева В.А.* Защита прав личности в уголовном процессе России. М., 2011. С. 86.

защиту»¹. А.Б. Соловьев и М.Е. Токарева указали, что «...возведенная малообоснованная новая процессуальная конструкция сводит правовое положение прокурора до уровня обычного заявителя»², они считают необходимым «предоставить прокурору право самому принимать решения о возбуждении уголовного дела при отмене решения об отказе в возбуждении уголовного дела»³. Данное мнение поддерживают А.В. Спирин, В.А. Ефанова, Г.П. Химичева, М.А. Сильнов и др.⁴

С данным предложением полностью согласиться сложно. Прокурор может отменять постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по различным основаниям, в том числе и по причине недоработок следователя, невыполнения определенных, на взгляд прокурора важных, процессуальных действий в рамках доследственной проверки. Получив постановление прокурора, следователь может устранить недочеты и изменить свое решение. В такой ситуации проявление дискреции прокурором излишне. Решение указанной проблемы возможно путем возврата прокурору права возбуждения уголовных дел. При этом данную деятельность нельзя рассматривать как обвинительную. Она только открывает возможность проведения предварительного расследования, ведь оно может закончиться с любым результатом, который заранее предположить достаточно сложно.

¹ *Зайцев С.П.* Актуальные проблемы защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве // *Законность.* 2012. № 8. С. 3-5.

² *Соловьев А.Б., Токарева М.Е.* Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // *Уголовное право.* 2011. № 4. С. 101.

³ *Соловьев А.Б., Токарева М.Е.* Указ. соч. С. 101.

⁴ *Спирин А.В.* О необходимости наделения прокурора правом возбуждения уголовного дела // *Юридические исследования.* 2016. № 8. С. 9-16; *Ефанова В.А.* О функциях прокурора в досудебных стадиях современного российского уголовного процесса // *Воронежские криминалистические чтения.* Вып. 12. Воронеж: ВГУ, 2010. С. 159-166; *Химичева Г.П.* О реализации процессуальных функций прокурора на досудебном производстве по уголовному делу // *Вестник Московского университета МВД России.* 2011. № 12. С. 220-224; *Сильнов М.А.* О некоторых направлениях совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации // *Тезисы докладов научно-практической конференции «Современные проблемы развития уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности».* М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2011. С. 34.

В зарубежных странах, например, в Казахстане, прокурор обеспечивает начало досудебного расследования, в Швейцарии он также наделен правом выносить постановления об открытии производства по уголовному делу.

2. Вызывает несогласие и позиция законодателя, ограничивающая дискреционные полномочия прокурора при утверждении обвинительного заключения. В силу ч. 1 ст. 221 УПК РФ прокурор лишен возможности самостоятельно корректировать обвинение. То, что он вернет уголовное дело следователю, отнюдь не означает, что проблемный вопрос будет решен положительно и что прокурор не будет втянут в длительные разбирательства с привлечением вышестоящего прокурора и руководителя следственного органа. Это представляется неправильным, поскольку именно прокурор, утвердив обвинительное заключение, т. е. согласившись с ним, затем должен поддерживать его в суде, отвечая за каждое слово и за конечный результат, который также связан с содержанием обвинительного заключения. Тот вариант, который ранее присутствовал в УПК РФ и позволял прокурору самому корректировать, вносить изменения, редактировать обвинительное заключение, более отвечает сущности процедуры утверждения данного акта.

В доктрине относительно составления обвинительного заключения высказывается предложение о целесообразности по сложным уголовным делам поручать составление обвинительного заключения прокурору либо прокурору совместно со следователем¹. Данная идея не очень активно поддерживается правоприменителями. Проведенные учеными исследования показали, что предложение, «чтобы прокурор составлял обвинительное заключение, поддержали только 20,7 % адвокатов, 20,5 % следователей, 5,6 % работников прокуратуры. Сторонников совместного составления обвинительного заключения и того меньше: 5,6 % работников прокуратуры и 5,1 % следователей, и только 7,7 % следователей и руководителей следственного органа, и 5,6 % судей считают возможным совместное составление обвинительного заключения по отдельной категории

¹ Назаров А.Д., Шагинян А.С. Роль прокурора в устранении следственных ошибок // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 121-128.

уголовных дел»¹. Согласиться с указанными вариантами включения прокурора в составление обвинительного заключения не представляется возможным. Предварительное следствие осуществляет следователь, он принимает решения по всем ключевым вопросам: возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения, его изменение, именно следователь разрабатывает рабочую версию, определяет очередность проведения следственных действий и т. д. Представляется, что при таком положении привлекать даже надзирающего прокурора аналогично привлечению совершенно постороннего лица, к следствию не имеющего никакого отношения.

В связи с изложенным целесообразно дополнить часть 1 ст. 221 УПК РФ пунктом 1¹: «Прокурор вправе своим постановлением исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения, а также применить закон о менее тяжком преступлении. При этом в случае необходимости прокурор вправе дать указание о составлении нового обвинительного заключения либо составить новое обвинительное заключение самостоятельно».

3. Не отвечает требованиям, предъявляемым к гарантиям обеспечения прав и законных интересов лиц и государства и критериям эффективности уголовно-процессуальной деятельности, также и установленный законом порядок разрешения конфликтов, возникающих между представителями ведомств. В настоящее время законодателем предложен достаточно сложный и, к сожалению, малоэффективный порядок разрешения спорных вопросов, возникающих между следователем, руководителем следственного органа и прокурором. В случае несогласия указанных должностных лиц с решением прокурор вправе обратиться к руководителю вышестоящего следственного органа, а затем – к Председателю Следственного комитета РФ, но последней и окончательной инстанцией выступает Генеральный прокурор РФ, решение которого окончательно (ч. 6 ст. 37 УПК РФ).

Такой порядок рассмотрения спорных вопросов не обеспечивает своевременное устранение выявленных нарушений, защиту прав и законных

¹ Назаров А.Д., Шагинян А.С. Роль прокурора в устранении следственных ошибок // Уголовная юстиция. 2017. № 10 С. 121-128.

интересов лиц и требует принятия иного решения. Представляется, что было бы правильным, если бы вышестоящий прокурор был наделен правом принимать окончательные решения при возникновении такого рода конфликтов между следователем, руководителем следственного органа и надзирающим прокурором. Такой подход вполне логично вписывается в реализацию полномочий надзирающего прокурора.

При возникновении конфликта, спора между ведомствами в целях необходимости восстановления нарушений законности именно надзирающий прокурор должен быть наделен правом принятия окончательного решения.

4. Для обеспечения эффективной деятельности органов дознания и органов предварительного следствия целесообразно создание условий для результативной деятельности прокуратуры, осуществляющей надзорные полномочия за органами, осуществляющими предварительное расследование.

В первую очередь это касается вопросов формы выявления нарушений, допускаемых органами дознания и органами предварительного следствия. В ведомственных актах Генеральной прокуратуры РФ говорится, что единственным способом своевременного выявления нарушений закона являются прокурорские проверки. В УПК РФ относительно проверок, проводимых прокуратурой, указано, что прокурор уполномочен проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2. ст. 37) и проверять законность и обоснованность решений следователя либо руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ (п. 5¹ ч. 2 ст. 37), а в соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК РФ на прокурора возложена обязанность проверять постановления о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, в законе ничего не сказано относительно оснований проведения проверок процессуальной деятельности органов дознания и органов предварительного следствия. Прокурор может затребовать уголовное дело при наличии жалоб со стороны граждан либо самих подозреваемых, обвиняемых,

потерпевших, но этого явно недостаточно для решения такого вопроса, как обеспечение законности предварительного расследования. Жалобы на нарушения закона указанными органами могут к надзирающему прокурору и не поступать по разным причинам. Это может быть страх лица либо его родственников, что жалоба только ухудшит создавшееся положение, что прокурор заинтересован в обвинении и не будет спорить со следователем или сотрудниками оперативно-розыскных служб либо служб органов, исполняющих наказание, и т. д. В силу указанных обстоятельств прокурор о нарушениях закона вообще может не узнать.

Эффективность надзорной деятельности определяется не только фактом принятия мер к устранению выявленных нарушений закона, но и их своевременным выявлением, а еще лучше – предупреждением о недопустимости возможных нарушений.

Опытный надзирающий прокурор, изучая по материалам уголовного дела ход расследования, понимая стоящую перед следователем задачу, выявляя ошибки и злоупотребления со стороны данного должностного лица, не только обеспечивает законность предварительного расследования, но и в определенных случаях оказывает помощь, своевременно обращая внимание следователя на ошибочные действия и решения, которые могут привести к нарушению закона и которые можно исправить.

Именно поэтому целесообразно указать в уголовно-процессуальном законе, что проверки законности процессуальной деятельности прокурор осуществляет не только при наличии жалоб граждан о допущенных органами дознания и органам предварительного следствия нарушениях либо информации, поступившей из любых источников, но и по инициативе надзирающих прокуроров. При этом не предполагается, что прокурор превратится в постоянного наблюдателя, но у него появится возможность максимально быстро выявлять нарушения, не дожидаясь того момента, когда они затронут права и законные интересы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

5. В большинстве случаев проверка исполнения законов органами и должностными лицами, осуществляющими дознание и предварительное следствие

по уголовному делу, предполагает ознакомление прокурора с материалами данного уголовного дела. Законодатель в ч. 2¹ ст. 37 УПК РФ предложил следующий порядок предоставления прокурору материалов уголовного дела, находящегося у следователя в производстве: «По мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела».

Данная формулировка неоднократно подвергалась критике со стороны ученых-процессуалистов, справедливо указывающих на появление определенной зависимости прокурора от мнения и желания следователя относительно предоставления материалов уголовного дела¹. Полностью согласившись с изложенным мнением, можно обратить внимание, что указание причин, повлекших необходимость ознакомления с материалами уголовного дела в письменном мотивированном запросе прокурора, отсутствие сроков предоставления ему материалов уголовного дела позволяют следователям принимать меры не столько к устранению нарушений закона, сколько к их завуалированию, обоснованию их появления либо удаления из уголовного дела таких процессуальных документов, которые могут скомпрометировать следователя, что не согласуется с задачей надзорной деятельности, суть которой в выявлении нарушений и принятии мер к их устранению. Поэтому простое указание в запросе о том, что в связи с поступившей жалобой либо заявлением появилась необходимость ознакомиться с материалами уголовного дела, будет вполне достаточной для объяснения причин запроса. В связи с этим представляется, что слово «мотивированный» было бы целесообразным из текста статьи убрать.

Кроме того, в ст. 37 УПК РФ не определены сроки, в течении которых следователь по мотивированному запросу прокурора обязан представить материалы уголовного дела. Исходя из этого, в текст статьи следует внести изменения, указав, что материалы уголовного дела должны быть представлены по запросу прокурора незамедлительно. В связи с изложенным можно предложить

¹ Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2011. С. 86.

внести изменения в текст уголовно-процессуального закона и часть 2¹ ст. 37 УПК РФ изложить следующим образом: «По письменному запросу прокурора следователь, дознаватель обязан в течение 24 часов представить ему материалы находящегося в производстве уголовного дела»¹.

Эти и другие проблемы в достаточной степени осложняют исполнение прокуратурой возложенных на неё законом крайне ответственных задач – защиту прав пострадавших от преступлений, восстановление нарушенной безопасности общества, попранных интересов государства, и поэтому требуют обязательного принятия соответствующих мер.

Прокуратура занимала и продолжает занимать ведущее место среди правоохранительных органов, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве. Для того чтобы сделать прокурорский надзор за деятельностью органов предварительного расследования более эффективным, целесообразно в раздел VI УПК РФ внести дополнения: в название главы 17 после слов «Процессуальные сроки. Процессуальные издержки» добавить «Процессуальная ответственность», а также дополнить УПК РФ статьей 132¹ «Основания привлечения к процессуальной ответственности».

§ 4. Способы обеспечения эффективности деятельности адвоката в уголовном процессе

Суть адвокатской деятельности заключается в квалифицированной юридической помощи, оказываемой на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

¹ Даровских О.И. Прокурор в уголовном судопроизводстве: монография. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2020. С. 79-89.

Федерации»¹ физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Рассматривая деятельность адвоката в уголовном судопроизводстве с позиций ее эффективности, думается, что она также должна соответствовать всем тем условиям (критериям), о которых шла речь ранее, с некоторыми уточнениями. Безусловно, деятельность адвоката в уголовном судопроизводстве зависит от того, в каком качестве адвокат принимает в ней участие – как защитник подозреваемого, обвиняемого либо как представитель потерпевшего, но в целом сама деятельность, претендующая на статус эффективной, должна соответствовать определенным параметрам.

УПК РФ и Закон об адвокатуре в ряде своих положений предопределяют наличие некоторых критериев, позволяющих обозначить деятельность адвоката как эффективную. Например, требование законности деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве определено в п. 1 ч. 4 ст. 6, п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и в п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, где говорится, что адвокат не должен принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случае, если оно имеет заведомо незаконный характер, что адвокат может применять любые средства защиты, не запрещенные законом, и совершать любые действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Требование доступности к квалифицированной юридической помощи подтверждается в п. 2 ч. 1 ст. 7 и в п. 4 ст. 29 Закона об адвокатуре, где закреплена обязанность адвоката «исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, а также оказывать юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в случаях, предусмотренных Федеральным законом»; а также что «адвокатская палата создается в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической

¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102. (далее также – Закон об адвокатуре).

помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта Российской Федерации». В ст. 50, ч. 3 ст. 51 и ст. 52 УПК РФ отражен механизм привлечения адвоката как по просьбе подозреваемого (обвиняемого), так и в случае его обязательного участия в процессе, и предусмотрен порядок отказа лица от участия защитника, а также выбора защитника по своему желанию при условии соблюдения определенных требований. Доступность к получению квалифицированной юридической помощи (адвокатской деятельности) подтверждается также возможностью освобождения подозреваемого (обвиняемого), нуждающегося в этой помощи, но не имеющего средств, от оплаты за помощь адвоката, в результате чего адвокат участвует в процессе по назначению. Надо отметить, что отказ от помощи адвоката достаточно часто бывает вынужденным, поскольку участие защитника связано с существенными финансовыми затратами. При проведении анкетирования задавался вопрос: «Какие причины отказа от участия защитника по назначению вы чаще всего слышали?» 91,6 % судей, 72,4 % следователей, 92,1 % сотрудников прокуратуры, 82,2 % адвокатов указали, что лицо могло само себя защищать.

А на вопрос, всегда ли в Вашей практике отказ от защитника фактически соответствовал способности лица самому защищаться, большинство респондентов из опрошенных ответили отрицательно (84,6 % следователей, 89,5 % судей, 98,3 % адвокатов).

Такой критерий эффективной деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве, как объективность, отчасти можно вывести из содержания запретов для адвоката, указанных в ч. 4, 5 ст. 6 Закона об адвокатуре и ч. 3 ст. 53 УПК РФ.

Объективность в деятельности адвоката проявляется в том, что он должен выполнять свои обязанности непредвзято, у него должен отсутствовать личный интерес в получении определенного результата. В противном случае доверитель может отказаться от помощи адвоката, а в отношении адвоката возбуждено дисциплинарное производство.

Особенность оценки некоторых критериев эффективности деятельности адвоката, в том числе и объективности, заключается в том, что адвокат связан в своей деятельности с позицией доверителя и не может отстаивать свой взгляд на ситуацию. Например, если версия обвиняемого противоречит доказательствам по уголовному делу, но он настаивает именно на такой версии, то адвокат должен поддержать позицию своего доверителя, и в этом случае его деятельность также следует признать эффективной. Подобный подход касается и критерия объективности, и критерия справедливости.

В качестве примера можно привести обстоятельства уголовного дела по обвинению несовершеннолетних Р., В., Д., С., К. в ряде преступлений, в том числе по п. «а» ч. 2 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ. Обвиняемые оспаривали вменение данных преступлений и утверждали, что все пятеро действовали по добровольному согласию с потерпевшей Р. Адвокаты, участвовавшие по данному делу, несмотря на ряд доказательств, опровергающих указанные показания обвиняемых, были вынуждены поддержать данную позицию и оспаривали предъявленное обвинение¹.

Выявляя критерий справедливости в деятельности адвоката, к этому следует подходить не только с позиций его доверителя. Справедливость здесь будет проявляться в деятельности защитника таким образом, чтобы со стороны как должностных лиц, так и иных участников процесса соблюдались права его доверителя, чтобы выбор мер процессуального принуждения или наказания соответствовал содеянному, чтобы следственные и иные процессуальные действия производились в соответствии с требованиями закона, а при их фиксации отражался фактически полученный результат. Справедливость как критерий эффективности деятельности охватывает и правильность квалификации действий обвиняемого.

Своевременность деятельности адвоката как критерий её эффективности проявляется в заявлении ходатайств, в принесении жалоб на действия и решения

¹ Уголовное дело № 1-112/2016 // Архив Ленинского районного суда г. Пензы за 2016 г.

должностных лиц, а также в принятии иных мер и совершении действий в рамках оказания юридической помощи. Своевременность совершения указанных действий во многом зависит от момента получения адвокатом необходимой информации.

Так, по делу гр-на П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, адвокат-защитник, общаясь со своим доверителем в условиях следственного изолятора, отмечал некоторую его заторможенность и отстраненность в поведении. Родственники, у которых адвокат выяснял особенности характера и общения своего подзащитного с незнакомыми людьми, отрицали какие-либо отклонения. И лишь после того как обвиняемый сообщил адвокату, что в камере за ним наблюдают, адвокат заявил письменное ходатайство следователю о назначении судебно-психиатрической экспертизы, в удовлетворении которого ему было отказано под предлогом окончания предварительного расследования. Уголовное дело было передано в суд, где по вновь заявленному адвокатом ходатайству экспертиза была назначена, и в последующем к гр-ну П. были применены принудительные меры медицинского характера¹.

Деятельность адвоката-защитника в стадии предварительного расследования в данном уголовном деле можно оценить как эффективную несмотря на то, что ходатайство о назначении экспертизы было им заявлено практически в конце предварительного следствия. Не будучи специалистом в области психических заболеваний, адвокат тем не менее, проанализировав странности в поведении доверителя и его сообщение о наблюдении за ним в камере, засомневался в его психическом здоровье, и, как впоследствии было установлено, это было правильным.

Критерии достаточности предпринятых действий и решений, а также наличие результативности и качества выполненных поручений в деятельности адвоката устанавливают органы адвокатского самоуправления, призванные организовывать и контролировать деятельность и адвокатских

¹ Уголовное дело № 1-178/2017 // Архив Курганского городского суда Курганской области за 2017 г.

образований, и адвокатов. Это – действующие на уровне субъекта Федерации совет адвокатской палаты и квалификационная комиссия.

При определении указанных критериев надо иметь в виду, что оценка того, эффективна ли деятельность адвоката по конкретному уголовному делу или за какой-то определенный период, может быть как профессиональной, т. е. со стороны адвокатского профессионального сообщества, так и непрофессиональной – со стороны обывателей, которые, не разбираясь в тонкостях профессиональной защиты, могут положительно оценивать деятельность, которую признать эффективной нельзя, и наоборот, в жалобе, направляемой в совет адвокатской палаты, ссылаются на некачественную и безрезультативную деятельность адвоката, который не использовал все возможные средства и способы защиты. Как представляется, качественная адвокатская деятельность – это такая деятельность, в результате которой обеспечено соблюдение прав и законных интересов доверителя и (или) восстановление его нарушенных прав. При этом определить уровень данной деятельности могут только профессионалы.

Сложности оценки эффективности адвокатской деятельности заключаются в том, что оказание квалифицированной юридической помощи не рассматривается как обязательность получения оправдательного приговора либо прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, т. е. какого-то самого лучшего для обвиняемого результата. Проверяя по материалам уголовного дела и наблюдательному производству, что было сделано адвокатом и как это было сделано, представители квалификационной комиссии определяют, правильно ли была выстроена тактика защиты, своевременно ли защитник осуществлял действия и принимал решения, как выстраивались отношения с доверителем и в какой степени адвокат повлиял либо мог повлиять на вынесенное судом решение. При этом не следует упускать личностные качества адвоката, его манеру работать, общаться как с должностными лицами, так и с иными участниками процесса.

Поэтому такой критерий, как результативность деятельности защитника в уголовном судопроизводстве, носит скорее оценочный характер и не может быть выражен в каких-то иных конкретных показателях.

Иначе обстоит ситуация с проявлениями такого критерия, как экономичность, поскольку обязанность адвоката использовать любые не запрещенные законом средства и способы защиты не предполагает какую-либо и в чем-либо экономию. Единственно, с чем мы связываем это требование, так это с недопустимостью лишних действий и решений, не влияющих на выполнение поставленных перед адвокатом задач.

Средства, обеспечивающие эффективность адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве, не имеют в своей основе особых, характерных именно для такой деятельности особенностей. Их также можно классифицировать на 4 уровня: научный, законодательный, правоприменительный и личностный.

На научном уровне разрабатываются вопросы, затрагивающие адвокатскую деятельность. Например, в доктрине активно обсуждается проблема возможности ограничения количества заявления повторных ходатайств, поскольку данные действия рассматриваются как злоупотребления субъективным правом. Коль скоро именно адвокат является в уголовном судопроизводстве самым активным участником процесса, решение данного вопроса для адвоката-защитника является весьма важным.

Одним из способов обеспечения эффективности деятельности адвоката является установление момента принятия адвокатом на себя защиты, так как именно с данного момента адвокат приступает к выполнению своих обязанностей, и с этого момента его деятельность будет оцениваться как эффективная либо нет.

С.В. Купрейченко говорит, что момент принятия адвокатом на себя защиты не совпадает с моментом приобретения адвокатом процессуального статуса защитника, включающего все полномочия, закрепленные за ним законом. По мнению данного ученого, момент принятия адвокатом защиты – это момент вступления в силу соглашения об оказании юридической помощи или момент получения ордера, а моментом приобретения статуса защитника является момент фактического начала участия адвоката в уголовном деле, так как до этого адвокат не может реализовывать полномочия защитника, исполнять его обязанности и

нести ответственность за их неисполнение¹. Полностью согласиться с данным утверждением нельзя, поскольку заключение соглашения – это в большей мере просто оформление договора, уже состоявшегося между адвокатом и доверителем, так же как и получение ордера и представление его в материалы уголовного дела. Может ли адвокат работать по конкретному уголовному делу, адвокат должен определять сам в момент первой встречи с доверителем либо лицами, которые представляют интересы доверителя при заключении соглашения. Момент принятия адвокатом на себя защиты лица в уголовном судопроизводстве определяется моментом получения указания руководителя адвокатского образования на участие в деле по назначению или моментом устного согласия защищать интересы лица в правоохранительных органах, высказанного либо самому доверителю, либо его представителям. Доверитель, получив согласие, убежден, что у него есть защитник, а адвокат, высказав данное согласие, в силу закона (ч. 7 ст. 49 УПК РФ) уже не вправе отказаться защищать данное лицо. Обращение к адвокату с просьбой о помощи всегда сопровождается изложением обстоятельств дела со стороны обратившегося и консультациями со стороны адвоката, что накладывает на адвоката определенные обязанности – сохранение в тайне и факта обращения, и информации, которую ему передали, и определенную ответственность, которая всегда сопровождает правовую помощь. Указанные консультации могут продолжаться определенное время, после чего помощь или может прекратиться, или она перерастет в заключение соглашения об участии в уголовном деле в качестве защитника, но и доверитель, и сам адвокат в данной ситуации позиционируют адвоката как лицо, принявшее на себя защиту.

Законодательный уровень проявляется в целесообразности внесения в текст уголовно-процессуального закона ряда изменений и дополнений², которые повысят возможности осуществления адвокатской деятельности эффективно.

¹ *Купрейченко С.В.* Защитник в уголовном процессе на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10.

² *Николюк В.В., Марфицин П.Г.* Новое о неприкосновенности адвоката: попытка осуществить комментарий ст. 450.1 УПК РФ // Адвокатская практика. 2018. № 1. С. 32-36.

При этом необходимо остановиться на некоторых наиболее важных моментах.

Во-первых, в настоящее время адвокаты руководствуются в своей деятельности как УПК РФ, так и Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Оба закона содержат нормы, регламентирующие деятельность адвоката в уголовном судопроизводстве. Целесообразно изложить все права, обязанности, запреты и ответственность адвоката, участвующего в уголовном судопроизводстве, именно в уголовно-процессуальном законе. Данное предложение можно аргументировать тем, что деятельность адвоката затрагивает интересы иных участвующих в этом процессе лиц, поэтому все указанные правовые категории – права, обязанности, запреты и ответственность адвокатов – выступают гарантиями обеспечения прав указанных лиц. Кроме того, концентрация указанных правовых категорий в одном законе повысит возможность адвоката осуществлять деятельность не просто правильно, но и эффективно, и, следовательно, представляет собой один из способов обеспечения данной эффективности.

Эффективность деятельности защитника будет обеспечена и в том случае, если в законе будут учитываться ситуации, не позволяющие адвокату полноценно осуществлять профессиональную защиту подозреваемого, обвиняемого. Суть вопроса в том, что доверитель вправе в любой момент отказаться от помощи адвоката, а адвокат отказаться от принятой на себя защиты не может, хотя ситуации могут складываться разные, в том числе и такие, когда возникшие обстоятельства ставят или могут поставить под сомнение полноценность защиты, её эффективность.

В качестве примера можно привести следующие ситуации: со стороны доверителя в адрес адвоката и членов его семьи были высказаны угрозы, что в случае отсутствия оправдательного приговора заинтересованные в освобождении доверителя лица обеспечат адвокату и его семье «сложности»; у молодой женщины-адвоката возникли психологические сложности в ходе защиты по уголовному делу об убийстве матерью новорожденного ребенка; адвокат

принципиально отказывается работать по уголовному делу о педофилии; доверитель, не принимая позицию адвоката, диктует ему свою волю, требуя выполнения недопустимых для адвоката действий (передачи взятки судье), но сам отказываться от данного адвоката не желает; у защитника могут возникнуть обстоятельства, не позволяющие ему продолжать работать по делу (болезнь его самого, его родственников, требующих ухода, даже его некомпетентность с учетом специализации, существующей в адвокатуре или ввиду отсутствия достаточного опыта работы по определенной категории дел и пр.); и, наконец, нарушение доверителем условий заключенного соглашения об оказании квалифицированной юридической помощи, например, отказ доверителя оплачивать работу адвоката или вносить оставшуюся часть суммы после уплаты аванса.

Выход адвоката из уголовного дела в указанных ситуациях не свидетельствует о его некомпетентности и непрофессионализме, здесь скорее возникают психологические барьеры, когда поведение доверителя с адвокатом или им содеянное оказывают либо могут оказать негативное влияние на защитника и эффективность его деятельности.

Такие сложности всегда присутствовали в деятельности адвокатов-защитников, именно поэтому даже в тексте Учреждения судебных установлений 1864 г. предусматривалась возможность поверенного выйти из процесса. В ст. 394 говорилось, что «присяжный поверенный, назначенный для производства дела советом или председателем судебного места (ст. 367, п. 4 и 5, 290, 392, 393), не может отказаться от исполнения данного ему поручения, не представив достаточных для сего причин»¹.

Ряд авторов считают, что прекращение условий соглашения адвоката с его доверителем путем не выплаты денежного вознаграждения или отказа от таких

¹ Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. С. 32-83.

выплат влечет за собой прекращение гражданско-правового договора, но никак не отказ от защиты¹.

Действующая редакция ч. 7 ст. 49 УПК РФ появилась еще в УПК РСФСР 1960 г. как гарантия обеспечения прав обвиняемого. Но в настоящее время в современных условиях было бы правильнее вводить новые механизмы и способы урегулирования взаимоотношений указанных участников уголовного судопроизводства. Недаром в проектах УПК, например, в Проекте модельного уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ (ч. 2 ст. 123) и в проекте, подготовленном ГПУ Президента РФ (ст. 110) предусматривалась возможность адвоката заявлять самоотвод, причем с весьма удачными формулировками: «если адвокат сомневается в возможности нормального рассмотрения уголовного дела с его участием» или «ввиду наличия уважительных причин, препятствующих выполнять свой долг»².

Вполне допустимо осуществить легализацию возможности в определенных случаях с разрешения совета адвокатской палаты либо руководителя адвокатского образования адвокату выйти из процесса, если возникшие обстоятельства ставят или могут поставить под сомнение эффективность защиты. При этом нужно обеспечить возможность вновь вступившему защитнику получить согласие обвиняемого на его участие в уголовном деле и ознакомиться с материалами дела. Данное условие может быть внесено в текст Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и в текст ч. 7 ст. 49 УПК РФ, например, после слов «обвиняемого» добавить слова «кроме случаев, предусмотренных действующим законодательством».

¹ Рудич В.В. Запрет на отказ адвоката от принятой на себя защиты, установленный ч. 7 ст. 49 УПК РФ: проблемы правоприменения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 3 (6). С. 104-116; Проблемы правоприменения ч. 7 ст. 49 УПК РФ: практическое пособие / А.Б. Абрамов, В.В. Рудич, Л.О. Султангареев; АНО Научно-Правовой Центр, школа практического права. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2021. С. 15.

² Проект модельного уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ // [Электронный ресурс] URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/ipa.pdf> (дата обращения: 13.01.2020).

В ходе применения норм права влияние на эффективность деятельности адвоката оказывает факт работы по соглашению либо по назначению. И в том, и в другом случае работа адвоката оплачивается, только суммы за данную работу разные, и это является тем основанием, которое, как считают некоторые адвокаты, может оправдать их неэффективную работу. Из всех возможных мер обеспечения эффективной адвокатской деятельности самая результативная – строгий контроль за работой адвокатов по назначению, возбуждение дисциплинарных производств и принятие строгих мер воздействия к адвокатам, не выполняющим надлежащим образом свои обязанности. В настоящее время руководящий состав любого адвокатского образования и квалификационная комиссия совета адвокатской палаты проверяют деятельность адвоката по конкретному уголовному делу при поступлении жалобы со стороны доверителя либо заинтересованных в его судьбе лиц. Однако жалобы приносят не все недовольные работой адвоката лица, поэтому для того чтобы искоренить практику неэффективной деятельности по уголовным делам, в которых адвокат работает по назначению, необходимо в план работы каждой адвокатской палаты субъекта РФ вносить проверки эффективности участия адвокатов по назначению и при отсутствии жалоб со стороны подозреваемых, обвиняемых. Например, путем случайной выборки определяется необходимое количество дел в процентном отношении ко всем рассмотренным в судах при участии адвоката по назначению делам. И в случае выявления нарушений со стороны адвоката в соответствии с порядком ведения дисциплинарного производства истребуется объяснение, после чего вопрос выносится на заседание квалификационной комиссии, которая высказывает свои предложения по поводу принятия адекватных мер к нарушителю.

Такая практика будет способствовать повышению качества контроля со стороны органов адвокатского самоуправления и обеспечивать адекватную ответственность адвокатов за выполнение обязанностей перед доверителями.

И последнее. Важно, как адвокат сам настроен на реализацию его полномочий при оказании квалифицированной юридической помощи. В науке отмечается что адвокаты сами не всегда проявляют активность при собирании

доказательств¹. Важен уровень его подготовки, его понимание не только своих возможностей, но и их пределов. Следует воспитывать в юристах, получивших статус адвоката, правильное отношение к выполнению своих обязанностей. Именно поэтому необходимо распространение практики опытных адвокатов, регулярное прохождение адвокатами курсов повышения квалификации с приглашением высококвалифицированных преподавателей вузов с целью передачи знаний не только практических, но и теоретических, выявления научных проблем в деятельности адвокатуры и разработки предложений о путях их решения.

Таким образом, способами обеспечения эффективности деятельности адвокатов в уголовном судопроизводстве могут служить законодательное закрепление момента принятия адвокатом на себя защиты; изложение в тексте уголовно-процессуального закона прав, обязанностей, запретов и ответственности адвокатов; определение в законе возможности для адвоката в определенных случаях выйти из процесса; усиление контроля со стороны органов адвокатского самоуправления.

¹ Манова Н.С., Чурикова А.Ю. Как сделать адвокатское расследование эффективным средством доказывания // Уголовный процесс. 2020. № 9 (189). С. 62-69.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования теоретических, правовых и организационных основ обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности сформулированы следующие выводы:

Основные теоретические выводы

1. Появившееся как экономическая категория, понятие «эффективность» постепенно стало распространяться на другие сферы человеческой деятельности, в том числе и на деятельность юридическую. Начиная с 50-х годов прошлого века в России осуществляются исследования эффективности правовых институтов, выводятся критерии данного правового понятия. В уголовно-процессуальной науке исследование вопросов, связанных с эффективностью, традиционно сводилось к пониманию данной категории как соотношения полученного результата к произведенным затратам. Однако оценивать уголовно-процессуальную деятельность, используя данный методологический подход, нельзя, ведь в уголовном судопроизводстве важен не только результат, но и процесс.

2. Исследование генезиса правовых средств в России позволяет прийти к выводу, что информация о применении специфических правовых средств появилась еще в древнерусском праве, но наиболее полно правовые средства, обеспечивающие деятельность по предварительному расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел, были закреплены в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и в последующих законодательных актах. На объем и качество средств уголовно-процессуальной деятельности большое влияние оказывала и оказывает уголовная политика государства. Становление правового, демократического государства предопределяет развитие правовых средств, как обеспечивающих реализацию прав и законных интересов граждан, так и способствующих осуществлению эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

3. Систематизация точек зрения ученых на понятие «эффективность в правовой сфере» позволяет выделить несколько направлений или методологических подходов к выработке данного понятия. Во-первых, ученые связывают эффективность с результатом через цели и задачи деятельности. Сторонники второго подхода определяют эффективность через получение необходимого результата, учитывая при этом материальные затраты. Дефиниция понятия «эффективность» в рамках третьего методологического подхода отличается широтой охвата характерных признаков данной правовой категории.

4. Критически оценивая предложения ученых по формулировке дефиниции данного понятия, автором использован иной методологический подход к выработке данного понятия и разработана дефиниция правовой категории «эффективность уголовно-процессуальной деятельности». Эффективной уголовно-процессуальной деятельностью будет деятельность должностных лиц в уголовном судопроизводстве, осуществляемая строго в рамках закона и в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями (критериями), охватываемыми данным понятием: справедливостью, качеством, доступностью, экономичностью, своевременностью, достаточностью, объективностью, результативностью.

5. Эффективность в уголовном судопроизводстве можно охарактеризовать следующим образом:

а) эффективность всегда конкретна, и при ее выявлении следует в каждом конкретном случае учитывать, о каком ее виде идет речь (нет эффективности «вообще»);

б) она универсальна, представляя собой не только результат любой деятельности, но и содержание данной деятельности;

в) это – синтетическая категория, охватывающая понятия экономические, правовые, технические и многие другие;

г) показатель эффективности может характеризовать как систему в целом, так и какую-то ее отдельную часть. При этом следует учитывать, что при взаимозависимости указанных частей системы, отсутствие эффективности какой-

то части влияет или может влиять на эффективность системы в целом. Например, неэффективно проведенное предварительное расследование может повлечь неэффективное рассмотрение и разрешение уголовного дела судом;

д) в уголовном судопроизводстве следует говорить о распределительной эффективности, т. е. о такой, которая складывается в результате достижения эффективности каждого отдельного элемента системы;

е) эффективность уголовно-процессуальной деятельности следует понимать в широком и узком смыслах применительно как к расследованию конкретного уголовного дела либо деятельности конкретного должностного лица, так и к решению общегосударственных социальных задач;

ж) это – оценочное понятие, суть которого проявляется в том, что оно способно особым способом характеризовать наиболее общие свойства разнообразных действий или процессов, осуществляющихся в рамках уголовно-процессуальной деятельности, совершаемых субъектами правоприменения в связи с конкретной правоприменительной ситуацией, но в пределах, допускаемых уголовно-процессуальным законом, и с учетом особенностей конкретного уголовного дела;

з) эффективность связана с изменением характеристики обычного, устоявшегося порядка процесса, осуществляемого в рамках закона, на иной, более совершенный.

6. Эффективность представляет собой созданную обществом культурную ценность, взаимосвязанную с вопросами общей и правовой культуры, представляющую собой совокупность исторически сложившихся и воспринимаемых обществом правил деятельности, поведения. Обоснованно, что эффективность как обязательное требование к уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивающее получение законного, обоснованного и справедливого приговора, вправе претендовать на статус принципа уголовного судопроизводства.

7. Исследование мнений ученых относительно критериев, определяющих эффективную уголовно-процессуальную деятельность, позволило разработать и

обосновать свою систему условий (критериев) деятельности в уголовном судопроизводстве, при которых она будет считаться эффективной. К таким критериям мы относим своевременность; качественность; справедливость; достаточность; объективность; законность; доступность; экономичность и результативность. Указанный перечень критериев не является случайным, он позволяет всесторонне оценивать эту деятельность и охватывает все важные ее направления (аспекты), к которым мы относим правовой, технологический, экономический и социальный.

8. Правовой аспект выражается в соответствии указанной деятельности нормам уголовно-процессуального права, принципам как основным, так и специальным, обеспечивающим именно эффективную деятельность. Он проявляется в таком критерии эффективной уголовно-процессуальной деятельности, как законность. Под технологическим аспектом подразумевается процедура реализации правовых норм путем использования разработанных и успешно применяемых на практике приемов, способов и средств осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Его обеспечивают такие критерии, как своевременность, качественность, достаточность, доступность уголовно-процессуальной деятельности. Экономический аспект в уголовно-процессуальной деятельности проявляется в выборе, если он возможен, наиболее экономичных средств ее осуществления. Социальный аспект выражается в принятии и одобрении обществом рассматриваемой уголовно-процессуальной деятельности, благодаря чему деятельность должна меняться в лучшую сторону, и который проявляется в таких критериях, как справедливость, объективность и результативность.

9. Своевременность уголовно-процессуальной деятельности представляет собой разумное соотношение временных параметров уголовно-процессуальной деятельности и реальной действительности и заключается в оценке начала процессуальной деятельности при наличии соответствующих оснований для ее возникновения, порядке ее осуществления и периода ее осуществления с

соблюдением процессуальной формы проведения следственных и судебных действий и принятия процессуальных решений.

10. Качество уголовно-процессуальной деятельности – это совокупность таких объективно присущих ей свойств, которые обеспечивают достижение назначения уголовного судопроизводства. Поэтому качество уголовно-процессуальной деятельности – понятие многоаспектное, оно может быть раскрыто благодаря комплексному подходу. Можно выделить два аспекта: это качество нормативных правовых актов, регулирующих данную деятельность, и качество реализации положений закона правоприменителями.

11. Справедливость как следующий критерий уголовно-процессуальной деятельности представляет собой достаточно сложное понятие, являясь как нравственной, так и правовой категорией. В уголовном процессе она проявляется: в возможности пересмотра судебных решений; в защите не только потерпевших, но и обвиняемых; в запрете на ограничение прав лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства; в уравнивании в правах лиц, привлекаемых к ответственности (несовершеннолетних, страдающих психическими расстройствами) и прочих; в беспристрастном совершении следственных действий, которые закреплены в законе и проведение которых целесообразно в сложившихся обстоятельствах конкретного дела; в неуклонном соблюдении всех процедур, разработанных и закрепленных в уголовно-процессуальном законе вне зависимости от конкретных обстоятельств дела; в объективной фиксации результатов процессуальных действий в соответствующих документах. Это требование равенства прав и свобод личности; это обязательность восстановления нарушенных прав и свобод; это требование соответствия между деянием и воздаянием; и это необходимость установления действительных обстоятельств по уголовному делу.

12. Следующий критерий – это доступность, которая находится в плоскости практической реализации правовых норм и обеспечивается решениями должностных лиц, уполномоченных правоохранительных органов, принимаемыми строго в рамках уголовно-процессуального закона.

13. Достаточность, т. е. совокупность данных, полученных в ходе уголовно-процессуальной деятельности, что позволяет должностным лицам, её осуществляющим, принять единственно правильное решение, определяющее результат данной деятельности. По своей сути достаточность как критерий эффективной уголовно-процессуальной деятельности представляет собой предельный уровень знаний, достигнутый в ходе уголовного судопроизводства, что позволяет принять законное, обоснованное и справедливое решение.

14. Объективность – следующий критерий, который предопределяет эффективную уголовно-процессуальную деятельность в том случае, если все действия и принимаемые должностными лицами решения будут соответствовать фактическим обстоятельствам дела, должностные лица будут непредвзято, т. е. без предубеждения, выполнять свои обязанности и у них будет отсутствовать личный интерес в получении определенного результата.

15. Эффективной уголовно-процессуальная деятельность будет в том случае, если процессуальные действия будут осуществляться, а процессуальные решения приниматься строго в рамках закона. Соблюдение законности – обязательное условие признания деятельности эффективной, и даже если должностное лицо при расследовании все версии будет проверять своевременно, качественно совершать все следственные действия, принимать объективные решения, но при этом допускать нарушения закона, то эффективной данную деятельность признать будет невозможно.

16. Категорию «экономичность», или «экономия», или «процессуальную экономию» нельзя не учитывать, рассматривая сущность понятия «эффективность уголовно-процессуальной деятельности». Экономичность – это не обязательное, но весьма желательное условие эффективной уголовно-процессуальной деятельности, поэтому полностью исключать ее из требований, предъявляемых к эффективной деятельности, нецелесообразно.

17. Любая деятельность нацелена на какой-то определенный результат. Однако эффективность уголовно-процессуальной деятельности определяется не только обязательным достижением ожидаемого результата, а в первую очередь

правильностью её осуществления, поэтому «результативность» как критерий эффективности не всегда можно отнести к определяющим критериям. Суд не стремится к получению определенного результата. Он не должен быть заинтересован в конкретном результате и не может изначально быть на него нацелен. При любой ситуации, сложившейся в ходе судебного разбирательства, суд должен принять решение, а то, какое оно будет, зависит от обстоятельств дела, доказательственной базы, качества предварительного расследования, поведения обвиняемого и прочих моментов. Все варианты возможных судебных решений предусмотрены УПК РФ.

18. ЕСПЧ относит к эффективным средствам правовой защиты соблюдение следующих положений:

- наличие органа, наделенного правом рассмотрения жалоб и принятия решений, обязательных для исполнения;
- наличие возможности обращения в национальный суд для проверки обжалуемых решений;
- средства правовой защиты должны быть действенными, в том смысле, что они должны предотвращать предполагаемое нарушение или его прекращать;
- возможность свободного выбора определенного средства правовой защиты самим лицом, которое обжалует действия и решения должностных лиц правоохранительных органов;
- доступность средств правовой защиты как юридически, так и фактически, их использованию не должны препятствовать действия или бездействие властей;
- неэффективное предварительное расследование влечет неэффективность применения на практике других средств правовой защиты;
- организация работы судов должна обеспечивать возможность обращения за правовой защитой;
- эффективность расследования обеспечивается не обязательностью получения ожидаемого результата, а обязательностью принятия мер, способных к установлению обстоятельств дела;

– эффективность расследования обеспечивается тщательностью расследования, т. е. должны предприниматься, как указывает Европейский Суд, «серьезные» меры к выявлению обстоятельств дела, а поспешные и необоснованные выводы и решения недопустимы;

– эффективность расследования обеспечивается также быстротой, которая проявляется в своевременности начала расследования, отсутствием необоснованных задержек в ходе его производства и в итоге общей продолжительностью времени расследования;

– независимость органов, производящих предварительное расследование, также рассматривается Европейским Судом как средство, обеспечивающее эффективное досудебное производство;

– и последнее, средства правовой защиты должны быть действенными, т. е. способными создавать определенные правовые последствия. Этот критерий проявляется в обязательности исполнения судебных решений.

19. Конституционный Суд РФ относит к эффективным средствам, обеспечивающим правовую защиту участников уголовно-процессуальных правоотношений:

– закрепленные в законе критерии, определяющие, какой суд и в какой процедуре будет рассматривать уголовное дело;

– расширение круга лиц, которые могут претендовать на судебную защиту, в данный круг могут входить лица, не являющиеся участниками процесса;

– определение судом конкретного средства осуществления судебной проверки, исходя из конкретных обстоятельств дела;

– признание правомерным обращение в суд еще на досудебных стадиях процесса, с жалобой на действия либо решения органов предварительного расследования, по своей сути раскрывая позицию ЕСПЧ о том, что не всегда обращение в суд можно рассматривать эффективным средством защиты;

– отнесение к эффективным средствам защиты ее своевременности;

– определение разумного срока Конституционный Суд РФ связывает с несколькими факторами, и в том числе с достаточными и эффективными

действиями должностных лиц, производимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела;

– предоставление доступа потерпевшим к информации, обеспечивающей незамедлительное обращение с жалобой в суд;

– процедурная безукоризненность порядка рассмотрения вопросов, которую Конституционный Суд РФ связывает с недопустимостью повторного участия судьи при рассмотрении вопросов о возмещении реабилитированным причиненного им вреда в случае, если судья при предыдущем рассмотрении вопроса высказывал позицию о наличии обстоятельств, не предполагающих реабилитации.

20. Верховный Суд РФ к эффективным средствам, обеспечивающим правовую защиту участников уголовно-процессуальных правоотношений, относит:

– действия суда, если они осуществляются в целях своевременного рассмотрения дела, например, эффективная подготовка дела к судебному разбирательству, руководство ходом судебного разбирательства;

– если действия обеспечивают устранение всего, что не имеет отношения к делу;

– создание процессуальных условий для справедливого и эффективного рассмотрения уголовного дела;

– требование исчерпывающим образом разъяснять обвиняемому содержание его прав;

– возможность и после поступления уголовного дела в суд первой инстанции, обжалования и пересмотра постановлений, касающихся избрания или продления отдельных мер пресечения, либо помещения лиц в медицинский либо психиатрический стационар;

– неэффективно проведенное расследование может послужить основанием к отказу о продлении сроков предварительного расследования.

21. Под правовыми средствами следует понимать соответствующую требованиям закона, нормам морали и нравственности, а также научным достижениям, применяемым в уголовном судопроизводстве, совокупность

правовых инструментов и действий, осуществляемых в установленной уголовно-процессуальной форме и обеспечивающих эффективную уголовно-процессуальную деятельность.

22. Общие признаки правовых средств, применяемых при осуществлении именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности, состоят в следующем: они должны быть закреплены в законе, направлены на достижение назначения уголовного судопроизводства; они проявляются как в статичной форме, например в нормах права, так и в динамичной, т. е. в действии; они могут применяться только в установленном законом порядке; их применение обеспечивается или может обеспечиваться принудительной силой государством.

23. Специальные принципы, обеспечивающие эффективное уголовное судопроизводство, априори должны:

- выражать сущность, природу, характерные черты, содержание именно эффективной уголовно-процессуальной деятельности;
- носить не просто ориентирующий, а руководящий характер. Ими надо руководствоваться при применении иных норм для их понимания, при коллизии и при решении вопросов, не урегулированных законом;
- обеспечивать достижение цели и решение задач, которые ставит перед собой конкретное должностное лицо при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, и эти цели и задачи изначально должны быть ориентированы на достижение эффективной деятельности;
- принципы, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, должны быть сформулированы в законе;
- они должны нести объективный характер, взаимодействовать с иными принципами.

К их числу следует отнести: принцип объективности; принцип процессуальной экономии; принцип справедливости, принцип добросовестности (недопустимости злоупотребления правом).

24. Следует выделить и специфические условия, обеспечивающие осуществление эффективной уголовно-процессуальной деятельности, т. е. правила,

обеспечивающие как реализацию принципов именно такой деятельности, так и сам порядок ее осуществления. К условиям осуществления эффективной уголовно-процессуальной деятельности можно отнести: применение поощрений и ограничений; полноту совершения процессуальных действий; информированность участников процесса.

25. В зависимости от того, каким образом решаются задачи, поставленные перед участниками уголовного судопроизводства для обеспечения эффективной уголовно-процессуальной деятельности, можно выделить следующие уровни правовых средств, обеспечивающих эффективность деятельности: научный, законодательный, правоприменительный и личностный. Предложенная дифференциация осуществляется исключительно в исследовательских рамках и только в целях выявления влияния этих уровней на уголовно-процессуальную деятельность. Все указанные уровни взаимосвязаны и взаимозависимы.

26. Средства, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, находятся под влиянием множества факторов – как внешних, так и внутренних. В зависимости от этого сами эти средства могут подразделяться на внешние и внутренние.

К внешним средствам, влияющим на уровень эффективности, можно отнести уголовно-процессуальное законодательство и складывающуюся следственную и судебную практику в зарубежных государствах, которая как прямо, так и опосредованно оказывает влияние на правовую деятельность в России, а также объем, средства и способы решения социальных задач государством в определенный промежуток времени.

Внутренние правовые средства – это те инструменты, которые характерны именно для России и выбор которых, по мнению законодателя, целесообразен с учетом наших внутренних реалий, возможностей и особенностей.

27. Обоснован вывод о неравномерном влиянии критериев на эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Один и тот же критерий в одних случаях может относиться к числу малозначительных, в других – попасть в число определяющих.

28. Повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности обеспечивается за счет: расширения уголовно-процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов граждан; мер поощрения участников уголовного судопроизводства; информационных технологий и процессуальной ответственности участников уголовного судопроизводства.

29. Средства, обеспечивающие эффективную уголовно-процессуальную деятельность, находятся под влиянием множества факторов. В зависимости от этого средства могут подразделяться на: внешние и внутренние; основные и вспомогательные; статичные и динамичные; межотраслевые и отраслевые средства; средства, применяемые в рамках стадии предварительного расследования, и средства, применяемые в судебных стадиях; средства, применяемые в рамках исполнения приговора, и т. д.

30. Эффективность следует рассматривать как категорию, под которой мы понимаем явление, возникающее в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, имеющее целью особым способом характеризовать наиболее общие свойства разнообразных действий или процессов, совершаемых субъектами правоприменения в рамках конкретной правоприменительной ситуации, но в пределах, допускаемых уголовно-процессуальным законом и с учетом индивидуальных особенностей уголовного дела.

31. При определении того, эффективна ли была уголовно-процессуальная деятельность, следует использовать социологические методы, (социологический опрос, фокус-группа, статистический анализ данных, анкетирование, биографический метод), из которых наиболее приемлемым является так называемый традиционный кабинетный метод, смысл которого в исследовании приговоров и иных процессуальных документов и адаптирование их содержания к исследовательской задаче.

32. В содержание концепции входят теоретические положения об объекте концепции, о ее системе и структуре, сущности её отдельных элементов, определении её места в системе научного знания, значении для теории и практики,

задачах для дальнейших научных исследований, а также правовое и организационное обеспечение.

33. К средствам, положительно влияющим на эффективную уголовно-процессуальную деятельность, можно отнести информационные технологии, меры стимулирования, в том числе меры поощрения правильного поведения участников уголовного судопроизводства, меры по расширению и обеспечению уголовно-процессуальных гарантий реализации прав и законных интересов участвующих в уголовно-процессуальной деятельности лиц, а также позитивную процессуальную ответственность. К средствам, негативно влияющим на обеспечение эффективной уголовно-процессуальной деятельности, следует отнести ошибки, правонарушения, злоупотребления правом и несовершенство законодательства.

34. Предложенные критерии, определяющие эффективность уголовно-процессуальной деятельности, вполне приемлемы для определения эффективности деятельности отдельных участников уголовного судопроизводства: суда (судьи), прокурора, следователя, дознавателя, адвоката-защитника.

35. К уже применяемым способам обеспечения эффективной деятельности суда в уголовном судопроизводстве следует отнести: обязательность выполнения судебных решений; усиление процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц в уголовном процессе, например, разъяснения участвующим лицам не только принадлежащих им прав, но и механизма их реализации.

36. Способами обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности следователем являются: реализация обвиняемым прав, предусмотренных гл. 40 и 41¹ УПК РФ; взаимодействие с органами дознания; доступ следователя к материалам дел оперативного учета; расширение полномочий следователя, позволяющих ему устанавливать контакт с участвующими в процессе лицами. На эффективность деятельности следователя бесспорно влияют лица, осуществляющие контрольно-надзорные полномочия за его деятельностью, и в этом смысле надзор прокурора представляется более перспективным в качестве гарантии обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Как

способ обеспечения данной деятельности мы рассматриваем выведение следователя из числа участников процесса, выполняющих обвинительную функцию; закрепление в тексте закона положений о привлечении следователя к процессуальной ответственности, и закрепление в положениях закона положения о процессуальной самостоятельности следователя, тем самым обеспечив ему независимость.

37. К способам обеспечения эффективности деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве можно отнести: расширение возможности прокурору затребовать уголовное дело для проверки по своей инициативе, без указания оснований такой проверки; определение срока выполнения требования прокурора о предоставлении материалов уголовного дела; возвращение прокурору права на возбуждение уголовного дела; наделение прокурора правом составлять новое обвинительное заключение.

38. Требуется изменения в сторону упрощения порядок разрешения конфликтов, возникающих между представителями ведомств, в частности относительно вопроса о возбуждении уголовного дела. Существующий в настоящее время порядок рассмотрения спорных вопросов не обеспечивает своевременное устранение выявленных нарушений и защиту прав лиц ввиду своей сложности и малоэффективности. Представляется, что было бы правильным, если бы вышестоящий прокурор был наделен правом принимать окончательные решения при возникновении такого рода конфликтов между следователем, руководителем следственного органа и надзирающим прокурором. Такой подход вполне логично вписывается в реализацию полномочий надзирающего прокурора.

39. В целях обеспечения эффективности деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве необходимо предусмотреть комплекс мер, позволяющих достичь такого высокого уровня деятельности: законодательно закрепить момент принятия защитником на себя защиты подозреваемого, обвиняемого; дополнить уголовно-процессуальный закон, включив в текст все требования, предъявляемые к деятельности адвоката, закрепленные в тексте Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и

адвокатуры Российской Федерации»; закрепить в положениях закона основания, позволяющие обеспечить возможность выхода адвоката из процесса; необходимо обеспечить действенный контроль со стороны исполнительных органов Адвокатской палаты субъекта РФ за качеством осуществления адвокатами работы по назначению.

Выводы о целесообразности внесения изменений и дополнений в УПК РФ

40. Необходимо закрепить в статье 5 УПК РФ понятия «эффективность» и «злоупотребление правом».

– Эффективная уголовно-процессуальная деятельность – это деятельность, направленная на достижение поставленной цели и решения промежуточных задач, осуществляемая строго в рамках закона и в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями, охватываемыми данным понятием: справедливости, качества, доступности, экономичности, своевременности, достаточности и результативности.

– Злоупотребление правом – это поведение участника уголовного правоотношения, обладающего процессуальными правами, осуществляемое в процессе правомерной реализации этих прав, но в противоречии с их смыслом и назначением, причиняющее либо способное причинить вред либо иные негативные последствия другим участникам процесса, обществу, государству.

Включение указанных понятий в статью 5 УПК РФ позволит правоприменителям и ученым использовать их при оценке уголовно-процессуальной деятельности, в процессуальных документах, в судебных решениях и при осуществлении теоретических исследований.

41. Представляется правильным полностью отказаться от термина «злоупотребление правом» в уголовном судопроизводстве и впредь речь вести только о добросовестной либо недобросовестной деятельности участников уголовного судопроизводства, т. е. наполняя данное явление положительным

содержанием. Это будет оправдано и с точки зрения достижения эффективной уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим предлагается:

– добавить в главу 2 УПК РФ статью 7¹ «Добросовестность в уголовном судопроизводстве» следующего содержания: «1. Участники уголовного судопроизводства обязаны добросовестно использовать предоставленные им права. 2. Злоупотребление правами не допускается»».

42. Одним из критериев эффективности уголовно-процессуальной деятельности выступает качество данной деятельности. Повышение качества обеспечивает в том числе и постоянный надзор прокуратуры как независимого и незаинтересованного органа, для чего предлагается:

– дополнить пункт 5¹ части 2 статьи 37 УПК РФ следующей фразой: «...Принятое решение прокурора подлежит исполнению, но может быть обжаловано в порядке, установленном настоящим Кодексом»;

– внести дополнения в часть 2¹ ст. 37 УПК РФ: «по письменному запросу прокурора следователь должен представить материалы уголовного дела в течении 24 часов с момента получения запроса»;

– дополнить часть 1 статьи 221 УПК РФ пунктом 1¹: «прокурор вправе своим постановлением исключить из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения, а также применить закон о менее тяжком преступлении. При этом в случае необходимости прокурор вправе дать указание о составлении нового обвинительного заключения либо составить новое обвинительное заключение самостоятельно»;

– внести дополнения в раздел VI УПК РФ: в название главы 17 после слов «Процессуальные сроки. Процессуальные издержки» добавить «Процессуальная ответственность», а также дополнить УПК РФ статьей 132¹ «Основания привлечения к процессуальной ответственности».

43. Для обеспечения эффективности деятельности следователя считаем целесообразным обеспечение его независимости и самостоятельности в принятии решений и совершении процессуальных действий и расширить его полномочия. Предлагается:

– добавить в ст. 38 УПК РФ часть 1¹: «Следователь, осуществляя свои полномочия в соответствии с требованиями настоящего Кодекса, является самостоятельным в своей процессуальной деятельности, вмешательство в которую лиц, не имеющих на то законных полномочий, запрещается»;

– дополнить статью 38 УПК РФ частью 2¹: «Следователь вправе разрешать свидания близким родственникам и членам семьи с лицом, содержащимся под стражей либо домашним арестом».

44. Исследование проблем реализации такого критерия эффективности уголовно-процессуальной деятельности, как доступность, применительно к участию потерпевших в уголовном судопроизводстве, выявило необходимость расширения права потерпевших знакомиться с материалами уголовного дела не только при окончании предварительного расследования, в том числе и прекращении уголовного дела, но и в случае его приостановления. Предлагается:

– дополнить пункт 12 части 2 статьи 42 УПК РФ после слов «в том числе в случае прекращения уголовного дела» словами «либо его приостановления»;

– дополнить статью 209 УПК РФ частью 4: «Потерпевший по его ходатайству вправе знакомиться с материалами приостановленного уголовного дела. По заявленному им ходатайству следователь предоставляет материалы приостановленного уголовного дела, затрагивающие интересы потерпевшего, для ознакомления».

45. Совершенствование участия адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве только положительным образом влияет на эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Предоставление возможности адвокату в определенных в законе случаях отказываться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, что послужит гарантией обеспечения права указанных лиц на получение квалифицированной юридической помощи. Поэтому предлагается:

– дополнить текст ч. 7 ст. 49 УПК РФ после слов «обвиняемого» словами «кроме случаев, предусмотренных действующим законодательством».

46. Право на возможность приглашения неопределенного количества защитников негативным образом влияет на эффективность уголовного судопроизводства и при этом не улучшает качество защиты. Такой подход неоправданно увеличивает время и предварительного расследования, и судебного разбирательства. В этой связи целесообразно внести изменение в часть 1 статьи 50 УПК РФ и после слов «подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить...» добавить «не более 3 защитников».

47. В результате проведенного исследования было установлено, что причиной отказа от адвоката-защитника в ряде случаев выступает отсутствие средств на оплату гонорара адвокату даже в том случае, если он вступает в процесс по назначению, поскольку закон предусматривает возможность взыскания с осужденного процессуальных издержек. Указанная ситуация негативным образом влияет на обеспечение эффективности уголовно-процессуальной деятельности, нарушает принцип состязательности сторон. Предлагается:

– дополнить статью 132 УПК РФ частью 4¹: «В случае отсутствия доходов у подозреваемого, обвиняемого указанное лицо может быть освобождено от возмещения процессуальных издержек, связанных с участием защитника по назначению».

Подводя итог проведенного исследованию, можно отметить, что изучение проблемы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, основанное на теоретических разработках ученых, проведенных как в рамках других отраслей науки – философии, экономики, так и в рамках различных отраслей права – теории государства и права, конституционном, гражданско-процессуальном, уголовном праве и других, явилось основой для формирования нового направления в данной области.

Представленная в диссертационном исследовании теоретическая модель обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности основана на категориально-понятийном аппарате, используемом в уголовном судопроизводстве, применении правовых позиций, изложенных в постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленума Верховного

Суда РФ, решениях Европейского Суда по правам человека, разработанных учеными научных идеях и положениях затрагивающих различные стороны эффективной уголовно-процессуальной деятельности, а также средств и способов, ее обеспечивающих.

Выводы, сделанные в результате проведенного исследования, обогащают науку уголовно-процессуального права новыми знаниями о понятии и сущности эффективности и ее проявлениях в рамках уголовно-процессуальной деятельности; о критериях, позволяющих определять и оценивать деятельность в уголовном судопроизводстве с точки зрения ее эффективности; о средствах, способах, условиях и принципах, обеспечивающих эффективность уголовно-процессуальной деятельности; о классификации средств, влияющих на достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности как позитивно, так и негативно, и разработанной методологии определения оценки эффективности деятельности в уголовном судопроизводстве, что, бесспорно, обеспечит возможность дальнейших научных исследований в этом направлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 г. (с изм. от 13.05.2004 г.) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952 г.), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963 г.), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 г.)) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
3. Конвенция ООН против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращений и наказания, принятая резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10.12.1984 г. // Ведомости ВС СССР. – 1987. – № 45. – Ст. 747.
4. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (ETS № 30) (заключена в г. Страсбурге 20.04.1959 г.) с Дополнительным протоколом к ней // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 23. – Ст. 2349.
5. Устав ООН: принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. (с изм. и доп. от 20 декабря 1971 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ (дата обращения: 12.01.2019).
6. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. Всенародным голосованием (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
7. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

8. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп. от 08.12.2020 г., № 7-ФКЗ) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1; СЗ РФ. – 2020. – № 50 (Ч. I). – Ст. 8029.

9. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (с изм. и доп. от 18.12.2001 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики: принят на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 1 июля 1979 г., с поправками, внесенными Постановлением, принятым на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 17 марта 1996 г. «О внесении изменений в «Уголовно-процессуальный кодекс КНР Китайской Народной Республики» // [Электронный ресурс] URL: <https://asia-business.ru/law/law1/criminal/procedurallaw/#1> (дата обращения: 12.06.2021).

14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения: принят Национальным Собранием Республики Армения 1 июля 1998 г. от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 (с изм. и доп. от 07.04.2021 г.) № ЗР-123 // [Электронный ресурс] URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 12.02.2021).

15. Наказательно-процессуален кодекс: Съобразено с действащото законодателство на РБ от 21 февруаря 2013 г. (последна актуализация ДВ. бр.41 от 18.05.2021 г.). Нова звезда, София, 2013. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/2135512z> (дата обращения: 12.07.2021).

16. Lietuvos Respublikos baudžiamojo proceso kodekso patvirtinimo, įsigaliojimo ir įgyvendinimo įstatymas. Baudžiamojo proceso kodeksas (03.04.2002 г. IX-785) // URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.163482> (дата обращения: 01.12.2021).

17. Уголовно-процессуальный кодекс Казахстана от 4 июля 2014 г. № 231-V-ЗПК (с изм. и доп. от 11.07.2021 г.) // [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=1;-16 (дата обращения: 13.08.2021).

18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистана: утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (с изм. и доп. от 03.01.2018 г.) // [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 12.02.2021).

19. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызстана: Закон КР от 24 января 2017 г. № 10 (вводится в действие с 1 января 2019 г., с изм. и доп. от 22.07.2021 г.) // [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326 (дата обращения: 12.02.2021).

20. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. на 12.02.2021 г.) // [Электронный ресурс] URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729#pos=4;-122 (дата обращения: 12.02.2021).

21. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I (в ред. от 01.07.2021 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

22. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

23. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

24. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.

25. Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 49. – Ст. 5724.

26. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 18. – Ст. 2145.

27. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3458.

28. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 31. – Ст. 4817.

29. Кодекс профессиональной этики адвокатов, Принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. (ред. от 15.04.2021 г.) // [Электронный ресурс] – URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 19.01.2019).

30. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 «Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года» // [Электронный ресурс] URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf> (дата обращения: 21.06.2021).

31. Приказ Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 18 сентября 2019 г. № 661 «Об утверждении Положения о полномочиях руководителей органов прокуратуры Российской Федерации по применению в органах военной прокуратуры поощрений и дисциплинарных взысканий в отношении прокурорских

работников и военнослужащих, проходящих военную службу на иных должностях» // [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-18092019-n-661-ob-utverzhdanii/> (дата обращения: 19.01.2019).

32. Приказ Следственного комитета РФ от 23 июня 2014 г. № 53 «О наградах и поощрениях Следственного комитета Российской Федерации и мерах по совершенствованию практики применения поощрений в системе Следственного комитета Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139255/ (дата обращения: 19.01.2019).

33. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (утверждены Законом СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик») // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.

34. Постановление Верховного Совета РСФСР № 1801-І от 24 октября 1991 г. «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

35. Резолюция № (2002) 12 Учреждение Европейской комиссии по эффективности правосудия (принята Комитетом Министров 18 сентября 2002 года на 808-м заседании Представителей Министров) // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/90199644> (дата обращения: 13.04.2018).

36. Проект модельного уголовно-процессуального кодекса для государств участников СНГ: принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств в г. Санкт-Петербург, 17 февраля 1996 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/ipa.pdf> (дата обращения: 13.01.2020).

Монографии, учебные пособия

37. Абрамова, А.А. Эффективность механизма правового регулирования: монография / А.А. Абрамова / науч. ред. Сорокин В.В. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. – 188 с.
38. Абросимова, Е.Б. Судебная власть: научное издание / Е.Б. Абросимова, Т.Е. Абова, М.В. Боровский, С.В. Булаковский, и др. / под ред. И.Л. Петрухина. – М., 2003. – 720 с.
39. Азаров, В.А. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции: монография / В.А. Азаров, Д.Г. Рожков. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. – 200 с.
40. Алексеев, С.С. Общая теория социалистического права: Нормы права и правоотношения. Курс лекций: учебное пособие / С.С. Алексеев / под ред. Г.И. Петрищева. – Свердловск, 1966. – Вып. 2. – 226 с.
41. Алексеев, С.С. Проблемы теории права: курс лекций в 2-х томах / С.С. Алексеев. – Свердловск, 1972. – Т. 1. – 396 с.
42. Алексеев, С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев. – М., 1982. – Т. 2. – 360 с.
43. Алексеев, С.С. Эффективность правовых норм / С.С. Алексеев. – М., 1980. – 280 с.
44. Андреева, О.И. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами и его преодоление в ходе предварительного расследования / О.И. Андреева, О.В. Желева. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2019. – 240 с.
45. Аубакирова, А.А. Следственные ошибки при формировании внутреннего убеждения: монография / А.А. Аубакирова. – Алматы: Центр деловой книги «Глобус», 2009. – 212 с.
46. Аширова, Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: монография / Л.М. Аширова. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2007. – 256 с.

47. Бабаев, В.К. Общая теория права: курс лекций / В.К. Бабаев / под ред. В.К. Бабаева. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. – С. 128-132.
48. Баев, О.Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам: монография / О.Я. Баев, М.О. Баев. – М.: Проспект, 2014. – 216 с.
49. Баранов, А.М. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия, и способы их устранения: лекция / А.М. Баранов. – Омск: ОмЮИ, 1996. – 44 с.
50. Басков, В.И. Курс прокурорского надзора: учебник для студентов юридических вузов и факультетов с приложением нормативных актов / В.И. Басков, Б.В. Коробейников. – М.: Зерцало, 2000. – 512 с.
51. Батуев, Н.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-процессуального регулирования: учеб. пособие / Н.В. Батуев. – Ижевск: Детектив-информ, 2003. – 123 с.
52. Бачурин, А.В. Интенсификация и эффективность / А.В. Бачурин. – М.: Экономика, 1985. – 264 с.
53. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 240 с.
54. Бибило, В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора / В.Н. Бибило. – Минск: Университетское, 1986. – 160 с.
55. Бозров, В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функции. Общая часть: монография / В.М. Бозров. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. – 96 с.
56. Большой словарь иностранных слов: более 24 000 слов / сост. А.Ю. Москвин. – М.: Центрполиграф, 2006. – 815 с.
57. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М., 2011. – 544 с.
58. Бутнев, В.В. Гражданская процессуальная ответственность / В.В. Бутнев. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1999. – 62 с.

59. Бурданова, В.С. Поиски истины в уголовном процессе / В.С. Бурданова. – СПб., 2003. – 262 с.
60. Василев, Л. Гражданское право Народной Республики Болгария. Общая часть / Л. Василев. – М., 1958. – 703 с.
61. Ветрова, Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность / Г.Н. Ветрова. – М., 1987. – 112 с.
62. Ветрова, Г.Н. Санкции в судебном праве / Г.Н. Ветрова. – М.: Наука, 1991. – 160 с.
63. Веницкий, Л.В. Криминалистическая виктимология: монография / Л.В. Веницкий, Н.Е. Шинкевич. – Челябинск, 2005. – 203 с.
64. Винокуров, А.Ю. Теоретические основы эффективности прокурорского надзора за исполнением законов: монография / А.Ю. Винокуров, Ю.Е. Винокуров. – М., 2008. – 101 с.
65. Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – М.: РАП, 2008. – 304 с.
66. Власенко, Н.А. Теория государства и права: научно-практическое пособие для самостоятельной подготовки студентов всех форм обучения / Н.А. Власенко. – М.: Юриспруденция, 2009. – 423 с.
67. Власов, В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества / В.И. Власов. – Саратов, 1988. – 200 с.
68. Вышинский, А.Я. Курс уголовного процесса: Судостроительство. Учебник для правовых вузов / А.Я. Вышинский, В.С. Ундревич. – М.: Советское законодательство, 1934. – 432 с.
69. Вышинский, А.Я. Судебные речи / А.Я. Вышинский, В.С. Ундревич. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. – 212 с.
70. Гойман-Червонюк, В.И. Очерки теории государства и права / В.И. Гойман-Червонюк. – М., 1996. – 326 с.
71. Горбань, В.С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства / В.С. Горбань. – М.: Изд. дом «Юриспруденция», 2009. – 170 с.

72. Гуляев, А.П. Следователь в уголовном процессе / А.П. Гуляев. – М., 1981. – 192 с.
73. Горшенев, В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В.М. Горшенев. – М., 1972. – 258 с.
74. Григорян, В.Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления / В.Л. Григорян. – Саратов, 2012. – 144 с.
75. Давлетов, А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть: курс лекций / А.А. Давлетов. – Екатеринбург, 2010. – 249 с.
76. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1989. – Т. 1. – 723 с.
77. Даровских, О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: монография / О.И. Даровских. – Челябинск: Цицеро, 2013. – 152 с.
78. Даровских, О.И. Актуальные проблемы уголовного процесса: учебное пособие / О.И. Даровских. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – Ч. 1. – 207 с.
79. Даровских, О.И. Прокурор в уголовном судопроизводстве: монография / О.И. Даровских, С.М. Даровских. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 159 с.
80. Джигоев, О.И. Природа исторической необходимости / О.И. Джигоев. – Тбилиси, 1967. – 135 с.
81. Де Сальвия, М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 г. по 2002 г. / М. Де Сальвия. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 1072 с.
82. Дикарев, И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография / И.С. Дикарев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. – 175 с.

83. Друкер, П.Ф. Управление, нацеленное на результаты: пер. с англ. / П.Ф. Друкер. – М.: Технологическая школа бизнеса, 1994. – 191 с.
84. Дюрягин, И.Я. Применение норм советского права / И.Я. Дюрягин. – Свердловск, 1973. – 248 с.
85. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения / в 2 х т. – М., 2000. – Т. 1. – 454 с.
86. Жан, Ж.-П. Европейская комиссия по эффективности правосудия. Организация. Деятельность. Развитие: науч. издание / Ж.-П. Жан, Р.А. Гурбанов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 331 с.
87. Зайцев, О.А. Государственная защита участников уголовного процесса / О.А. Зайцев. – М.: Экзамен, 2002. – 512 с.
88. Злобин, Г.А. Умысел и его формы / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. – М.: Юрид. лит., 1972. – 264 с.
89. Золотых, В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В.В. Золотых. – М., 1999. – 288 с.
90. Зорин, Г.А. Теоретические основы криминалистики / Г.А. Зорин. – Минск: Амалфея, 2000. – 416 с.
91. Казакова, Н.Д. Основы методологии социологического анализа эффективности социальных систем в категориях порядков / Н.Д. Казакова. – М.: Изд-во Моск. гос. акад. приборостроения и информатики, 2000. – 219 с.
92. Кайнов, В.И. Злоупотребление правом в российской правовой системе: учебное пособие / В.И. Кайнов. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 157 с.
93. Карякин, Е.А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики): монография / Е.А. Карякин. – Оренбург, 2005. – 152 с.
94. Кедров, Б.М. Диалектический путь теоретического синтеза современного естественнонаучного знания / Б.М. Кедров // Синтез современного научного познания. – М., 1973. – 128 с.
95. Керимов, Д.А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе / Д.А. Керимов. – М.: Госюриздат, 1960. – 223 с.

96. Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З.Ф. Коврига. – Воронеж, 1984. – 192 с.
97. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практика ее применения / под общей ред. д.ю.н., проф. В.А. Туманова и д.ю.н. проф. Л.М. Энтина. – М.: Изд-во НОРМА, 2002. – 265 с.
98. Комментарий к Конституции РФ / под ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. – М., 1994. – 623 с.
99. Кондаков, Н.И. Логический словарь / Н.И. Кондаков. – М., 1971. – 721 с.
100. Кондрат, И.Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации / И.Н. Кондрат. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2013. – 504 с.
101. Конституционное право: учебник / под ред. А.Е. Козлова. – М., 1996. – 480 с.
102. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М.: Республика, 1992. – 111 с.
103. Корельский, В.М. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М., 1999. – 283 с.
104. Крюков, В.Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора / В.Ф. Крюков. – М., 2010. – 412 с.
105. Косолапов, Р.И. Свобода и ответственность / Р.И. Косолапов, В.С. Марков. – М.: Изд-во «Политиздат», 1969. – 95 с.
106. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1972. – 304 с.
107. Кудрявцев, В.Н. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. – М.: Юридическая литература, 1980. – 280 с.

108. Кудрявцев, В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юристъ, 2003. – 352 с.
109. Кудрявцева, А.В. Апелляционное производство в уголовном процессе России: монография / А.В. Кудрявцев, В.П. Смирнов. – М., 2013. – 210 с.
110. Кузнецов, Н.Ф. Эффективность применения уголовного закона / Н.Ф. Кузнецов, И.Б. Михайловская. – М.: Юридическая литература, 1973. – 208 с.
111. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / В.Б. Алексеев, Л.Б. Алексеева, В.П. Божьев, А.Д. Бойков, и др. / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М.: Юрид. лит., 1989. – 640 с.
112. Лазарева, В.А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие / В.А. Лазарева. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 295 с.
113. Лазарева, В.А. Защита прав личности в уголовном процессе России / В.А. Лазарева, В.В. Иванов, А.К. Утарбаев. – М., 2011. – 322 с.
114. Лейст, О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст. – М., 2002. – 352 с.
115. Лейст, О.Э. Методологические проблемы юридической ответственности / О.Э. Лейст // Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М., 2002. – 780 с.
116. Лившиц, Ю.Д. Воспитательная функция советского уголовного судопроизводства. Общетеоретические вопросы. / Ю.Д. Лившиц. – Караганда: Издательство Карагандинской ВШ МВД СССР, 1974. – 138 с.
117. Липинский, Д.А. Проблемы юридической ответственности / Д.А. Липинский / под ред. Р.Л. Хачатурова. – СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2003. – 385 с.
118. Малеин, Н.С. Правонарушение: понятие, причина, ответственность / Н.С. Малеин. – М., 1985. – 192 с.
119. Малеин, Н.С. Юридическая ответственность и справедливость / Н.С. Малеин. – М., 1992. – 215 с.
120. Малиновский, А.А. Злоупотребление правом / А.А. Малиновский. – М., 2002. – 352 с.

121. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 528 с.
122. Международные акты о правах человека. – М., 2002. – 784 с.
123. Михайловская, И.Б. Судебная власть: научное издание / И.Б. Михайловская, Е.Б. Абросимова, Т.Е. Абова, М.В. Боровский, С.В. Булаковский и др. / под ред. И.Л. Петрухина. – М., 2003. – 720 с.
124. Морозова, Л.А. Теория государства и права / Л.А. Морозова. – М.: Юристъ, 2005. – 416 с.
125. Мурадьян, Э.М. Судебное право / Э.М. Мурадьян. – М., 2003. – 575 с.
126. Назаров, А.Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса: учебное пособие / А.Д. Назаров. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т., 2000. – 256 с.
127. Назаров, А.Д. Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве и ее причины: монография / А.Д. Назаров. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 248 с.
128. Научно-практический комментарий к УПК РФ / под ред. В.П. Божьев. – М., 2002. – 1287 с.
129. Недбайло, П.Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. – М., 1960. – 511 с.
130. Никитинский, В.И. Эффективность норм трудового права / В.И. Никитинский. – М.: Юридическая литература, 1971. – 247 с.
131. Николюк, В.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: монография / В.В. Николюк, Ю.В. Деришев. – Красноярск: СЮИ МВД РФ, 2003. – 198 с.
132. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / С.И. Ожегов. – 21-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус.яз., 1989. – 944 с.
133. Оксамытный, В.В. Теория государства и права / В.В. Оксамытный. – М., 2015. – 591 с.
134. Ольков, С.Г. Юридический анализ (исследовательская юриспруденция), в 2-х томах / С.Г. Ольков. – Тюмень, 2003. – Т. 2. – 140 с.

135. Ольков, С.Г. Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции): учебник / С.Г. Ольков. – М.: Юрлитинформ, 2013. – Ч. 2. – 592 с.
136. Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы международного семинара 16-17 декабря 2002 г. / отв. ред. Я.В. Ильина. – М.: Гос. Дума, 2005. – 124 с.
137. Оценка качества разрешения дел в судах. Принципы и предлагаемые критерии качества / Проект судов округа Апелляционного суда Рованиеми, Финляндия, март 2006 г. / перевод А.Г. Котельникова, М.Ю. Котельниковой. – Рованиеми, Финляндия, 2006. – 80 с.
138. Пашков, А.С. Эффективность действия правовых норм / А.С. Пашков, Л.С. Явич, Э.А. Фомин. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. – 143 с.
139. Пашкевич, П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства / П.Ф. Пашкевич. – М.: Юридическая литература, 1984. – 176 с.
140. Петров, А.В. Теория государства и права: учебное пособие / А.В. Петров, М.К. Горбатова. – Челябинск, 2009. – 274 с.
141. Петрухин, И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение / И.Л. Петрухин. – М.: Наука, 1985. – 239 с.
142. Петрухин, И.Л. Теоретические основы уголовного процесса в России / И.Л. Петрухин. – М.: Велби, 2004. – Ч. 1. – 220 с.
143. Петрухин, И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия (по уголовным делам) / И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова. – М., 1979. – 329 с.
144. Пикельный, Д.С. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с применением мер процессуального принуждения / Д.С. Пикельный. – Тюмень: НИИ АМЮ ТГНГУ-ТНЦ СО РАН, 2006. – 149 с.
145. Поленина, С.В. Качество закона и эффективность законодательства / С.В. Поленина / под ред. Я.А. Куник. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. – 56 с.
146. Поляков, М.П. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография / М.П. Поляков, А.Ю. Смолин. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. – 152 с.

147. Полянский, Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М.: Изд-во Московского университета, 1956. – 271 с.
148. Попов, Л.Л. Эффективность административно-правовых санкций / Л.Л. Попов. – М.: Норма, 2021. – 216 с.
149. Попков, В.Д. Эффективность правового регулирования / В.Д. Попков. – М.: Изд-во Московского ун-та., 1976. – 223 с.
150. Прангишвили, И.В. Системный подход и повышение эффективности управления: монография / И.В. Прангишвили. – М.: Наука, 2005. – 424 с.
151. Практика применения уголовно-процессуального кодекса РФ: Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ / под ред. зам. председателя Верховного Суда РФ В.П. Верина. – М.: Юрайт, 2007. – 395 с.
152. Проблемы правоприменения ч. 7 ст. 49 УПК РФ: практическое пособие / А.Б. Абрамов, В.В. Рудич, Л.О. Султангареев; АНО Научно-Правовой Центр, школа практического права. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2021. – 36 с.
153. Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б.И. Пугинский. – М.: Юрид. лит., 1984. – 224 с.
154. Рогачева, О.С. Эффективность норм административно-деликтного права: монография / О.С. Рогачева. – Воронеж: изд-во Воронежского государственного университета, 2011. – 356 с.
155. Родионова, Н.В. Методы исследования в менеджменте: учебник / Н.В. Родионова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 416 с.
156. Рузавин, Г.И. Методология научного исследования: учебное пособие / Г.И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 287 с.
157. Рябцева, Е.В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: монография / Е.В. Рябцева. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 144 с.
158. Саввин, М.Я. Административный штраф / М.Я. Саввин. – М.: Юрид. лит., 1984. – 111 с.

159. Самощенко, И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. – М., 1971. – 240 с.
160. Семенцов, В.А. Избранные статьи по уголовному процессу / В.А. Семенцов. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – 593 с.
161. Сереброва, С.П. Методология рационализации уголовно-процессуальной деятельности / С.П. Сереброва. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2003. – 196 с.
162. Служение истине. Научное наследие Л.Д. Кокорева / отв. ред. В.А. Панюшкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1997. – 400 с.
163. Смирнов, О.В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии / О.В. Смирнов. – М.: Юридическая литература, 1968. – 182 с.
164. Смирнов, А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб.: Питер, 2004. – 697 с.
165. Смирнов, А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – 4-е изд. перераб. и допол. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.
166. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. Т. 3. Акты земских соборов / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 83-257.
167. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Л.Б. Алексеева, М.С. Строгович, А.М. Ларин / отв. ред. В.М. Савицкий. – М.: Наука, 1979. – 319 с.
168. Советский уголовный процесс: учебник / под ред. М.А. Чельцова. – М.: Госюриздат, 1962. – 503 с.
169. Сорокин, В.В. Теория юридической ответственности: учебник / В.В. Сорокин. – Барнаул: Изд-во Алтайский. гос. универ., 2017. – 250 с.
170. Старилов, Ю.Н. Служебное право: учебник / Ю.Н. Старилов. – М.: БЕК, 1996. – 683 с.
171. Стойко, Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем / Н.Г. Стойко. – СПб., 2006. – 264 с.

172. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1968. – Т. 1. – 468 с.
173. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1970. – Т. 2. – 616 с.
174. Строгович, М.С. Избранные труды: в 3 томах / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1992. – Т. 2. – 278 с.
175. Суворов, Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона / Е.Д. Суворов. – М.: Издат. дом В. Ема, 2008. – 188 с.
176. Судебная власть: научное издание / Е.Б. Абросимова и др. / под ред. И.Л. Петрухина. – М., 2003. – 720 с.
177. Судебная ошибка и ее последствия: некоторые теоретические и практические аспекты: материалы Пятой межрегиональной научно-практической конференции 3 декабря 2010 г. / отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. – М.: Проспект, 2014. – 168 с.
178. Судебник 1550 г. // [Электронный ресурс] URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 13.08.2018).
179. Тархов, В.А. О юридической ответственности / В.А. Тархов. – Саратов, 1978. – 38 с.
180. Теория государства и права: учебник / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – М.: Высшее образование, 2008. – 743 с.
181. Томин, В.Т. Очерки теории эффективного уголовного процесса: монография / В.Т. Томин, М.П. Поляков, А.П. Попов. – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 164 с.
182. Томин, В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Томин. – М.: Юрайт, 2009. – 376 с.
183. Трефилов, А.А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии / А.А. Трефилов. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 336 с.

184. Трефилов, А.А. Новый уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии: комментарий и перевод / А.А. Трефилов. – М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. – 224 с.
185. Уголовный процесс / под ред. М.А. Чельцова. – М., 1969. – 624 с.
186. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 1038 с.
187. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. и науч. ред. А.В. Гриненко. – М.: Проспект, 2021. – 1096 с.
188. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1991. – 496 с.
189. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х томах / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. 1. – 552 с.
190. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х томах / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. 2. – 607 с.
191. Философский энциклопедический словарь. – М.: Инфра-М, 2005. – 576 с.
192. Философский словарь. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – 592 с.
193. Философия науки в вопросах и ответах: учебное пособие для аспирантов / В.П. Кохановский, Т.Г. Лешкевич. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 352 с.
194. Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия: методическое пособие / В.В. Воскресенский, В.Н. Исаенко, Л.П. Исмакаев, В.А. Лазарева и др. – М.: Изд-во ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1990. – 80 с.
195. Хачатуров, Т.С. Эффективность капитальных вложений / Т.С. Хачатуров. – М.: Экономика, 1979. – 335 с.

196. Хачатуров, Р.Л. Византия и Русь: государственно-правовые отношения / Р.Л. Хачатуров. – Тольятти, 1995. – 56 с.
197. Хокинс, Дж. М. Оксфордский толковый словарь английского языка: 40 000 слов / Дж. М. Хокинс. – М.: АСТ, Астрель, 2007. – 828 с.
198. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права / А.Ф. Черданцев. – М., 2001. – 432 с.
199. Шаргородский, М.Д. Наказание, его цели и эффективность / М.Д. Шаргородский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 160 с.
200. Шевченко, Я.Н. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних / Я.Н. Шевченко / отв. ред. Лановенко И.П. – Киев: Наук. думка, 1976. – 189 с.
201. Элькин, П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. – 142 с.
202. Эмерсон, Г. Двенадцать принципов производительности / Г. Эмерсон. – М.: Экономика, 1992. – 224 с.
203. Эпоха глобализации и преступность: монография / В.В. Лунеев. – М.: Норма: Инфра-М, 2016. – 272 с.
204. Эффективность и высшая цель социалистического производства / под общей ред. В.Н. Черковца. – М., 1986. – 312 с.
205. Эффективность правовых норм / В.В. Глазырин, В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко. – М.: Юрид. лит., 1980. – 280 с.
206. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок: монография / руководитель авторского коллектива И.Л. Петрухин; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1975. – Ч. 1. – 298 с.
207. Юдин, А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве / А.В. Юдин. – СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, издательство юридического факультета, 2005. – 360 с.
208. Юсупов, В.А. Правоприменительная деятельность органов управления / В.А. Юсупов. – М.: Юрид. лит., 1979. – 136 с.

209. Якимович, Ю.К. Судебное производство по УПК Российской Федерации / Ю.К. Якимович, Т.Д. Пан. – СПб, 2005. – 252 с.
210. Явич, Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР / Л.С. Явич. – Сталинабад, 1957. – 165 с.
211. Явич, Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич / под ред. А.И. Королев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 285 с.
212. Якуб, М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / Л.С. Явич. – М., 1960. – 169 с.
213. Якупов, Р.Х. Уголовный процесс / Р.Х. Якупов. – М.: Зерцало, 1998. – 448 с.
214. Янев, Я.Г. Правила социалистического общежития (их функции при применении правовых норм) / Я.Г. Янев. – М.: Прогресс, 1980. – 271 с.

Научные статьи

215. Авдеев, М.А. Экономические аспекты уголовно-процессуальной деятельности / М.А. Авдеев, Л.И. Малахова // Современная экономика: проблемы и решения. – 2019. – № 5 (113). – С. 28 – 33.
216. Агарков, М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М.М. Агарков // Известия АН СССР: Отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 424 – 436.
217. Адыгезалова, Г.Э. Эволюция права: от слова к цифре / Г.Э. Адыгезалова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 7 – 11.
218. Азаров, В.А. Соотношение понятий «злоупотребление правом» и «уголовно-процессуальное правонарушение» / В.А. Азаров, Д.М. Нурбаев // Уголовная юстиция. – 2017. – № 10. – С. 14 – 18.
219. Алексеев, С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие и классификация / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 7 – 14.

220. Алексеева, Л.Б. Показатели эффективности уголовного судопроизводства и некоторые вопросы оценки работы судебных органов / Л.Б. Алексеева, И.Б. Михайловская // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1976. – Вып. 24. – С. 41 – 54.

221. Александров, А.С. Принципы уголовного судопроизводства / А.С. Александров // Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 162 – 178.

222. Алиев, Т.Т. Понятие и система принципов уголовного процесса по действующему законодательству / Т.Т. Алиев, Н.А. Громов, Л.М. Зейналова // Следователь. – 2002. – № 11. – С. 15 – 18.

223. Амирбеков, К.И. Критерии эффективности деятельности прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства (концептуальный подход) / К.И. Амирбеков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2012. – № 2 (28). – С. 20 – 26.

224. Анашкин, Г.З. Эффективность правосудия и судебные ошибки / Г.З. Анашкин, И.Л. Петрухин // Сов. государство и право. – 1968. – № 8. – С. 59 – 63.

225. Андреева, О.И. О злоупотреблении защитником правом на защиту и способах реагирования должностных лиц на недобросовестное поведение / О.И. Андреева, О.А. Зайцев, Д.В. Емельянов // Уголовная юстиция. – 2017. – № 10. – С. 19 – 24.

226. Андриющенко, М.Н. Понятие эффективности и его философский смысл / М.Н. Андриющенко // Ученые записки кафедры общественных наук вузов г. Ленинграда. – Л., 1971. – Вып. 12. – С. 42 – 53.

227. Астафьев, А.Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки / А.Ю. Астафьев // Вестник ВГУ. Серия «Право». – 2012. – № 1 (12). – С. 123 – 133.

228. Арсеньев, В.Д. Спорные вопросы теории эффективности советского уголовного судопроизводства / В.Д. Арсеньев, Б.А. Матийченко // Советское государство и право. – 1982. – № 5. – С. 142 – 156.

229. Аширбекова, М.Т. Разумный срок как оценочное понятие в уголовно-процессуальном праве / М.Т. Аширбекова, Ф.М. Кудин // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 2. – С. 21 – 25.
230. Бадамшин, И.Д. К вопросу о понятии и условиях эффективности уголовно-правовых норм / И.Д. Бадамшин, А.С. Черепашкин // Законодательная экспертиза. – 2012. – Вып. 3. – С. 101 – 105.
231. Багаутдинов, Ф. Право на защиту: проблемы и предложения / Ф. Багаутдинов // Законность. – 2001. – № 7. – С. 22 – 25.
232. Баранов, А.М. Уголовный процесс традиция и современность: электронные доказательства // Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции «Университетские правовые диалоги», посвященной 90-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук Ю.Д. Лившица 29-30 марта 2019 г. / А.М. Баранов / под ред. С.М. Даровских, Г.С. Русман – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – 442 с. – С. 33 – 37.
233. Бедняков, И.Л. Категория «эффективность» в уголовном процессе / И.Л. Бедняков, Н.А. Развейкина // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11/2 (122). – С. 193 – 198.
234. Безруков, С.С. Глава 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации пополнилась очередной декларацией / С.С. Безруков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – Вып. 4 (10). – С. 192 – 196.
235. Белюшина, О.В. Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа имеет право на жизнь: последний шанс доказать невиновность / О.В. Белюшина // [Электронный ресурс] URL: <http://nprkr.ru/content/poslednii-shans-dokazat-nevinovnost> (дата обращения 05.07.2020).
236. Берекашвили, Л.Ш. Проблемы оценки деятельности органов внутренних дел / Л.Ш. Берекашвили. – М.: Академия МВД СССР, 1981. – С. 17 – 18.
237. Бозров, В.М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве / В.М. Бозров // Российский судья. – 2005. – № 4. – С. 15 – 18.
238. Бойков, А.Д. Опасность негативного правотворчества / А.Д. Бойков // Уголовное право. – 2000. – № 4. – С. 78 – 83.

239. Бойков, А.Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью / А.Д. Бойков // Уголовное право. – 2002. – № 3. – С. 63 – 69.
240. Бойков, А.Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона / А.Д. Бойков // Эффективность применения уголовного закона. – М.: Юридическая литература, 1973. – С. 172 – 175.
241. Бородин, С. Защита личности в России (криминологический и уголовно-правовой аспекты) / С. Бородин, Л. Клебанов // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 105 – 111.
242. Братусь, С.И. О пределах осуществления гражданских прав / С.И. Братусь // Правоведение. – 1967. – № 4. – С. 30 – 34.
243. Брестер, А.А. Цель уголовного процесса и ее значение для определения метода уголовно-процессуальной деятельности / А.А. Брестер // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. «Право». – 2012. – Вып. 1. – С. 74 – 78.
244. Будников, В.Л. О понятии, значении и системе процессуальных принципов предварительного следствия / В.Л. Будников // Общество, право, власть: межвузовский сборник научных трудов. Ч. 1. Современные проблемы правовой реформы. – Волгоград, 1997. – С. 70 – 72.
245. Бурдина, Е.В. Эффективность использования судебных ресурсов и проблемы организации судов / Е.В. Бурдина, Н.А. Петухов // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 126 – 147.
246. Быков, В.М. Включает ли в себя независимость судей право на судебную ошибку? / В.М. Быков, Н.С. Манова // Российский судья. – 2017. – № 4. – С. 41 – 43.
247. Васильев, О.Л. Справедливость как принцип уголовного процесса / О.Л. Васильев // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 38 – 49.
248. Васяев, А.А. Ошибки или нарушения уголовно-процессуального закона? / А.А. Васяев // Адвокат. – 2010. – № 4. – С. 9 – 11.
249. Вахрин, В.Г. Учение о праве В.С. Соловьева / В.Г. Вахрин // Философия и право: материалы международной научно-практической конференции, 28 февраля 2006 г. – СПб., 2006. – С. 39 – 42.

250. Веремеенко, И.И. Понятие и условие эффективности административно-правовых санкций / И.И. Веремеенко, Л.Л. Попов, А.П. Шергин // Избранные труды юбиляра. – М.: Акад. экон. безопасности МВД России, 2005. – С. 108 – 120.

251. Веницкий, Л.В. Совершенствование особого порядка судебного разбирательства / Л.В. Веницкий, С.Л. Мельник // Законность. – 2015. – № 7. – С. 39 – 43.

252. Волеводз, А.Г. Российский закон и международные стандарты досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / А.Г. Волеводз, А.В. Гриненко, В.Д. Потапов, Е.В. Цветкова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 3. – С. 407 – 416.

253. Гаврилов, Б.Я. О роли законодателя и научного сообщества в обеспечении эффективности предварительного расследования / Б.Я. Гаврилов // Теория и практика расследования преступлений: материалы IX Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2021. – С. 324 – 329.

254. Гаврилов, Б.Я. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела как уголовно-процессуальная гарантия преодоления противодействия / Б.Я. Гаврилов // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. – М., 2021. – С. 335 – 345.

255. Гаврилов, Б.Я. О полномочиях суда по изменению обвинения: российский и зарубежный опыт / Б.Я. Гаврилов // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов 2-й международной конференции. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2021. – С. 50 – 56.

256. Гаврилов, Б.Я. О проблемах эффективности уголовно-процессуального законодательства: мнение ученого и позиция следователя / Б.Я. Гаврилов // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства: сборник трудов конференции. – М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2021. – С. 78 – 83.

257. Гаврилов, Б.Я. Роль эффективности уголовного процесса в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства: современное состояние и меры по совершенствованию / Б.Я. Гаврилов // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: материалы международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2021. – С. 19 – 26.

258. Гаджиев, Г.А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами / Г.А. Гаджиев // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 54 – 62.

259. Гасанова, У.Н. Понятие и содержание беспристрастности, объективности и справедливости применительно к сфере уголовного судопроизводства / У.Н. Гасанова // Общество и право. – 2016. – № 1 (55). – С. 175 – 180.

260. Гимаев, И.З. Анализ подходов к понятию «эффективность» в социологии, экономике и технических науках / И.З. Гимаев // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15. – № 1. – С. 145 – 147.

261. Гладышева, О.В. Полиграфическое исследование в современном уголовном судопроизводстве РФ / О.В. Гладышева // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы международной науч. практ. конф. – М., 2007. – С. 113 – 117.

262. Гладышева, О.В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников / О.В. Гладышева // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 31 – 34.

263. Гордеева, Е.М. Третья конференция Европейского форума экологического права «эффективность экологического права» / Е.М. Гордеева // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 4. – С. 212 – 217.

264. Гранат, Н.Л. Следственные ошибки понятие, виды и причины / Н.Л. Гранат // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. – М., 1983. – № 76. – С. 57 – 59.

265. Григорьев, В.Н. О концепции как форме представления результатов диссертационного исследования (на примере расследования преступлений в чрезвычайных условиях) / В.Н. Григорьев // Криминологический журнал. – 2006. – № 2 (10). – С. 12 – 15.

266. Григорьев, В.Н. О цифровых технологиях фиксации сведений по уголовному делу / В.Н. Григорьев, А.В. Савенков // Уголовная юстиция. 2018. – № 12. – С. 66 – 70.

267. Григорьев, В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды / В.Н. Григорьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 42 – 51.

268. Григорьев, В.Н. Актуальные вопросы применения меры пресечения на этапе экстрадиции / В.Н. Григорьев // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. – 2018. – № 2 (46). – С. 8 – 18.

269. Григорьев, В.Н. Стадия возбуждения уголовного дела: созданы ли достаточные гарантии от злоупотребления правом? / В.Н. Григорьев, О.И. Андреева, О.А. Зайцев, Т.В. Трубникова // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 9 – 14.

270. Григорьев, В.Н. Об электронных носителях информации в уголовном судопроизводстве / В.Н. Григорьев, О.А. Максимов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 3. – С. 65 – 71.

271. Григорян, В.Л. О всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела в контексте единого принципа уголовного судопроизводства / В.Л. Григорян // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 1. – С. 51 – 57.

272. Григорян, В.Л. Возвращение судом уголовного дела прокурору для изменения обвинения как необходимый атрибут вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора / В.Л. Григорян // Государство и право. – 2019. – № 8. – С. 53 – 61.

273. Григорян, В.Л., Проблемы эффективности реализации норм, базирующихся на дозвольтельном способе уголовно-процессуального

регулирования / В.Л. Григорян, М.А. Лавнов, Ю.В. Францифоров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 4 (141). – С. 186 – 193.

274. Гриненко, А.В. Методология уголовно-процессуальной науки / А.В. Гриненко // Государство и право. – 2003. – № 9. – С. 54 – 60.

275. Гриненко, А.В. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела / А.В. Гриненко // Законность. – 2012. – № 1. – С. 22 – 24.

276. Гриненко, А.В. Адвокатская тайна и эффективность защиты по уголовным делам / А.В. Гриненко // Адвокатская практика. – 2015. – № 5. – С. 15 – 18.

277. Гриненко, А.В. Принципы уголовного судопроизводства в законодательстве Российской Федерации и иных государств – членов СНГ / А.В. Гриненко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5. – С. 300 – 312.

278. Гриненко, А.В. Псевдомотивированный отказ в удовлетворении ходатайств на предварительном следствии / А.В. Гриненко // Уголовное право. – 2000. – № 4. – С. 44 – 46.

279. Гуревич, Г.С. Роль решений Конституционного Суда РФ в совершенствовании законодательства / Г.С. Гуревич // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ – 2001: материалы Межд. науч. практ. конф., 12-13 апреля 2001 г. – Челябинск, 2001. – С. 11 – 15.

280. Гусева, А.Л. Об эффективности прокурорского надзора в обеспечении защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / А.Л. Гусева, В.А. Данилова // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 9 (153). – С. 80 – 83.

281. Гуценко, К.Ф. Судебная реформа: истоки, некоторые итоги и тенденции / К.Ф. Гуценко // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1995. – № 5. – С. 3 – 15.

282. Давыдов, С.И. Уголовно-процессуальные средства, обеспечивающие защиту от разглашения данных уголовного судопроизводства / С.И. Давыдов, И.В. Кутазова, Е.Н. Петухов // Известия АлтГУ. – 2012. – № 2 – 1. – С. 74 – 77.

283. Даев, В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве / В.Г. Даев // Правоведение. – 1974. – № 1. – С. 69 – 75.

284. Даровских, О.И. О злоупотреблении правом суда при реализации им своих дискреционных полномочий в уголовном судопроизводстве / О.И. Даровских // Вестник ЮУрГУ: серия «Право». – 2013. – № 1 (13). – С. 30 – 35.

285. Даровских, О.И. Своевременность как критерий эффективности уголовно-процессуальной деятельности / О.И. Даровских, С.М. Даровских // Юридический Вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 11 – 18.

286. Даровских, О.И. Признаки правовой категории «ошибка» в уголовном процессе, оказывающей влияние на эффективность уголовно-процессуальной деятельности // Проблемы права. – 2021. – № 1 (80). – С. 88 – 93.

287. Демидов, А.Ю. Эффективность и результативность деятельности органов исполнительной власти / А.Ю. Демидов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – № 15 (48). – С. 45 – 51.

288. Денисов, Ю.А. Об определении понятия правонарушения в общей теории права / Ю.А. Денисов // Вестник Ленинградского университета. Вып. 4. Серия Экономика. Философия. Право. – 1976. – № 23. – С. 121 – 124.

289. Диваев, А.Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности / А.Б. Диваев // Уголовная юстиция. – 2017. – № 10. – С. 35 – 42.

290. Драпкин, Л.Я. Целенаправленность деятельности следователя и эффективность раскрытия преступлений / Л.Я. Драпкин // Проблемы криминалистики и доказывания при расследовании преступлений: межвузовский тематический сборник. – Барнаул: АГУ, 1990. – С. 61 – 72.

291. Драпкин, Л.Я. Об эффективности следственных действий / Л.Я. Драпкин // Материалы конф. по итогам научно-исследовательской работы за 1969 г. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1970. – С. 147 – 151.

292. Евдокимова, Т.В. Анализ генезиса теоретических подходов к понятию и оценке эффективности / Т.В. Евдокимова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2013. – № 3 (23). – С. 22 – 27.

293. Еникеев, З.Д. Общечеловеческие ценности в действующем праве и проблемы их защиты / З.Д. Еникеев, Е.Г. Васильева // Проблемы правовой защиты общечеловеческих ценностей в современной России: материалы всероссийской научно-практической конференции, 15-16 сентября 2005 г. Ч. 1. – Уфа, 2005. – С. 158 – 162.

294. Ермолов, В. Электронное правосудие от Верховного суда: промежуточные итоги / В. Ермолов // [Электронный ресурс] URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20170817/279794915.html (дата обращения: 21.06.2021).

295. Ефанова, В.А. О функциях прокурора в досудебных стадиях современного российского уголовного процесса / В.А. Ефанова // Воронежские криминалистические чтения. – Воронеж: ВГУ, 2010. – Вып. 12. – С. 159 – 166.

296. Жинкин, А.В. Некоторые проблемы видов эффективности норм права / А.В. Жинкин // Журнал российского права. – 2004. – № 2. – С. 30 – 34.

297. Жубрин, Р. Оценка эффективности деятельности органов прокуратуры / Р. Жубрин // Законность. – 2014. – № 12 (962). – С. 46 – 47.

298. Зажицкий, В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 1996. – № 11. – С. 92 – 97.

299. Зажицкий, В.И. Проблемы повышения эффективности правосудия по уголовным делам / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 2009. – № 7. – С. 38 – 46.

300. Зайцева, Л.Л. О повышении эффективности правосудия путем оптимизации уголовно-процессуальных процедур / Л.Л. Зайцева // Право и демократия: сб. науч. тр. / Редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2014. – Вып. 25. – С. 258 – 286.

301. Зайцев, С.П. Актуальные проблемы защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве / С.П. Зайцев // Законность. – 2012. – № 8. – С. 3 – 5.
302. Захаров, Д.Е. О позитивной юридической ответственности / Д.Е. Захаров // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 4. – С. 46 – 55.
303. Зеленина, О.А. О некоторых аспектах процессуальной ответственности участника уголовного судопроизводства / О.А. Зеленина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 2 (50). – С. 85 – 91.
304. Зинкевич, И.Б. Проблемы использования полиграфа при расследовании преступлений в ПНР / И.Б. Зинкевич // Теория и практика становления доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. – Киев, 1980. – С. 194 – 195.
305. Зникин, В.К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования / В.К. Зникин // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». – 2014. – № 1 (11). – С. 25 – 32.
306. Зникин, В.К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования / В.К. Зникин // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». – 2014. – № 2 (34). – С. 473 – 475.
307. Зникин, В.К. Некоторые проблемы эффективности и качества досудебного производства / В.К. Зникин // Уголовная юстиция. – 2014. – № 1 (3). – С. 20 – 24.
308. Зинатуллин, З.З. Человеколюбие и гуманизм – стержневые доминанты уголовно-процессуальной политики современной России / З.З. Зинатуллин, Ф.Ф. Зарипов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 56 – 64.
309. Иванов, А.А. Генезис понятия эффективности в свете общественно-экономических трансформаций / А.А. Иванов // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2015. – № 4. – С. 29 – 37.
310. Иванов, Е.Е. Уведомление участников судопроизводства на досудебных стадиях: усилить гарантии / Е.Е. Иванов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 4 (113). – С. 99 – 109.

311. Игнатенко, В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях / В.В. Игнатенко. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – С. 201 – 202.
312. Ишмуратова, Л. Как электронные суды будут рассматривать уголовные дела / Л. Ишмуратова // [Электронный ресурс] – URL: https://ejustice.cnews.ru/articles/2016-10-18_lyubov_ishmuratova_elektronnoe_pravosudie_sdelает_sudoproizvodstvo (дата обращения: 21.06.2021).
313. Казгериева, Э.В. Классификация судебных ошибок / Э.В. Казгериева // Мировой судья. – 2006. – № 8. – С. 2 – 6.
314. Калинин, Л.Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве / Л.Д. Калинин // Адвокат. – 2010. – № 4. – С. 5 – 9.
315. Калитин, С.В. Доказательства электронные и цифровые / С.В. Калитин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 3586 – 3590.
316. Каменков, В.С. Важнейшие критерии оценки результативности деятельности судебной системы / В.С. Каменков // Евразийская адвокатура. – 2012. – № 1. – С. 84 – 88.
317. Капинус, О.С. К вопросу о методологии и методике оценки эффективности прокурорского надзора / О.С. Капинус, Б.В. Андреев, А.Х. Казарина // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2012. – № 1 (27). – С. 21 – 28.
318. Карташов, И.И. «Цифровые доказательства» в уголовном процессе / И.И. Карташов // Центральный научный вестник. – 2016. – Т. 1. – № 15. – С. 23 – 25.
319. Кашепов, В.П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия / В.П. Кашепов // Журнал российского права. – 2015. – № 12. – С. 101 – 112.
320. Китаев, Н.Н. Результаты опроса на полиграфе не могут иметь статус уголовно-процессуальных доказательств / Н.Н. Китаев, А.Н. Архипова // Российский следователь. – 2010. – № 3. – С. 5 – 7.

321. Климова, Я.А. Эффективность реализации полномочий прокурора при решении вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела / Я.А. Климова // Научный портал МВД России. – 2016. – № 2. – С. 25 – 30.

322. Кобец, А.В. К вопросу об эффективности прокурорской деятельности / А.В. Кобец // Вестник Омской юридической академии. – 2014. – № 3 (34). – С. 53 – 55.

323. Коврига, З.Ф. Генезис и правовые последствия судебной и следственной ошибки / З.Ф. Коврига, К.А. Панько // Правовая наука и реформа юридического образования. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. – С. 93 – 103.

324. Коврига, З.Ф. Судебная деятельность и судебная практика: понятие, структура, соотношение / З.Ф. Коврига // Юридические записки. Вып. 8: Российское уголовное законодательство: проблемы теории и практики / под ред. К.А. Панько. – Воронеж, 1999. – С. 126.

325. Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З.Ф. Коврига // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 25 – 123.

326. Кожевников, В.В. К проблеме теории юридической ответственности / В.В. Кожевников // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 28. – С. 5 – 19.

327. Козак, Д.Н. Суд в современном мире: проблемы и перспективы / Д.Н. Козак // Российская юстиция. – 2001. – № 9. – С. 3 – 6.

328. Кокорев, Д.А. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа / Д.А. Кокорев, О.В. Белюшина // Адвокат. – 2005. – № 2 (128). – С. 45 – 50.

329. Колобкова, Л.Э. Эффективность норм уголовно-процессуального законодательства / Л.Э. Колобкова // Законность. – 2007. – № 6. – С. 38 – 39.

330. Колоколов, Н.А. О сущности эффективности судебных процедур / Н.А. Колоколов // [Электронный ресурс] URL: https://studme.org/1080042813322/pravo/o_suschnosti_effektivnosti_sudebnyh_protседur (дата обращения: 04.09.2020).

331. Комментарий к разделу 11(b) Канадской Хартии прав и свобод. Судебное разбирательство в разумные сроки // [Электронный ресурс] URL:

<https://www.justice.gc.ca/eng/csj-sjc/rfc-dlc/ccrf-ccdl/index.html> (дата обращения: 04.12.2020).

332. Кудрявцев, В.Н. Закон и пределы правомерного поведения / В.Н. Кудрявцев, Н.С. Малеин // Советское государство и право. – 1980. – № 10. – С. 38 – 42.

333. Кудрявцев, В.Н. Социалистическое правовое государство / В.Н. Кудрявцев, Е.А. Лукашева // Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения. – М., 1989. – С. 5 – 24.

334. Кудрявцев, В.Н. Стратегии борьбы с преступностью / В.Н. Кудрявцев // Вестник Российской академии наук. – 2003. – Т. 73. – № 12. – С. 1079 – 1084.

335. Кудрявцева, А.В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства / А.В. Кудрявцева // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 61 – 64.

336. Кузьмина, Е.С. Социологические методы в юриспруденции (на примере социально-правовых исследований юридической ответственности) / Е.С. Кузьмина, И.А. Кузьмин // Социология и право. – 2016. – № 1 (31). – С. 59 – 67.

337. Кузнецов, А.П. Принципы права: понятие, сущность, конкретизированная характеристика / А.П. Кузнецов // Следователь. – 2002. – № 2. – С. 41 – 43.

338. Кузнецова, С.Н. Эффективность внутригосударственных средств правовой защиты: понятие и критерии в практике Европейского Суда по правам человека / С.Н. Кузнецова // Государство и право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3. – С. 127 – 130.

339. Куприянович, Н.В. Критерии эффективности деятельности мировых судей / Н.В. Куприянович // Мировой судья. – 2006. – № 1. – С. 3 – 6.

340. Кутуев, Э.К. Тенденция развития института уголовно-процессуальной ответственности / Э.К. Кутуев // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 119 – 122.

341. Куцова, Э.Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность / Э.Ф. Куцова // Законодательство. – 2002. – № 9. – С. 71 – 79.

342. Лейст, О.Э. Методологические проблемы юридической ответственности / О.Э. Лейст // Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М., 2002. – С. 626 – 655.

343. Лившиц, Ю.Д. Некоторые вопросы эффективности приостановления производства по уголовному делу / Ю.Д. Лившиц, А.В. Кочетова // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: Межвузовский сборник научных трудов. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – С. 321 – 326.

344. Липинский, Д.А. Психологические характеристики позитивной юридической ответственности / Д.А. Липинский // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 3. – С. 6 – 13.

345. Липинский, Д.А. Макроуровень института юридической ответственности / Д.А. Липинский // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 1. – С. 25 – 44.

346. Лукашин, И.В. Общая характеристика субъектов стадии возбуждения уголовного дела / И.В. Лукашин // Правовые технологии [Электронный ресурс] URL: <http://www.lawtech.ru/pub/bprosob/g11par1.htm> (дата обращения: 17.05.2018).

347. Макарова, З.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве / З.В. Макарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 7. – С. 54 – 56.

348. Малько, А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики / А.В. Малько // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 66 – 77.

349. Мальцев, В.В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность / В.В. Мальцев // Правоведение. – 2000. – № 6. – С. 152 – 169.

350. Манова, Н.С. Как сделать адвокатское расследование эффективным средством доказывания / Н.С. Манова, А.Ю. Чурикова // Уголовный процесс. – 2020. – № 9 (189). – С. 62 – 69.

351. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. – 1992. – № 2 – 3.

352. Медяков, Т.С. Эффективность движения в праве / Т.С. Медяков // Власть Закона. – 2016. – № 3 (27). – С. 176 – 198.

353. Мельников, В.Ю. Справедливость как необходимый принцип уголовного процесса / В.Ю. Мельников // Грамота. – 2011. – Ч. 2. – № 6. – С. 125 – 127.

354. Михайловская, И.Б. Судебная власть и гражданское общество / И.Б. Михайловская // Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. – М., 2003. – С. 47 – 48.

355. Моисеенко, И.Я. Ошибки в следственной и экспертной практике / И.Я. Моисеенко // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». – 2010. – № 4 (10). – С. 206 – 212.

356. Москвич, Л.Н. Понятие и содержание эффективности судебной системы / Л.Н. Москвич // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-soderzhanie-effektivnosti-sudebnoy-sistemy> (дата обращения: 04.09.2020).

357. Муратова, Н.Г. Эффективность предварительного следствия – Европейский стандарт справедливости уголовного судопроизводства / Н.Г. Муратова // [Электронный ресурс] URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/34362/Effektivnost_predvaritelnogo_sledstviya_evropejskij_standart_spravedlivosti_ugolovnog_sudoproizvodstva.pdf?sequence=1 (дата обращения: 11.03.2019).

358. Мурсалимов, К.Р. Влияние качества нормативной правовой базы на эффективность правоприменения / К.Р. Мурсалимов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2008. – № 4. – С. 67 – 70.

359. Мыщыков, А. Как оценивать деятельность прокуратуры? / А. Мыщыков // Законность. – 2007. – № 8. – С. 8 – 11.

360. Нажимов, В.П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР / В.П. Нажимов // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам: межвузовский тематический сборник научных трудов. – Калининград, 1989. – С. 3 – 12.

361. Назаров, Б.Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности / Б.Л. Назаров // Советское государство и право. – 1981. – № 12. – С. 29 – 38.

362. Назаров, А.Д. Роль прокурора в устранении следственных ошибок / А.Д. Назаров, А.С. Шагинян // Уголовная юстиция. – 2017. – № 10. – С. 121 – 128.

363. Насонова, И.А. Уголовно-процессуальные гарантии предварительного расследования как средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства / И.А. Насонова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 4. – С. 24 – 28.

364. Недбайло, П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм / П.Е. Недбайло // Правоведение. – 1971. – № 3. – С. 44 – 53.

365. Неряхин, А.И. Обеспечение права на защиту при производстве дознания в сокращенной форме в целях реализации принципа состязательности сторон / А.И. Неряхин // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 4. – С. 30 – 32.

366. Нешатаева, Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права / Т.Н. Нешатаева // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 3. – С. 121 – 136.

367. Нечипоренко, Т. Применение полиграфа в доказывании по уголовным делам: взгляд процессуалиста / Т. Нечипоренко // Уголовный процесс. – 2008. – № 3. – С. 46 – 48.

368. Николук, В.В. Новое о неприкосновенности адвоката: попытка осуществить комментарий ст. 450.1 УПК РФ / В.В. Николук, П.Г. Марфицин // Адвокатская практика. – 2018. – № 1. – С. 32 – 36.

369. Николук, В.В. Запрет на рассмотрение судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет: системно-правовой анализ / В.В. Николук, Т.А. Владыкина // Общество и право. – 2019. – № 1 (67). – С. 53 – 60.

370. Николук, В.В. Феномен «мертвых» норм в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации / В.В. Николук // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – Т. 26. – № 2 (77). – С. 19 – 25.

371. Николук, В.В. Изменения судоустройственного и судопроизводственного законодательства и позиции Верховного суда РФ / В.В. Николук, В.В. Кальницкий // Мировой судья. – 2020. – № 3. – С. 3 – 8.

372. Николук, В.В. Обеспечение права на обжалование процессуальных действия и решений по уголовному делу в свете позиций Конституционного и Верховного судов РФ / В.В. Николук, А.Б. Диваев // Уголовное право. – 2020. – № 3. – С. 125 – 133.

373. Николук, В.В. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? / В.В. Николук, Л.А. Пупышева // Российское правосудие. – 2021. – № 1. – С. 97 – 106.

374. Оксфордский толковый словарь английского языка // [Электронный ресурс] URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/oxford> (дата обращения: 21.05.2019).

375. Орлов, Ю. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия / Ю. Орлов // Российская юстиция. – 2004. – № 2. – С. 24 – 27.

376. Осипов, М.Ю. Понятие эффективности правовых процессов и проблем ее определения / М.Ю. Осипов // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 3. – С. 35 – 37.

377. Павлов, В.И. Концепция эффективности права между теологией и антропологией: к истории формирования / В.И. Павлов // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». – 2014. – № 5. – С. 269 – 271.

378. Парфенов, В.Н. Проблема злоупотребления уголовно-процессуальными правами / В.Н. Парфенов // Российский следователь. – 2014. – № 7. – С. 23 – 26.

379. Пашин, С.А. Проблема судебной ошибки / С.А. Пашин // Юридическая психология. – 2007. – № 2. – С. 42 – 47.

380. Пашков, А.С. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления / А.С. Пашков, Д.М. Чечот // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3 – 11.

381. Пашкевич, П.Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать / П.Ф. Пашкевич // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 54 – 56.

382. Пелевин, А. Россия – в топе стран по уровню развития LegalTech / А. Пелевин // [Электронный ресурс] URL: <https://rb.ru/opinion/legaltech-interview/> (дата обращения: 12.11.2021).

383. Петров, Г.И. Фактор времени в советском праве / Г.И. Петров // Правоведение. – 1982. – № 6. – С. 46 – 52.

384. Погодин, С.Б. Природа соотношения конституционных принципов состязательности, равноправия сторон и независимости судей и их влияние на эффективность уголовного судопроизводства / С.Б. Погодин // [Электронный ресурс] URL: <https://www.iaaj.net/node/242> (дата обращения 04.04.2019).

385. Подольный, Н.А. Новый УПК – новая идеология уголовного процесса / Н.А. Подольный // Российская юстиция. – 2002. – № 11. – С. 22 – 23.

386. Поляков, С.Б. Отличие судебной ошибки от правонарушения судьи / С.Б. Поляков // Адвокат. – 2010. – № 5. – С. 5 – 7.

387. Посохина, И.В. К вопросу о классификации судебных ошибок / И.В. Посохина // Криминалистика. – 2011. – № 1 (8). – С. 89 – 95.

388. Поцелуев, Е.Л. О дефиниции «юридическая ответственность» / Е.Л. Поцелуев, А.Е. Горбунов // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 16 – 22.

389. Пространная Русская правда: по Троицкому списку второй половины XIV в. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/RP/prp.htm> (дата обращения: 13.08.2018).

390. Пучковская, М.Е. Реализация конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия в современном уголовном процессе /

М.Е. Пучковская // [Электронный ресурс] URL: <https://www.iaaj.net/node/243> (дата обращения: 05.10.2021).

391. Рабинович, П.М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) / П.М. Рабинович // Правоведение. – 1990. – № 3. – С. 19 – 27.

392. Розин, Н.Н. К вопросу о новой теории уголовного процесса / Н.Н. Розин // Журнал Министерства юстиции. – 1916. – № 2. – С. 309 – 324.

393. Рожков, Д.Г. Процессуальные средства обеспечения разумного срока в уголовном суде / Д.Г. Рожков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 3 (36). – С. 218 – 224.

394. Рудич, В.В. Международно-правовые принципы и стандарты справедливого уголовного судопроизводства / В.В. Рудич, О.А. Зайцев // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 4. – С. 3 – 5.

395. Рудич, В.В. К вопросу о соотношении категорий «законность» и «справедливость» в современном уголовном судопроизводстве / В.В. Рудич // European social science journal. – 2014. – № 8 – 3 (47). – С. 552 – 555.

396. Рудич, В.В. Международные стандарты разумности процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве / В.В. Рудич // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2015. – № 2. – С. 8 – 9.

397. Рудич, В.В. Участие потерпевшего в судебной процедуре об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановления суда / В.В. Рудич // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 96 – 100.

398. Рудич, В.В. Участие потерпевшего в процедуре принятия судом решения об избрании меры пресечения суда / В.В. Рудич // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 84 – 87.

399. Рудич, В.В. Международно-правовой стандарт разумности срока применения судом меры пресечения в уголовном судопроизводстве / В.В. Рудич // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 4 (38). – С. 56 – 60.

400. Рудич, В.В. К вопросу о справедливости применения мер пресечения по уголовному делу / В.В. Рудич // Социально-политические науки. – 2018. – № 1. – С. 123 – 125.

401. Рудич, В.В. Запрет на отказ адвоката от принятой на себя защиты, установленный ч. 7 ст. 49 УПК РФ: проблемы правоприменения / В.В. Рудич // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – № 3 (6). – С. 104 – 116.

402. Рукавишникова, А.А. Соотношение приговора, вступившего в законную силу, и окончательного приговора в уголовном процессе / А.А. Рукавишникова // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 1. – С. 98 – 102.

403. Сатдинов, Л.В. Объективность при производстве по уголовному делу: законодательное закрепление и нравственное обоснование / Л.В. Сатдинов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – № 1 (43). – С. 31 – 33.

404. Седова, Г.И. Некоторые вопросы своевременности и эффективности реализации принципа обеспечения права на защиту / Г.И. Седова // Публичное и частное право. – 2019. – № 4. – С. 107 – 115.

405. Семенцов, В.А. Применение технологии видеоконференцсвязи в судебном заседании и при производстве следственных действий / В.А. Семенцов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 6. – С. 100 – 106.

406. Семенцов, В.А. Цифровизация правоохранительной деятельности и роботизация юридической профессии / В.А. Семенцов // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 52 – 56.

407. Сильнов, М.А. О некоторых направлениях совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации / М.А. Сильнов // Тезисы докладов научно-практической конференции «Современные проблемы развития уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности». – М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2011. – С. 34 – 38.

408. Скворцов, Д.Д. Эффективность уголовного судопроизводства и средства защиты уголовно-процессуальных норм / Д.Д. Скворцов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2007. – № 1. – С. 200 – 208.

409. Слободжин, К. Дело о федеральной системе уголовных судов (и реформе приговоров) / К. Слободжин // [Электронный ресурс] URL: <https://www.californialawreview.org/print/federal-criminal-court-system/> (дата обращения: 18.07.2020).

410. Смирнова, И.Г. Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И.В. Смольковой / И.Г. Смирнова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2014. – № 2 (6). – С. 158 – 168.

411. Смолин, А.Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве / А.Ю. Смолин // Вестник Нижегородской Академии МВД России. – 2009. – № 1 (10). – С. 62 – 66.

412. Соловьев, А.Б. Следственные ошибки, их причины и пути устранения на предварительном следствии и в суде / А.Б. Соловьев, М.Е. Токарева, А.Г. Халиуллин // Вопросы борьбы с преступностью. – 1988. – № 46. – С. 182.

413. Сорокотягин, И.Н. Использование специальных познаний – важнейшая задача эффективности следственных действий / И.Н. Сорокотягин // Проблемы эффективности раскрытия и расследования преступлений. – Свердловск, 1978. – С. 5 – 50.

414. Спирин, А.В. О необходимости наделения прокурора правом возбуждения уголовного дела / А.В. Спирин // Юридические исследования. – 2016. – № 8. – С. 9 – 16.

415. Строгович, М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации / М.С. Строгович // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 50 – 53.

416. Строгович, М.С. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно процессуальном праве [Рецензия] / М.С. Строгович. –

Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с. // Правоведение. – 1976. – № 4. – С. 135 – 137.

417. Строгович, М.С. Сущность юридической ответственности / М.С. Строгович // Советское государство и право. – 1979. – № 5. – С. 72 – 75.

418. Сумский, Д.В. К вопросу о понятии эффективности прокурорского надзора / Д.В. Сумский // Криминалистика. – 2018. – № 1 (22). – С. 64 – 68.

419. Сычева, О.А. Судебная ошибка в уголовном судопроизводстве / О.А. Сычева // Симбирский научный вестник (Ульяновск). – 2013. – № 1 (11). – С. 104 – 108.

420. Тагонидзе, Н.В. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» / Н.В. Тагонидзе // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 89 – 120.

421. Татьянанина, Л.Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России / Л.Г. Татьянанина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – № 3 (7). – С. 30 – 33.

422. Тарасов, А.А. Развитие системы принципов уголовного процесса в новом УПК России / А.А. Тарасов // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. – М., 2004. – С. 66 – 71.

423. Тарасов, А.А. Независимость судей – имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема / А.А. Тарасов // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. – 2018. – № 22. – С. 21 – 41.

424. Тарасов, А.А. Взаимодействие следователей и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность в современных условиях: размышления теоретика / А.А. Тарасов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (84). – С. 67 – 73.

425. Тарасов, А.А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное правосудие / А.А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – № 6 (4). – С. 61 – 66.

426. Тарасов, А.А. К вопросу о судьбе международных стандартов справедливой судебной процедуре в российском уголовном правосудии / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (63). – С. 177 – 188.

427. Тарасов, Д.Ю. Математизация юридического знания и проблема измерения экономической эффективности правовых норм / Д.Ю. Тарасов // Юридический мир. – 2014. – № 7. – С. 48 – 52.

428. Тархов, В.А. Понятие юридической ответственности / В.А. Тархов // Правоведение. – 1973. – № 2. – С. 33 – 40.

429. Тимохов, В.П. Историко-правовой генезис понятия «Эффективность» / В.П. Тимохов // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2003. – Т. 6. – № 2. – С. 344 – 352.

430. Тирский, В.В. К понятию эффективности правовых норм (о смысловом содержании понятия «эффективность») / В.В. Тирский // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Томск: Изд-во Томск. государственн. университета, 1984. – С. 15 – 23.

431. Тисен, О.Н. К проблеме повышения качества подготовки материалов уголовных дел, подлежащих рассмотрению судом с участием присяжных заседателей / О.Н. Тисен // Мировой судья. – 2008. – № 4. – С. 29 – 32.

432. Тихомиров, Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2009. – № 4. – С. 3 – 9.

433. Тишков, Д.С. К вопросу о возможных направлениях повышения эффективности прокурорского надзора / Д.С. Тишков // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. – 2017. – № 1 (70). – С. 148 – 150.

434. Томин, В.Т. Стратегия уголовного судопроизводства и некоторые ее составляющие: понятийный и терминологический инструментарий исследования / В.Т. Томин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2007. – № 4. – С. 152 – 158.

435. Троянова, Е.Н. Исторические аспекты развития понятия эффективности / Е.Н. Троянова // Социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 20 – 29.

436. Фаткуллин, Ф.Н. Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса / Ф.Н. Фаткуллин // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – С. 3 – 27.

437. Федюнин, А.Е. Психофизиологическая экспертиза в раскрытии и расследовании преступлений (состояние, проблемы и перспективы) / А.Е. Федюнин // Судебная экспертиза. – Саратов: Изд-во СЮИ МВД России, 2008. – № 4 (16). – С. 112 – 120.

438. Федосенко, В. Милиционеры бьют и платят. В Казани судят как в Страсбурге: потерпевшей дали компенсацию по европейским стандартам / В. Федосенко // Российская газета. – 2006. – 7 февраля.

439. Федотов, И.С. К вопросу об ошибках в уголовном судопроизводстве / И.С. Федотов // Российская юстиция. – 2015. – № 4. – С. 56 – 59.

440. Фокин, Н.И. Экономика: В начале было слово / Н.И. Фокин // [Электронный ресурс] URL: <https://ecanet.ru/art-9> (дата обращения: 12.07.2018).

441. Химичева, Г.П. О реализации процессуальных функций прокурора на досудебном производстве по уголовному делу / Г.П. Химичева // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 12. – С. 220 – 224.

442. Химичева, Г.П. Некоторые замечания о реформе органов предварительного следствия в Российской Федерации / Г.П. Химичева // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 7. – С. 60 – 63.

443. Химичева, О.В. О совершенствовании принципов уголовного судопроизводства / О.В. Химичева, Г.П. Химичева // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4 (41). – С. 625 – 630.

444. Химичева, О.В. Некоторые замечания о направлениях совершенствования как важнейшего вида правоохранительной деятельности / О.В. Химичева, Г.П. Химичева // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 121 – 124.

445. Химичева, О.В. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства / О.В. Химичева, Г.П. Химичева // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 33 – 36.

446. Цветков, Ю.А. Оценка эффективности следственных систем / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. – 2015. – № 3. – С. 28 – 35.

447. Чепурнов, О.И. Об эффективности судебной власти / О.И. Чепурнов // [Электронный ресурс] URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Об-эффективности-судебной-власти> (дата обращения: 27.06.2019).

448. Черненко, А.К. Конституционное правосудие и правовая система: теоретико-методологический аспект / А.К. Черненко // Журнал конституционного правосудия. – 2008. – № 1. – С. 13 – 18.

449. Черноморец, Ю.А. Факторы, определяющие эффективность деятельности суда присяжных в России / Ю.А. Черноморец // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». – 2014. – № 9 (115). – С. 164 – 167.

450. Чернышов, В.Н. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств / В.Н. Чернышов, Е.С. Лоскутова // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – № 5 (12). – С. 199 – 203.

451. Чечина, Н.А. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности / Н.А. Чечина, П.С. Элькинд // Советское государство и право. – 1973. – № 9. – С. 33 – 41.

452. Чистилина, Д.О. Особенности апелляционного порядка обжалования решений судов с участием присяжных заседателей / Д.О. Чистилина // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 2. – С. 136 – 141.

453. Чучунова, Н.С. Эффективность судебного разбирательства в арбитражном суде / Н.С. Чучунова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 5. – С. 20 – 22.

454. Шабашев, В.А. Генезис и классификация понятия «экономическая эффективность» / В.А. Шабашев, В.Б. Батиевская // Вестник СибГАУ. – 2014. – № 2 (54). – С. 183 – 189.

455. Шабуров, А.С. Правомерное поведение. Правонарушение. Юридическая ответственность / А.С. Шабуров // Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. – М.: Норма, 2007. – С. 259 – 274.

456. Шадрин, В.С. Значение решений Конституционного Суда РФ и их роль в уголовно-процессуальном регулировании / В.С. Шадрин // URL: <https://www.iaaj.net/node/261> (дата обращения: 12.03.2020).

457. Шакарян, М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции / М.С. Шакарян // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. – М., 2001. – С. 60 – 64.

458. Шестак, В.А. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России / В.А. Шестак, А.Г. Волеводз // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – № 2 (13). – С. 197 – 206.

459. Ширванов, А.А. Понятие ошибки в уголовном судопроизводстве и ее отличие от правонарушения / А.А. Ширванов // Российский следователь. – 2005. – № 7. – С. 8 – 12.

460. Шминке, А.Д. Оптимизация процесса обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве / А.Д. Шминке // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 2 (115). – С. 201 – 205.

461. Шувалов, И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом / И.И. Шувалов // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 87 – 97.

462. Шундииков, К.В. Средства российского законодательства: проблемы эффективности / К.В. Шундииков // Вопросы теории государства и права. Новые идеи и подходы. – 2000. – Вып. 2. – С. 94 – 98.

Диссертации и авторефераты диссертаций

463. Абрамова, А.А. Эффективность механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Абрамова Алина Александровна. – Красноярск, 2006. – 206 с.

464. Авдеев, В.Н. Эффективность правового регулирования сроков содержания под стражей при производстве предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Авдеев Виктор Николаевич. – М., 1997. – 24 с.

465. Авдеев, В.Н. Эффективность правового регулирования сроков содержания под стражей при производстве предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Авдеев Виктор Николаевич. – М., 1997. – 192 с.

466. Аврутин, Ю.Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел: государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Аврутин Юрий Ефимович. – Санкт-Петербург, 1998. – 46 с.

467. Аврутин, Ю.Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел: государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 / Аврутин Юрий Ефимович. – Санкт-Петербург, 1998. – 470 с.

468. Алексеев, Е.В. Организационные основы уголовно-процессуальной деятельности: понятие и структура: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11, 12.00.09 / Алексеев Евгений Викторович. – М., 2011. – 23 с.

469. Алексеева, Л.А. Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности (на примере органов внутренних дел): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Алексеева Лилия Алексеевна. – М., 2002. – 20 с.

470. Аль-Мухамед Гани Зкаер А. Конституционное право на судебную защиту и гарантии эффективной реализации в России и Республике Ирак: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Аль-Мухамед Гани Зкаер Атия. – М., 2013. – 195 с.

471. Ардавов, М.М. Эффективность административно-правовых средств принуждения, применяемых милицией: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Ардавов Михаил Мухамединович. – Ростов-на-Дону, 1998. – 146 с.

472. Архипова, Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Архипова Екатерина Алексеевна. – М., 2013. – 25 с.

473. Астафьев, А.Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Астафьев Алексей Юрьевич. – Воронеж, 2013. – 23 с.

474. Астафьев, А.Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Астафьев Алексей Юрьевич. – Воронеж, 2013. – 237 с.

475. Барбакадзе, Е.Т. Гарантии объективного и справедливого судебного разбирательства гражданских дел в судах общей юрисдикции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Барбакадзе Екатерина Тамазиевна. – Саратов, 2014. – 178 с.

476. Батурина, Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Батурина Юлия Борисовна. – М., 2001. – 149 с.

477. Безруков, С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Безруков Сергей Сергеевич. – Омск, 2001. – 25 с.

478. Безруков, С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Безруков Сергей Сергеевич. – Омск, 2001. – 220 с.

479. Безруков, С.С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Безруков Сергей Сергеевич. – М., 2016. – 58 с.

480. Беккер, Т.А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Беккер Татьяна Александровна. – Томск, 2017. – 23 с.

481. Белецкая, Л.И. Свобода и ответственность: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Саратов, 1972. – 26 с.
482. Бенер, А.Г. Оценка качества уголовного судопроизводства: выявление и обнаружение нарушений уголовно-процессуального закона: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бенер Андрей Германович. – Сургут, 2007. – 189 с.
483. Березиков, С.В. Правовые и организационные аспекты обеспечения эффективности дифференциации условий отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Березиков Семен Викторович. – М., 2012. – 209 с.
484. Берова, Д.М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Берова Джульетта Михайловна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 439 с.
485. Богатский, Д.В. Оптимизация норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации как средство повышения эффективности деятельности правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Богатский Дмитрий Валерьевич. – Владимир, 2007. – 25 с.
486. Богатова, Е.В. Контрольно-надзорная деятельность за исполнением законов и ее эффективность в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Богатова Екатерина Владимировна. – Саратов, 2016. – 246 с.
487. Богомолов, А.А. Процессуальные гарантии правильности и своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Богомолов Андрей Александрович. – Саратов, 2004. – 194 с.
488. Вахрин, В.Г. Учение Вл. Соловьева о праве и государстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Вахрин Владимир Гельевич. – Санкт-Петербург, 2006. – 176 с.
489. Вепрев, В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Вепрев Виталий Сергеевич. – Челябинск, 2006. – 232 с.

490. Виноградова, С.А. Принципы правосудия как основа судебной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Виноградова Станислава Анатольевна. – М., 2017. – 140 с.

491. Волынец, К.В. Гарантии реализации принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» при производстве в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Волынец Кристина Владиславовна. – Томск, 2013. – 23 с.

492. Воскобитова, Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Воскобитова Лидия Алексеевна. – М., 2004. – 55 с.

493. Воскобитова, Л.А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание к отмене приговоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Воскобитова Лидия Алексеевна. – М., 1979. – 25 с.

494. Гагиев, А.К. Критерии эффективности деятельности судов в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Гагиев Аюп Каримсултанович. – М., 2013. – 23 с.

495. Гагиев, А.К. Критерии эффективности деятельности судов в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Гагиев Аюп Каримсултанович. – М., 2013. – 221 с.

496. Гильмутдинова, М.И. Теоретические основы эффективного правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гильмутдинова Милауша Ильдусовна. – Казань, 2012. – 21 с.

497. Губенок, И.В. Эффективность правосудия как гарантия защиты нарушенного права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Губенок Игорь Васильевич. – Нижний Новгород, 2007. – 211 с.

498. Даровских, С.М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Даровских Светлана Михайловна. – М., 2011. – 380 с.

499. Даровских, О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Даровских Ольга Игоревна. – Челябинск, 2013. – 211 с.

500. Ерашов, С.С. Система принципов современного отечественного уголовного процесса; теоретико-правовые аспекты и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ерашов Сергей Сергеевич. – Нижний Новгород, 2001. – 31 с.

501. Ергашев, Е.Р. Принципы прокурорско-надзорного права и его институтов: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.11 / Ергашев Евгений Рашидович. – Екатеринбург, 2008. – 311 с.

502. Жинкин, С.А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Жинкин Сергей Алексеевич. – Краснодар, 2009. – 401 с.

503. Зацепина, Е.М. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначения уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Зацепина Елена Михайловна. – Ульяновск, 2005. – 250 с.

504. Ивасенко, К.В. Пределы прав вышестоящей инстанции при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ивасенко Кристина Вадимовна. – М., 2014. – 265 с.

505. Иконицкая, И.А. Проблемы эффективности норм советского земельного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.06 / Иконицкая Ирина Александровна. – М., 1979. – 24 с.

506. Кайгородова, Ю.Е. Уведомление в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кайгородова Юлия Евгениева. – Омск, 2005. – 26 с.

507. Калинкина, Л.Д. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и их отграничение от несущественных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Калинкина Любовь Даниловна. – Казань, 1981. – 18 с.

508. Кан, М.П. Процессуальные функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кан Маргарита Петровна. – Ташкент, 1988. – 18 с.

509. Канифатов, А.А. Защита уголовного процесса от ненормативного поведения его участников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Канифатов Александр Анатольевич. – Нижний Новгород, 2004. – 24 с.

510. Козявин, А.А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Козявин Андрей Александрович. – Курск, 2006. – 246 с.

511. Кондрашов, Ю.А. Фактор времени в юридической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кондрашов Юрий Александрович. – Саратов, 2012. – 197 с.

512. Коржев, С.В. Уголовно-процессуальные средства обеспечения неотвратимости ответственности за совершение преступлений по современному российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Коржев Сергей Валерьевич. – Челябинск. 2012. – 27 с.

513. Корнуков, В.М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Корнуков Владимир Михайлович. – Саратов, 1987. – 35 с.

514. Красильников, С.В. Уголовно-процессуальная ответственность и ее реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Красильников Сергей Валерьевич. – М., 2019. – 29 с.

515. Кулагин, Д.А. Эффективность конституционно-правового механизма осуществления публичной власти в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Кулагин Дмитрий Александрович. – Челябинск, 2013. – 232 с.

516. Купрейченко, С.В. Защитник в уголовном процессе на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Купрейченко Сергей Владимирович. – М., 2007. – 25 с.

517. Левина, Д.Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Левина Дарья Николаевна. – Нижний Новгород, 2007. – 36 с.

518. Ленский, А.В. Досудебное (предварительное) производство в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ленский Александр Васильевич. – Нижний Новгород, 1997. – 255 с.

519. Малахова, Л.И. Уголовно-процессуальная деятельность: общие положения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Малахова Людмила Ивановна. – Воронеж, 2002. – 206 с.

520. Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. – М., 2009. – 404 с.

521. Малофеев, И.В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Малофеев Илья Викторович. – М., 2014. – 28 с.

522. Марина, И.Н. Средства повышения эффективности применения норм права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Марина Ирина Николаевна. – М., 2009. – 163 с.

523. Маштаков, И.В. Сравнительно-правовая характеристика правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Маштаков Игорь Владимирович. – Тольятти, 2005. – 25 с.

524. Морковская, К.С. Гражданские процессуальные средства повышения эффективности исполнительного производства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Морковская Кристина Сергеевна. – Саратов, 2017. – 222 с.

525. Морщакова, Т.Г. Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам (процессуальные, статистические и социологические аспекты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Морщакова Тамара Георгиевна. – М., 1988. – 42 с.

526. Москвитина, Т.А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и средства их выявления, устранения и предупреждения в

уголовном процессе России: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Москвитина Татьяна Александровна. – Ярославль, 1997. – 271 с.

527. Одегнал, Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Одегнал Екатерина Александровна. – Ставрополь, 2009. – 189 с.

528. Ольков, С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в Российском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Ольков Сергей Геннадьевич. – Тюмень, 1994. – 395 с.

529. Оносов, Ю.В. Диалектика соотношения социальной и юридической эффективности правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Оносов Юрий Викторович. – Нижний Новгород, 2011. – 255 с.

530. Опалев, Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Опалев Рим Олегович. – Екатеринбург, 2008. – 29 с.

531. Опалев, Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Опалев Рим Олегович. – Екатеринбург, 2008. – 263 с.

532. Остапенко, Е.П. Процессуальная деятельность судьи как фактор повышения эффективности правосудия по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Остапенко Екатерина Павловна. – Владимир, 2011. – 232 с.

533. Пацация, М.Ш. Эффективность процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.15 / Пацация Малхаз Шотаевич. – М., 2010. – 360 с.

534. Питецкий, В.В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Питецкий Вадим Валерьевич. – Свердловск, 1979. – 18 с.

535. Питецкий, В.В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Питецкий Вадим Валерьевич. – Свердловск, 1979. – 198 с.

536. Полякова, И.И. Процессуальное производство в юридической деятельности: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Полякова Инна Ивановна. – Белгород, 2018. – 23 с.

537. Приходько, И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.15 / Приходько Игорь Арсениевич. – М., 2005. – 408 с.

538. Пунченко, С.И. Социальная эффективность права в современной России (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Пунченко Станислав Игоревич. – Краснодар, 2016. – 169 с.

539. Радаева, С.В. Юридическая техника как условие повышения эффективности правосудия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Радаева Светлана Владимировна. – Саратов, 2011. – 174 с.

540. Рудич, В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Рудич Валерий Владимирович. – М., 2013. – 34 с.

541. Рудич, В.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Рудич Валерий Владимирович. – М., 2013. – 274 с.

542. Рысина, Е.П. Эффективность российской правовой политики: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Рысина Евгения Павловна. – Саратов, 2013. – 194 с.

543. Рытькова, В.Ю. Правовое регулирование процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Рытькова Виолетта Юрьевна. – Калининград, 2007. – 22 с.

544. Сазин, Д.С. Ошибки государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сазин Денис Сергеевич. – Воронеж, 2012. – 24 с.

545. Самойлова, М.В. Право личной собственности граждан СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1965. – 18 с.

546. Сапун, В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Сапун Валентин Андреевич. – Нижний Новгород, 2002. – 321 с.

547. Селезнев, Д.И. Средства уголовно-процессуальной деятельности: понятие и система: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Селезнев Дмитрий Иванович. – М., 2012. – 19 с.

548. Сибилёв, Ю.Н. Система оценки эффективности деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства: организационно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Сибилёв Юрий Николаевич. – М., 2016. – 215 с.

549. Сидоренко, М.В. Правовая определенность Российского уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Сидоренко Мария Васильевна. – М., 2018. – 73 с.

550. Сизова, В.Н. Эффективность российского уголовного законодательства (теоретико-прикладной анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сизова Виктория Николаевна. – Нижний Новгород, 2012. – 27 с.

551. Сизова, В.Н. Эффективность российского уголовного законодательства (теоретико-прикладной анализ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сизова Виктория Николаевна. – Нижний Новгород, 2012. – 217 с.

552. Сизый, А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средства формирования правомерного поведения осужденных: проблемы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Сизый Аркадий Федорович. – Рязань, 1995. – 468 с.

553. Скороделова, Е.И. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и их факторы в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Скороделова Елена Ивановна. – М., 2013. – 27 с.

554. Смирнова, И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Смирнова Ирина Георгиевна. – Томск, 2012. – 517 с.

555. Степанов Б.Б. Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений (сравнительно-исторические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Степанов Борис Борисович. – Нижний Новгород, 2006. – 25 с.

556. Струнков, С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Струнков Сергей Константинович. – Саратов, 2003. – 187 с.

557. Сухорукова, О.А. Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Сухорукова Ольга Александровна. – Воронеж, 2017. – 196 с.

558. Сырых, Е.В. Общие критерии качества закона: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сырых Елена Владимировна. – М., 2001. – 221 с.

559. Тарасов, Д.Ю. Актуальные аспекты эффективности правового регулирования экономических отношений в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тарасов Денис Юрьевич. – Екатеринбург, 2017. – 199 с.

560. Тенилова, Т.Л. Время в праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тенилова Татьяна Львовна. – Нижний Новгород, 1999. – 210 с.

561. Тисен, О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Тисен Ольга Николаевна. – Оренбург, 2017. – 62 с.

562. Тушев, А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Тушев Александр Александрович. – Краснодар, 2006. – 384 с.

563. Тхакушинов, М.А. Реализация принципов уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Тхакушинов Магомед Асланчериевич. – СПб., 2003. – 430 с.

564. Тюрина, Н.И. Правомерное поведение как объект юридического исследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тюрина Наталья Ивановна. – Саратов, 2003. – 218 с.

565. Фетисов, О.Е. Оценочные понятия в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Фетисов Олег Евгеньевич. – Тамбов, 2009. – 23 с.

566. Фролов, Ю.А. Система уголовного судопроизводства: история и современные тенденции развития: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Фролов Юрий Александрович. – Ростов на Дону, 2006. – 370 с.

567. Чуклова, Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Чуклова Елена Валериевна. – Самара, 2009. – 26 с.

568. Чуклова, Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Чуклова Елена Валериевна. – Самара, 2009. – 197 с.

569. Швецов, С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Швецов Станислав Борисович. – Санкт-Петербург, 2004. – 156 с.

570. Ширванов, А.А. Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Ширванов Алексей Амирбекович. – М., 2005. – 59 с.

571. Ширванов, А.А. Нарушения закона в уголовном процессе Российской Федерации и их правовые последствия: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Ширванов Алексей Амирбекович. – М., 2005. – 426 с.

572. Шундииков, К.В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шундииков Константин Валентинович. – Саратов, 1999. – 24 с.

573. Халиулин, А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ (проблемы осуществления правовой реформы): дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Халиулин Александр Германович. – М., 1977. – 261 с.

574. Харебава, Г.Д. Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Харебава Георгий Джемалиевич. – Ростов-на-Дону, 2012. – 25 с.

575. Харебава, Г.Д. Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Харебава Георгий Джемалиевич. – Ростов-на-Дону, 2012. – 183 с.

576. Цихоцкий, А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Цихоцкий Анатолий Викторович. – Новосибирск, 1998. – 612 с.

577. Чушенко, Д.Н. Преюдиция как фактор повышения эффективности судебной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Чушенко Дмитрий Николаевич. – Ростов-на-Дону, 2017. – 176 с.

578. Эсендилов, М.В. Обеспечение прав лица при наделении его статусом обвиняемого: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Эсендилов Магомед Вахитович. – М., 2015. – 231 с.

579. Якуньков, М.А. Уголовно-процессуальные правонарушения, связанные с производством следственных действий в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Якуньков Максим Александрович. – Тюмень, 2007. – 21 с.

Правоприменительная практика

580. Постановление ЕСПЧ по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» по жалобе № 4451/70 от 21 февраля 1975 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. Т. 1. – М.: Норма, 2000. – С. 39 – 80.

581. Постановление ЕСПЧ по делу «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» по жалобе № 8692/79 от 01 октября 1982 г. // [Электронный ресурс] URL: https://european-court.ru/uploads/ECHR_Piersack_v_Belgium_01_10_1982.pdf (дата обращения: 11.03.2019).

582. Постановление ЕСПЧ по делу «Сильвер и другие (Silver and Others) против Соединенного Королевства» по жалобам № 5947/72, 6205/73, 7052/75,

7061/75, 7107/75, 7113/75, 7136/75 от 25 марта 1983 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/silver-i-drugie-protiv-soedinennogo-korolevstva-silver-and-others-v-the-united-kingdom-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 09.11.2018).

583. Постановление БП ЕСПЧ по делу «Брумареску (Brumarescu) против Румынии» по жалобе № 28342/95 от 28 октября 1999 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/brumaresku-protiv-rumynii-postanovlenie-bolshoj-palaty-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 12.11.2019).

584. Постановление ЕСПЧ по делу «Трубников (Trubnikov) против России» по жалобе № 49790/99 от 05 июля 2005 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/29/> (дата обращения: 21.12.2019).

585. Постановление ЕСПЧ по делу «Михеев против России (Mikheyev v. Russia)» по жалобе № 77617/01 от 26 января 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2006. – № 6.

586. Постановление ЕСПЧ по делу «Каримов и другие (Karimov and Others) против России» по жалобе № 29851/05 от 16 июля 2009 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/130/> (дата обращения: 09.11.2018).

587. Постановление ЕСПЧ по делу «Байсаков и другие (Baysakov and Others) против Украины» по жалобе № 54131/08 от 18 февраля 2010 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.refworld.org/docid/4cbeb81c2.html> (дата обращения: 09.11.2018).

588. Постановление ЕСПЧ по делу «Абдулажон Исаков (Abdulazhon Isakov) против России» по жалобе № 14049/08 от 08 июля 2010 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/abdulazhon-isakov-protiv-rossii-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 09.11.2018).

589. Постановление ЕСПЧ по делу «Эсмухамбетов и другие (Esmukhambetov and Others) против России» по жалобе № 23445/03 от 29 марта

2011 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://sledcom.ru/upload/site1/iblock/963/963bca7e1478376dff0e1704ceda716b.pdf> (дата обращения: 09.11.2018).

590. Постановление ЕСПЧ по делу «Сулов против Российской Федерации» по жалобе № 2366/07 от 29 мая 2012 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2013. – № 11. – С. 80-96.

591. Постановление ЕСПЧ по делу «Аслаханова и другие (Aslakhanova and Others) против Российской Федерации» по жалобам № 2944/06, 8300/07, 50184/07, 332/08, 42509/10 от 18 декабря 2012 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 4.

592. Постановление ЕСПЧ по делу «Ахматов и другие (Akhmatov and Others) против России» по жалобам № 38828/10, 2543/11, 2650/11, 2685/11, 7409/11, 14321/11, 26277/11 от 16 января 2014 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/akhmatov-i-drugie-protiv-rossii/> (дата обращения: 11.12.2019).

593. Постановление ЕСПЧ по делу «Куштова и другие (Kushtova and Others) против России» по жалобе № 21885/07 от 16 января 2014 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/kushtova-and-others-v-russia/> (дата обращения: 19.12.2019).

594. Постановление ЕСПЧ по делу «Архестов и другие (Arkhestov and Others) против России» по жалобе № 22089/07 от 16 января 2014 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/arkhestov-i-drugie-protiv-rossii-arkhestov-and-others-v-russia/> (дата обращения: 20.12.2019).

595. Постановление ЕСПЧ по делу «Джабраилов и другие (Dzhabrailov and Others) против России» по жалобам № 8620/09, 1167/09, 16488/09, 21133/09, 36345/09, 47770/09, 54728/09, 25511/10, 32791/10 от 27 февраля 2014 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/dzhabrailov-i-drugie-protiv-rossii/> (дата обращения: 19.12.2019).

596. Постановление ЕСПЧ по делу «Султыгов и другие (Sultygov and Others) против России» по жалобам № 42575/07, 53679/07, 311/08, 424/08, 3375/08, 4560/08, 35569/08, 62220/10, 3222/11, 22257/11, 24744/11 и 36897/11 от 09 октября 2014 г. //

[Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/perevod-postanovleniya-sulygov-i-11-dr-protiv-rossii-rus-yaz-/> (дата обращения: 11.11.2018).

597. Постановление ЕСПЧ по делу «Хисматуллин (Khismatullin) против Российской Федерации» по жалобе № 33469/06 от 11 декабря 2014 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание / учредитель ООО «Развитие правовых систем». – 2015. – № 6 (18). – С. 28 – 41.

598. Постановление ЕСПЧ по делу «Исламова (Islamova) против России» по жалобе № 5713/11 от 30 апреля 2015 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/islamova-protiv-rossii-perevod-postanovleniya/> (дата обращения: 09.11.2018).

599. Постановление ЕСПЧ по делу «Сагаева и другие (Sagayeva and Others) против России» по жалобам № 22689/09, 31189/11 от 08 декабря 2015 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/sagayeva-i-drugie-protiv-rossii/> (дата обращения: 20.12.2019).

600. Постановление ЕСПЧ по делу «Назырова и другие (Nazyrova and Other) против России» по жалобам № 21126/09, 64811/09, 32965/10, 64270/11 от 09 февраля 2016 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/nazyrova-i-drugie-protiv-rossii-vyderzhki/> (дата обращения: 19.12.2019).

601. Постановление ЕСПЧ по делу «Хачукаевы (Khachukaevy) против России» по жалобе № 34576/08 от 09 февраля 2016 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/khachukaevy-protiv-rossii/> (дата обращения: 19.12.2019).

602. Постановление ЕСПЧ по делу «Ибрагим Тсечоев (Ibragim Tsechoyev) против России» по жалобе № 18011/12 от 21 июня 2016 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/ibragim-tsechoev-protiv-rossii/> (дата обращения: 10.11.2018).

603. Постановление ЕСПЧ по делу «Орцуева и другие (Ortsuyeva and Other) против России» по жалобам № 3340/08, 24689/10 от 22 ноября 2016 г. //

[Электронный ресурс] URL: <https://26.мвд.рф/document/11206544> (дата обращения: 21.12.2019).

604. Постановление ЕСПЧ по делу «Каимова и другие (Kaimova and Others) против России» по жалобе № 24132/12 от 01 февраля 2018 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.srji.org/resources/search/kaimova-i-drugie-protiv-rossii-perevod-postanovleniya/> (дата обращения: 21.12.2019).

605. Определение Конституционного Суда РФ от 23 января 2001 г. № 21-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якурина Константина Андреевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 276 УПК РСФСР» // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40011/ (дата обращения: 13.05.2019).

606. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2002 г. № 28-0 «По жалобе гражданина Ефимова Николая Петровича на нарушение его конституционных прав частью 3 ст. 386 и частью 2 статьи 387 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 17. – Ст. 1719.

607. Определении Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 300-О «По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав п.п. 1, 5, 11, 12 и 20 ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст. 163, ч. 8 ст. 172 и ч. 2 ст. 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 47. – Ст. 4940.

608. Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2013 г. № 2-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционного положений статей 50, 80 УК РФ и статей 396, 397 УПК РФ» // [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17012013-n-2-o-po/> (дата обращения: 11.01.2019).

609. Определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2021 г. № 426-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габбасова Марселя Римовича на нарушение его конституционных прав статьей 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128331/ (дата обращения: 14.12.2021).

610. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности части первой и второй ст. 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // Сборник законодательства РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1708.

611. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части 2 статьи 371, части 3 статьи 374 и пункта 4 части 2 статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами гр-н К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебрянникова» // Сборник законодательства РФ. – 1996. – № 7. – Ст. 701.

612. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // Сборник законодательства РФ. – 1997. – № 7. – Ст. 871.

613. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Сборник законодательства РФ. – № 28. – 1998. – Ст. 3393.

614. Постановление Конституционного суда РФ от 15 января 1999 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева» // Сборник законодательства РФ. – 1999. – № 4. – Ст. 602.

615. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 133, ч. 1 ст. 218 и ст. 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырского, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // Сборник законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1749.

616. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 30. – Ст. 3988.

617. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 27. – Ст. 2882.

618. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2001 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 5014.

619. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2002 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13-14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ в связи с жалобой А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 16. – Ст. 1601.

620. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке Конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. – 2003. – 23 декабря.

621. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст.ст. 7, 15, 107,

234, 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Российская газета. – 2004. – 7 июля.

622. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 22. – Ст. 2194.

623. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Российская газета. – 2005. – 8 июля.

624. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2006 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 1775.

625. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК РФ в связи с запросами Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ

Нижнекамскнефтехим и Хакасэнерго, а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 932.

626. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 22. – Ст. 2686.

627. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2892.

628. Постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко // Российская газета. – 2011. – 29 июля.

629. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 2446 ГПК РФ в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» // Российская газета. – 2011. – 27 июля.

630. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 2. – Ст. 398.

631. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2012 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Авеста» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50. – Ст. 7124.

632. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // *Собрание законодательства РФ.* – 2013. – № 28. – Ст. 3881.

633. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части 2.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» // *Собрание законодательства РФ.* – 2014. – № 13. – Ст. 1526.

634. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2014 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части третьей статьи 6¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Курочкина, А.Б. Михайлова и А.С. Русинова» // *Собрание законодательства РФ.* – 2014. – № 47. – Ст. 6632.

635. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений части третьей – седьмой статьи 109 и части 3 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С.В. Мухина» // *Собрание законодательства РФ.* – 2015. – № 30. – Ст. 4660.

636. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений уголовно-процессуального закона РФ в связи с жалобой М.И. Бондаренко» // *Российская газета.* – 2017. – 24 ноября.

637. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2017 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горовенко» // *Российская газета.* – 2017. – 7 декабря.

638. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова» // *Собрание законодательства РФ*. – 2019. – № 25. – Ст. 3315.

639. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2021 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 УПК РФ в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» // *Собрание законодательства РФ*. – 2021. – № 17. – Ст. 3044.

640. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // *Российская газета*. – 2004. – 8 апреля.

641. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // *Российская газета*. – 2006. – 20 декабря.

642. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // *Российская газета*. – 2013. – 7 июля.

643. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // *Российская газета*. – 2013. – 27 декабря.

644. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // *Российская газета*. – 2016. – 6 апреля.

645. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Российская газета. – 2016. – 27 апреля.

646. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. – 2016. – 7 декабря

647. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 03 октября 2017 г. № 34 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального Закона «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.supcourt.ru/files/24038/> (дата обращения: 06.11.2018).

648. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. – 2017. – 11 декабря.

649. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. – 2019. – 3 июля.

650. Материалы уголовного дела № 2013567 // Архив СУ СК по Новосибирской области на транспорте РФ за 2018 г.

651. Материалы уголовного дела № 20456789 // Архив МВД России на транспорте по Челябинской области за 2018 г.

652. Материалы уголовного дела № 20964982019 // Архив СУ СК России по Челябинской области за 2019 г.

653. Определение № 22-5895/2012 // Архив Московского областного суда за 2012 г.

654. Уголовное дело № 1-78/2009 // Архив Пуровского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа за 2009 г.

655. Уголовное дело № 1-481/2012 // Архив Копейского городского суда Челябинской области за 2012 г.

656. Уголовное дело № 1-32/2014 // Архив Курчатовского районного суда г. Челябинска за 2014 г.

657. Уголовное дело № 1-3/2015 // Архив Снежинского городского суда Челябинской области за 2015 г.

658. Уголовное дело № 1-14/2015 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска за 2015 г.

659. Уголовное дело № 1-26/2015 // Архив Советского районного суда г. Челябинска за 2015 г.

660. Уголовное дело № 1-9/2016 // Архив Советского районного суда г. Челябинска за 2016 г.

661. Уголовное дело № 1-13/2016 // Архив Правобережного районного суда г. Магнитогорска за 2016 г.

662. Уголовное дело № 1-112/2016 // Архив Ленинского районного суда г. Пензы за 2016 г.

663. Уголовное дело № 1-76/2017 // Архив Metallургического районного суда г. Челябинска за 2017 г.

664. Уголовное дело № 1-81/2017 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска за 2017 г.

665. Уголовное дело № 1-127/2017 // Архив Курчатовского районного суда г. Челябинска за 2017 г.

666. Уголовное дело № 1-178/2017 // Архив Курганского городского суда Курганской области за 2017 г.

667. Уголовное дело № 1-219/2017 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска за 2017 г.

668. Уголовное дело № 1-423/17 // Архив Оренбургского областного суда за 2017 г.

669. Уголовное дело № 1-564/2017 // Архив Ленинского районного суда по г. Екатеринбург за 2017 г.

670. Уголовное дело № 10-2814/2018 // Архив Челябинского областного суда за 2018 г.

671. Уголовное дело № 22-563/2018 // Архив Оренбургского областного суда за 2018 г.

672. Уголовное дело № 1-11/2018 // Архив Озерского городского суда Челябинской области за 2018 г.

673. Уголовное дело № 1-19/2018 // Архив Калининского районного суда г. Челябинска за 2018 г.

674. Уголовное дело № 1-67/2018 // Архив Ленинского районного суда г. Челябинска за 2018 г.

675. Уголовное дело № 1-76/2018 // Архив Metallургического районного суда г. Челябинска за 2018 г.

676. Уголовное дело № 1-317/2018 // Архив Правобережного районного суда г. Магнитогорска за 2018 г.

677. Уголовное дело № 3999-21-00-1а/227 // Архив Челябинского областного суда за 2019 г.

678. Уголовное дело № 1-65/2019 // Архив Курчатовского районного суда г. Челябинска за 2019 г.

679. Уголовное дело № 1-75/2019 // Архив Кыштымского городского суда Челябинской области за 2019 г.

680. Уголовное дело № 1-87/2019 // Архив Ленинского районного суда г. Челябинска за 2019 г.

681. Уголовное дело № 1-134/2019 // Архив Metallургического районного суда г. Челябинска за 2019 г.

682. Уголовное дело № 1-256/2019 // Архив Центрального районного суда г. Челябинска за 2019 г.

683. Уголовное дело № 1-348/2019 // Архив Metallургического районного суда г. Челябинска за 2019 г.

684. Уголовное дело № 1-371/2019 // Архив Ленинского районного суда г. Челябинска за 2019 г.

685. Уголовное дело № 1-31/2020 // Архив Ленинского районного суда г. Челябинска за 2020 г.

Электронные ресурсы

686. Бастрыкин правит Постановление Пленума Верховного суда РФ // [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.ru/news/view/27930/> (дата обращения: 17.12.2018).

687. Бизнес пока не вышел из-под давления правоохранительных органов – генпрокурор РФ // [Электронный ресурс] URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/biznes-poka-ne-vyshel-iz-pod-davleniya-pravoohranitelnyh-organov-genprokuror-rf> (дата обращения: 13.05.2021).

688. Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие» // [Электронный ресурс] URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 13.05.2018).

689. Доклад Генерального прокурора РФ Юрия Чайки на заседании Совета Федерации ФС РФ // [Электронный ресурс] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_dvfo/mass-media/media-files (дата обращения: 13.05.2021).

690. Доклад Генерального прокурора в Совете Федерации // [Электронный ресурс] URL: <https://ndelo.ru/novosti/doklad-generalnogo-prokurora-v-sovete-federacii> (дата обращения: 19.03.2021).

691. Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева на Совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (г. Москва, 11 февраля 2020 г.) // [Электронный ресурс] URL: http://www.supcourt.ru/press_center/video_archive/28761/ (дата обращения: 03.06.2021).

692. Единая межведомственная информационно-статистическая система // [Электронный ресурс] URL: <https://fedstat.ru/indicator/36202> (дата обращения: 14.08.2021).

693. Журнал «Правовые технологии» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.lawtech.ru/journal> (дата обращения: 11.04.2018).

694. Информационный портал РБК // [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 19.08.2020).
695. Информационный портал Российская газета // [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 09.05.2019).
696. Информационно-правовой портал «Гарант» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 08.11.2019).
697. Информационно-правовой портал legalacts.ru // [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 01.07.2020).
698. Информационный документ СМ/Inf/DH (2010)26. Меморандум, подготовленный Департаментом по контролю за исполнением постановлений Европейского Суда, и первые комментарии российских властей (Статья 46 ЕСПЧ) // [Электронный ресурс] URL: http://sutyajnik.ru/rus/echr/res_com_of_min/memo_06_2006.htm (дата обращения: 18.11.2018).
699. Нагрузка на следователей сократилась, а число их нарушений выросло – Чайка // [Электронный ресурс] URL: <https://vmeste-rf.tv/news/the-load-of-the-investigators-dropped-and-the-number-of-violations-rose-gull/> (дата обращения: 03.06.2019).
700. Официальный сайт Конституционного Суда РФ // [Электронный ресурс] URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 03.02.2018).
701. Официальный сайт Верховного Суда РФ // [Электронный ресурс] URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 09.09.2021).
702. Официальный интернет-портал правовой информации // [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.04.2018).
703. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ // [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 01.04.2018).
704. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // [Электронный ресурс] URL: <http://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 17.05.2018).
705. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ (старая версия) // [Электронный ресурс] URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1809484/> (дата обращения: 07.08.2020).

706. Официальный сайт Следственного комитета РФ // [Электронный ресурс] URL: <https://sledcom.ru> (дата обращения: 01.05.2018).

707. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ // [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.05.2018).

708. Понятие качества продукции, процессов и услуг // [Электронный ресурс] URL: <https://metro-logiya.ru/index.php?action=full&id=658> (дата обращения: 04.11.2018).

709. Портал правовой статистики // [Электронный ресурс] URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 01.02.2018).

710. Применение полиграфа в Японии и других странах мира // [Электронный ресурс] URL: <http://polygraph-vl.ru/news/2015-11-24/primenenie-poligrafa-v-yaponii-i-drugikh-stranakh-mira> (дата обращения: 05.07.2020).

711. Проект модельного уголовно-процессуального кодекса для государств участников СНГ // [Электронный ресурс] URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/ipa.pdf> (дата обращения: 13.01.2020).

712. Результаты деятельности органов прокуратуры Челябинской области // [Электронный ресурс] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74/activity/statistics/office/result/69162022 (дата обращения: 11.01.2022).

713. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2021).

714. Учреждение судебных установлений // [Электронный ресурс] URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/> (дата обращения: 13.11.2019).

715. Федеральная служба государственной статистики // [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 18.09.2019).

716. Фонд «Бюро экономического анализа» // [Электронный ресурс] URL: http://www.beafnd.org/common/img/uploaded/files/Otchet_A1_2_etap.pdf (дата обращения: 04.09.2020).

717. Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия» // [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH011d9ed4764e9ab09fa95b1d> (дата обращения: 07.07.2019).

Материалы на иностранных языках

718. Jackson B.A., Banks D., Woods D., Dawson J.C. Future-Proofing Justice: Building a Research Agenda to Address the Effects of Technological Change on the Protection of Constitutional Rights // RAND Corporation // [Электронный ресурс] URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1748.html (дата обращения: 05.07.2020).

719. Gallagher C. Pilot scheme plans for much court work to be done online // [Электронный ресурс] URL: <https://www.irishtimes.com/news/crime-and-law/pilot-scheme-plans-for-much-court-work-to-be-done-online-1.3234942> (дата обращения: 05.07.2020).

720. Wiggins E.C. The Courtroom of the Future is Here: Introduction to Emerging Technologies in the Legal System // Policy & Internet. – 2006. – № 2 (28). // [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9930.2006.00222.x> (дата обращения: 05.07.2020).

721. Pelser E., Rauch J. South Africa's Criminal Justice System: Policy and Priorities // [Электронный ресурс] URL: <http://www.csvr.org.za/docs/policing/southafricascriminal.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

722. Doleac J. What are some of the emerging criminal justice technology innovations that will impact society? // [Электронный ресурс] URL: <https://www.quora.com/What-are-some-of-the-emerging-criminal-justice-technology-innovations-that-will-impact-society> (дата обращения: 21.06.2021).

723. Scherman J. How Courtroom Technology has Revolutionized Criminal Cases // [Электронный ресурс] URL: <https://www.rasmussen.edu/degrees/justice-studies/blog/courtroom-technology-revolutionized-criminal-cases/> (дата обращения: 12.06.2021).

724. Dumoulin L., Licoppe C. Videoconferencing, New Public Management, and Organizational Reform in the Judiciary // Policy & Internet. – 2016. – № 3 (8).

725. Johnson M.T., Wiggins E.C. Videoconferencing in Criminal Proceedings: Legal and Empirical Issues and Directions for Research // Policy & Internet. – 2006. – № 2 (28).

726. Nash R.A., Houston K. A., Ryan K., Woodger N. Remembering remotely: would video-mediation impair witnesses' memory reports? Psychology // Crime and Law. – 2014. – № 8 (20). – C. 756-768.

727. Wan Satirah Wan Mohd Saman, Haider A. E-Shariah in Malaysia: technology adoption within justice system // Transforming Government: People, Process and Policy. – 2013. – № 2 (7). – C. 256-276.

АНКЕТА ДЛЯ ОПРОСА СУДЕЙ

№ п/п	Вопросы:	Варианты ответов	
1.	Данные о респондентах опроса:	Стаж работы до 5 лет	
		Стаж работы до 10 лет	
		Стаж работы до 15 лет	
		Стаж работы свыше 15 лет	
2.	Можно ли назвать уголовное судопроизводство в России в настоящее время эффективным?	Его нельзя признать эффективным	
		Да оно осуществляется эффективно	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
3.	Эффективность определяют следующие критерии:	Деятельность должна осуществляться законно, справедливо, результативно, своевременно, объективно, качественно, экономично, быть доступной и достаточной	
		Эффективность предполагает иные критерии	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
4.	Целесообразно ли в ходе уголовного судопроизводства деление нарушений на существенные и несущественные:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
5.	Целесообразно ли выделение такого вида эффективности в уголовном судопроизводстве как эффективность уголовно-процессуальной деятельности:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
6.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать результативность?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	

7.	Возможно ли в ходе уголовного судопроизводства допускать незначительные нарушения уголовно-процессуального закона?	Да, если это происходит в интересах следствия или для обеспечения успешного судебного разбирательства	
		Нет, нельзя ни при каких обстоятельствах	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
8.	Вызывает ли на ваш взгляд затруднения в применении в уголовно-процессуальной деятельности оценочных понятий?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
9.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать такой критерий как «экономичность»:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
10.	Что следует понимать под экономичностью уголовного судопроизводства:	Минимальные затраты по производству дела	
		Экономии средств, времен и, человеческих ресурсов	
		Минимальное количество следственных действий	
		Все указанные выше параметры	
		Затрудняюсь ответить	
11.	Как на ваш взгляд правильно оценивать эффективность уголовно-процессуальной деятельности:	В количественных показателях	
		В качественных показателях	
		В количественных и качественных показателях	
		Иное предложение	
		Затрудняюсь ответить	
12.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать такой критерий как «качество»?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
13.	Целесообразно ли закрепление в тексте УПК РФ специфических принципов, обеспечивающих эффективную уголовно-процессуальную деятельность?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	

14.	Считаете ли вы необходимым разработку новой программы развития реформы уголовно-процессуального законодательства?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
15.	Какие причины отказа от участия защитника по назначению вы слышите?	Способен защищать себя сам	
		Отсутствие средств для возмещения в последующем судебных издержек	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
16.	Всегда ли в вашей практике отказ от защитника объясняется способностью лица самому защищаться?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
17.	Складывались ли у вас при рассмотрении уголовных дел ситуации, когда стороны не представляли необходимые доказательства?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
18.	Приходилось ли вам самому самостоятельно выяснять обстоятельства имеющие существенное значение для дела, так как эти обстоятельства не выясняли стороны?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
19.	Как вы относитесь к внедрению в уголовно-процессуальную деятельность новых технологий?	Положительно	
		Отрицательно	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
20.	Какие средства связи с участниками уголовного процесса вами чаще всего используются?	Повестки	
		СМС-сообщения	
		Эл. почта	
		Телефонная связь	
		Затрудняюсь ответить	
21.	Целесообразно ли использование социологических методов при определении эффективности уголовно-процессуальной деятельности?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	

АНКЕТА ДЛЯ ОПРОСА ПРОКУРОРОВ

№ п/п	Вопросы:	Варианты ответов	
1.	Данные о респондентах опроса:	Стаж работы до 5 лет	
		Стаж работы до 10 лет	
		Стаж работы до 15 лет	
		Стаж работы свыше 15 лет	
2.	Можно ли назвать уголовное судопроизводство в России в настоящее время эффективным?	Его нельзя признать эффективным	
		Да оно осуществляется эффективно	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
3.	Эффективность определяют следующие критерии:	Деятельность должна осуществляться законно, справедливо, результативно, своевременно, объективно, качественно, экономично, быть доступной и достаточной	
		Эффективность предполагает иные критерии	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
4.	Целесообразно ли в ходе уголовного судопроизводства деление нарушений на существенные и несущественные:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
5.	Целесообразно ли выделение такого вида эффективности в уголовном судопроизводстве как эффективность уголовно-процессуальной деятельности:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
6.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать результативность?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	

7.	Возможно ли в ходе уголовного судопроизводства допускать незначительные нарушения уголовно-процессуального закона?	Да, если это происходит в интересах следствия или для обеспечения успешного судебного разбирательства	
		Нет, нельзя ни при каких обстоятельствах	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
8.	Вызывает ли на ваш взгляд затруднения в применении в уголовно-процессуальной деятельности оценочных понятий?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
9.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать такой критерий как «экономичность»:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
10.	Что следует понимать под экономичностью уголовного судопроизводства:	Минимальные затраты по производству дела	
		Экономии средств, времени, человеческих ресурсов	
		Минимальное количество следственных действий	
		Все указанные выше параметры	
		Затрудняюсь ответить	
11.	Как на ваш взгляд правильно оценивать эффективность уголовно-процессуальной деятельности:	В количественных показателях	
		В качественных показателях	
		В количественных и качественных показателях	
		Иное предложение	
		Затрудняюсь ответить	
12.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать такой критерий как «качество»?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
13.	Целесообразно ли закрепление в тексте УПК РФ специфических принципов, обеспечивающих эффективную	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	

	уголовно-процессуальную деятельность?		
14.	Считаете ли вы необходимым разработку новой программы развития реформы уголовно-процессуального законодательства?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
15.	Какие причины отказа от участия защитника по назначению вы слышите?	Способен защищать себя сам	
		Отсутствие средств для возмещения в последующем судебных издержек	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
16.	Всегда ли в вашей практике отказ от защитника объясняется способностью лица самому защищаться?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
17.	Как вы относитесь к внедрению в уголовно-процессуальную деятельность новых технологий?	Положительно	
		Отрицательно	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
18.	Какие средства связи с участниками уголовного процесса вами чаще всего используются?	Повестки	
		СМС-сообщения	
		Эл. почта	
		Телефонная связь	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
19.	Целесообразно ли использование социологических методов при определении эффективности уголовно-процессуальной деятельности?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
20.	Обеспечивает ли требование изложенное в ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ о предоставлении уголовного дела прокурору только по мотивированному письменному запросу, возможности осуществления полноценной надзорной деятельности	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	

АНКЕТА ДЛЯ ОПРОСА СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

№ п/п	Вопросы:	Варианты ответов	
1.	Данные о респондентах опроса:	Стаж работы до 5 лет	
		Стаж работы до 10 лет	
		Стаж работы до 15 лет	
		Стаж работы свыше 15 лет	
2.	Можно ли назвать уголовное судопроизводство в России в настоящее время эффективным?	Его нельзя признать эффективным	
		Да оно осуществляется эффективно	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
3.	Эффективность определяют следующие критерии:	Деятельность должна осуществляться законно, справедливо, результативно, своевременно, объективно, качественно, экономично, быть доступной и достаточной	
		Эффективность предполагает иные критерии	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
4.	Целесообразно ли в ходе уголовного судопроизводства деление нарушений на существенные и несущественные:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
5.	Целесообразно ли выделение такого вида эффективности в уголовном судопроизводстве как эффективность уголовно-процессуальной деятельности:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
6.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	

	деятельности включать результативность?		
7.	Возможно ли в ходе уголовного судопроизводства допускать незначительные нарушения уголовно-процессуального закона?	Да, если это происходит в интересах следствия или для обеспечения успешного судебного разбирательства	
		Нет, нельзя ни при каких обстоятельствах	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
8.	Вызывает ли на ваш взгляд затруднения в применении в уголовно-процессуальной деятельности оценочных понятий?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
9.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать такой критерий как «экономичность»:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
10.	Что следует понимать под экономичностью уголовного судопроизводства:	Минимальные затраты по производству дела	
		Экономии средств, времени, человеческих ресурсов	
		Минимальное количество следственных действий	
		Все указанные выше параметры	
		Затрудняюсь ответить	
11.	Как на ваш взгляд правильно оценивать эффективность уголовно-процессуальной деятельности:	В количественных показателях	
		В качественных показателях	
		В количественных и качественных показателях	
		Иное предложение	
		Затрудняюсь ответить	
12.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать такой критерий как «качество»?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
13.		Да	

	Целесообразно ли закрепление в тексте УПК РФ специфических принципов, обеспечивающих эффективную уголовно-процессуальную деятельность?	Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
14.	Считаете ли вы необходимым разработку новой программы развития реформы уголовно-процессуального законодательства?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
15.	Какие причины отказа от участия защитника по назначению вы слышите?	Способен защищать себя сам	
		Отсутствие средств для возмещения в последующем судебных издержек	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
16.	Всегда ли в вашей практике отказ от защитника объясняется способностью лица самому защищаться?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
17.	Как вы относитесь к внедрению в уголовно-процессуальную деятельность новых технологий?	Положительно	
		Отрицательно	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
18.	Целесообразно ли использование социологических методов при определении эффективности уголовно-процессуальной деятельности?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
19.	Оправдывает ли себя норма определяющая возможность дачи в ходе следственных действий адвокатом кратких консультаций?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	

АНКЕТА ДЛЯ ОПРОСА АДВОКАТОВ

№ п/п	Вопросы:	Варианты ответов	
1.	Данные о респондентах опроса:	Стаж работы до 5 лет	
		Стаж работы до 10 лет	
		Стаж работы до 15 лет	
		Стаж работы свыше 15 лет	
2.	Можно ли назвать уголовное судопроизводство в России в настоящее время эффективным?	Его нельзя признать эффективным	
		Да оно осуществляется эффективно	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
3.	Эффективность определяют следующие критерии:	Деятельность должна осуществляться законно, справедливо, результативно, своевременно, объективно, качественно, экономично, быть доступной и достаточной	
		Эффективность предполагает иные критерии	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
4.	Целесообразно ли в ходе уголовного судопроизводства деление нарушений на существенные и несущественные:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
5.	Целесообразно ли выделение такого вида эффективности в уголовном судопроизводстве как эффективность уголовно-процессуальной деятельности:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
6.		Да	

	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать результативность?	Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
7.	Возможно ли в ходе уголовного судопроизводства допускать незначительные нарушения уголовно-процессуального закона?	Да, если это происходит в интересах следствия или для обеспечения успешного судебного разбирательства	
		Нет, нельзя ни при каких обстоятельствах	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
8.	Вызывает ли на ваш взгляд затруднения в применении в уголовно-процессуальной деятельности оценочных понятий?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
9.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать такой критерий как «экономичность»:	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
10.	Что следует понимать под экономичностью уголовного судопроизводства:	Минимальные затраты по производству дела	
		Экономии средств, времен и, человеческих ресурсов	
		Минимальное количество следственных действий	
		Все указанные выше параметры	
		Затрудняюсь ответить	
11.	Как на ваш взгляд правильно оценивать эффективность уголовно-процессуальной деятельности:	В количественных показателях	
		В качественных показателях	
		В количественных и качественных показателях	
		Иное предложение	
		Затрудняюсь ответить	
12.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать такой критерий как «качество»?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	

13.	Целесообразно ли закрепление в тексте УПК РФ специфических принципов, обеспечивающих эффективную уголовно-процессуальную деятельность?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
14.	Считаете ли вы необходимым разработку новой программы развития реформы уголовно-процессуального законодательства?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
15.	Какие причины отказа от участия защитника по назначению вы слышите?	Способен защищать себя сам	
		Отсутствие средств для возмещения в последующем судебных издержек	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
16.	Всегда ли в вашей практике отказ от защитника объясняется способностью лица самому защищаться?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
17.	Как вы относитесь к внедрению в уголовно-процессуальную деятельность новых технологий?	Положительно	
		Отрицательно	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
18.	Какие средства связи с участниками уголовного процесса вами чаще всего используются?	Повестки	
		СМС-сообщения	
		Эл. почта	
		Телефонная связь	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	
19.	Целесообразно ли использование социологических методов при определении эффективности уголовно-процессуальной деятельности?	Да	
		Нет	
		Затрудняюсь ответить	
		Иной ответ	

		Эффективность предполагает иные критерии	12	25	45	28,8	17	33,3	47	39,83
		Затрудняюсь ответить	5	10,4	37	23,7	11	21,5	21	17,79
		Иной ответ	-		25	16	9	17,6	11	9,32
3.	Целесообразно ли нарушения допущенные в ходе уголовного судопроизводства подразделять на существенные и несущественные	Да	41	85,4	98	62,8	39	76,4	83	70,3
		Нет			34	21,7	12	23,5	13	11
		Затрудняюсь ответить	4	8,3	13	8,3	-		14	11,86
		Иной ответ	3	6,2	11	7,05	-		8	6,77
4.	Целесообразно ли выделение такого вида эффективности в уголовном судопроизводстве как эффективность уголовно-процессуальной деятельности	Да,	34	70,8	117	75	42	82,3	74	62,7
		Нет	8	16,6	21	13,4	9	17,6	28	23,7
		Затрудняюсь ответить	6	12,5	5	3,2	-		9	7,62
		Иной ответ	-		11	7,5	-		7	5,93
5.	Следует ли в качестве критерия эффективности уголовно-процессуальной деятельности рассматривать результативность?	Да	35	72,9	116	74,3	37	72,5	79	66,9
		Нет	9	18,7	19	12,1	11	21,5	31	26,2
		Затрудняюсь ответить	-		14	8,9	-		8	6,77
		Иной ответ	4	8,3	7	4,48	3	5,88		
6.	Можно ли считать результативность единственным критерием эффективности уголовно-процессуальной деятельности?	Да, можно	7	14,5	56	35,89	11	21,56	44	37,2
		Нет, нельзя	35	72,9	86	55,1	29	56,8	74	62,7
		Затрудняюсь ответить	-		-		3	5,88	-	
		Иной ответ	6	12,5	14	8,97	8	15,68	-	
7.	Возможно ли в ходе уголовного судопроизводства	Да, если это происходит в	-	-	42	26,9	-	-	-	

	допускать нарушения процессуального закона?	интересах следствия или для обеспечения успешного судебного разбирательства	48	100	104	66,6	47	92,1	116	98,3
		Нет, нельзя ни при каких обстоятельствах	-	-	-	-	-	-	-	-
		Затрудняюсь ответить	-	-	-	-	-	-	-	-
		Иной ответ	-	-	10	0,64	4	2,56	2	1,69
8.	Может ли правовая категория «своевременность» выступать в качестве критерия эффективности уголовно-процессуальной деятельности	Да, может	29	60,4	59	37,8	28	54,9	61	51,6
		Нет, скорее бысрога либо разумный срок	17	35,4	77	49,3	23	45	42	35,5
		Затрудняюсь ответить	1	2,08	8	5,12	-	-	2	1,69
		Иной ответ	1	2,08	7	4,48	-	-	3	2,54
9.	Вызывают ли затруднения применение в уголовно-процессуальной деятельности оценочных понятий?	Да	2	4,16	21	13,4	12	23,5	63	53,3
		Нет	39	81,2	98	62,8	31	60,7	21	17,7
		Затрудняюсь ответить	-	-	18	11,5	-	-	11	9,3
		Иной ответ	7	14,5	19	12,1	8	15,6	22	18,6
10.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать такой критерий как «экономичность»	Да	42	87,5	58	37,1	9	17,65	37	31,3
		Нет	6	12,5	69	44,2	27	52,9	56	47,4
		Затрудняюсь ответить	-	-	8	5,1	15	29,4	16	13,5
		Иной ответ	-	-	21	13,4	-	-	9	7,56

11.	Что следует понимать под экономичностью уголовного судопроизводства	Минимальные затраты по производству дела	-				1	1,96	2	1,69
		Экономию средств, времени и человеческих ресурсов	4	8,3	15	9,6	8	15,68	8	6,77
		Минимальное количество следственных действий	2	4,16	27	17,3	17	33,3	22	18,64
		Все указанные выше параметры	42	87,5	93	59,6	24	47,05	81	68,6
		Затрудняюсь ответить			21	13,4	1	1,96	5	4,23
		В количественных показателях	-		19	12,1				
		В качественных показателях	-						28	23,7
		В количественных и качественных показателях	36	75	73	46,7	41	80,3	37	31,3
		Использовать социологические методы	5	10,4	18	11,5	4	7,84	29	24,5
		Иной ответ	7	14,5	18	11,5	6	11,7	24	20,3
13.	Следует ли в качестве критерия эффективной уголовно-процессуальной деятельности включать такой критерий как «качество»?	Да	43	89,5	132	84,6	46	90,1	116	98,3
		Нет	1	2,08	3	1,92	-	-	-	-
		Затрудняюсь ответить	-		2	1,28	-	-	-	-
		Иной ответ	4	8,33	19	12,17	5	9,8	2	1,69

14.	Какие, на ваш взгляд, средства обеспечивают эффективность уголовно-процессуальную деятельность?	Процессуальные	29	60,4	68	43,5	17	33,3	44	37,2
	Организационные									
	И те и другие одновременно		19	39,5	88	56,4	34	66,6	74	62,7
	Затрудняюсь ответить									
	Иной ответ									
15.	Целесообразно ли закрепление в тексте УПК РФ специфических принципов, обеспечивающих эффективность уголовно-процессуальную деятельность?	Да	28	58,3	72	46,1			61	51,6
		Нет	13	27	69	44,2			15	12,7
		Затрудняюсь ответить	7	14,5	18	11,5			42	35,5
		Иной ответ	-	-	7	4,48			-	
16.	Считаете ли вы необходимым разработку новой программы развития реформы уголовного процессуальства?	Да	46	95,8	132	84,6	29	56,8	97	82,2
		Нет	-		9	5,7	13	25,4	6	5,08
		Затрудняюсь ответить	2	4,16	11	7,05	7	13,7	13	11
		Иной ответ	-		4	2,5	3	5,88	2	1,6
17.	Какие причины отказа от участия защитника по назначению вы чаще всего слышали?	Способен защищать себя сам	44	91,6	113	72,4	47	92,1	97	82,2
		Отсутствие средств для возмещения в последующем судебных издержек			17	10,8			3	2,54
		Затрудняюсь ответить			5	3,2	-		10	8,47
		Иной ответ	4	8,3	21	13,4	4	7,84	8	6,77

18.	Всегда ли в вашей практике отказ от защитника объяснялся способностью лица самому защищаться?	Да	5	10,4	15	9,6	-	2	1,69
		Нет	43	89,5	132	84,6	-	116	98,3
		Затрудняюсь ответить	-		-		-	-	
		Иной ответ	-		9	5,76	-	-	
19.	Складывались ли у вас при рассмотрении уголовных дел ситуации когда стороны не представляли необходимые доказательства	Да	37	77					
		Нет	11	2,2					
		Затрудняюсь ответить	-						
		Иной ответ	-						
20.	Приходилось ли вам самому самостоятельно выяснять обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, так как эти обстоятельства не выясняли стороны?	Да	37	76,6					
		Нет	6	12,5					
		Затрудняюсь ответить	2	4,16					
		Иной ответ	1	2,08					
21.	Как вы относитесь к внедрению в уголовно-процессуальную деятельность новых технологий?	Положительно	48	100	156	100	50	114	96,6
		Отрицательно	-		-		-	-	
		Затрудняюсь ответить	-		-		-	-	
		Иной ответ	-		-		1	4	3,4
22.	Какие средства связи с участниками уголовного процесса вами чаще всего используются?	Повестки	34	70,8	17	10,8	-	-	
		СМС-сообщения	4	8,3	14	8,97	-	20	16,9
		Эл. почта			2	1,28	-	3	2,54
		Телефонная связь	10	2,08	123	78,84	-	95	80,5
		Затрудняюсь ответить							
		Иной ответ							
23.	Целесообразность включения в число критериев,	Да	25	52	85	44	32	91	77,1
		Нет	21	43,7	55	35,2	17	26	22,03

